

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2020

№ 68

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalkchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Дыбо А.В., Мальцева В.С., Николаев С.Л., Султрекова Э.В., Шеймович А.В. Ареалы и происхождение различных типов фонаций в тюркских языках Южной Сибири	5
Люкина Е.В., Лыгаева М.А. Инкрементальное предсказание морфологической парадигмы неизвестных слов русского языка.....	27
Норманская Ю.В. Названия одежды у прасамодийцев	42
Нужа И.В., Смирнова Н.В., Щемелева И.Ю. Жанр проекта научного исследования (research proposal): корпусное исследование текстов начинающих авторов	58
Склярова Н.Г., Хачересова Л.М. Воздействующая функция конструкций альтернативной семантики в американском президентском дискурсе	85
Тимофеева М.К. Теория риторической структуры как инструмент анализа стихотворных текстов	109
Уртегешев Н.С., Селютин И.Я., Добринина А.А., Рыжикова Т.Р. Глагольные аналитические конструкции в шорском фольклоре: специфика фонетических трансформаций	138
Юрина Е.А., Жакупова А.Д. Развитие идей О.И. Блиновой в лингвистических концепциях образного строя языка и сопоставительной мотивологии	170

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анисимова Е.Е. «То сват наш Гаральд собирается плыть»: русская история в балладах А.К. Толстого	194
Баль В.Ю. Литературная репутация Гоголя: между двух канонов (на материале 200-летнего юбилея писателя в 2009 г.). Статья 1	213
Жилякова Э.М., Павлович К.К. А.В. Никитенко – читатель и критик романа И.А. Гончарова «Обломов»	243
Задорина А.О. Мотив искушения в романе Л.М. Леонова «Вор»	258
Крылов В.Н., Кучумова М.О. Метонимия в структуре прозы М.И. Цветаевой	267

ЖУРНАЛИСТИКА

Громова Е.Б., Ершов Ю.М. Смысловые структуры телевизионных новостей	280
Есипова В.А. Самодеятельные ученические журналы Томска как источник по реконструкции организационных форм читательской активности: к постановке проблемы	298
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	310

CONTENTS

LINGUISTICS

Dybo A.V., Maltseva V.S., Nikolaev S.L., Sultrekova E.V., Sheimovitch A.V. Distribution and Origin of Various Phonation Types in the Turkic Languages of South Siberia	5
Lyukina E.V., Lytaeva M.A. The Incremental Prediction of the Morphological Paradigm of Unknown Words in the Russian Language	27
Normanskaja Ju.V. Clothes Vocabulary in the Proto-Samoyed Language	42
Nuzha I.V., Smirnova N.V., Shchemeliova I.Yu. Research Proposal in English: Corpus-Based Genre Analysis	58
Sklyarova N.G. Khacheresova L.M. The Manipulative Usage of Constructions with Alternative Semantics in the Discourse of American Presidents	85
Timofeeva M.K. The Rhetorical Structure Theory as the Instrument for Analyzing Poetic Texts	109
Urtegeshev N.S., Selyutina I.Ya., Dobrinina A.A., Ryzhikova T.R. Verbal Analytical Constructions in Shor Folklore: Specifics of Phonetic Transformations	138
Yurina E.A., Zhakupova A.D. The Development of Olga Blinova's Ideas in the Linguistic Conceptions of the Figurative System of Language and Contrastive Motivology	170

LITERATURE STUDIES

Anisimova E.E. "Our Brother-In-Law Harald Is Going to Sail": Russian History in the Ballads of Aleksey K. Tolstoy	194
Bal V.Yu. Gogol's Literary Reputation: Between Two Canons (On the Material of the 200th Anniversary of the Birth of the Writer in 2009). Article 1	213
Zhilyakova E.M., Pavlovich K.K. Aleksandr Nikitenko as the Reader and Critic of Ivan Goncharov's <i>Oblomov</i>	243
Zadorina A.O. The Motif of Temptation in Leonid Leonov's <i>The Thief</i>	258
Krylov V.N., Kuchumova M.O. Metonymy in the Structure of Marina Tsvetaeva's Prose	267

JOURNALISM

Gromova E.B., Ershov Yu.M. Semantic Structures of Television News	280
Esipova V.A. Tomsk Amateur Student Magazines as a Source for the Reconstruction of Reader Activity Organizational Forms: To the Statement of the Problem	298

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	310
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-23

DOI: 10.17223/19986645/68/1

**А.В. Дыбо, В.С. Мальцева, С.Л. Николаев,
Э.В. Султрекова, А.В. Шеймович**

АРЕАЛЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ФОНАЦИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

Проводится выяснение фонологического статуса и происхождения ряда просодических явлений. Удалось выявить два географических ареала, в которых процессы образования фонологически значимых фонаций имеют разный характер. Поскольку границы этих ареалов не совпадают с границами генеалогических групп диалектов, можно предположить, что верна гипотеза новосибирской школы фонетических исследований о связи их с дотюркскими субстратами; при этом само фонологическое различие имеет собственно тюркское происхождение.

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, акустическая фонетика, фарингализация, фонации, первичная долгота.

1. Просодические явления в тюркских языках южной Сибири активно изучаются в лаборатории экспериментальной фонетики Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск. Обзор южносибирско-тюркских фонетических явлений, традиционно объединяемых под названием «фарингализация», см. в [1, 2]².

В частности, в мрасском диалекте шорского языка описаны противопоставленные по признаку фарингализации (и одновременно длительности) «фонемы» [ŋ]₁ и [ŋ]₃, [n]₁ и [n]₃: ʔλ'ŋ: 'зверь' (орфогр. аң) ⇔ ʔλ:ŋ, 'его' (орфогр. ааң); 'q:ó'ŋ: 'пыль' (орфогр. қун³) ⇔ 'q:ó:ŋ, 'лебедя (вин. п.)' (орфогр. қуун) [4. С. 82⁴]. Судя по (квази)минимальным парам, эти фонетические сущности являются позиционными аллофонами фонем /ŋ/ и /n/ и дополнительно распределены в зависимости от шорских долготы / кратко-сти предшествующих гласных; шорская долгота имеет контракционное происхождение. В тубаларском диалекте алтайского языка был обнаружен скоррелированный с контракционной долготой признак фарингализации [1. С. 50; 6. С. 43–48]. По нашим наблюдениям, в говоре с. Иогач фаринга-

¹ Исследование проведено по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.У26.31.0014).

² Имеются также данные о фонетической фарингализации в тюркских языках за пределами Южной Сибири, см. [3].

³ Но в [5. С. 29] қуун 'пыль' с контракционной долготой.

⁴ Фарингализация обозначается апострофом.

лизация гласных и согласных возникает в соседстве с сегментным фарингальным [ʕ] < [к] < ПТ *g или на контракционных долгих гласных, возникших вследствие выпадения *g, где фарингализация компенсирует выпавшее [ʕ]: *karga > qʕaʕʕrʕaʕ ‘ворона’, *agir > ʔa:ʕrʕ ‘тяжелый’.

2. Тувинская и тофаларская «фарингализации» и сарыг-югурская преаспирация.

2.1. Тувинская «фарингализация». Термин «фарингализация» применительно к тувинской просодии употребляется до некоторой степени условно. Фарингализация – артикуляция, которая заключается в сужении глотки (фаринкса) обычно в районе между увулой и эпиглоттисом в результате оттягивания назад корня языка [7. Р. 306–309; 365–366]. Тувинская «фарингализация», по-видимому, реализуется в одной из глоттальных фонаций, т.е. заключается в разном соположении голосовых связок и черпаловидных хрящей относительно голосовой щели – см. перечисление и описание фонаций в [7. Р. 47–90, 106–116, 176–179, 198–202, 236–237, 315–320].

С.В. Кодзасов по результатам экспедиции МГУ 1985 г. [8] определял тувинскую «фарингализацию» в односложных формах как ломаную фонацию, от lax (= slack) к creaky; фонация сопровождается удлинением гласного. Фонетическая реализация «фарингализации» – деление гласного на части с разными глоттальными фонациями – колеблется в зависимости от диалекта и даже идиолекта информанта.

В [2. С. 208–212] как основной релевантный акустический признак фарингализованных гласных тувинского языка описывается ломаный характер огибающей частоты основного тона, т.е. ломаный (нисходяще-)резко восходящий тон.

Г. Андерсон и К. Харрисон [9. Р. 3–4] основным признаком тувинской «фарингализации» считают низкий тон: «pharyngealized = low-pitch vowels». К этим же результатам, по их мнению, пришла Ленинградская фонетическая лаборатория Л.В. Щербы в 1948 г.

В [10. С. 36–39] показано, что относительная длительность фарингализованных гласных в среднем в односложных словах слегка превышает длительность долгих, а в многосложных – несколько меньше длительности тувинских кратких гласных. По [2. С. 208–212] длительность фарингализованных не отличается от контракционных долгих.

Тувинская «фарингализация» отражалась в латинографической орфографии тувинского в односложных формах с помощью удвоенного написания гласного, т.е. так же, как и контракционная долгота [11. С. 23–24].

Тувинские глоттализованные («фарингализованные») гласные происходят из пратюркских кратких гласных перед шумными согласными. Долгие гласные с нейтральной фонацией (modal) имеют контракционное происхождение.

Факт соответствия «фарингализованной» разновидности тувинской долготы пратюркской краткости был замечен Н.Н. Поппе [12]. Фонетический закон и его объяснение (аналогичное «огузскому озвончению») сформулированы впервые В.М. Иллич-Свитычем: *a:t ‘имя’ > *ad > at,

adyt; *at ‘лошадь’ > *at^h > aHt, aHdym [13]¹. Тувинская «фарингализация», таким образом, проявляется только на старых кратких гласных перед шумной кодой морфемы. Она является следствием переноса консонантного признака (придыхательность) на предыдущий гласный.

2.2. Центральный тувинский (литературного типа). Опозиция представлена только перед шумными согласными и перед сочетаниями сонант + шумный.

Обработка в программе Praat² односложных минимальных и квазиминимальных пар из нашей коллекции материалов литературного тувинского языка дает следующие результаты³.

Существенным признаком центрального тувинского диалекта, лежащего в основе литературного языка, является то, что в односложных структурах – CV(R)C# – гласный без «фарингализации» краткий, с нейтральной (modal) фонацией. Гласный с «фарингализацией» – долгий, описываемый при помощи фонаций: первая часть нейтральная (modal) или даже ослабленная (slack), вторая – creaky (оглушенный «скрипящий голос», разнovidность глоттализации).

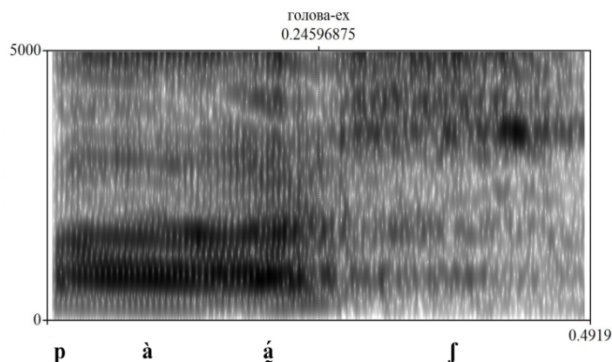

Рис 1. Спектрограмма тув. /bq:š/ [pàáʃ] ‘голова’ < OT *bašč

Тон на гласных с «фарингализацией» – ломаный, нисходящий на первой части гласного и восходящий – на его второй («фарингализованной») части. В исконных словах долгие гласные с «фарингализацией» восходят к пратюркским *resp.* общетюркским (ОТ)⁴ кратким гласным перед глухи-

¹ В англоязычной тюркологической литературе принято ссылаться на [14], где Ю. Янхунен пересказывает объяснение В.М. Иллич-Свитыча.

² Авторы программы – Paul Boersma & David Weenink, [Phonetic Sciences](https://www.fon.hum.uva.nl/praat/), University of Amsterdam. URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>

³ Информант – Полина Сергеевна Серен 1960 г.р., с. Кочетово Тандинского р-на, с 5-го класса жила и училась в Кызыле.

⁴ Общетюркским (Common Turkic), в отличие от пратюркского, принято называть языковое состояние после отделения от пратюркской общности болгарской группы языков. Реконструкции взяты из разрабатываемой авторами базы данных по тюркской этимологии TURCET. URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\alt\turcet&first=1>

ми шумными (включая ОТ *š < ПТ *ĭ) и сочетаниями сонант + глухой шумный. Тон на долгих контракционных гласных без «фарингализации» – ровный или незначительно нисходящий.

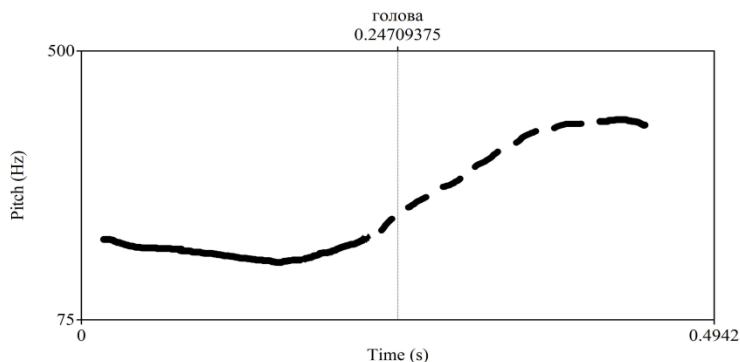

Рис. 2. Тонограмма тув. /pa:š/ [paʁá] ‘голова’

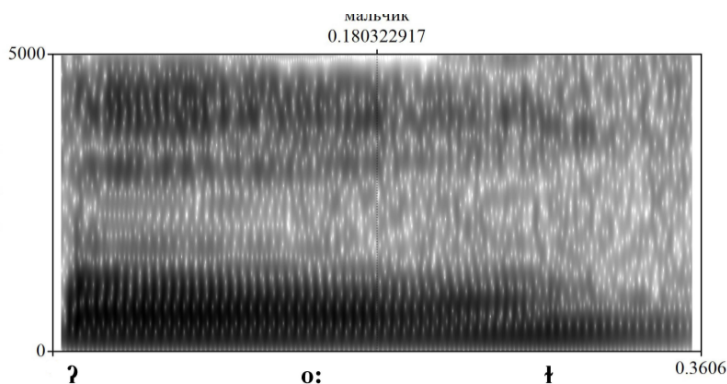

Рис. 3. Спектрограмма тув. /ʔo:l/ [ʔo:t] ‘мальчик’ < ОТ *ogul

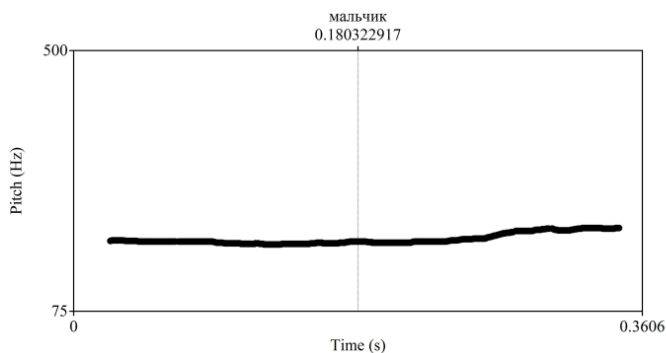

Рис. 4. Тонограмма тув. /ʔo:l/ [ʔo:t] ‘мальчик’

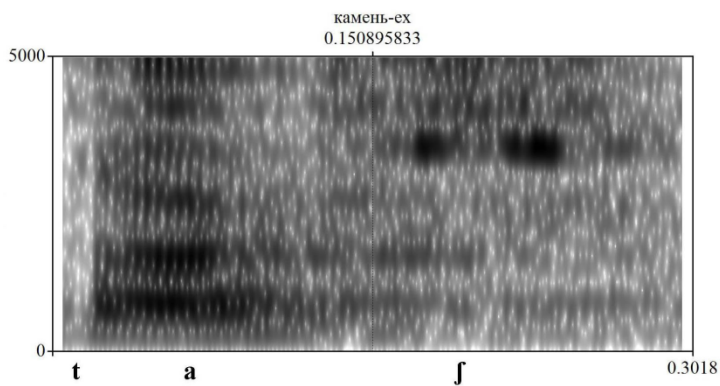

Рис. 5. Спектрограмма тув. /daʃ/ [taʃ] 'камень' < РТ *dia:ʃ

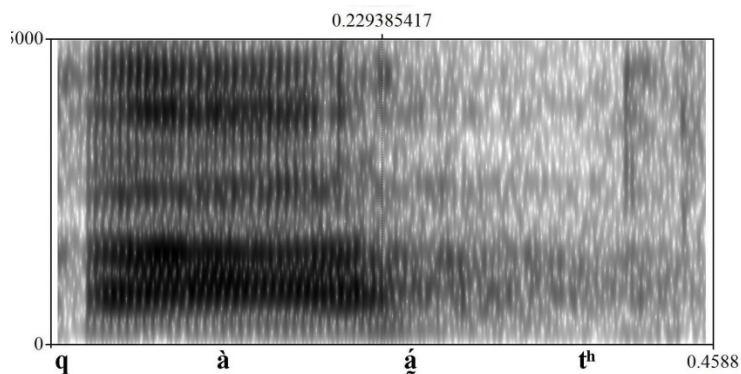

Рис. 6. Спектрограмма тув. /qɑ:t/ [qɑ́ɑ́tʰ] 'этаж' < ОТ *Kat

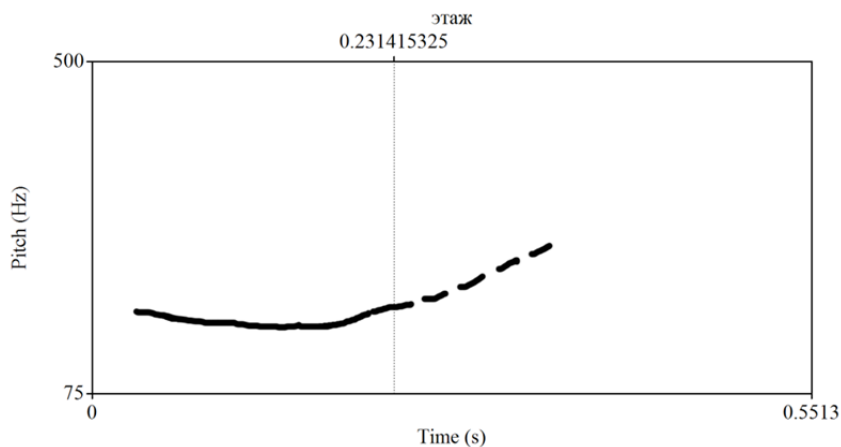

Рис. 6а. Тонограмма тув. /qɑ:t/ [qɑ́ɑ́tʰ] 'этаж'

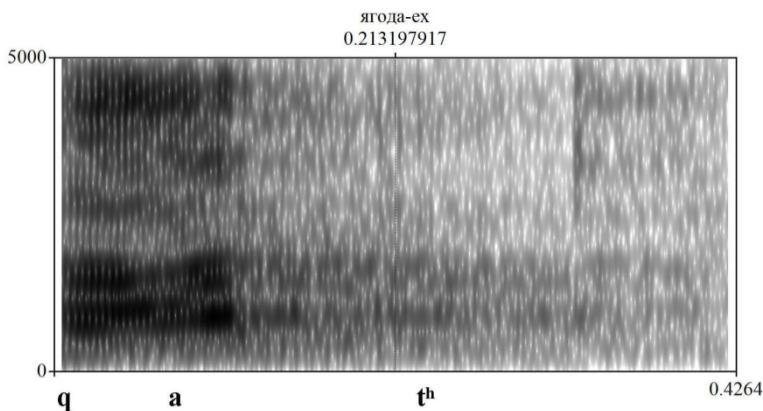

Рис. 7. Спектрограмма тув. /gat/ [qatʰ] 'ягода' < ОТ *Kat

2.3. Тофаларская «фарингализация». Согласно В.И. Рассадину [15. С. 20] «в современном тофаларском языке имеются следующие фарингализованные гласные: аь, аь, аь, еь, ыь, гь, іь, уь, үь, эь, ъь. По длительности они *всегда краткие* (курсив наш. – Авт.) и на слух производят впечатление гласных, произнесенных отрывисто и как бы сдавленным голосом, при этом в конце гласного бывает подобие придыхания. <...> Эти гласные противопоставляются чистым кратким и долгим и в отличие от них употребляются только в первом слоге слова». Из этого описания следует, что тофаларские краткие «фарингализованные» гласные по произношению весьма далеки от долгих тувинских. Для уточнения фонетической природы тофаларской «фарингализации», которая, судя по описанию, является одной из глоттальных фонаций, необходимо экспериментально-фонетическое исследование. Позиции появления тофаларской «фарингализации» те же, что и в тувинском: она возникает по правилу Иллич-Свитыча на ОТ кратких гласных перед последующими глухими согласными и сочетаниями сонант + глухой шумный.

2.4. Сарыг-югурская преаспирация. В сарыг-югурском (западном югурском) языке известна фонологическая преаспирация на гласных перед глухими согласными (V^h), которая может трактоваться как придыхательная (aspirated) фонеция, противопоставленная нейтральной (V). Подробное описание сарыг-югурской преаспирации представлено в [16, 17]. «С фонологической точки зрения явление преаспирации допускает двоякое толкование; оно может быть интерпретировано как компонент предшествующего гласного или последующего согласного, как отдельная фонема или как просодический элемент» [17. Р. 33].

Согласно М. Роос [Ibid. Р. 30–33] преаспирация реализуется как краткое, шепотное (оглушенное) произношение гласных в медленной (careful) речи: a^{ht} 'лошадь', $kō^{hp}$ 'много' и т.д. (в беглой речи на месте $/V^h/$ в зависимости от последующего согласного могут произноситься $[V]$, $[V^x]$, $[V^s]$, $[V^f]$ и т.п.). Сарыг-югурская преаспирация встречается только перед глу-

хими шумными, при этом (как и в тувинском) глухому шумному может предшествовать сонант, который оглушается: *a^hlti* [*aɬti* ~ *qɬti*] ‘шесть’. В [17. Р. 33–39] продемонстрировано, что сарыг-югурская преаспирация регулярно соответствует тувинской и тофаларской «фарингализации». Иными словами, преаспирация возникает на пратюркских кратких гласных перед шумными согласными и сочетаниями сонант + глухой шумный¹. Первым внимание на связь сарыг-югурской преаспирации с якутской (*resp.* пратюркской) краткостью гласных обратил С.Е. Малов [18. С. 163].

3. Глоттализация в шорском диалекте хакасского языка. Фонетическая глоттализация – полное или частичное закрытие голосовых связок во время артикуляции другого звука. Фонетическая глоттализация гласных и согласных в сибирских тюркских языках отмечалась и ранее [2. С. 165–172; 19. С. 14, 74].

3.1. Глоттализация как просодема, имеющая пратюркское происхождение, была обнаружена нами в ряде диалектов во время экспедиции в Хакасию в 2016 г. В шорском, таштыпском и кызыльском диалектах хакасского языка в структурах *CVC#* фонологическая глоттализация (/CV^ʔC#/) противопоставлена нейтральной фонации (/CVC#/) ².

Глоттализация в структурах *CV^ʔC#* фонетически по-разному реализуется в зависимости от качества финального согласного. Перед глухими смычными – ненапряженная гортанная смычка внутри гласного (фонетически – [CV^ʔY^hT^h:]); перед глухими спирантами – отсутствие гортанной смычки, фонация, по-видимому, *stiff* («жесткий голос», фонетически – [CV^ʔS:]); если финальный согласный – сонант, то глоттальная смычка [ʔ] находится после него (фонетически – [CVNNʔ]).

Оппозиция по признаку глоттализации имеет историческое происхождение: глоттализация характерна для рефлексов пратюркских долгих гласных, ее отсутствие – для рефлексов пратюркских кратких гласных³.

¹ В курмач-байгольском говоре челканского диалекта алтайского языка (инф. Наталья Никитовна Федина [Сумачакова], 1982 г.р.), нами обнаружена фонологическая оппозиция, сходная с сарыг-югурской: в односложных структурах *CVC* с исходом на шумный противопоставлена преаспирация – шепотное произношение гласного во второй половине его звучания перед конечным глухим согласным – и нейтральное произношение гласных в этой же позиции. В отличие от тувинского, тофаларского и сарыг-югурского, в челканском преаспирация возникает также и в корнях с исходом на звонкий ОТ *z, имеющий глухой рефлекс в ауслауте (*qi^hs* ‘девушка’, *qa^hs* ‘гусь’) вне связи с пратюркской долготой гласных, поэтому не исключено, что челканская преаспирация развилась независимо.

² Последняя, в свою очередь, имеет реализации *modal* (во всех позициях) и *slack* (опционально перед *s*, *ʃ*).

³ В шорском, таштыпском и кызыльском диалектах хакасского языка структуры *CVC#* являются наиболее изученными. В структурах *CVCV* в ряде говоров также отмечена глоттализация перед срединными согласными: /pu^ʔt/ ‘бедро’ – посессив 3 л. /pu^ʔdi/. Срединная глоттализация имеет то же происхождение, что и в структурах *CVC*. В пока недостаточно изученных структурах с контракционной долготой обычно представлена нейтральная фонация, хотя есть и отдельные примеры на глоттализацию.

В ряде говоров глоттализация не представлена перед *p*, *k* (*q*), в большинстве – перед *χ*, *r*. Глоттализации нет в рефлексах ПТ *sü:t ‘молоко’. Нерегулярная глоттализация обнаруживается в рефлексах ПТ *dɪlk ‘язык’.

Ниже приводятся спектрограммы односложных слов из шорского диалекта хакасского языка – говоры сел Анчул¹ и Нижний Матур², в которых глоттализация отсутствует только перед звонкими шумными, *χ* и *r*. Глоттализация также не отмечена перед консонантными кластерами.

3.1.1. Перед глухими смычными. Glottal stop, как правило, находится на границе звучной и оглушенной частей гласного.

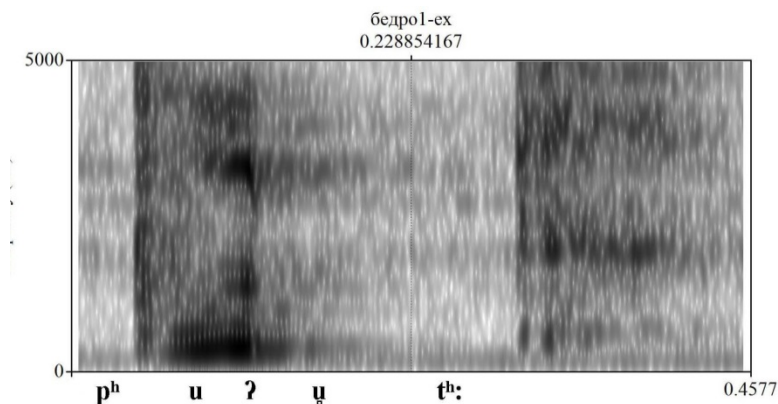

Рис. 8. Спектрограмма Анчул /puʔtʰ/ [pʰuʔtʰ:] ‘бедро’ < ОТ *bu:t

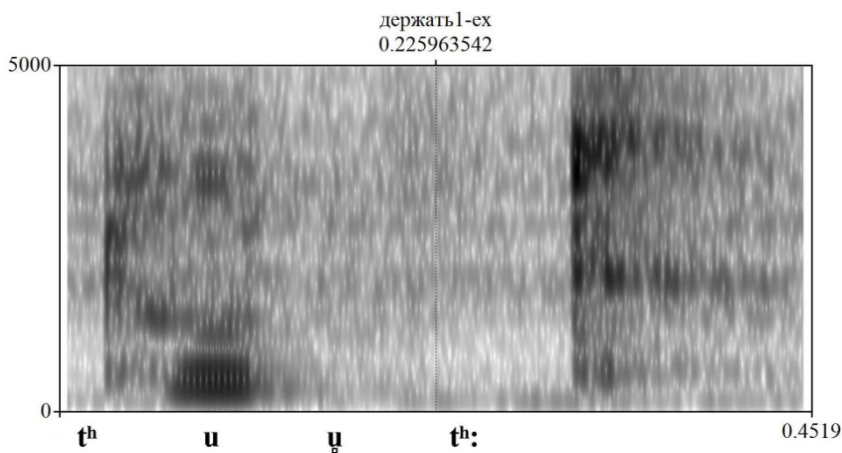

Рис. 9. Спектрограмма Анчул /tut/ [tʰuʔtʰ:] ‘держи’ < ОТ *tut

¹ Информант – Татьяна Григорьевна Шултрекова, 1967 г.р., с. Анчул (живет в с. Матур с 1989 г.).

² Информант – Галина Семеновна Казыгашева, 1950 г.р. (переехала в с. Нижний Матур в возрасте 5 лет из с. Верхние Сиры). Зап. 6–16.08.2016.

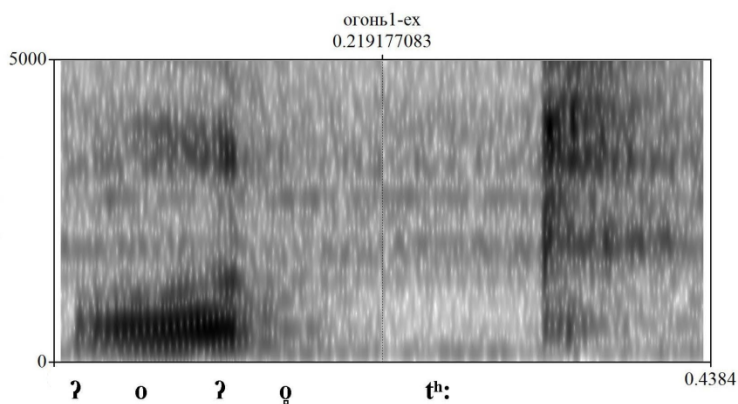

Рис. 10. Спектрограмма Анчул /ʔoʔtʰ:/ [ʔoʔotʰ:] 'огонь' < ОТ *ot

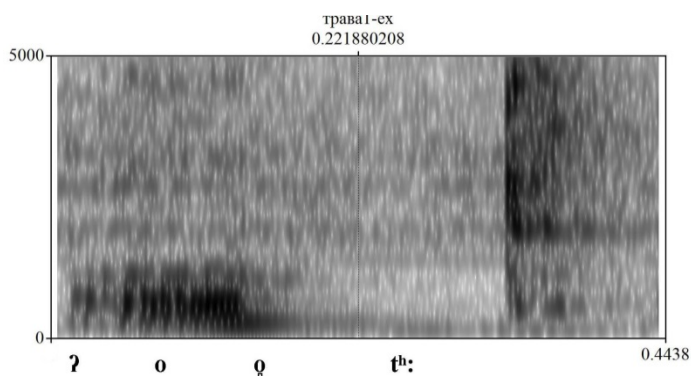

Рис. 11. Спектрограмма Анчул /ʔot/ [ʔootʰ:] 'травя' < ОТ *ot

3.1.2. Перед конечными *s*, *š* (включая *s* < ОТ *z) маркированная фонация (по-видимому, stiff – «жесткий голос») фонологически противопоставлена нейтральной (произносящаяся как modal или slack). В говоре с. Анчул под фонацией stiff фонема /a/ реализуется как [ɐ] («тусклое а»).

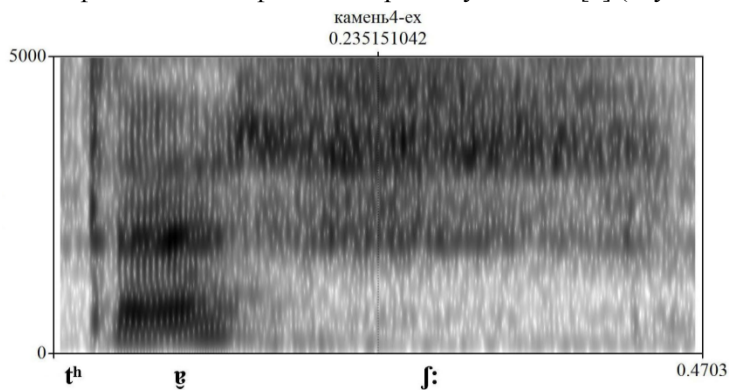

Рис. 12. Спектрограмма Анчул /taʔʃ:/ [tʰɐʃ:] 'камень' < ОТ *dia:š

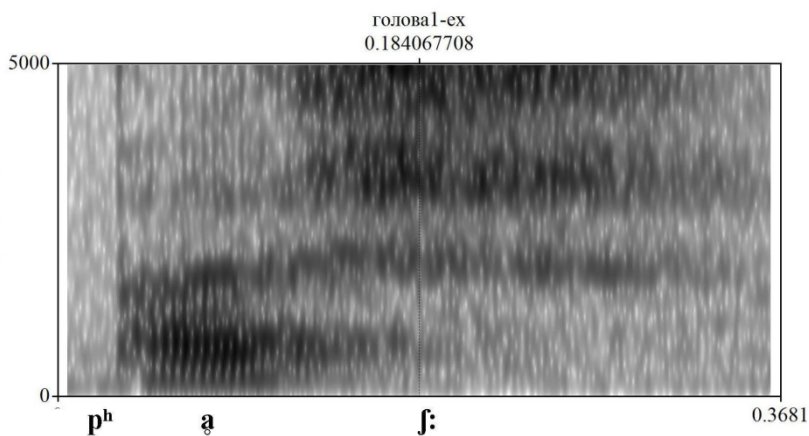
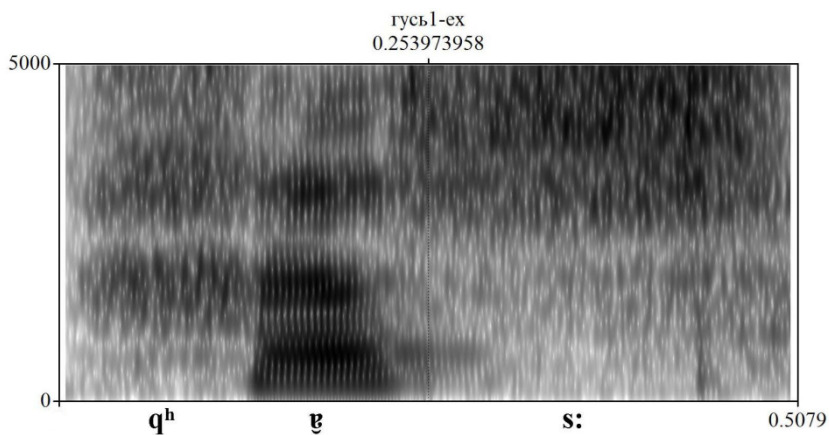
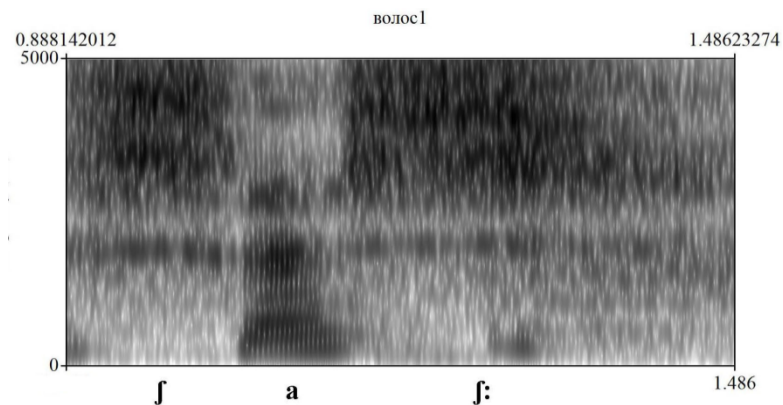
Рис. 13. Спектрограмма Анчул /paʃ/ [p^haʃ:] 'голова' < ОТ *baʃčРис. 14. Спектрограмма Анчул /qaʃs/ [q^hɐs:] 'гусь' < ОТ *ka:z

Рис. 15. Спектрограмма Анчул /ʃaʃ/ [jʃaʃ:] 'волосы' < ОТ *s(i)ač

3.1.3. Глоттальная фонация в структурах CV[?]N# реализуется как [ʔ], находящееся после сонанта. Шорский финальный сонант, как правило, состоит из звонкой и глухой частей (например, [ɰ]), и глоттальное сжатие происходит после оглушенной части сонанта (например, [ɰʔ]).

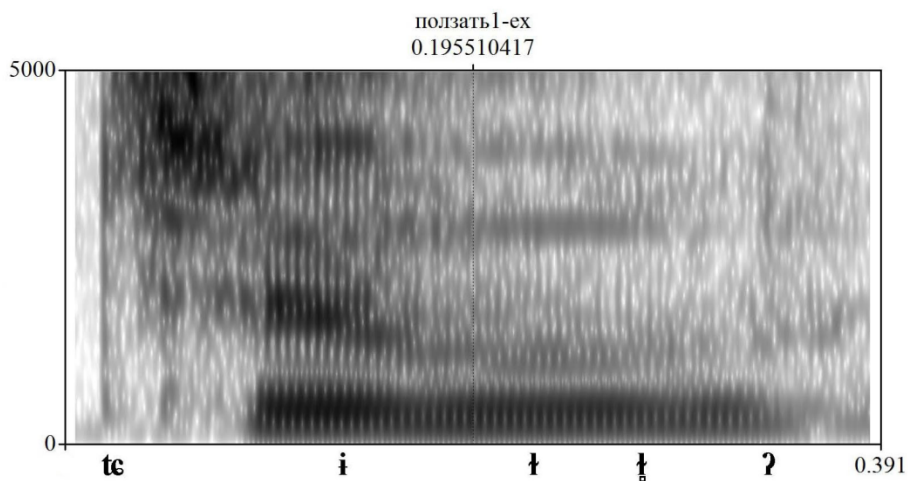

Рис. 16. Спектрограмма Нижний Матур /ɕiʔ/ [tɕiɰʔ] ‘ползи’ < ОТ *ji:l

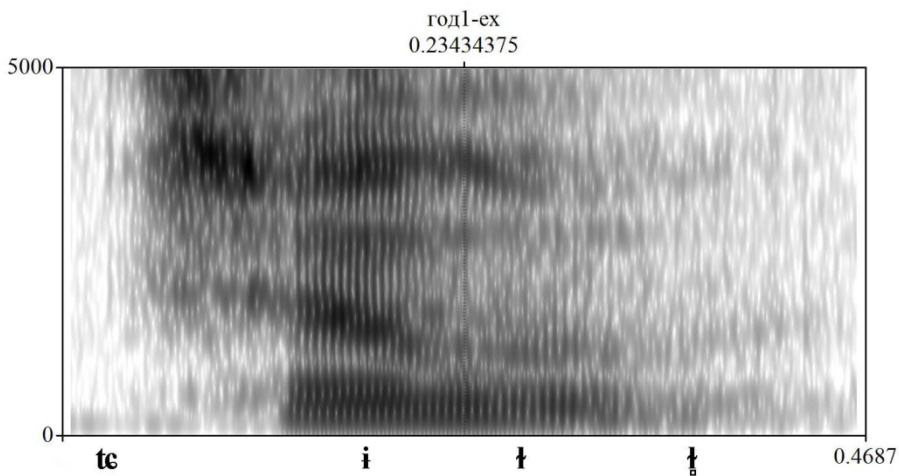

Рис. 17. Спектрограмма Нижний Матур /ɕil/ [tɕiɰ] ‘год’ < ОТ *jil

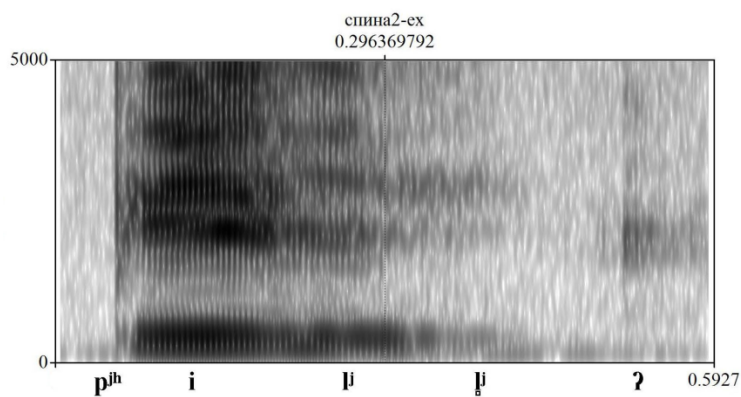

Рис. 18. Спектрограмма Нижний Матур /piʔ/ [pʰilɲʔ] ‘спина’ < ОТ *pɛ:l

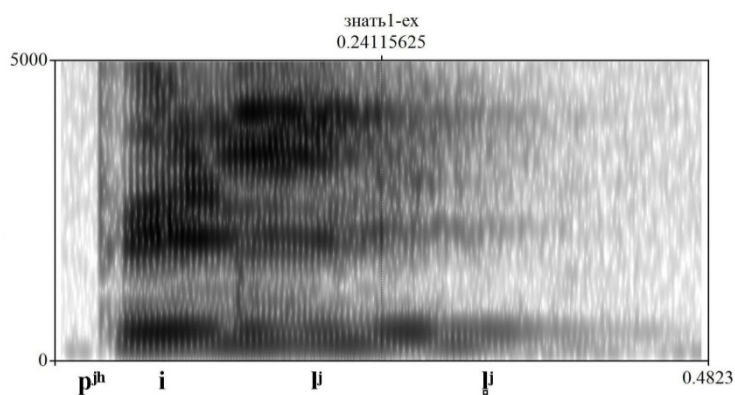

Рис. 19. Спектрограмма Нижний Матур /pil/ [pʰilɲ] ‘знай’ < ОТ *bɪl

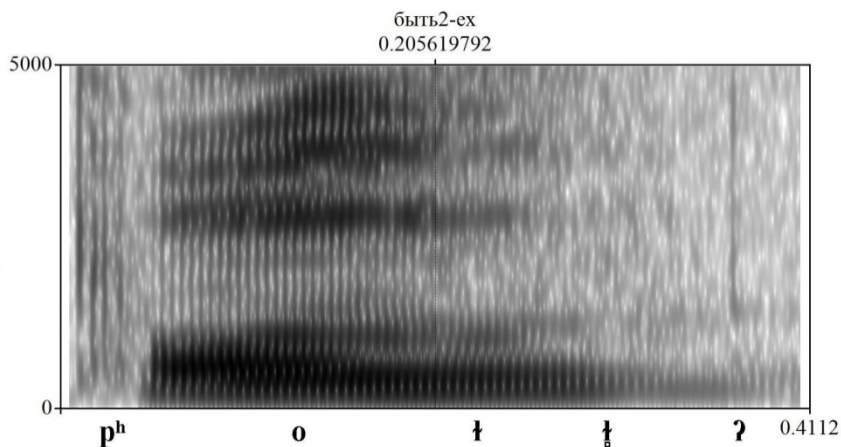

Рис. 20. Спектрограмма Нижний Матур /poʔ/ [pʰoɬʔ] ‘будь’ < ОТ *bo:l

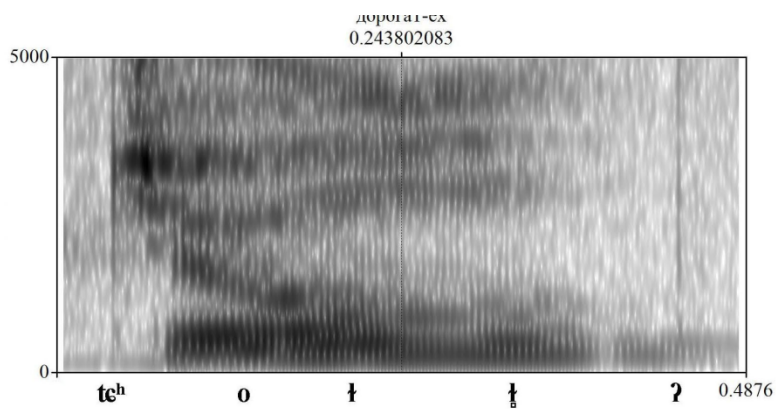

Рис. 21. Спектрограмма Нижний Матур /ɕoʔl/ [tɕʰoɬʔ] ‘дорога’ < ОТ *jo:l

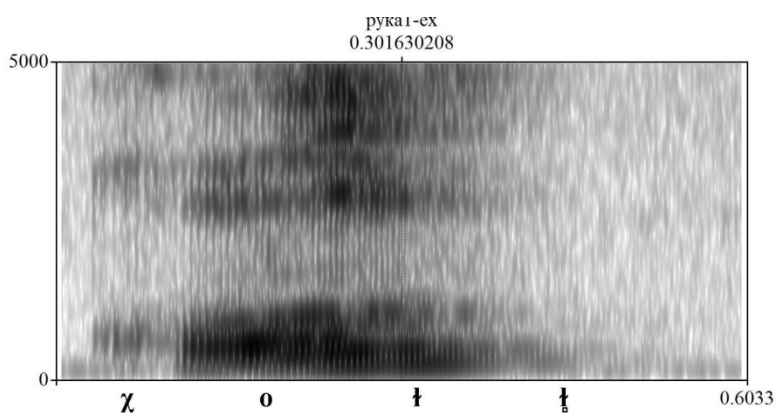

Рис. 22. Спектрограмма Нижний Матур /χol/ [χoɬʔ] ‘рука’ < ОТ *Kol

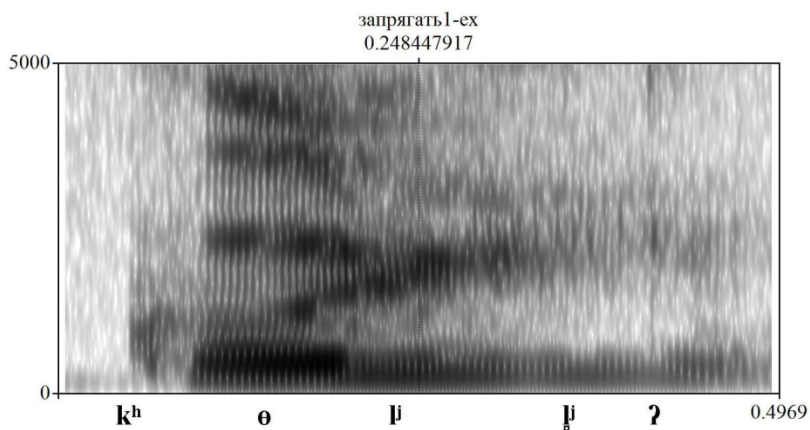

Рис. 23. Спектрограмма Нижний Матур /kɵʔl/ [kʰɵɬʔ] ‘запрягай’ < ОТ *gö:l

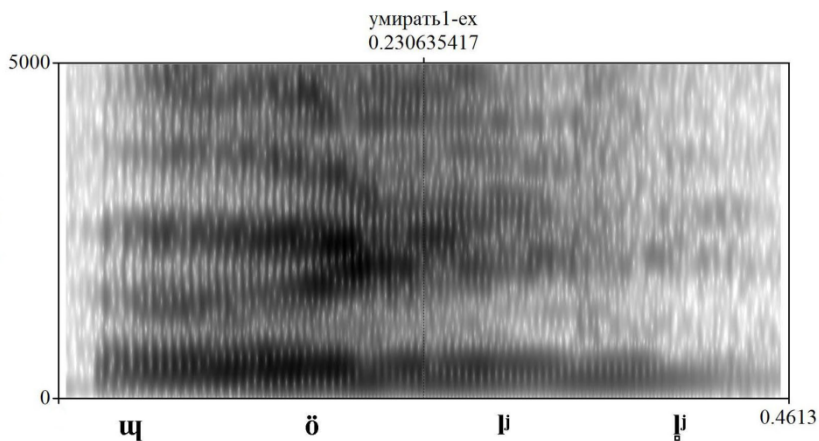

Рис. 24. Спектрограмма Нижний Матур /öl/ [щölp̣] 'умри' < ОТ *öl

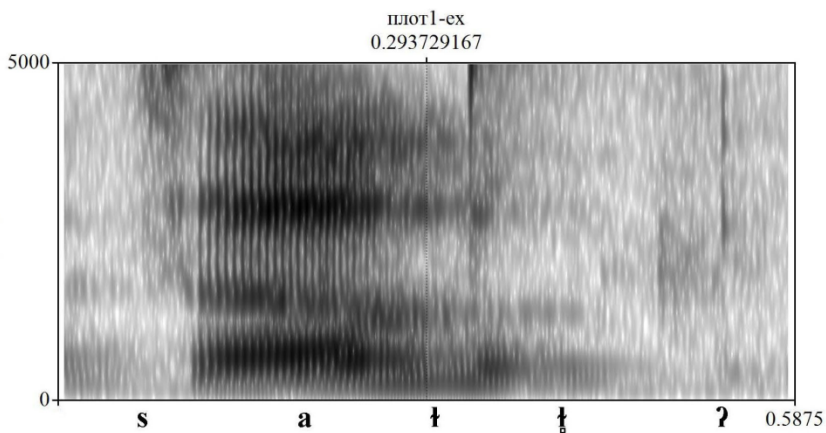

Рис. 25. Спектрограмма Нижний Матур /saʔl/ [saṭ̣ʔ] 'плот' < ОТ *sa:l

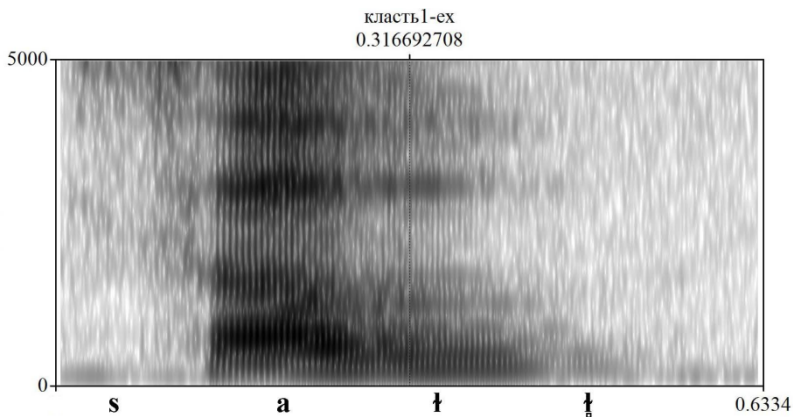

Рис. 26. Спектрограмма Нижний Матур /sal/ [saṭ̣] 'положи' < ОТ *sal

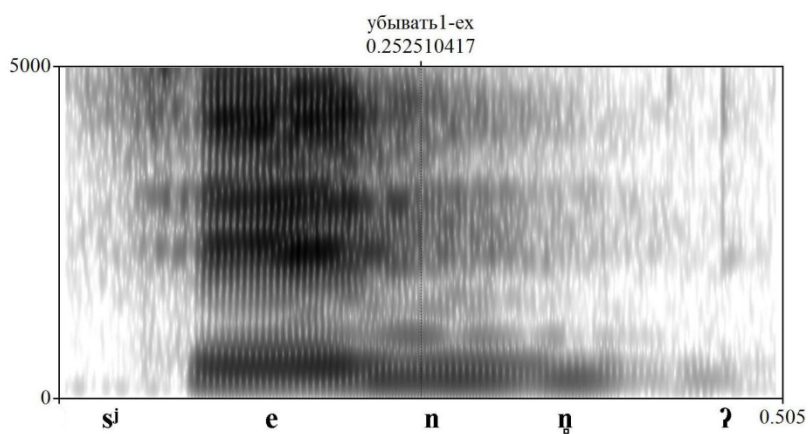

Рис. 27. Спектрограмма Нижний Матур /seʔn/ [sʲenŋʔ] ‘убывай (о воде)’ < ОТ *sie:n

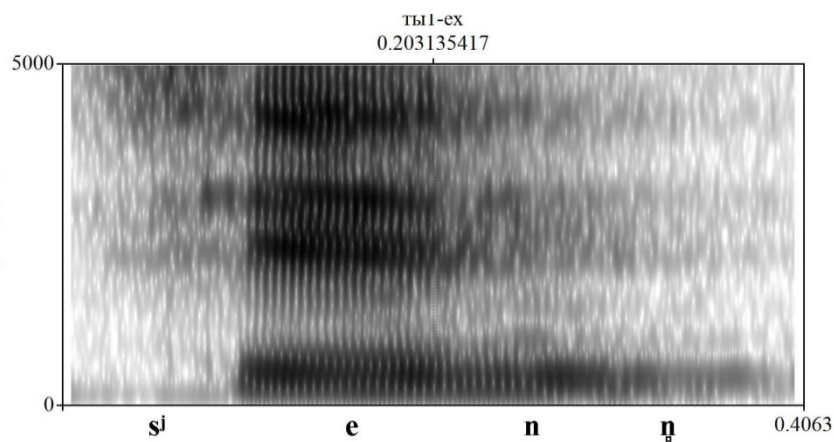

Рис. 28. Спектрограмма Нижний Матур /sen/ [sʲenŋ] ‘ты’ < ОТ *sɛn

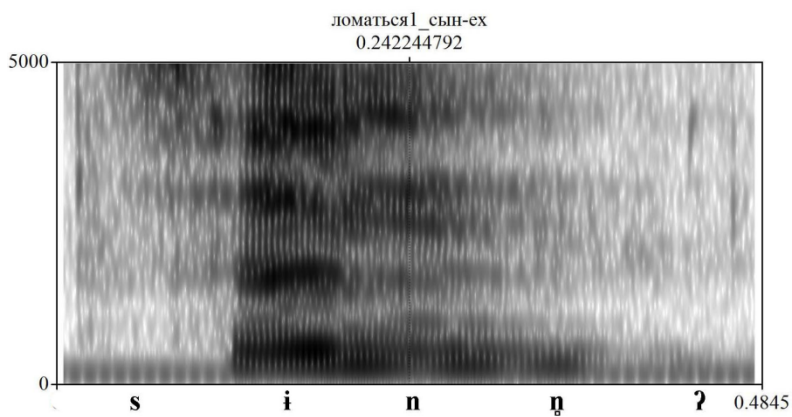

Рис. 29. Спектрограмма Нижний Матур /siʔn/ [sinŋʔ] ‘ломайся’ < ОТ *si:n

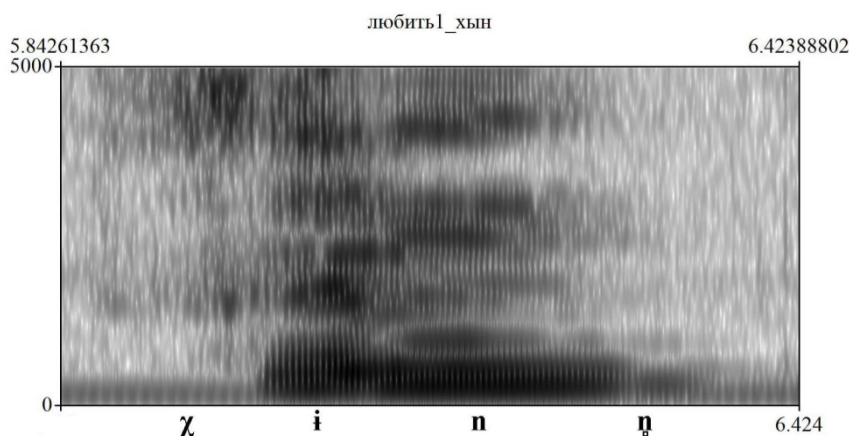

Рис. 30. Спектрограмма Нижний Матур /xin/ [χinɲ] 'люби' < OT *Kin

3.2. По нашим материалам, фонологическая глоттализация на рефlekсах пратюркских долгих гласных характерна:

- для таштыпского диалекта хакасского языка¹;
- шорского диалекта хакасского языка;
- мрасского диалекта шорского языка (включая переселенческий балыксинский говор);
- кызыльского диалекта хакасского языка;
- мелетского говора среднечулымского диалекта;
- тубаларского диалекта алтайского языка;
- кумандинского диалекта алтайского языка.

Ниже приводится материал по кызыльскому (ТК – с. Талкин Ключ²), таштыпскому (Сг – с. Сигиртуп³) и шорскому (Тл – с. Тлачик⁴ и НМ – с. Нижний Матур⁵) диалектам хакасского языка. Примеры даются в практической полевой транскрипции. Цифры с пометой «×» обозначают количество затранскрибированных форм. Дается дополнительный материал, записанный в с. Матур от разных информантов (помета «разн. инф.»). Цитируются формы с исходом на сонанты *l*, *n* и на смычный *t* с фонологически краткими гласными. Краткие гласные имеют свободно варьирующиеся краткие или полудолгие (редко долгие) аллофоны. Нерегулярные примеры сопровождаются пометой «откл[оняются]»⁶.

¹ Таштыпский диалект выделен нами на основании ряда специфических рефлексов в сегментной фонетике, см. [20. Р. 31–32].

² Информант – Мария Романовна Кагаева, 1935 г.р.

³ Информант – Евдокия Михайловна Канзычакова, 1931 г.р.

⁴ Информант – Галина Терентьевна Миягашева, 1950 г.р.

⁵ Информанты – Галина Семеновна Казыгашева, 1950 г.р.; дополнения по: Сергей Владимирович Кызынгашев, 1963 г.р.; Наталия Геннадиевна Тимофеева, 1963 г.р.

⁶ В идиолекте Г.С. Казыгашевой (Нижний Матур) глоттализация спорадически замещается нейтральным произношением, однако обратной замены не происходит.

Общeturкские долгие гласные:

*Kia:l ‘оставаться’: НМ *qat*^l 1×, *qa*^l 1× (откл. *qa*^l 1×).

*sa:l ‘плот’: НМ *sa*^l 3×.

*bo:l ‘становиться’: Тл *po*^l 1×; НМ *po*^l 2×.

*so:l ‘левый’: НМ *so*^l 2×, *so*^l 2×.

*jo:l ‘дорога’: ТК *šo*^l 1×; Сг *čjo*^l 5×, *čjo*^l 1×, *čjo*^l 1×; Тл *čo*^l 1×; НМ *čjo*^l 3×.

*ji:l ‘ползти’: НМ *čit*^l 3×.

*bö:l ‘делить’: НМ *pö*^l 2×, *pö*^l 1×.

*gö:l ‘запрягать’: НМ *kө*^l 2× (откл. *kө*^l 1×).

*kö:l ‘озеро’: Тл *kö*^l 1× (откл. *kö*^l 1×); НМ *kө*^l 2× (откл. *kө*^l 1×).

*ö:l ‘мокрый’: Сг *žöl*^l 1×, *žöl*^l 1×; Тл *žö*^l 1×; НМ *žө*^l 1×, *žө*^l (2×) (откл. *žө*^l 1×).

*bę:l ‘поясница’: ТК *p’ie*^l 1×; Сг *p’iel*^l 1×; НМ *p’i*^l 2× (откл. *p’i*^l 1×).

*Kia:n ‘кровь’: ТК *χa*ⁿ 1×, *χan*ⁿ 1×; Тл *χa*ⁿ 1× (откл. Сг *χan* 3×; НМ *χan* 2×, *χa*ⁿ 2×).

*o:n ‘десять’: ТК *žo*ⁿ 2× (откл. НМ *žo*ⁿ 3×).

*di:n ‘дышать’: НМ *tin*ⁿ 1× (откл. *tin* 2×).

*si:n ‘ломаться’: НМ *si*ⁿ 1×, *sin*ⁿ 2×.

*ü:n ‘голос’: НМ *žü*ⁿ 3×.

*e:n ‘спускаться’: НМ *ži*ⁿ 1×, *že*ⁿ 1× (откл. *že*ⁿ 1×).

*se:n ‘убывать’: НМ *s’ie*ⁿ 2×, *s’ien*ⁿ 1×.

*a:t ‘имя’: ТК *ža*^t 1×, *ža*^t (1×); Матур (разн. инф.) *že*^t 1×, *ža*^t 1×.

*o:t ‘огонь’: ТК *žo*^t 1×; НМ *žo*^t 3×, *žo*^t 2×; Матур (разн. инф.) *o*^t 2×, *žo*^t 2×, *žo*^t 1×, *žwo*^t 1×.

*bu:t ‘бедро’: ТК *pu*^t 1×; НМ *pu*^t 3×; Матур (разн. инф.) *pu*^t 5×.

*e:t ‘делать’: Матур (разн. инф.) *že*^t 2×, *že*^t 1×, *ži*^t 3× (откл. Тл. *žet* 1×, НМ *že*^t 2×, *žet*^t 2×).

Отклоняются рефлексы ОТ *sü:t ‘молоко’, глоттализация в которых отсутствует во всех обследованных говорах.

Общeturкские краткие гласные:

*al ‘брат’: НМ *ža*^t 4×.

*sal ‘класть’: НМ *sa*^t 2×.

*tal ‘ива’: ТК *ta*^t 2×; Тл *ta*^t 1×; НМ *ta*^t 3×.

*ol ‘он’: Сг *wo*^t 1×; Тл *o*^t 1×; НМ *žo*^t 2×, *wo*^t 1×.

*jil ‘год’: Сг *čit* 1×; Тл *čit* 1×; НМ *čit* 1×, *či*^t 2×.

*Kil ‘конский волос’: ТК *χi*^t 1×, *χit* 2×; Тл *χi*^t 1×.

*döl ‘потомство’: НМ *tө*^l 3×.

*öl ‘умирать’: Сг *ö*^l 1×; НМ *žö*^l 3×.

*gel ‘приходить’: ТК *ke*^l 2×, *ke*^l 1×; Сг *ke*^l 2×, *kil* 1×; Тл *ke*^l 1×; НМ *ke*^l 5×, *ke*^l 2×.

*jel ‘ветер’: Сг *čel* 2×; Тл *čel* 1×; НМ *či*^l 1× (откл. *čil*^l 2×).

? *jul ‘ручей’¹: ТК *šu*^t 2×, *šut* 1×; НМ *čiu*^t 2×, *čut* 2×.

¹ Общeturкское количество неясно, краткость подтверждается хакасским рефлексом.

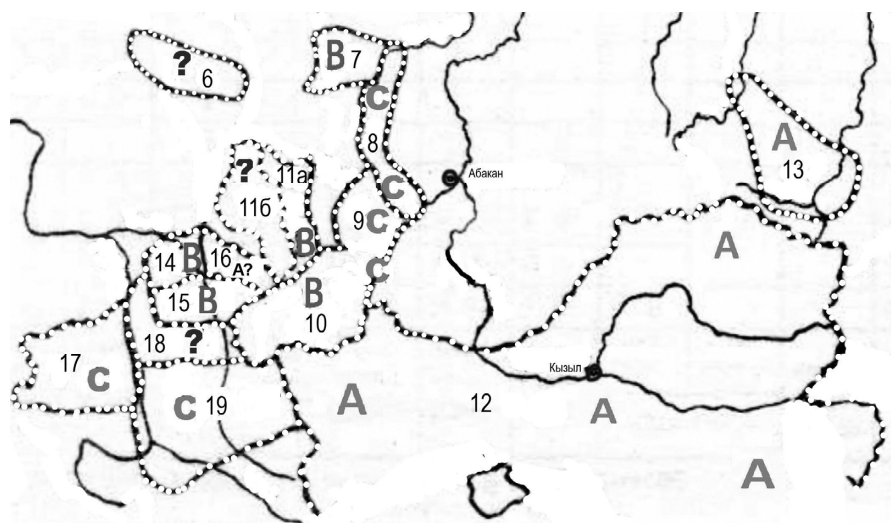

Рис. 30. Ареалы маркированных фонаций разного происхождения в тюркских идиомах Южной Сибири: А – «фарингализация», преаспирация на рефлексах пратюркских кратких гласных перед шумными согласными; В – глоттализация на рефлексах пратюркских долгих гласных; С – отсутствие фонологических фонаций; ? – идиомы, не обследованные на предмет фонаций; 6 – идиомы бачатских телеутов; 7 – кызыльский диалект хакасского языка; 8 – качинский диалект хакасского языка (включая староинуский); 9 – сагайский и бельтырский диалекты хакасского языка; 10 – Шорский и таштыпский диалекты хакасского языка; 11а – мрасский диалект шорского языка (включая балыксинский); 11б – кондомский диалект шорского языка; 12 – иувинский язык; 13 – тофаларский (тофский) язык; 14 – кумандинский диалект алтайского языка; 15 – тубаларский диалект алтайского языка; 16 – челканский диалект алтайского языка; 17 – алтайский диалект алтайского языка; 18 – телеутский диалект алтайского языка; 19 – телёско-теленгитский диалект алтайского языка

*kül 'зола': ТК *kulʲ* 1×, *kuʲ* 1×; Тл *kulʲ* 1×; НМ *kulʲ* 3× (откл. Сг *kulʲʲ* 2×).

*gül 'смеяться': НМ *kulʲ* 3×.

*bīl 'знать': НМ *piʲ* 3×.

? *Kīn¹ 'относиться ревностно': НМ *χiʲn* 1×, *χin* 2×.

*čīn 'правда': ТК *siʲn* 1×; НМ *siʲn* 1×, *sin* 2×.

*gūn 'день': ТК *kun* 1×; Сг *kun* 5×; Тл *kun* 3×; НМ *kun* 4×.

*mēn 'я': ТК *m'e'n* 1×; Сг *m'i'n* 1×, *m'en* 1×; Тл *m'e'n* 1×; НМ *m'en* 1×, *m'i:n* 2×, *m'e'n* 1×.

*sēn 'ты': Тл *se:n* 1×; НК *s'e'n* 3×.

*at 'лошадь': ТК *ʔa:t* 2×, *ʔaʲt* 2×; НМ *ʔaʲt* 3×; Матур (разн. инф.) *ʔaʲt* 2×, *ʔat* 8×.

*jat 'лежать': ТК *ʂat* 2×; Матур (разн. инф.) *ɕiat* 2×.

*ot 'трава': ТК *ʔoʲt* 4×, *ʔo:t* 1×, *ʔot* 2×; НМ *ʔoʲt* 3×, *ʔot* 1×; Матур (разн. инф.) *ʔoʲt* 2×, *ot* 9×, *ʔot* 3×, *wot* 2×.

¹ Общетюркское количество неясно, краткость подтверждается хакасским рефлексом.

*biʃt ‘вошь’: ТК *pʰit* 1×; Сг *pʰit* 1×; НМ *pʰitʰ* 3×.

*tut ‘держать’: Сг *tut* 3×; НМ *tut* 4×; Матур (разн. инф.) *tut* 11×.

*et ‘мясо’: НМ *ʔeʰtʰ* 2×, *ʔetʰ* 2×; Матур (разн. инф.) *ʔet* 4×, *ʔeʰt* 8×.

Отклоняется ОТ *dɨl ‘язык’, везде отмеченный с глоттализацией: ТК *tiʃʰ* 1×, Тл *tiʃʰ* 1× и т.д.¹

4. В следующих обследованных нами тюркских идиомах Саяно-Алтайского региона фонологические фонации, имеющие пратюркское происхождение, не обнаружены:

- качинский диалект хакасского языка, в том числе староинусский говор;
- сагайский диалект, в том числе бельтырский говор;
- алтайский диалект алтайского языка;
- телёско-теленгитский диалект алтайского языка.

5. При наложении на географическую карту указанных идиомов получается следующая картина (рис. 30). Связность ареалов, демонстрирующих разные типы происхождения фонаций, вероятно подтверждает гипотезу новосибирской фонетической школы о возможности их обусловленности субстратом.

Литература

1. Селютина И.Я. Фонологические системы языков народов Сибири. Новосибирск, 2004.
2. Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р., Дамбыра И.Д., Кечил-оол С.В. Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири). Новосибирск, 2014.
3. Хисамитдинова Ф.Г. О фарингализованном заднеязычном А в башкирском языке // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986. С. 46–49.
4. Уртегешев Н.С. Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2004.
5. Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шор-казак пазок казак-шор үргедиг сөстүк. Кемерово, 1993.
6. Сарбашева С.Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004.
7. Ladefoged P., Maddieson I. The Sounds of the World's Languages. Blackwell Publishers Ltd., 1996.
8. Кодзасов 1985 – Материалы С.В. Кодзасова. Не опубликованы, хранятся в архиве кафедры оделения теоретической и прикладной лингвистики, филологический факультет МГУ.
9. Anderson G.D., Harrison K.D. Tyvan (Languages of the World/Materials 257). München; Newcastle, 1999.
10. Бичелдей К.А. Фарингализация в тувинском языке. Кызыл, 1999.
11. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
12. Понне Н.Н. Заметки о фонетике танну-тувинского языка в связи с вопросом об алфавите // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. IV. С. 49–61.

¹ ОТ *dɨl восходит к ПТ *dɨlk (ср. чув. *čəlye* ‘язык’; *čələx* ‘пищик в гармошке’). Вполне вероятно, что шорский рефлекс *tiʃʰ* восходит к промежуточному *diʃʰ < *dɨlk.

13. *Иллич-Свитыч В.М.* Алтайские дентальные: t, d, δ // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 37–56.
14. *Janhunen J.* On glottalization in Sayan Turkic // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures. 1980. № 13. P. 23–41.
15. *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
16. *Roos M.* Preaspiration in Western Yugur monosyllables // *Turcologica* 32. The Mainz Meeting. Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish Linguistics / ed. by Lars Johanson et al. Harrassowitz Verlag, 1999. P. 28–41.
17. *Roos M.* The Western Yugur Language. Grammar, Texts, Vocabulary. PhD. Leiden, 2001.
18. *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров: Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.
19. *Байыр-оол А.В., Кошкарева Н.Б., Мальцева А.А., Невская И.А., Озонава А.А., Панина Е.С., Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Федина Н.Н., Шагдурова О.Ю., Шамина Л.А., Широбокова Н.Н.* Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе. Новосибирск, 2018.
20. *Dybo A., Maltseva V., Sheymovitch A., Sultrekova E.* The use of personal markers in the Belyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective // *Turkic Languages*. 2019. № 2. P. 31–48.

Список полевых фонетических материалов, доступных в Internet

- Литературный тувинский. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1550/8622/perspective/1550/8623/view>
- Тофаларский. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1251/13/perspective/1251/14/view>
- Шорский диалект хакасского. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3033/52291/perspective/3033/52292/view>
- Качинский диалект хакасского. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3020/4545/perspective/3020/4546/view>
- Сагайский диалект хакасского. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3033/39072/perspective/3033/39073/view>
- Бельтырский говор. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3020/23167/perspective/3020/23168/view>
- Таштыпский диалект хакасского. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3033/54703/perspective/3033/54704/view>
- Кызыльский диалект хакасского. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/408/4/perspective/408/5/view>
- Среднечулымский мелетский. URL: lingvodoc.ispras.ru/dictionary/630/2/perspective/630/3/view
- Мрасский шорский. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2566/39/perspective/2566/42/view>
- Челканский. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/71/4/perspective/71/5/view>
- Кумандинский. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1565/145/perspective/1565/146/view>
- Тубаларский. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1251/13/perspective/1251/14/view>
- Тёлёско-теленгитский. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/157/4/perspective/157/5/view>
- Телеутский. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1393/8471/perspective/1393/8472/view>
- Алтай-кижи. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/284/4/perspective/284/5/view>

Distribution and Origin of Various Phonation Types in the Turkic Languages of South Siberia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 5–26. DOI: 10.17223/19986645/68/1

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: adybo@mail.ru

Vera S. Maltseva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malt.wh@gmail.com

Sergey L. Nikolaev, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergenicko@mail.ru

Elvira V. Sultrekova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: el_kyr@mail.ru

Alexandra V. Sheimovich, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: asheimovich@yandex.ru

Keywords: Turkic languages of Southern Siberia, acoustic phonetics, pharyngealization, phonation types, primary long vowels.

This article presents the preliminary results of a study that was supposed to clarify the questions of the presence of a phonological status and of the origin of a number of prosodic phenomena discovered over the past 50 years by various researchers. The authors collected field materials from speakers of a significant portion of dialects. The survey was carried out using a special questionnaire containing potential minimum and quasi-minimum pairs of monosyllabic stems with Turkic etymologies. These data were recorded using digital voice recorders. In each surveyed settlement, if possible, at least 3 speakers were interviewed. The material of the questionnaires was analyzed both by the auditory method and by the Praat acoustic analysis program; spectrograms and oscillograms were accompanied by transcriptional interpretation. With the help of acoustic analysis, coupled with the comparative historical support of sound dictionaries, it was possible to identify two geographical areas in the surveyed territory in which the historical processes of the formation of phonologically significant phonation types (including the Tuvan and Tofalar so-called “pharyngealization”) were of different nature. Pharyngealization, the effect of pre-aspiration on the reflexes of Proto-Turkic short vowels before obstruents, occurs in one of these areas: Tuvan, Tofa, Saryg Yugur (a close relation of Khakas), Chelkan Altaic. In the second area (Tashtyp, Shor, Kyzyl dialects of Khakas, Mrassu Shor, Melet subdialect of Middle Chulym, Tuba and Kumandy Altaic dialects), the authors have found kinds of glottalization of the reflexes of Proto-Turkic long vowels, which exist regardless of the quality of the subsequent consonants, but are realized in slightly different ways depending on it. In the case of sonantic finals, even the formation of a glottal stop after these sonants can be observed. Since the boundaries of both areas do not coincide with the boundaries of the genealogical groups of dialects, it can be assumed that the hypothesis of the Novosibirsk school of phonetic research, which connects “pharyngealizations” with pre-Turkic substrates, is correct. At the same time, the phonological difference itself, which has been reinterpreted in various ways in the phonetics of modern languages, of course, has its own Turkic origin.

References

1. Selyutina, I.Ya. (2004) *Fonologicheskie sistemy yazykov narodov Sibiri* [Phonological Systems of Languages of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Selyutina, I.Ya. et al. (2014) *Faringalizatsiya kak tipologicheskii priznak fonologicheskikh sistem (na materiale tyurkskikh yazykov Yuzhnoy Sibiri)* [Pharyngealization

as a Typological Feature of Phonological Systems (Based on the Turkic languages of Southern Siberia)]. Novosibirsk: Omega Print.

3. Khisamitdinova, F.G. (1986) O faringalizovannom zadneyazychnom A v bashkirskom yazyke [About pharyngealized backlingual A in the Bashkir language]. In: *Fonetika yazykov Sibiri i sopredel'nykh regionov* [Phonetics of Languages of Siberia and Adjacent Regions]. Novosibirsk: Nauka. pp. 46–49.

4. Urtegeshev, N.S. (2004) *Maloshumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrasskogo dialekta)* [Low-Noise Consonantism of the Shor Language (Based on the Mras dialect)]. Novosibirsk: SB RAS.

5. Kurpeshko-Tannagasheva, N.N. & Apon'kin, F.Ya. (1993) *Shor–қазақ пазок қазақ–shor йргедиг сөстйк*. Kemerovo: [s.n.]. (In Shor).

6. Sarbasheva, S.B. (2004) *Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altayskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte)* [The Phonological System of the Tuba Dialect of the Altai Language (In a comparative aspect)]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

7. Ladefoged, P. & Maddieson, I. (1996) *The Sounds of the World's Languages*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd.

8. Moscow State University, Faculty of Philology, Department of Theoretical and Applied Linguistics. (1985) *Materialy S.V. Kodzasova* [S.V. Kodzasov's Materials].

9. Anderson, G.D. & Harrison, K.D. (1999) *Tyvan (Languages of the World/Materials 257)*. München; Newcastle.

10. Bicheldey, K.A. (1999) *Faringalizatsiya v tuvinskom yazyke* [Pharyngealization in the Tuvan Language]. Kyzyl: Tuvan State University.

11. Iskhakov, F.G. & Pal'mbakh, A.A. (1961) *Grammatika tuvinskogo yazyka* [Grammar of the Tuvan Language]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.

12. Poppe, N.N. (1929) Zametki o fonetike tannu-tuvinskogo yazyka v svyazi s voprosom ob alfavite [Notes on the phonetics of the Tannu-Tuvan language in relation to the question of the alphabet]. In: *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Culture and Writing of the East]. IV. Baku: VTsK NTA. pp. 49–61.

13. Illich-Svitych, V.M. (1963) Altayskie dental'nye: t, d, δ [Altai dentals: t, d, δ]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 37–56.

14. Janhunen, J. (1980) On glottalization in Sayan Turkic. *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures*. 13. pp. 23–41.

15. Rassadin, V.I. (1971) *Fonetika i leksika tofalarskogo yazyka* [Phonetics and Lexis of the Tofa Language]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.

16. Roos, M. (1999) [Preaspiration in Western Yugur monosyllables]. *Turcologica 32. The Mainz Meeting*. Proceedings of the 7th International Conference on Turkish Linguistics. Mainz. 3–6 August 1994. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. pp. 28–41.

17. Roos, M. (2001) *The Western Yugur Language. Grammar, Texts, Vocabulary*. PhD Thesis. Leiden.

18. Malov, S.E. (1957) *Yazyk zheltykh uygurov. Slovar' i grammatika* [The Language of the Yellow Uyghurs. Vocabulary and grammar]. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.

19. Bayyr-ool, A.V. et al. (2018) *Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diakhronno-tipologicheskoy perspective* [The Complexity of the Languages of the Siberian area in the Diachronic-Typological Perspective]. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo".

20. Dybo, A. et al. (2019) The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. *Turkic Languages*. 2. pp. 31–48.

УДК 81 + 81'32 + 81'33
DOI: 10.17223/19986645/68/2

Е.В. Люкина, М.А. Лытаева

ИНКРЕМЕНТАЛЬНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ НЕИЗВЕСТНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается метод предсказания морфологической парадигмы неизвестных (несловарных) слов русского языка, позволяющий в инкрементальном режиме, т.е. по мере поступления очередной словоформы, в полностью автоматическом режиме, без участия человека, предсказать морфологическую парадигму слова. Исследование проводилось на корпусе текстов русского языка различной тематики (более 10 млрд словоупотреблений), позволяющем изучить эффективность предлагаемого способа предсказания морфологической парадигмы слов.

Ключевые слова: морфология, морфологический анализ, морфологическая парадигма, предсказание морфологической парадигмы неизвестных слов, вычислительная лингвистика, корпусные исследования.

Введение

Во многих задачах анализа текстов естественного языка, таких как синтаксический разбор текста, классификация текста, корпусные исследования и пр., одним из важнейших этапов является морфологический анализ.

Морфологический анализ предназначен для получения морфологических признаков слова. Приведем некоторые термины морфологического анализа. Текст на естественном языке задается в виде упорядоченного набора токенов – словоупотреблений. Каждому словоупотреблению соответствует определенное слово, заданное в конкретном месте текста в определенной морфологической форме – словоформе. Каждому слову в языке соответствует набор словоформ, которые образуют морфологическую парадигму слова [1. С. 113]. Одна из словоформ парадигмы – лемма – задает слово в канонической форме (например, для сущ. – им. п., ед. ч; для прил. – им. п, ед. ч, муж. род; для глаголов – форма инфинитива и т.д.). Каждой словоформе соответствует набор морфологических признаков, состав и возможные значения которых зависят от части речи лексемы. Примеры словоформ: подводишь (Г ед, нст, 2л, дст), пол'янам (С мн, дт, жр), помен'явшем (ПРИЧАСТИЕ ед, пр, мр, прш, од, но, дст).

Целью морфологического анализа является сопоставление каждого словоупотребления в тексте с его словоформой, т.е. определение парадигмы слова, леммы слова, конкретной словоформы, а также набора признаков, которыми характеризуется данная словоформа (таких, например, как падеж, род и число существительного, время глагола и пр.). Например, словоформе **зодчеством** соответствует парадигма: з'одчество (С ед, им, ср)

[з'одчество (С ед, им, ср), з'одчества (С ед, рд, ср), з'одчеству (С ед, дт, ср), з'одчество (С ед, вн, ср), з'одчеством (С ед, тв, ср), з'одчестве (С ед, пр, ср), з'одчества (С мн, им, ср), з'одчеств (С мн, рд, ср), з'одчествам (С мн, дт, ср), з'одчества (С мн, вн, ср), з'одчествами (С мн, тв, ср), з'одчествах (С мн, пр, ср)].

Исторически морфологический анализ для языков с развитой морфологией, таких как русский, выполнялся двумя разными способами. Первый способ использует набор правил, в соответствии с которыми определяется словоформа. В простейших реализациях это таблица окончаний, по которой ищется парадигма. Одним из преимуществ такого подхода является то, что словоформу можно определить для любого произвольного слова языка. Существенный недостаток данного подхода в том, что язык содержит слишком много исключений, чтобы его можно было описать регулярными правилами. Поэтому в современных морфологических анализаторах данный подход используется только как вспомогательный для предсказания морфологической парадигмы неизвестных слов, которых нет в словаре анализатора.

Второй способ реализуется с использованием словаря, в котором описаны словоформы и соответствующие им морфологические признаки. Этот способ наиболее точный и быстрый по сравнению с предыдущим, особенно для такого морфологически развитого языка, как русский. Чем больше покрытие словарем слов языка, тем точнее анализ. В современных морфологических анализаторах русского языка этот способ является основным [2. С. 118]. В качестве словаря в подавляющем большинстве случаев используется словарь А.А. Зализняка [3] или его расширения [4]. Словарь представлен в виде набора морфологических парадигм, каждая из которых соответствует определенному слову – лексеме русского языка. Парадигма определяет список словоформ и лемму слова. Каждой словоформе соответствует список морфологических признаков. Словарь проиндексирован по словоформам и при нахождении соответствия статьи словаря определенной словоформе можно сразу получить всю парадигму данного слова, лемму, а также морфологические признаки искомой словоформы. Для упрощения реализации словаря каждая парадигма содержит псевдооснову и ссылку на словоизменительный класс. Словоизменительный класс является шаблоном, задающим набор псевдофлексий и связанных с ними словоизменительных признаков. По псевдооснове и словоизменительному классу строятся конкретные словоформы каждой парадигмы. В русском языке существует более полутора тысяч словоизменительных классов, которые описывают словоизменение любого слова русского языка. Пример словоизменительного класса для глагола **помен'ять** (выдержка): [*ть[ИНФИНИТИВ дст], *л[Г ед, мр, прш, дст], *ла[Г ед, жр, прш, дст], *ло[Г ед, ср, прш, дст], *ли[Г мн, прш, дст], *ю[Г ед, буд, 1л, дст], *ем[Г мн, буд, 1л, дст], *ешь[Г ед, буд, 2л, дст], *ете[Г мн, буд, 2л, дст], *ет[Г ед, буд, 3л, дст], *ют[Г мн, буд, 3л, дст], *в[ДЕЕПРИЧАСТИЕ прш, дст], *вши[ДЕЕПРИЧАСТИЕ прш, дст]...

Одним из недостатков использования словаря при определении морфологической парадигмы является то, что словарь содержит не все слова русского языка. Поэтому таким образом нельзя выполнить морфологический анализ тех слов, которые отсутствуют в словаре. Для подобных слов необходим тот или иной механизм предсказания их морфологической парадигмы.

В статье мы опишем один из методов такого предсказания – метод инкрементального предсказания парадигмы неизвестных слов, который позволяет с большой скоростью и высоким качеством выполнять предсказание. Одной из особенностей метода является то, что он работает в режиме самообучения полностью автоматически (unsupervised), постоянно наращивая качество предсказания по мере поступления новых слов (например, являясь одним из компонентов системы классификации документов или системы полнотекстового поиска).

Реализация

Инкрементальное предсказание морфологии неизвестных слов реализовано на базе следующих компонент – стратегий предсказания морфологии по единичной словоформе, лемматайзера и стратегии инкрементального предсказания морфологии по корпусу слов. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Все стратегии предсказания основаны на морфологическом словаре А.А. Зализняка. Данный морфологический словарь представляет собой набор морфологических парадигм. Каждая морфологическая парадигма задает лемму и набор словоформ определенного слова, а также набор морфологических признаков каждой словоформы (род, число и пр.) и всей парадигмы в целом (часть речи и др.). Каждая парадигма слова связана с определенной флексивной моделью, определяющей словоизменительный класс парадигмы и задающей правила формирования словоформ парадигмы. Флексивная модель состоит из набора флексивных форм, каждая из которых задает псевдофлексию и морфологические признаки словоформ. Морфологический словарь содержит больше тысячи флексивных моделей, которыми исчерпывается все словоизменение современного русского языка. Морфологический словарь используется как для определения морфологической парадигмы уже имеющейся в нем словоформы (поиск на точное совпадение словоформы), так и для предсказания тех словоформ, которые явно не содержатся в словаре. Пример статьи морфологического словаря: фрезер'овка(С ед, им, жр) [фрезер'овка(С ед, им, жр), фрезер'овки(С ед, рд, жр), фрезер'овке(С ед, дт, жр), фрезер'овку(С ед, вн, жр), фрезер'овкой(С ед, тв, жр), фрезер'овкою(С ед, тв, жр), фрезер'овке(С ед, пр, жр), фрезер'овки(С мн, им, жр), фрезер'овок(С мн, рд, жр), фрезер'овкам(С мн, дт, жр), фрезер'овки(С мн, вн, жр), фрезер'овками(С мн, тв, жр), фрезер'овках(С мн, пр, жр)].

Для упрощения понимания алгоритмической реализации введем термины псевдопрефикс, псевдооснова, псевдосуффикс и псевдофлексия. Под

псевдопрефиксом слова будем понимать последовательность букв слова, которая начинается в начале слова и имеет заданный размер. Под псевдофлексией слова будем понимать последовательность букв слова, которая заканчивается в конце слова и совпадает с псевдофлексией одной из морфологических парадигм морфологического словаря. Под псевдосуффиксом слова будем понимать последовательность букв слова заданного размера, которая располагается непосредственно перед псевдофлексией. Под псевдоосновой слова будем понимать последовательность букв слова, которая остается, если убрать псевдопрефикс, псевдосуффикс и псевдофлексию. Более формально слово имеет следующий состав:

[<псевдопрефикс>] <псевдооснова> [<псевдосуффикс>]
[<псевдофлексия>],

Здесь знаками [...] показаны необязательные части слова, которые могут отсутствовать в конкретных словах. Данные термины введены только для понимания конкретных алгоритмов работы предсказания морфологической парадигмы и могут не совпадать с реальными префиксом, основой, суффиксом и флексией слова.

Стратегии предсказания по единичной словоформе пытаются предсказать морфологическую парадигму по единичной словоформе, без учета статистики, полученной по уже обработанным словоформам. Нами реализованы две такие стратегии – стратегия предсказания по псевдопрефиксу словоформы и стратегия предсказания по псевдосуффиксу словоформы. Стратегии базируются на алгоритмах, реализованных в проекте АОТ [5. С. 559].

Стратегия предсказания по псевдопрефиксу словоформы работает по следующему алгоритму (Алгоритм 1):

1. На основе словаря псевдопрефиксов пытаемся выделить из словоформы псевдопрефикс. Размер псевдопрефикса должен лежать в диапазоне [1, maxPrefixLength], при этом размер оставшейся части должен быть не меньше minSuffixLength.

2. Находим часть словоформы без псевдопрефикса и пытаемся предсказать ее парадигму на основе словаря морфологии (точное предсказание морфологии).

3. Если парадигма слова без псевдопрефикса найдена, формируем на ее основе новую парадигму добавлением ко всем словоформам исходной парадигмы заданного псевдопрефикса.

4. Рассматриваются только продуктивные части речи (существительные, прилагательные, глаголы и наречия).

Данная стратегия позволяет предсказывать парадигмы слов, образованных добавлением псевдопрефикса к уже существующему слову. Например, суперчеловек (супер + человек), псевдонаучный (псевдо + научный), антиправительственный (анти + правительственный), двуединный (дву + единый), антибарионы (анти + барион), вицеадмиральство (вице + адмиральство) и т.д.

Стратегия предсказания по псевдосуффиксу словоформы работает по следующему алгоритму (Алгоритм 2):

1. По всем словоформам морфологического словаря строится набор псевдосуффиксов, по которым будет выполняться предсказание. Псевдосуффикс включается в набор только от продуктивных частей речи и если размер словоформы не менее заданного `minBuildSuffixLength`. Кроме того, частотность флективной модели словоформы, по которой строится индекс, не должна быть менее заданной `minFlexiaModelFrequency`. Тем самым мы исключаем рассмотрение редких псевдосуффиксов

2. По исходной словоформе, парадигму которой требуется предсказать, пытаемся найти псевдосуффикс, совпадающий с псевдосуффиксом из набора, построенного выше. Псевдосуффикс должен быть в диапазоне [`minMatchedSuffixLength`, `minBuildSuffixLength`]. Поиск идет от наибольшего к наименьшему псевдосуффиксу.

3. Среди найденных словоформ по каждой части речи (если их более одной) находим ту парадигму, флективная модель которой является наиболее частотной. Остальные игнорируем. Это позволяет сильно сократить общее количество предсказанных словоформ.

Данная стратегия позволяет предсказывать парадигмы слов, имеющих неизвестную псевдооснову, но чье словоизменение подчиняется определенной флективной модели и чей псевдосуффикс известен морфологическому словарю. Например, дельта-антиген (-ген), диагностико-аналитический (-литический), думец-прогрессист (-прогрессист), варкалось (-алось), хликий (-ивкий), шорьки (-рьки), гуглить (-глить) и т.д.

Лемматайзер реализует составную стратегию предсказания, на вход которой приходит заданная словоформа, а на выходе, используя поиск на точное соответствие в морфологическом словаре и описанные выше стратегии предсказания, выдается набор парадигм словоформы, а также указание на конкретную словоформу, соответствующую исходной, в каждой парадигме. Лемматайзер работает по следующему алгоритму (Алгоритм 3):

1. Исходная словоформа ищется в морфологическом словаре на точное соответствие. Для поиска используется структура словоформ, построенная на базе DAWG (Directed Acyclic Word Graph) [6. Vol. 26, № 1. P. 3–16] – в нашей терминологии WordAutomat. WordAutomat позволяет компактно хранить все известные словоформы русского языка (порядка 5,5 млн) и эффективно осуществлять поиск по ним.

2. Если словоформа не найдена в морфологическом словаре, по каждой стратегии выполняется предсказание словоформ, после чего результаты предсказания объединяются.

Описанные выше компоненты выполняют предсказания по единичной словоформе и не учитывают результаты предсказания тех словоформ, которые уже были обработаны ранее. Поскольку все варианты словоизменения русского языка ограничены описанными выше флективными моделями, которые известны и уже имеются в морфологическом словаре, логично было бы предположить, что предсказание по нескольким словоформам может резко повысить качество предсказания. Для этого используется стратегия предсказания по корпусу слов. Стратегия работает в инкремен-

тальном режиме (по мере поступления неизвестных слов) по следующему алгоритму (Алгоритм 4):

1. На вход стратегии предсказания по корпусу слов поступает очередная словоформа, морфологическую парадигму которой требуется предсказать.

2. Стратегия выполняет поиск парадигмы в морфологическом словаре на точное соответствие. Если парадигма (одна или несколько) найдена, то она используется в качестве результата.

3. Иначе стратегия предсказания проверяет, есть ли данная словоформа среди уже предсказанных. Если для словоформы уже было выполнено предсказание морфологической парадигмы ранее, используется ранее предсказанный вариант.

4. В противном случае стратегия предсказания делегирует работу по нахождению морфологической парадигмы стратегиям предсказания по единичной словоформе лемматайзера. Если лемматайзер вернул одну или несколько предсказанных морфологических парадигм, стратегия по найденным парадигмам пытается выполнить предсказание (см. далее процесс предсказания) и возвращается к п. 3 (п. 4 в этом случае не выполняется для предотвращения заикливания).

5. Если парадигмы для исходной словоформы не найдены, используется стратегия коррекции ошибок, которая ищет в морфологическом словаре все словоформы, расстояние Левенштейна [7. Т. 163; 4. С. 845–848] которых от заданной словоформы менее заданного значения (как правило, 1). Это позволяет исправить имеющиеся ошибки / опечатки в словах, корректируя заданное количество букв (одну или несколько).

Сам процесс предсказания инкрементальной стратегии предсказания по корпусу слов заключается в следующем (Алгоритм 5):

1. Стратегия ведет список частично предсказанных парадигм. Для каждой частично предсказанной парадигмы указываются псевдооснова (общая для всех словоформ часть), номер флективной модели из морфологического словаря и набор номеров флективных форм этой флективной модели, соответствующих обработанным словоформам.

2. По каждой предсказанной лемматайзером (его стратегиями предсказания по единичной словоформе) парадигме получают псевдооснова и флективная модель и индекс флективной формы в этой модели, которые сохраняются в частично предсказанных парадигмах.

3. Если количество различных индексов флективных форм определенной частично предсказанной парадигмы превысит заданный порог (по умолчанию 4), считаем, что парадигма корректно предсказана, удаляем ее из списка частично предсказанных и добавляем в WordAutomat полностью предсказанных парадигм. В дальнейшем она будет использована для предсказания соответствующих ей словоформ по алгоритму, описанному выше (Алгоритм 4, п. 3).

4. Большие корпуса текстов по закону Зипфа [8. Р. 484–490, 573] могут содержать большое количество редко используемых словоформ. Поэтому,

чтобы количество частично предсказанных парадигм не увеличивалось неограниченно, стратегия имеет LRU (Least Recently Used) очередь, в которой все частично построенные парадигмы выстроены в порядке их использования, с наиболее часто используемыми впереди очереди. При превышении размера очереди (по умолчанию, 10000) наиболее старые по времени использования парадигмы удаляются.

Примеры работы стратегии:

Базовые словоформы: дуршлак (С ед, им, мр), дуршлака (С ед, рд, мр), дуршлаке (С ед, пр, мр), дуршлагами (С мн, тв, мр).

Предсказанная парадигма: дуршлак (С ед, им, мр) [дуршлак (С ед, им, мр), дуршлака (С ед, рд, мр), дуршлаку (С ед, дт, мр), дуршлак (С ед, вн, мр), дуршлаком (С ед, тв, мр), дуршлаке (С ед, пр, мр), дуршлаки (С мн, им, мр), дуршлаков (С мн, рд, мр), дуршлакам (С мн, дт, мр), дуршлаки (С мн, вн, мр), дуршлагами (С мн, тв, мр), дуршлагах (С мн, пр, мр)].

Стратегия предсказания по корпусу текстов работает в полностью инкрементальном режиме автоматически, без участия человека (unsupervised). Это позволяет использовать ее в различных потоковых системах обработки, например в системах классификации документов, поисковых системах, диалоговых системах, где морфологический компонент системы часто может испытывать трудности при определении морфологии неизвестных слов. Подключение данной стратегии позволяет полностью прозрачно, т.е. без изменения исходной системы, наращивать качество предсказания морфологических парадигм за счет простой обработки все новых и новых словоформ. Причем эффективность используемых алгоритмов предсказания практически не снижает производительность всей системы в целом – не требуются громоздкие процедуры предобработки и предпостроения морфологических словарей по новым словоформам.

Исследование и результаты

В исследовании был использован корпус текстов, представляющий собой обезличенную коллекцию книг различной тематики на русском языке и содержащий более 10 млрд словоупотреблений¹.

В исследовании использовался морфологический словарь, построенный на базе морфологического словаря А.А. Зализняка и имеющий 5,5 млн словоформ и 174 тыс. парадигм².

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе анализировался корпус русского языка с учетом частотности распределения полученных словоформ. Поскольку учет частотности довольно затратен как по вычислительным ресурсам, так и по памяти, была проанализирована только часть полного корпуса размером 1 млрд словоупотреблений. Анализировались только знаменательные части речи. Для учета только нарицательных

¹ http://panchenko.me/data/russe/librusec_fb2.plain.gz

² <http://www.aot.ru/docs/rusmorph.html>

слов русского языка были отфильтрованы все словоупотребления, содержащие символы, отличные от букв алфавита русского языка (кроме дефиса), и все словоупотребления, начинающиеся на заглавную букву. Остальные словоупотребления были обработаны на основе описанной ранее стратегии инкрементального предсказания морфологии.

Методика расчетов параметров исследования выполнялась следующим образом:

– **Общее количество словоупотреблений.** Подсчитывалось каждое встреченное в тексте словоупотребление, участвующее в анализе.

– **Количество словоформ текста.** Формировался набор словоформ текста (Set). Если очередное анализируемое слово не содержалось в этом наборе, слово добавлялось в набор. В противном случае слово игнорировалось. По завершении анализа набор содержал список всех найденных словоформ текста. Размер данного списка соответствовал количеству словоформ текста.

– **Количество словоупотреблений, описываемых морфологическим словарем.** Для очередного анализируемого слова выполнялся поиск на точное соответствие в морфологическом словаре. Если словоформа, соответствующая данному слову, была найдена в словаре, слово подсчитывалось, в противном случае – нет. Для анализа распределения словоупотреблений по частям речи по каждой анализируемой части речи были сформированы свои счетчики, которые подсчитывали слова с парадигмой, соответствующей этой части речи.

– **Количество словоформ, описываемых морфологическим словарем.** Формировался набор словоформ, описываемых морфологическим словарем (Set). Для очередного анализируемого слова выполнялся поиск на точное соответствие в морфологическом словаре. Если словоформа, соответствующая данному слову, была найдена в словаре и слово в наборе отсутствовало, слово добавлялось в набор, в противном случае – нет. По завершении анализа набор содержал список всех найденных словоформ, для которых есть описание в морфологическом словаре. Размер данного списка соответствовал количеству словоформ, описываемых морфологическим словарем. Для анализа распределения словоформ по частям речи по каждой анализируемой части речи были сформированы свои наборы, куда попадали слова с парадигмой, соответствующей этой части речи.

– **Количество словоупотреблений с предсказанной парадигмой.** Для очередного анализируемого слова, которое не найдено в морфологическом словаре, выполнялось предсказание морфологической парадигмы. Если предсказание было выполнено успешно, слово подсчитывалось, в противном случае – нет. Для анализа распределения словоупотреблений по частям речи по каждой анализируемой части речи были сформированы свои счетчики, которые подсчитывали слова с парадигмой, соответствующей этой части речи.

– **Количество предсказанных парадигм.** Формировался набор предсказанных парадигм (Set). Для очередного анализируемого слова, которое

не найдено в морфологическом словаре, выполнялось предсказание морфологической парадигмы. Если предсказание было выполнено успешно и парадигма в наборе отсутствовала, парадигма добавлялась в набор, в противном случае – нет. По завершении анализа набор содержал список всех предсказанных парадигм. Размер данного списка соответствовал количеству предсказанных парадигм. Для анализа распределения парадигм по частям речи по каждой анализируемой части речи были сформированы свои наборы, куда попадали слова с парадигмой, соответствующей этой части речи.

– **Количество неизвестных словоупотреблений.** Если очередное анализируемое слово не было найдено в морфологическом словаре и предсказание морфологической парадигмы для него не было выполнено, слово подсчитывалось.

– **Количество неизвестных словоформ.** Формировался набор неизвестных словоформ (Set). Если очередное анализируемое слово не было найдено в морфологическом словаре, предсказание морфологической парадигмы для него не было выполнено и слово в наборе отсутствовало, слово добавлялось в набор. В противном случае слово игнорировалось. По завершении анализа набор содержал список всех неизвестных словоформ текста. Размер данного списка соответствовал количеству неизвестных словоформ.

– **Количество слов с опечатками (1 опечатка) из числа неизвестных словоформ.** Формировался набор словоформ с опечатками (Set). Если очередное анализируемое слово попало в категорию неизвестных, а стратегия коррекции ошибок нашла в морфологическом словаре словоформу, расстояние Левенштейна от которой до текущей парадигмы равно 1 и словоформа в наборе отсутствовала, словоформа добавлялась в набор. В противном случае словоформа игнорировалась. По завершении анализа набор содержал список всех словоформ с одной опечаткой. Размер данного списка соответствовал количеству словоформ с одной опечаткой.

– **Правильность предсказания** (% от общего количества предсказанных парадигм). Для оценки качества предсказания случайным образом была выбрана каждая 1000-ая парадигма, правильность предсказания которой проверялась вручную. Далее был посчитан % правильности предсказания по формуле: $(\text{кол-во правильно предсказанных парадигм}) / (\text{общее кол-во проверенных вручную парадигм}) * 100$.

– **Количество правильно предсказанных парадигм** было рассчитано методом аппроксимации по формуле: $(\text{общее кол-во предсказанных парадигм}) * (\text{правильность предсказания в \%}) / 100$.

– **Количество неправильно предсказанных парадигм** было рассчитано по формуле: $(\text{общее кол-во предсказанных парадигм}) - (\text{кол-во правильно предсказанных парадигм})$.

– **Количество словоформ с предсказанной парадигмой.** Формировался набор словоформ с предсказанной парадигмой (Set). Если для очередной анализируемой словоформы было успешно выполнено предсказание мор-

фологической парадигмы и словоформа в наборе отсутствовала, словоформа добавлялась в набор. В противном случае словоформа игнорировалась. По завершении анализа набор содержал список всех словоформ с предсказанной парадигмой. Размер данного списка соответствовал количеству словоформ с предсказанной парадигмой.

Общие параметры проанализированной части корпуса и результаты предсказания представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Общие параметры частичного корпуса и результаты предсказания

Общий размер частичного корпуса (словоупотреблений)	1 082 797 004
Количество словоформ	3 525 863
Количество словоупотреблений, описываемых морфологическим словарем	924 764 959 (85,405%)
Количество словоформ, описываемых морфологическим словарем	124 876 (3,542%)
Количество словоупотреблений с предсказанной парадигмой	7 973 441 (0,736%)
Количество предсказанных парадигм	97 161 (2,756%)
Количество правильно предсказанных парадигм	93177
Количество неправильно предсказанных парадигм	3984
Правильность предсказания (% от общего количества предсказанных парадигм)	95.9%
Количество неизвестных словоупотреблений	150 058 604 (13,858%)
Количество неизвестных словоформ	3 303 826 (93,703%)

Распределение словоупотреблений по частям речи представлено в табл. 2–4.

Т а б л и ц а 2

Распределение словоупотреблений, описываемых морфологическим словарем, по частям речи

Сущ.	Прил.	Глаг.	Нареч.	Мест.-сущ.	Мест.-прил.
277 456 627 (25,624%)	85 764 441 (7,921%)	200 181 054 (18,487%)	24 744 417 (2,285%)	42 651 116 (3,939%)	38 474 087 (3,553%)

Т а б л и ц а 3

Распределение словоупотреблений с предсказанной парадигмой по частям речи

Сущ.	Прил.	Глаг.
4 689 994 (0,433%)	2 347 341 (0,217%)	917 681 (0,085%)

Т а б л и ц а 4

Распределение словоформ с предсказанной парадигмой по частям речи (в кол-ве парадигм)

Сущ.	Прил.	Глаг.
40 227 (1,141%)	43 765 (1,241%)	12 898 (0,366%)

Как видно из результатов, в словообразовании участвуют существительные, прилагательные и глаголы. Другие части речи, в частности наре-

чия, практически не представлены в данном корпусе в качестве новых слов. Скорее всего, это связано с тем, что наречия являются неизменяемыми, из-за чего предсказание их морфологической парадигмы описанным выше алгоритмом по нескольким словоформам работает плохо, так как не накапливается достаточного количества словоформ для формирования полной морфологической парадигмы.

На втором этапе был проанализирован полный корпус текстов без учета частотности. В процессе предсказания были также проанализированы слова, классифицированные как неизвестные, т.е. не описанные словарем анализатора и не попавшие в те, чья морфологическая парадигма была предсказана анализатором. Среди них как минимум четверть слов – это слова с одной опечаткой (по словарю анализатора). Можно предположить, что большая часть оставшихся слов – это слова с опечатками из числа тех, чья парадигма была предсказана, а также слова из морфологического словаря с большим (чем 1) количеством опечаток. Это предположение будет проверено в последующих исследованиях.

Были проанализированы словоформы при двух значениях параметра `minFlexiaFormsPerParadigm` – 4 и 7. Этот параметр определяет, при скольких заполненных словоформах частично построенная морфологическая парадигма считается предсказанной. Чем выше данный параметр, тем меньше будет количество ошибок предсказаний, но и меньшее количество словоформ будет предсказано. Как кажется, значение параметра 4 подходит для большинства практических случаев.

Результаты второго этапа исследования представлены в табл. 5–7.

Таблица 5

Параметры корпуса текстов

Размер корпуса (байт)	148Gb
Время анализа	3,5 ч
Скорость анализа	~1 млн словоупотреблений/с
Количество словоупотреблений	10 млрд
Количество словоформ	10 218 872
Количество словоформ, описываемых морфологическим словарем	2 038 283 (19,94%)
Количество неизвестных словоформ	7 610 325
Из них количество слов с опечатками (1 опечатка)	1 970 553 (19,27%)

Таблица 6

Результаты предсказания на корпусе текстов (`minFlexiaFormsPerParadigm` = 7)

Количество предсказанных парадигм	193282
Количество словоформ с предсказанной парадигмой	1 309 510 (12,81%)
Количество правильно предсказанных парадигм	189996
Количество неправильно предсказанных парадигм	3286
Правильность предсказания (% от общего количества предсказанных парадигм)	98,3%

Т а б л и ц а 7

Результаты предсказания на корпусе текстов (minFlexiaFormsPerParadigm = 4)

Количество предсказанных парадигм	570 264
Количество словоформ с предсказанной парадигмой	2 608 547 (25,52%)
Количество правильно предсказанных парадигм	539469
Количество неправильно предсказанных парадигм	30795
Правильность предсказания (% от общего кол-ва предсказанных парадигм)	94,6%

Для оценки качества предсказания на каждом этапе случайным образом была выбрана каждая 1000-ая предсказанная парадигма, правильность предсказания которой проверялась вручную.

Примеры правильно предсказанных слов:

– внесимволический, внесимволического, внесимволическому, внесимволического...

– двухметроворостый, двухметроворостого, двухметроворостому, двухметроворостого...

– изоморфический, изоморфического, изоморфическому, изоморфического...

– легаровский, легаровского, легаровскому, легаровского...

– микропарсек, микропарсека, микропарсеку, микропарсек, микропарсеком...

– сладкозвучнейший, сладкозвучнейшего, сладкозвучнейшему, сладкозвучнейшего...

– регулировать, регулирую, регулируем, регулируешь, регулируете...

Примеры неправильно предсказанных слов:

– Базовые словоформы: бен-барзилаю, бен-барзилаем, бен-барзилай, бен-барзилая.

Предсказанная парадигма (выдержка): бен-барзиль, бен-барзилаю, бен-барзилаем, бен-барзилаешь, бен-барзилаете...

– канцлеров, канцлерова, канцлерову, канцлеров, канцлеровом, канцлерове...

– юшкин, юшкина, юшкиного, юшкиному, юшкину, юшкина, юшкиного...

Примеры слов с опечатками: билютень, оять, пезависимый, петебурге, хирур.

Примеры слов, для которых предсказание не было выполнено: хловиса, хлоп-хлоп, хмм, несусветские, завитневича, гс, шелдон, хеллоу.

Основное количество ошибок при предсказании составляют неверные предсказания заимствованных слов и имен собственных (которые попали в список анализируемых за счет неверного написания со срочной буквы).

Как видно из приведенных выше результатов, анализатор позволяет с высокой скоростью в полностью автоматическом режиме предсказать морфологическую парадигму значительной доли неизвестных слов (до

четверти всех словоформ), а также найти опечатки в уже известных словах, что позволяет с высокой точностью определить правильную морфологическую парадигму у двух третей словоформ на корпусе текстов 10 млрд словоупотреблений. Вопрос оценки полного частотного покрытия указанных словоформ на таком корпусе текстов оставим для последующих исследований.

Заключение

В статье был описан новый метод предсказания морфологической парадигмы неизвестных слов русского языка. Метод позволяет в инкрементальном режиме, т.е. по мере поступления очередной словоформы, в полностью автоматическом режиме, без участия человека предсказать морфологическую парадигму слова. Метод основан на ансамблевом предсказании морфологической парадигмы по одной словоформе по различным признакам – точного соответствия словоформы словарю, псевдопрефиксу, псевдосuffixу слова и др. На основе первичной оценки строятся частичные парадигмы, из которых по мере заполнения формируется предсказанная парадигма неизвестного слова, которая, в свою очередь, будет использоваться для дальнейшего предсказания. Также при анализе выполняется дополнительная коррекция опечаток, что дает возможность еще больше снизить количество ошибок определения морфологической парадигмы.

Данный метод позволяет с высокой скоростью правильно определить морфологическую парадигму до двух третей всех словоформ на корпусе текстов 10 млрд словоупотреблений.

В дальнейших исследованиях мы попробуем ответить на вопрос, какое реальное частотное покрытие по всем словоупотреблениям корпуса текстов дает такое предсказание. Предварительные оценки показывают значение не менее 95% от всех словоупотреблений, участвующих в анализе.

Кроме того, требует исследования вопрос влияния введенной в Алгоритм 5 очереди, ограничивающей общее количество анализируемых парадигм заданным размером.

Также требует дополнительного исследования оставшаяся часть неизвестных слов: являются ли они словами, имеющими больше одной опечатки, либо это очень редко употребляемые слова, словоформ которых недостаточно, чтобы сформировать полноценную парадигму.

Литература

1. Плузьян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М. : Едиториал. УРСС., 2003. С. 113.
2. Клышинский Э.С. Начальные этапы анализа текста // Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика : учеб. пособие. М., 2011. С. 118.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М. : Русский язык, 1980.
4. AOT. URL: <http://aot.ru/docs/rusmorph.html>
5. Сокирко А.В. Морфологические модули на сайте www.aot.ru // Труды международной конференции «Диалог-2004. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2004. С. 559.

6. Daciuk J. et al. Incremental construction of minimal acyclic finite-state automata // Computational linguistics. 2000. Vol. 26, № 1. P. 3–16.

7. Левенштейн В.И. Двоичные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов // Доклады Академии наук СССР. 1965. Т. 163, № 4. С. 845–848.

8. Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Addison-Wesley Press, 1949. P. 484–490, 573.

The Incremental Prediction of the Morphological Paradigm of Unknown Words in the Russian Language

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 27–41. DOI: 10.17223/19986645/68/2

Elena V. Lyukina, Maria A. Lytaeva, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: eliouki@mail.ru / lytaeva_ma@mail.ru

Keywords: morphology, morphological analysis, morphological paradigm, prediction of morphological paradigm of unknown words, computational linguistics, corpus research.

This article describes a new method of prediction of the morphological paradigm of unknown (which are not in a dictionary) words in the Russian language. Modern morphological analyzers detect the morphological paradigm of a word using a dictionary of word forms, in which each word form has corresponding morphological features. This method is the fastest and the most precise in comparison with others, but has one essential shortcoming – it is limited to the available dictionary and cannot detect a morphological paradigm of unknown words, i.e. those words not given in the dictionary. The method described in the article allows, in the incremental mode, predicting the morphological paradigm of a word. The method is based on the ensemble prediction of the morphological paradigm by a single word form and the consecutive formation of partial paradigms by several word forms. Partial paradigms then are used to compute final prediction. At the first step, ensemble prediction polls several various prediction strategies and forms an intermediate result of prediction. At the second step, the method correlates collected word forms and builds partial paradigms. The partial paradigms, which are filled by word forms to some threshold, then are used to form final result of prediction. At the third step, error correction and new prediction are performed for words whose morphological paradigm cannot be detected. An important advantage of the described method of prediction is that it works in the incremental unsupervised mode, without human intervention. The system is self-learning – the more word forms are met, the quicker and more precise the result of prediction is. Also, prediction algorithms practically do not affect the performance of the overall system. Bulky procedures of preprocessing and precreation of morphological dictionaries for new word forms are not required. To confirm the applicability of the new method, a research was conducted. The research used a text corpus of the Russian language of different genres (approx. 10 bn words). The research was done in two steps. At the first step, the analysis of a partial text corpus (about 1 bn words) was performed. The analysis took into account the frequency distribution of the predicted word forms. Only nouns, adjectives, verbs and adverbs were analyzed. At the second step, the full text corpus was analyzed without frequency distribution. The research confirmed the high precision and performance of the described prediction method. The method is able to predict morphological paradigms of two thirds of all word forms met in the text.

References

1. Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problem field]. Moscow: Editorial. URSS.

2. Klyshinskiy, E.S. (2011) Nachal'nye etapy analiza teksta [Initial stages of text analysis]. In: Bol'shakova, E.I. et al. *Avtomaticheskaya obrabotka tekstov na estestvennom yazyke i komp'yuternaya lingvistika: ucheb. posobie* [Automatic processing of texts in natural language and computational linguistics: textbook]. Moscow: MIEM.

3. Zaliznyak, A.A. (1980) *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka* [Grammar dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
4. AOT. [Online] Available from: <http://aot.ru/docs/rusmorph.html>.
5. Sokirko, A.V. (2004) [Morphological modules on the site www.aot.ru]. *Dialog-2004. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Dialogue-2004. Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Nauka. (In Russian).
6. Daciuk, J. et al. (2000) Incremental construction of minimal acyclic finite-state automata. *Computational Linguistics*. 26 (1). pp. 3–16.
7. Levenshteyn, V.I. (1965) Dvoichnye kody s ispravleniem vypadeniy, vstavok i zameshcheniy simvolov [Binary Codes with Correction of Dropouts, Insertions and Substitutions of Symbols]. *Doklady Akademiy Nauk SSSR*. 163.4. pp. 845–848.
8. Zipf, G.K. (1949) *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. Addison-Wesley Press. pp. 484–490.

УДК 811.51

DOI: 10.17223/19986645/68/3

Ю.В. Норманская

НАЗВАНИЯ ОДЕЖДЫ У ПРАСАМОДИЙЦЕВ¹

Предложен ряд новых этимологий названий одежды в прасамодийских языках. Анализ всех реконструированных деталей костюма показывает, что большинство имеют прауральское происхождение, но некоторые детали, особенно связанные с жизнью в суровых климатических условиях, заимствованы из пратунгусского языка. Из пратюркского в прасамодийский заимствована лексика, связанная с определенными технологическими решениями в производстве одежды.

Ключевые слова: ненецкий язык, энецкий язык, нганасанский язык, селькупский язык, маторский язык, камасинский язык, сравнительно-историческое языкознание, лексикология.

Наши знания о дописьменной истории народов мира базируются в основном на косвенных источниках. Либо это записи в исторических хрониках соседних народов, уже имевших письменность (которые имеются далеко не для всех периодов и территорий Евразии), либо данные археологических раскопок. И та и другая информация представляет свои сложности для интерпретации. Что касается археологических данных, в них часто можно найти богатый материал, позволяющий восстановить картину жизни носителей той или иной культуры. Но этническая привязка археологической культуры почти всегда проблематична. Как раз для самодийских языков атрибуция археологических культур на соответствующих территориях дискуссионна². Исторические свидетельства о предположительных носителях этих праязыков также скудны. Сведений о деталях костюма в период до нашей эры на территории Западной Сибири вообще практически нет. Это связано с тем, что одежда может хорошо сохраняться только в условиях Крайнего Севера или в торфяниках. Поэтому надежных сведений о деталях костюма у древних людей, начиная с энеолита, вообще крайне мало не только в Евразии, но и во всем мире.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание уральских языков на основе больших данных».

² Е.А. Хелимский в [1. С. 13–26] на основании анализа лингвистических данных предлагает локализовать прародину самодийцев вокруг треугольника, образуемого городами Томск – Красноярск – Енисейск. Предположительно она также включала северную часть Обь-Иртышья и Саяны. Но с точки зрения археологов на этой большой территории располагались две различные культуры, с которыми археологи предлагают связывать носителей самодийского праязыка с населением кулайской культуры (V в. до н.э. – V в. н.э. в Среднем Приобье) или тагарской культуры (VIII в. до н.э. – I в. н.э. в Минусинской котловине).

С другой стороны, как было показано в [2, 3], уровень развития технологий и культуры у прасамодийцев был достаточно высокий по сравнению с финно-уграми, живущими на более западных территориях. В статье [4] было показано, что для прафинно-угорского языка (в III тыс. до н.э.) реконструируются следующие названия одежды: **pVšV* 'одежда (общее название)', **punV* 'штаны', **śuma* 'головной убор', **üw* 'пояс', **wüñä* 'пояс' и **l'ippe* 'обувь / обмотки для ног из шкур', **śopa* 'нательная верхняя одежда, похожая на рубашку', **peśV* 'варежки' и **śirV* 'украшения'. На прафинно-пермском уровне (начало II тыс. до н.э., Поволжье, между устьями Оки и Камы) реконструируется одно новое слово: ФП **kāmā* 'обувь, сапог' [5. Bd. 2. S. 650]. На прафинно-волжском уровне (середина II тыс. до н.э., Средняя Россия: от Среднего Поволжья до Южного Белозерья и Посухонья): ФВ **wera* 'одежда, одеваться' [Ibid. S. 820], ФВ **käte-kse* 'рукав' [Ibid. S. 654], ФВ **šiśna* 'ремень из кожи' [Ibid. S. 786] < балт. **šikśna*:- лит. *šikšnà* 'мягкая, подготовленная для выделки ремня кожа, ремень', *sikśna*, *sikśns* 'ремень'.

Для праугорского уровня (конец II тыс. до н.э., западнее Урала или в бассейне Иртыша) мы предлагаем реконструировать лишь одно новое название ПУг. **keñtV* 'шапка, платок'. На праобскоугорском уровне (III в. н.э., Западная Сибирь) реконструируются следующие новые по сравнению с праугорским названия одежды: ПОБУг. **sāk* 'шуба' [6. № 569], ПОБУг. **wīč* 'платье' [6. № 656], ПОБУг. **kīm(p)əl* 'подол, край' [6. № 272], ПОБУг. **tar* 'шапка, платок' [7. Р. 1463; 8. Р. 648]; ПОБУг. **lapV* 'верхняя одежда: шуба, платье' [7. Р. 873; 8. Р. 251, 267]. Можно отметить, что в этот период впервые появляется особое название для шубы, ранее, начиная с финно-угорского периода, был лишь один вид верхней одежды, не было четких указаний, что до нашей эры у уральских народов была более или менее теплая верхняя одежда. Также в этот период впервые реконструируется понятие **wīč* 'платье', в более ранний период были ПУ **punV* 'штаны' и ФУ **śopa* 'одежда, похожая на рубашку'.

Итак, видно, что система названий одежды в финно-угорских языках являлась достаточно бедной, некоторое расширение представлено лишь в обско-угорских языках, носители которых как раз граничили с территорией расселения самодийцев. Представляется интересным проверить, является ли система названий одежды самодийцев также более разнообразной, как и, например, названия вооружения, см. [9].

В рамках проведенной работы с применением сравнительно-исторического метода нам удалось почти в два раза увеличить количество реконструируемых названий одежды у носителей прасамодийского языка. Специально подчеркнем, что за каждым из результатов, полученных с помощью сравнительно-исторического метода, стоит долгий и кропотливый труд, но зато степень их надежности высока, поскольку они строятся на полностью верифицируемом, практически математическом сравнении лексических данных современных языков. Для самодийских языков в настоящее время в трудах Ю. Янхунена, Е.А. Хелимского, Т. Миколы и других

ученых разработана система соответствий между фонемами современных языков. Для тех случаев, когда, например, одной селькупской фонеме могут соответствовать две разные фонемы в нганасанском языке, практически во всех случаях найдены правила распределения, т.е. описаны позиции, когда в современном языке возникает особая фонема, или, наоборот, две праязыковые фонемы совпадают, эта реконструкция отражена в [10].

Таким образом, в настоящее время мы с математической точностью можем сказать, какие слова в современных самодийских языках восходят к одному праязыковому корню или основе, а какие – к разным. Соответственно, когда разработаны четкие правила соотнесения звуковых оболочек слов, то важно проанализировать и соотношение значений рефлексов одного прасамодийского слова в современных самодийских языках, и если значения в них различаются, то выявить, какое значение было в праязыке. В монографии «Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках» [11] мы разработали подробный алгоритм семантической реконструкции. Последовательно применяя этот алгоритм и систему регулярных соответствий, мы реконструировали древние прасамодийские названия одежды. Увеличение количества этимологий стало возможным благодаря тому, что за последние тридцать лет появилось много новых словарных материалов по современным самодийским языкам. Важнейшим источником по южно-селькупским диалектам является словарь [12], необходимо также отметить небольшой, но важный для изучения лесного ненецкого языка словарь [13], по другим самодийским языкам в первую очередь это полевые записи Е.А. Хелимского, который составил на их основе словари по энецкому, нганасанскому и северно-селькупскому языку, насчитывающие более 7–10 тысяч словоформ каждый [14–18] и др.

В настоящее время практически все самодийские языки, за исключением ненецкого, находятся в угрожаемом положении, количество носителей, хорошо владеющих этими языками, чрезвычайно мало (в частности, осталось только несколько десятков носителей энецкого языка и менее десяти носителей южноселькупских диалектов). Даже лучшие знатоки этих языков в качестве основного языка общения используют русский. Таким образом, все большее значение приобретает изучение архивных материалов по самодийским языкам, собранных учеными в XIX – середине XX столетия, когда носителей самодийских языков и диалектов было значительно больше и уровень владения языком был гораздо выше. Как в нашей стране, так и за рубежом существуют огромные, далеко не в полном объеме обработанные архивы, в первую очередь материалы Дульзона, Кастрена и других исследователей. Частично эти данные уже были изданы, но тщательная проверка архивов позволяет выявить многочисленные лакуны в изданиях и доказывает необходимость более тщательной обработки архивных данных и введения их в научный оборот.

Итак, в самодийском этимологическом словаре [10] реконструируются следующие названия одежды: ПС **pårkå* ‘платье, одежда’ [10. Р. 116–117], **jemp̃ä* ‘платье’ [Ibid. Р. 42], **pit̃mä* ‘штаны’ [Ibid. Р. 127], **t̃üäj* ‘рукав’ [Ibid.

P. 167], **pāncā* ‘(нижний) подол’ [Ibid. P. 116], **opā-* ‘рукавица’ [Ibid. P. 29], **pājma* ‘сапог’ [Ibid. P. 118], **sisz* ‘завязка’ [Ibid. P. 141], **t^let³mā* ‘завязка’ [Ibid. P. 158], **n^li/*ji* ‘пояс’ [Ibid. P. 102]. Из них только три слова имеют уральскую этимологию: ПС **tūaj* ‘рукав’ [Ibid. P. 167] < ПУ **soja* ‘рука, рукав’ [5. Bd. 1. S. 45], **pāncā* ‘(нижний) подол’ [10. P. 116] < ПУ **panči* ‘хвост’ [5. Bd. 1. S. 353]; ПС **n^li/*ji* ‘пояс’ [10. P. 102] < **jāje* ‘пояс’ [5. Bd. 1. S. 90].

По сравнению с прауральскими названиями одежды в прасамодийском языке появилось много новых терминов, часть из них заимствования, для некоторых в настоящее время еще не удалось найти внешней этимологии¹.

ПС **pārka* ‘одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу’ (**pārka* ‘платье, одежда’ [10. P. 116–117] < ПТМ **bārga-* ‘одеваться’ [20. T. 1. C. 73].

Т ненец. *парка* ‘парка (верхняя меховая одежда мужчины)’, *паркă(сь)* ‘покрыть, скроить, выкроить, раскроить’ [21. С. 448], О, Sj. *pārkkp* ‘Pelzüberrock des Mannes von der Art eines Sowiks, aber verziert und aus dünnhaarigem Herbstfell des Renttierkalbs gefertigt; wird von den Ostjaken und Wogulen getragen, wenn sie gut gekleidet sein wollen’ < ‘меховая верхняя одежда мужчины, изготовленная из осенних телячьих шкур’>, О, T1 *pārkkā* ‘zu einem Kleidungsstückzuschneiden (Fell, Zeug), Sjo. *pārkkāš* id. [22. S. 346]; Л ненец. *pālka* ‘верхняя меховая мужская одежда’ [18. С. 90]; энец. *page* ‘одежда’, *pagelaa* ‘шкура, пригодная для пошива одежды’, *pagiʔo* ‘небольшая доска для кройки мелких вещей’ [15]; сельк. таз. *pōrkīqo* ‘выкроить’, *pōrkī* ‘штаны’, *porqī* ‘одежда’, об. *порз* ~ *порзэ*, кет. *порз* ~ *порзэ* ~ *порза*, вас. *порз* ~ *порзэ* ~ *порзэ*, ел. *порз* ~ *порзэ* ~ *пурз*, об. с. *порег* ~ *порэз*, тым. *порэз* 1) ‘шуба’, 2) ‘одежда’, 3) ‘листва’, тур. *порозе* ‘шуба’ [12. С. 192–193]; кам. *pərya* [23. S. 52]; мат. *harga* ‘одежда, шуба’ [14. S. 240].

Сравнение значений рефлексов рассматриваемого слова в самодийских языках позволяет реконструировать ПС **pārka* ‘верхняя одежда (общее название, мужская)’, так как значение ‘верхняя одежда’ широко представлено как в северно-, так и в южносамодийских языках. Возможно ли уточнить особенности покроя ПС **pārka* ‘верхняя одежда (общее название, мужская)’?

Как отмечается в [24], особенности верхней плечевой одежды энцев совпадают с особенностями ненецкой парки. Верхняя одежда энцев была глухой, с капюшоном, ее шили из шкур короткошерстных пыжиков (шкур оленят, убитых осенью) мехом наружу. Различается лишь характер украшения этой одежды: у нганасан и энцев это отдельно выкроенный кусок в форме нагрудника, вшитый в центр переда. Ненцы украшали парку широкой орнаментированной полосой, вшитой между подолом одежды и пандой и выполненной в технике меховой мозаики.

¹ Вероятно, для ПС названий одежды следует реконструировать и ПСС **sāma* ‘(женская) шапка’ (нен. *cāva*, эн. *sae*, нган. *sāti*), поскольку данное слово имеет надежные параллели в ФУ **šuma* ‘головной убор’ [5. Bd. 1. S. 489]. Как показано в [19], ПСС *ā* является рефлексом ПУ **u* в безударной позиции.

У селькупов одежда, обозначаемая рефлексамися ПС **pårkå*, в настоящее время вышла из употребления. Однако упоминание о селькупской парке как распашной одежде (без конструктивных продольных швов, «обернутой»), встречается в материалах Е.Д. Прокофьевой: «Характерной зимней одеждой северных селькупов была *парка (паргы)* – открытая спереди шуба из оленьих шкур, сшитых мехом наружу. <...> *Парку* носили и мужчины, и женщины» [24. С. 675]. М.А. Кастрен в своей коллекционной описи также приводит термин *тарый порко* ‘мохнатая парка’: «Это короткая распашная одежда (до колен), стан ее цельнокроенный из одной шкуры, без швов на боках, с узкими полками и надрезами для пройм, куда вшивали рукава одежды. Сшита *парка* из оленьей постельной шкуры, мехом наружу; к левому борту одежды пришиты ровдужные завязки, парные к ним завязки пришиты справа на груди. Таким образом, одежда слегка запахивается слева направо. Широкий в пройме рукав заканчивается пришитой к нему камусной рукавицей – *порь*. Пришивают ее наглухо, оставляя незашитым место над ладонью для вынимания руки. К концу рукава, покрывая это отверстие, пришит клапан из черной бумажной ткани с вышивкой крестом цветными нитками» [25. С. 9–10].

Таким образом, общим для всех самодийцев является принцип покроя парки из оленьих шкур мехом наружу, без швов по бокам. Однако у северных самодийцев парка была глухой, в то время как у южных самодийцев (селькупов), видимо, распашной. Отсутствие данных об особенностях фасона и покроя парки у камасинцев и маторцев не позволяет уточнить, глухой или распашной была ПС **pårkå*.

ПС **pit³mä* ‘штаны’ [10. З. 127]¹

Т ненец. *пи”мя* ‘брюки, штаны’ [21. С. 472], О, Т1 *piṁ'm'e*, U *pi”m'e*, U-Ts. *pi”m'ē*, М *pi”m'e* ‘Hose (auch der Frauen)’ < ‘брюки, штаны (также женские)’ > [22. S. 385]; Л ненец. *’piṁ’ta* ‘штаны из шкур, брюки’ [18. С. 104], *пи”мя* ‘брюки, штаны’ [13. С. 112, 173, 284], *пи”мя* ‘брюки’ [27. С. 136, 176], Lj. *piṁ”m’əp*, S, Nj. *piṁ”m’əp*, Kis., P2 *piṁ”m’əz* ‘Hose (auch der Frauen)’ < ‘брюки, штаны (также женские)’ > [22. S. 385]; энец. *pi’e* ‘штаны’ [15]; сельк. таз. *pünṁj* ~ *pütṁj* ~ *pimṁj* ‘штаны’ [17], об. с., тым., ел. *пим*, ел. *пимме* ‘брюки’, ел. *пимме* ‘брюки’, об. ш. *пим*, *пөм*, *пөмм*, *пүйм*, об. ч. *пөмме*, вас. *пөме*, *пөмме* ‘брюки’, тым. *пэмэ* ‘брюки’, кет. *пюммы* ‘брюки’ [12]; кам. *pi’ṁtə* ‘чулки, женское платье’ [23. С. 53].

Насколько нам известно, штаны традиционного покроя сохранились в настоящее время только у ненцев, поэтому рассмотрим более подробно особенности их кроя. Мужские штаны *пи”мя* ненцы шили «из пыжика или пашин телячьей постели мехом к телу», прежде – «из шкуры хора или быка

¹ Сравнение самодийских форм с ФУ **pitV-* ‘деталь одежды на ноги’: саам. I *piddo* ‘высокие сделанные из материи женские гольфы’; хант. V, Vj *pätṁj* ‘засучить рукава; подтянуть штаны, продев в них ремень’, Tṛj *pitər*, Kaz *pitər*, O *putər* ‘засучить рукава; подвернуть брюки’, предложенное в [26], представляется в настоящее время не вполне надежным, поэтому здесь опущено.

(оленья-самца)» [28. С. 120]. Верхняя часть штанов не имела разреза, на талии штаны поддерживались с помощью вздержки из ровдуги. Такие штаны шились как «натазники» с надставками в виде штанин, которые спускались ниже колена и заправлялись в меховые чулки (см. ниже *либт*”, *тобак*) [Там же. С. 120]. Летние штаны шились из ровдуги [Там же. С. 122, 130].

Женские штаны ненцы шили из «короткошерстной оленьей шкуры мехом внутрь» [Там же. С. 127]. Надставные штанины также спускались ниже колен и заправлялись в меховые чулки, за голенища обуви [Там же. С. 127–128] (интересно, что, по данным Г.Д. Вербова, штанины женщин-энок, наоборот, покрывали сверху голенища пимов [Там же. С. 128]. На талии женские штаны поддерживались с помощью пришитого ремешка, к которому также привязывались ровдужные завязки меховых чулок (обуви), чтобы они не спадали.

Как было сказано выше, в районах, расположенных восточнее полуострова Канин Нос, женские штаны имели «пришивной нагрудник, представляющий собой полосу меха или ровдуги от талии до шеи» [Там же]. У селькупов и народов Саянского нагорья женские штаны не имели нагрудника, а нганасанские женщины традиционно носили комбинезоны, закрывающие грудь, но имеющие большой вырез на спине.

ПС **ора*- ‘рукавицы из камыса, пришиваемые к рукавам одежды’ (ора*- ‘рукавица’ [10. Р. 29].**

Т ненец. *уба*” ‘рукавицы’, *уба* ‘рукавица’ [Ibid. Р. 392] (> *убакоця*” ‘рукавички, варежки’, *убакоця* ‘рукавичка, варежка’ [Ibid. Р. 392], канин., тиман., м.-з. *оба*” ‘рукавицы’, *оба* ‘рукавица’; *уба* ‘рукавица’ [19. С. 79, 264], О, Sj., MB, U-Ts. *ηōBΓp*, OP *ηōb̄p̄d̄*, T1 *ηōb̄p̄*, U *ōb̄Γp*, Sjo., M *ōb̄p̄d̄* ‘Fausthandschuh’ <‘рукавица, варежка’> [22. S. 39]; Л ненец. *’ηōpa* (ηōppΦo) ‘рукавица, пришитая к малице и женской одежде’ [18. С. 82], *юпа* ‘рукавица, варежка’, *юпа*” ‘рукавицы, варежки’ [13. С. 98, 257], *юпа* ‘варежка’ [27. С. 136, 176], Lj., Nj. *ηōpp̄p̄d̄*, Kis., P *ηōpp̄p̄* ‘Fausthandschuh’ <‘рукавица, варежка’> [22. S. 39]; энец. *обе* ‘рукавица’ [15]; нган. *нуху* ‘рукавица, варежка’; сельк. таз. *порі* ‘рукавица’ [17], об. с., об. ш. *ноп*, тым. *нōп*, кет. *ноппы* ‘рукавица; рукавицы’, об., вас., тым. *ноб* ~ *нōб* ~ *ноб̄ō* ‘рукавица; рукавицы’ [12]; кам. *йба* ‘рукавица’ [23. С. 79]; мат. *опа* ‘рукавица’ [14. S. 326].

Ненцы, энцы и нганасаны изготавливают рукавицы из камыса, поэтому этот тип рукавиц можно восстанавливать и для ПСС языка.

Северные селькупы, как и северные самодийцы, делали рукавицы из оленьих камысов и наглухо пришивали их к рукавам, оставляя незащитым место над ладонью для вынимания руки [29]. У южных селькупов конструкция рукавиц была сложнее: в начале XX в. рукавицы у них были обычно двойные – «исподки» и «верхонки». «Исподки» вязали из овечьей шерсти, «верхонки» делали из оленьего камыса или собачьей шкуры, а позже – из брезента. Есть упоминание об изготовлении селькупам на Оби рукавиц из стерляжьей кожи, а также трехпалых рукавиц для стрельбы из лука [30. С. 44].

Однако наличие рукавиц из камыса у северных селькупов указывает на то, что южноселькупская конструкция рукавиц является инновационной, а для ПС **orā-* реконструируется значение ‘рукавицы из камыса, пришиваемые к рукавам одежды’, которое сохранилось у рефлексов этого слова во всех самодийских языках.

ПС **kəlv* ‘(зашитый) рукав’¹ < ПТМ **xul-kse* ‘рукав’² [20. Т. 2. С. 254].

Т ненец. *хăлак* 1) ‘клапан в верхнем углу нюка, через который тот поднимается на шест’; 2) ‘закрытая рукавичка, пришитая к верхней детской одежде’ [21. С. 724], *хăлак*” ‘рукавицы, пришитые к детской одежде’, О, Sj., К *хăлăк*, ОР *хăлăк* ‘geschlossener Fausthandschun an der Malitza der Kinder; Lasche in der oberen Ecke der Zeltdecke, woran diese mit der Zeltstange hinaufgehoben wird’ <‘закрытая рукавица на детской малице; клапан в верхней части нюка, с помощью которого нюк поднимается на шесты’> [22. С. 149]; энец. *kolako* ‘зашитый рукав (детской малицы), глухой рукав’ [15]; сельк. об. с. *колал*, *коллал* ‘рукав’ [12. С. 46].

Анализ рефлексов ПС **kəlv* в самодийских языках показывает, что, видимо, уже на прасамодийском уровне появилась детская одежда с зашитыми рукавами. Интересно, что гипотеза о заимствовании этого названия из тунгусо-маньчжурских языков (**xul-kse* ‘рукав’ [20. Т. 2. С. 254] соответствует этнографическим данным о существовании у тунгусов особой одежды с зашитыми рукавами, ср. эвенк. *kukči*, эвен. *qiči* ‘спальный мешок; детская одежда с зашитыми рукавами’ [31. Vol. 1, № 136; 20. Т. 1. С. 427]).

ПС **pāncə* ‘подол’ (ПС **pāncə* ‘(нижний) подол’ [10. Р. 116] < ПУ **pānci* ‘хвост’ [5. Bd. 1. S. 353; 32. Р. 23–24].

Т ненец. *пан* ‘нижний край (например, нюка); подол одежды’ [21. С. 440], О, T1, Sj., М *pān* ‘Saum (an einem Kleidungsstück, an der Zeltdecke, an der Zelttür); Saumstreifen (z. B. an der Malitza vor dem Hundefellstreifen)’ <‘нижний край (одежды, покрышки на чум), подол (например, малицы)’> [22. С. 346]; Л ненец. *pān* (рФān) ‘подол, нижний край чего-либо матерчатого’ [18. С. 92], *пан* 1) ‘нижний край покрышки чума’; 2) ‘подол одежды’, 3) ‘край, конец (чего-либо)’ [13. С. 104, 240], Lj., Nj. *pān* ‘Saum (an einem Kleidungsstück, an der Zeltdecke, an der Zelttür); Saumstreifen (z. B. an der Malitza vor dem Hundefellstreifen)’ <‘нижний край (одежды, покрышки на чум), подол (например, малицы)’> [22. С. 346], энец. *padi* ‘пола, подол’ [15]; нган. *hontəl’ir* ‘подол’ [16], *хонтэ* [19]; сельк. кет. *пăңзе* ‘подол’ [12. С. 185], вас. *понэсар* ‘подол’ [12. С. 193]; кам. *phandar* ‘передняя часть шубы’ [23. С. 52].

Подол малицы, мужской верхней одежды, имеет опушку, сшитую из шкуры осеннего теленка или летней шкуры взрослого оленя (мех короткий и невысокого качества) [28. С. 117] – Т ненец. *панд*”(д). Подол паницы

¹ Здесь и далее этимологии выделены полужирным шрифтом, когда они предлагаются, насколько нам известно, впервые.

² В [20. Т. 2. С. 254] обще-ТМ форма дается как *у́ксэ*. Но на основании нан. *хуэксэ*, маньч. *улли* предлагаем реконструировать **xul-kse*.

(ягушки), женской верхней одежды, шьется из собачьей шкуры белого цвета (для паниц архаичного, горизонтального, кроя) [Там же. С. 124; 33. С. 5] или из оленьей шкуры (няблюя) более темного оттенка, обычно совпадающей по цвету с бортами (для паниц вертикального кроя) [28. С. 125; 33. С. 7]. Энцы и нганасаны обшивали подол не темным, а белым собачьим или песцовым мехом [24. С. 510]. У северных селькупов, по данным [29. С. 85], полы были надставлены полосами оленьего меха и имели запах «слева направо», к подолу пришивалась меховая надставка: сельк. кет. *nāŋze* ‘подол’ [12. С. 185], вас. *пона́сар* ‘подол’ [Там же. С. 193]. Таким образом, общесамодийской чертой можно считать наличие подола из меха, качество которого уточнить не удастся.

ПС **ükVj* ‘шапка’ [14. Р. 373].

сельк. таз. *ükj* ‘шапка, головной убор; капюшон’ [17], ел. *үккы*, вас. *ög ~ öge ~ öke ~ üg*, об. *ög ~ öge ~ öke ~ üg ~ ügэ*, тым. *ög ~ öge ~ ök ~ юка*, кет. *öк-ко ~ үгы ~ үккы* ‘шапка; кепка’ [12. С. 172, 173, 262, 264, 315]; кам. *üžji* ‘шапка’ [23. С. 70]; мат. *ügij* ‘шапка’ [14. Р. 373].

ПС **pälV* ‘нагрудник, свисающая деталь одежды спереди’.

Т ненец. *пялик* ‘нагрудник в виде кусочка мягкой шкурки, которая закладывается за ворот одежды ребенка’ [21. С. 510]; Т ненец. *пялься* ‘лоскут замши или ткани, который пришивается спереди к женским штанам’ [Там же]; Л ненец. *päl’ša* ‘фартук на женских штанах’ [18. С. 91]; энец. *perose* ‘лоскуты замши или ткани, пришиваемые спереди к женским штанам’ [15]; нган. *h¹alu* ‘передняя часть, подол мужской парки; нагрудник шамана’ [16]; кам. *pāl¹i* ‘завязка для завязывания обуви на ноге’ [23. С. 50].

ПС **kürV-* ‘стянуть, подпоясаться, гашник; шнурок, вдернутый в пояс штанов (шнурок, к которому крепятся голенища обуви)’, ср. ОТю **gür-* > туркм. *göze-* ‘увязывать вещи; прошнуровывать’ [34. Т. 3 С. 131]¹.

Т ненец. *сюр*’(д) ‘объем пояса (штанов)’ [21. С. 592], *сюр*’мя ‘гашник; шнурок, который вдергивается в пояс штанов’ [Там же], *сюркарць* ‘стянуть (при помощи шнурка)’ [Там же. С. 590]; Л ненец. *šül?* ‘пояс мужских штанов’ [18. С. 123], S *šur*’...¹, P *šul*’...¹ ‘Zugschnur, Zugriemen (Tailleband der Hose u. a.)’ <‘ремень, пояс’> [22. С. 454]; энец. *šuru*’(д) ‘гашник’ [15]; нган. *kirim* ‘завязка (мешка, бубна); гашник, резинка в трусах; нижняя тетива сети’ [16]; сельк. *šur-* ‘собрать в сборки’ [17].

ПС **marV* ‘пряжка, пуговица’.

Т ненец. *мара* 1) ‘пряжка, застежка (пояса)’; 2) ‘петля’ [21. С. 235], *ни*’ *мара* ‘небольшая металлическая пряжка на поясе’ [Там же. С. 309], О, Sj. *mārā*,

¹ Здесь не рассматривается второе ПС название пояса **tolā* ‘пояс, ремень’ [10. Р. 165], потому что мы следуем гипотезе, высказанной в работе [35. С. 91–92] о заимствовании слова сепаратно в отдельные самодийские языки из эвенк. *тол* И, *тэлэүй* (в большинстве диалектов), *талэүй* С, вост. ‘пояс (к которому подвязываются голенища высоких зимних унтов)’, ‘ремешок (на верхней части обуви)’, *тэлэ* ‘то же’. поскольку с точки зрения фонетики самодийские формы, приводимые в этой этимологии, не сводятся закономерно в единую праформу.

OP *mārrp*, M *māræ* ‘Schlinge, in die ein knöcherner od. hölzerner “Dorn” gesteckt wird (z. B. am Renntiergeschirr); Schnalle (am Gürtel)’ <‘петля; пряжка (пояса)’> [22. S. 252], O *nīm māra*, M *nīm māra* ‘Gürtelschnalle’ <‘пряжка пояса’> [Ibid. S. 323]; Л ненец. *‘mala* = *‘mal’añ* 1) ‘пряжка, застежка’; 2) ‘петля’ [18. С. 51] (*huj’kaj ‘mala* ‘петля для пуговицы’, *‘mala(š)* ‘сделать петлю’ [Там же]), *‘nimala* ‘пряжка для пояса из кости’ [Там же. С. 67], *ни мада* ‘бляха’ [13. С. 82], S *mārrpā* ‘Schlinge, in die ein knöcherner od. hölzerner “Dorn” gesteckt wird (z. B. am Renntiergeschirr); Schnalle (am Gürtel)’ <‘петля; пряжка (пояса)’> [22. S. 252], P *n’ij⁸ māllæ* ‘Gürtelschnalle’ <‘пряжка (пояса)’> [Ibidem]; энец. *mara* ‘пряжка (пояса, колыбели), петля, штрипка’ [15]; нган. *məru* ‘пряжка, застежка’ [16]; ? кам. *mārka* ‘пуговица’ [34. С. 38].

ПС **rājma* ‘обувь из камысов с высоким голенищем’ (ПС **rājma* ‘сапог’ [10. Р. 118]) < ? ПТю **bān’-tak* ‘обувь’¹ [31. Р. 1252].

Т ненец. *нива*” ‘пимы (обувь из оленьего меха, шьется мехом наружу)’, *ни-ва* ‘пим’ [21. С. 461], *нива*” ‘пимы (обувь из оленьего меха)’, О, Sj., U *pīßp̄r*, T1, M *pīßp̄æ* ‘aus Schenkelfell des Renntiers genähter Stiefel’ [22. S. 382]; Л ненец. *‘rēta* (*p̄ēm̄tæ*) ‘пим’, *‘rēta?* ‘пимы (зимняя обувь мехом наружу)’ [18. С. 98], *нема*” 1) ‘кисы, пимы (обувь, сшитая из оленьих шкур)’; 2) ‘обувь (любая)’ [13. С. 108], *néma* ‘обувь’, ‘кисы’ [27. С. 79, 99, 137, 171, 172, 176], Lj., S, Nj. *p̄ēm̄t̄p̄æ* ‘aus Schenkelfell des Renntiers genähter Stiefel’ [22. S. 382]; энец. *p̄ee* ‘бакари’ [15]; нган. *huj̄ti* ‘обувь, меховые бакари’ [16]; сельк. таз. *p̄ēt̄i* ‘обувь, пимы (бакари)’ [17], ел. *пейм, тур. пемы* ‘кисы (*женская обувь из мягкой кожи*)’, об. с. *пō* ‘обувь’, об. с. *пōв, пōу* ‘чирки, ботинки, сапоги’, об. с. *пэу* ‘сапог, сапоги; ботинок, ботинки’, кет., вас. *пōв, пōве* ‘чирки, ботинки, сапоги’, кет. *п̄јманчаң* ‘гачи’, тым. *п̄јм* ‘обувь’ [12. С. 185, 186, 194, 199]; кам. *h̄ja* ‘сапог’ [34. С. 21]; мат. *h̄ita* ‘сапог’ [14. Р. 246].

Рассмотрим конструкции обуви, обозначаемой рефлексам этого слова, у современных самодийских народов.

У ненцев существительное *нива*” ‘пимы (кисы, бакари)’² – это верхняя длинная обувь, сшитая из камысов (Т ненец. *пена*), шкуры с ног оленя, шерстью наружу и надеваемая поверх меховых чулок, сшитых шерстью вовнутрь.

¹ В свете отмеченных Е.А. Хелимским возможных заимствований в амурские тунгусо-маньчжурские языки из прасамодийского [1. С. 281] ср. орок. *p̄ēto-li* ‘голенище; штанина’ [20. Т. 2. С. 36], которое по вокализму (в первом слоге – рефлекс дифтонга) не может относиться, вопреки [31. Vol. 2, № 1244], к ПТМ **p̄etič̄i* ‘меховая обувь’: эвенк. *hemčurē, otčurē* ‘низкие унты из оленьих камысов’, негид. *hetčira* ‘обувь из оленьей шкуры’, солон. *хоčoro* ‘сапоги’, ороц. *hebbire* ‘летняя обувь из лосиной замши’, маньчж. *foži* ‘меховые чулки’, *fomo(či)* ‘валяные шерстяные чулки; унты, надеваемые на сапоги в холода’, чжурчж. *fom-či* ‘чулки’ [20. Т. 2. С. 365–366].

² В разных районах расселения ненцев *нива*” переводится на русский язык по-разному: в западной тундре (западнее Уральских гор, от Канинской тундры до Большеземельской) – как «пимы», в восточной тундре (восточнее Уральских гор, в Ямальской, Тазовской и Гыданской тундрах) – как «кисы», в крайневосточной (полуостров Таймыр) – как «бакари» [26].

Конструкция пимов у других самодийских народов несколько отличается.

Нганасанские бакари *hijaŋti* уникальны и, по словам А.А. Попова, встречаются «только у нганасан»: эта обувь «не имеет выемов в подъеме и представляет как бы цилиндрический чехол, сообщаящий ноге вид передней конской ноги. Зимняя обувь шьется исключительно из белых камысов; на мужскую — с длинными голенищами, идет восемь камысов, на женскую — меньше, так как голенище ее короче» [18. С. 108–110].

Основные виды селькупской обуви: сельк. таз. *rētj* ‘обувь, пимы (бакари)’, ел. *пейм*, тур. *пемы* ‘кисы (женская обувь из мягкой кожи)’, об. с. *пō* ‘обувь’, об. с. *пōв*, *пōу* ‘чирки, ботинки, сапоги’, об. с. *пэу* ‘сапог, сапоги; ботинок, ботинки’, об. с. *хоби пōм* ‘сапог; сапоги’, кет. *пōв*, *вас. пōве* ‘чирки, ботинки, сапоги’, кет. *пўманчап* ‘гачи’, тым. *пўу*, *пўм* ‘обувь’ — оставались неизменными у носителей всех диалектов. Такой вывод можно сделать, в частности, на основании этнографических фактов, представленных в работе Г.И. Пелих «Происхождение селькупов» [30. С. 43–44]. Нижняя часть летней обуви шьется из оленьей кожи (без меха), зимней — из лосиных и оленьих камысов мехом наружу. Обувь может кроиться как с подошвой, так и без нее; в последнем случае подошва пришивается отдельно. У щиколотки пришивается полоска кожи, в нее продевается шнурок из кожи или из конопли. При стягивании шнурка чирок плотно обхватывает щиколотку ноги, сверху образуется оборка. Чирок можно было носить в таком виде, но часто сверху пришивались еще голенища высотой до колен. Голенища могли быть из оленьей или налимьей кожи, также голенища изготавливали из холста (их наименование в работе отсутствует).

Можно сделать вывод, что ПС **pājma* описывало обувь из камысов с высоким голенищем, так как эта часть значения (сема) присутствует у рефлексов ПС слова во всех современных самодийских языках.

ПС **tepmV* ‘подвязка пимов’.

Т ненец. (ямал.) *тем* ‘подвязка (пимов)’ [21. С. 648], (б.-з., зап.) *те’эм* ‘подвязка у мужских пимов’, ‘замшевые тесемки на пимах, которые прикрепляются к поясу брюк, чтобы обувь хорошо сидела’ [Там же. С. 652] (этнографическое описание см. выше); кам. *t'e'Vme* ‘веревка’ [34. С. 69].

ПС **jaa-* ‘голенище, завязка на обуви’.

нган. *d'aa* ‘завязка на женской обуви’ [16]; кам. *d'ā* ‘штанина, голенище’ [34. С. 13].

Выводы

Как видно, только три названия деталей одежды в прасамодийском языке имеют уральское происхождение: ПС **tūaj* ‘рукав’ [10. Р. 167] < ПУ **soja* ‘рука, рукав’ [5. Bd. 1. S. 45], **pāncā* ‘(нижний) подол’ [10. Р. 116] < ПУ **panči* ‘хвост’ [5. Bd. 1. S. 353; 32. С. 23–24]; ПС **n¹i/*ji* ‘пояс’ [10. Р. 102] < **jāje* ‘пояс’ [5. Bd. 1. S. 90].

Среди названий одежды, появившихся впервые в прасамодийском языке, присутствует ряд слов, предположительно заимствованных из тунгусо-маньчжурских и тюркских языков:

ПС **pårkå* ‘одежда, сшитая из оленьих шкур, без швов по бокам, мехом наружу’ (**pårkå* ‘платье, одежда’ [10. Р. 116–117]) < ПТМ **bārga* ‘одеваться’¹ [20. Т. 1. С. 73].

ПС **kālV* ‘(зашитый) рукав’ < ПТМ **xul-kse* ‘рукав’ [20. Т. 1. С. 254].

ПС **pālV* ‘нагрудник, свисающая деталь одежды спереди’ < ПТМ **pīl(a)-* ‘вид нагрудного ремня’ [20. Т. 2. С. 323–324, 304; 31. Vol. 2, № 1811].

ПС **kūrV-* ‘стянуть, подпоясаться, гашник; шнурок, вдернутый в пояс штанов (шнурок, к которому крепятся голенища обуви)’ < ОТю **kūr-* ‘завязывать’ [34. Т. 5. С. 148].

ПС **pājma* ‘обувь из камысов с высоким голенищем’ (ПС **pājma* ‘сапог’ [10. Р. 118]) < ? ПТю **bān'-mak* или **bāi'-mak* ‘обувь’ [31. С. 1252].

Шесть ПС слов в настоящее время не имеют внешней этимологии:

ПС **pit3mā* ‘штаны’ [5. Bd. 1. S. 127]; ПС **opå-* ‘рукавицы из камыса, пришиваемые к рукавам одежды’ (**opå-* ‘рукавица’ [5. Bd. 1. S. 29]); ПС **ükVj* ‘шапка’ [14. Р. 373]; ПС **marV* ‘пряжка, пуговица’; ПС **tepmV* ‘подвязка пимов’; ПС **jaa-* ‘голенище, завязка на обуви’.

Видно, что часть названий одежды и самих ее типов восходит к прауральскому состоянию (они приведены выше в первой части статьи, посвященной прауральскому языку); некоторые детали, особенно связанные с жизнью в суровых климатических условиях, заимствованы из пратунгусо-маньчжурского языка. Это, прежде всего, характерная самодийская шуба-парка. Интересно, что название обычного рукава восходит к прауральскому состоянию, а название закрытого рукава заимствовано. Из пратюркского в прасамодийский заимствована лексика, связанная, как кажется, с определенными технологическими решениями (ср. название грубого, большими стежками, шитья уральского происхождения и более тонкого способа – тюркского происхождения; название ткани – тюркского происхождения). Для ряда названий деталей одежды этимология пока не ясна; возможно, источник следует искать в каком-то сибирском субстрате, но сегодняшнее состояние палеосибирской реконструкции не позволяет с уверенностью находить параллели оттуда. В отдельных самодийских языках были обнаружены чукотские и юкагирские заимствования в названиях одежды (см. [2]).

Как показал проведенный анализ финно-угорских названий одежды (см. [4]), в III–I тыс. до н.э. носители финно-угорских языков имели еще сравнительно примитивные виды одежды. Интересным ранее неизвестным фактом является реконструкция на этом уровне термина **punV* ‘штаны’. На этом фоне реконструкция прасамодийского костюма и комплекса вооружения выглядит ярким контрастом. Уже начиная с прасамодийского

¹ Сопоставление ПС с ПТМ является не вполне надежным, поскольку рефлексy данного слова представлены только в южно-тунгусских языках, поэтому заимствование могло произойти только в период еще до распада ТМ языковой общности.

периода (конец I тыс. до н.э.) у самодийцев появляются многочисленные новые по сравнению с прауральским языком названия одежды и оружия. Как видно из настоящей статьи и анализа названий прасамодийского оружия [3, 9], среди этих новых слов довольно много заимствований из тюркских и тунгусских языков. Эти факты указывают на то, что у самодийцев был достаточно высокий уровень развития технологии производства оружия и одежды, который сложился в определенной степени под влиянием соседних племен, в первую очередь тюрок и тунгусов.

Сокращения

Языки и диалекты

долг. – долганский; др.-тюрк. – древнетюркский; кам. – камасинский; крх.-уйг. – караканидско-уйгурский; лит. – литовский; маньчж. – маньчжурские; мат. – маторский; монг. – монгольский; нан. – нанайский; Бк – бикийский диалект; нган. – нганасанский; негид. – негидальский; ненец. – ненецкий; Л – лесной ненецкий; Kis. – киселевский говор (среднекиселевский говор, в среднем течении р. Киселевская); Lj. – ляминский диалект; S – сахалинский говор (по р. Сахалинская); Ni. – говор в среднем течении р. *Nʷɬʰʂeʷej* (д. Торопково); Nj. – нялинский диалект; P, P2 – пуровский диалект; T – тундровый ненецкий; б.-з. – большеземельский диалект; I – ижемский говор; K – колвинский говор; MB – усть-цилемский говор; Sj. – усинский говор (говор по р. Уса); U – устьинский (пустозерский) говор (говор с. Устье – Пустозерска); вост. – восточные диалекты; ямал. – ямальский диалект; O – обдорский говор (говор г. Обдорска, ныне – г. Салехард); OP – нижеобской говор; T1, T12 – тазовский диалект; зап. – западные диалекты; канин. – канинский диалект; N – говор с. Несь; Sjo. – сёмжинский говор (говор по р. Сёмжа); м.-з. – малоземельский диалект; Oks. – оксинский говор (говор д. Оксина); U-Ts. – данные по м.-з. диалекту, записанные в с. Усть-Цильма; тиман. – тиманский диалект; M – мезенский говор; орок. – орокский; ороch. – ороchский; OTю – общетюркский; ПАлт – праалтайский; перс. – персидский; ПКор. – пракорейский; ПОбУг. – праобскоугорский; ПП – прапермский; ПС – прасамодийский; ПСС – прасеверносамодийский; ПТМ – пратунгусо-маньчжурский; ПТю – пратюркский; ПУ – прауральский; ПУг – праугорский; ПЯп – праляпонский; рус. – русский; сев. – севернорусское наречие; сиб. – сибирские говоры; саам. – саамский; I – диалект Инари; сельк. – селькупский; вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский диалект; кет. – кетский диалект; об. – диалекты обского ареала; об. с. – обские говоры сюсюкумов; об. ч. – обские говоры чумылькупов; об. ш. – обские говоры шёшкупов; таз. – тазовский диалект; тур. – туруханский диалект; тым. – тымский диалект; ср.-монг. – среднемонгольский; туркм. – туркменский; ФВ – финно-волжский; ФП – финно-пермский; ФУ – финно-угорский; хант. – хантыйский; Kaz – казымский диалект; Trj – тромьеганский диалект; V – ваховский диалект; Vj – васюганский диалект; чаг. – чагатайский; чжурчж. – чжурчженьский; эвен. – эвенский; эвенк. – эвенкийский; И – илимпийский говор северного наречия эвенкийского языка; Н – непский говор южного наречия эвенкийского языка; С – сымкий говор южного наречия эвенкийского языка; солон. – солонский диалект; энец. – энецкий; якут. – якутский.

Общие

pl. – множественное число; V – любой гласный звук.

Литература

1. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М. : Языки русской культуры, 2000. 639 с.

2. Dybo A.V., *Normanskaja Ju.V.* Lexicon of Samoyed material culture // *Linguistica Uralica* 2016. № 1 (75). С. 44–53.
3. Дыбо А.В., Норманская Ю.В. К исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках // *Вестник РГНФ*. 2014. № 2. С. 84–100.
4. Норманская Ю.В. Исконные названия одежды в финно-угорских языках: новые этимологии // *Вестник угроведения*. 2020. № 2 (11). С. 35–47.
5. Rédei K. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1986–1991. Bd. 1–3.
6. Honti L. *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest, 1982. 227 p.
7. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin : Akademie Verlag, 1966–1992. 2019 p.
8. Munkácsi B., Kálmán B. *Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von B. Munkácsi* Geordnet, bearb. und hrsg. von B. Kálmán. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986. 745 p.
9. Норманская Ю.В. Названия оружия в прасамодийском языке // *Вопросы уралистики* 2014. СПб., 2014. С. 86–115.
10. *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki : Helsingin yliopisto, 1977. 186 p.
11. Норманская Ю.В., Дыбо А.В. *Тезаурус: Лексика природного окружения в уральских языках*. М. : Тезаурус, 2010. 364 с.
12. *Селькупско-русский диалектный словарь* / ред. В.В. Быконя. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. 348 с.
13. Бармич М.Я., Вэлло И.А. *Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): ок. 6 500 слов : пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб. : Просвещение, 2002. 288 с.*
14. Helinski E. *Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte*. Szeged : University of Szeged, 1997. 477 p.
15. Helinski E. Энецкие словарные материалы. URL: <https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/forschung/publikationen.html#2613594> (дата обращения: 09.04.2020).
16. Helinski E. Нганасанские словарные материалы. Рукопись в архиве М.А. Кастрена национальной библиотеки Финляндии.
17. Helinski E. Северноселькупский словарь. URL: <https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/forschung/publikationen.html#2613594> (дата обращения: 09.04.2020).
18. Попова Я.Н. *Ненецко-русский словарь: Лесное наречие*. Szeged : University of Szeged, 1978. 152 с.
19. Норманская Ю.В. Реконструкция прауральского разноместного ударения и его влияние на развитие гласных первого слога. М. : Языки мира, 2018. 505 с.
20. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков* / отв. ред. В.И. Цинциус. Л. : Наука, 1975–1977. Т. 1–2.
21. Терещенко Н.М. *Ненецко-русский словарь*. М. : Сов. энцикл., 1965. 408 с.
22. Lehtisalo T. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura. 1956. 603 S.
23. Donner K. *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik*. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944. 215 S.
24. *Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты*. М. : Наука, 2005. 805 с.
25. *Узоры северного сияния. Т. 2: Самодийские народы* / отв. ред. Н.В. Лукина; сост. А.М. Сязи. Салехард : Санкт-Петербург : Русская коллекция, 2005. 200 с.
26. Амелина М.К., Норманская Ю.В. История исконных названий одежды в ненецком языке // *Урало-алтайские исследования*. 2013. № 2 (9). С. 13–61.
27. Приходько М.С. *Хомаку: Картинный словарь русско-ненчанского языка*. СПб. : Морсар АВ, 2000. 191 с.
28. Хомич Л.В. *Ненцы: Историко-этнографические очерки*. М. ; Л. : АН СССР, 1966. 339 с.

29. Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л. : Наука, 1970. С. 1–99.
30. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. 425 с.
31. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden : Brill, 2003. Vol. 1–3.
32. Aikio A. New and Old Samoyed Etymologies. Part II // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2006. № 59. P. 9–34.
33. Ненецкая женская зимняя одежда в собрании Ненецкого краеведческого музея: каталог / сост. Т.Ю. Журавлева; ред. Л.Ю. Корепанова. Нарьян-Мар : ДиректМедиа Паблишинг, 2006. 41 с.
34. Этимологический словарь тюркских языков. М. : Наука, 1978–2003. Т. 1–7.
35. Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М. : Языки славянской культуры, 2007. 256 с.

Clothes Vocabulary in the Proto-Samoyedic Language

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 42–57. DOI: 10.17223/19986645/68/3

Julia V. Normanskaja, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Institute of Linguistic of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: julianor@mail.ru

Keywords: Nenets, Enets, Nganasan, Selkup, Mator, Kamassian languages, comparative linguistics, lexicology.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00403.

In the article, a number of new etymologies of clothes vocabulary in the Proto-Samoyedic languages were proposed. It turned out that only three words have Uralic etymology: PS **tüəj* ‘sleeve’ < PU **soja* ‘arm, sleeve’, **pāncə* ‘(lower) hem’ < PU **panči* ‘tail’, PS **n^li/ji* ‘belt’ < **jāje* ‘belt’. Some of the details, especially those related to life in the harsh climatic conditions, are borrowed from the Proto-Tungusic language: PS **pārkā* ‘parka’ < PTM **bārga* ‘dress up’. Interestingly, the name of the usual sleeve goes back to Proto-Uralic, and the name of the closed sleeve, characteristic of northern clothing, is borrowed: PS **kəlV* ‘(sewn) sleeve’ < PTM **xul-kse* ‘sleeve’. Also borrowed is the name of the breastplate, typical for the northern costume: PS **pālV* ‘breastplate: hanging piece of clothing in front’ < PTM **pīl(a)-* ‘a kind of a breast belt’. From Proto-Turkic, Proto-Samoyedic vocabulary borrowed some terms connected, as it seems, with certain technological solutions: PS **kūrV-* ‘to pull down, to belt, the lace to which the tops of shoes are attached’ < Common Turkic **kūr* ‘to tie’, PS **pājma* ‘shoes from skin from a deer foot’ < Common Turkic **bān'-mak* ‘shoes’. A number of names of clothing items have no etymologies. Perhaps, the source can be in some northern languages. But the current state of Paleo-Siberian reconstruction does not allow finding parallels there with confidence (in some Samoyedic languages borrowings were discovered in the names of clothes from the Chukchi and Yukagir languages). So, the analysis shows that, in 3000 to 1000 BCE, types of clothes were still relatively primitive. An interesting previously unknown fact is the reconstruction at this level of the term FU **punV* ‘pants’. A bright contrast against this fact is the reconstruction of the Proto-Samoyedic clothes vocabulary. Starting with the Proto-Samoyedic period (end of BCE), numerous new names of clothes appear in the Proto-Samoyedic language. Among these words there are quite a lot of borrowings from the Turkic and Tungusic languages. It is interesting to note that it is loanwords in Proto-Samoyedic that describe specific northern items of clothing: PS **pārkā* ‘parka’, **kəlV* ‘(sewn) sleeve’, **pālV* ‘breastplate: hanging piece of clothing in front’, PS **pājma* ‘shoes from skin from a deer foot’. The absence of such terms in the Finno-Ugric languages, and their borrowing in the Samoyedic languages from Turkic and Tungusic, may indicate that the Uralic peoples, before the separation in Finno-Ugric and Samoyedic, lived in territories with a warmer climate.

References

1. Khelimskiy, E.A. (2000) *Komparativistika, uralistika: Leksii i stat'i* [Comparative Studies, Uralistics: Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Dybo, A.V. & Normanskaya, Yu.V. (2016) Lexicon of Samoyed material culture. *Linguistica Uralica*. 1 (75). pp. 44–53.
3. Dybo, A.V. & Normanskaya, Yu.V. (2014) Towards a historical typology of weapon names in Uralic and Altaic languages. *Vestnik RGNF*. 2. pp. 84–100. (In Russian).
4. Normanskaya, Yu.V. (2020) The original names of clothing in the Finno-Ugric languages: new etymologies. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 2 (11). pp. 35–47. (In Russian). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-2-303-312
5. Rédei, K. (1986–1991) *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Vols I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó.
6. Honti, L. (1982) *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
7. Steinitz, W. (1966–1992) *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag.
8. Munkácsi, B. & Kálmán, B. (1986) *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
9. Normanskaya, Yu.V. (2014) Nazvaniya oruzhiya v prasamodiyskom yazyke [The names of weapons in the Prasamodic language]. In: Myznikov, S.A. (ed.) *Voprosy uralistiki* [Questions of Uralistics]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 86–115.
10. Janhunen, J. (1977) *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki: Helsingin yliopisto.
11. Normanskaya, Yu.V. & Dybo, A.V. (2010) *Tezaurus. Leksika prirodnogo okruzeniya v ural'skikh yazykakh* [Thesaurus. Vocabulary of the Natural Environment in the Uralic Languages]. Moscow: Tezaurus.
12. Bykonya, V.V. (ed.) (2005) *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian Dialect Dictionary]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
13. Barmich, M.Ya. & Vello, I.A. (2002) *Slovar' nenetsko-russkiy i russko-nenetskiy (lesnoy dialekt): Okolo 6500 slov* [Nenets-Russian and Russian-Nenets (Forest Dialect) Dictionary: About 6,500 words.]. 2nd ed. Saint Petersburg: Prosveshchenie.
14. Helimski, E. (1997) *Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte*. Szeged: University of Szeged.
15. Helimski, E. (n.d.) Enetskie slovarnye materialy [Enets Dictionary Materials]. *Universität Hamburg*. [Online] Available from: <https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/forschung/publikationen.html#2613594>. (Accessed: 09.04.2020).
16. The National Library of Finland, M. A. Castrén's Archive. (n.d.) Helimski, E. *Nganasanskies slovarnye materialy* [Nganasan Dictionary Materials].
17. Helimski, E. (n.d.) Severnosel'kupskiy slovar' [Northern Selkup Dictionary]. *Universität Hamburg*. [Online] Available from: <https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/forschung/publikationen.html#2613594>. (Accessed: 09.04.2020).
18. Popova, Ya.N. (1978) *Nenetsko-russkiy slovar': Lesnoe narechie* [Nenets-Russian Dictionary: Forest dialect]. Szeged: University of Szeged.
19. Normanskaya, Yu.V. (2018) *Rekonstruktsiya praural'skogo raznomestnogo udareniya i ego vliyanie na razvitie glasnykh pervogo sloga* [Reconstruction of the Proto-Uralian Movable Stress and Its Influence on the Development of the Vowels of the First Syllable]. Moscow: Yazyki mira.
20. Tsintsius, V.I. (ed.) (1975–1977) *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Dictionary of the Tungusic- Manchu Languages]. Vols 1–2. Leningrad: Nauka.
21. Tereshchenko, N.M. (1965) *Nenetsko-russkiy slovar'* [Nenets-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

22. Lehtisalo, T. (1956) *Juraksamojedisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
23. Donner, K. (1944) *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik*. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura.
24. Gemuev, I.N. (2005) *Narody Zapadnoy Sibiri. Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Ents. Nganasany. Kety* [Peoples of Western Siberia. The Khanty. The Mansi. The Selkups. The Nenets. The Enets. The Nganasans. The Kets]. Moscow: Nauka.
25. Lukina, N.V. (ed.) (2005) *Uzory severnogo siyaniya* [Patterns of the Northern Lights]. Vol. 2. Salekhard – Saint Petersburg: Russkaya kollektsiya.
26. Amelina, M.K. & Normanskaya, Yu.V. (2013) History of the protolanguage names of clothes and footwear in Nenets. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altai Studies*. 2 (9). pp. 13–61. (In Russian).
27. Prikhod'ko, M.S. (2000) *Khomaku: Kartinnyy slovar' russko-neshchanskogo yazyka* [Homaku: Picture Dictionary of the Russian-Neschan Language]. Saint Peterburg: Morsar AV.
28. Khomich, L.V. (1966) *Nentsy: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Nenets: Historical and Ethnographic Essays]. Moscow–Leningrad: USSR AS.
29. Prytkova, N.F. (1970) Odezhda narodov samodiyskoy gruppy kak istoricheskiy istochnik [Clothing of the peoples of the Samoyedic group as a historical source]. In: Ivanov, S.V. (ed.) *Odezhda narodov Sibiri* [Clothing of the Peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka. pp. 1–99.
30. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [The Origin of the Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Starostin, S.A., Dybo, A.V. & Mudrak, O.A. (2003) *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Vols 1–3. Leiden: Brill.
32. Aikio, A. (2006) New and Old Samoyed Etymologies. Part II. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 59. pp. 9–34.
33. Korepanova, L.Yu. (2006) *Nenetskaya zhenskaya zimnyaya odezhda v sobranii Nenetskogo kraevedcheskogo muzeya: Katalog* [Nenets Women's Winter Clothing in the Collection of the Nenets Museum of Local Lore: Catalogue]. Nar'yan-Mar: DirektMedia Publishing.
34. Sevortyan, E.V. et al. (eds) (1978–2003) *Etimologicheskyy slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Turkic Languages]. Vols I–VII. Moscow: Nauka; "Vostochnaya literatura" RAS.
35. Anikin, A.E. & Khelimskiy, E.A. (2007) *Samodiysko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie svyazi* [Samoyedic-Tungus-Manchu Lexical Connections]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

УДК 81-26

DOI: 10.17223/19986645/68/4

И.В. Нужа, Н.В. Смирнова, И.Ю. Щемелева

ЖАНР ПРОЕКТА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (RESEARCH PROPOSAL): КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ НАЧИНАЮЩИХ АВТОРОВ

Делается попытка применить инструмент анализа жанра Create a Research Space для исследования малоизученного жанра «проект научного исследования» на английском языке в двух областях знаний (менеджмент и экономика). В центре внимания – структура раздела «Введение» в текстах, написанных русскоговорящими студентами на английском языке, который является для них первым иностранным языком. Результаты свидетельствуют о существенном сходстве и различиях в текстах, созданных начинающими авторами, в двух разных дисциплинах.

Ключевые слова: проект научного исследования, research proposal, введение, анализ жанра, корпусный анализ, англоязычная риторика, начинающий автор.

Введение

В условиях глобализации науки и образования новые жанры научной коммуникации, которые проникают в локальные образовательные контексты, играют ключевую роль. Примером такого жанра является жанр «research proposal» (далее в тексте – проект научного исследования, ПНИ). Данный жанр имеет несколько прагматических функций. Он часто становится инструментом оценки академического прогресса студента как в области профессиональных знаний, так и владения английским языком, что немаловажно в контексте современного университетского образования. Кроме того, он влияет на возможность поступления в магистратуру, получения исследовательского гранта и в целом признания или непризнания исследователя профессиональным академическим сообществом.

Однако проникновение жанра ПНИ в новый образовательный контекст сопровождается следующими факторами. Первым из них являются культурно обусловленные особенности и традиции научного письма в той или иной стране. Примером могут служить традиции тема-рематического оформления структуры предложения в русском и английском языках. Еще один фактор, который влияет на создаваемый текст нового жанра, – традиции порождения знаний и научного письма в конкретной профессиональной области, предполагающие использование определенной риторической структуры письменного текста [1]. Например, научный текст жанра эмпирической статьи будет иметь свои отличительные признаки в разных областях знания [2].

Анализ жанра является хорошо разработанной темой в отечественной лингвистике. Работы в этой области в основном посвящены жанрам медиа

(В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик), рекламы (например, М.П. Кириленко) и политического дискурса (например, О.Н. Паршина). Анализу научного текста посвящены работы Ю.А. Комаровой и В.Е. Чернявской. Однако жанр ПНИ и его особенности остаются вне поля зрения российских лингвистов. В зарубежной лингвистике большое количество исследований посвящено жанровым особенностям таких видов академического и научного письменного дискурса, как научная статья (Д. Суйэлз, Б. Шамрай); диссертация (Т. Дадли Эванс, Д. Флауэрдью, С. Ванг), отчет об исследовании, аннотация исследования (Д. Суйэлз, К. Фик, У. Конон), но жанр ПНИ также является малоизученным. Немногочисленные исследования жанровых особенностей ПНИ посвящены в основном такому жанру, как заявка на грант. В центре внимания исследователей – стратегии создания эффективного текста для получения финансирования, сотрудничества с научными руководителями и рецензентами [3–4]. Однако исследование текстов жанра ПНИ, созданных начинающими авторами и исследователями, для которых английский язык является иностранным, остается малоосвоенной нишей. Наше исследование выполнено на материале текстов ПНИ, созданных студентами-бакалаврами в рамках финального этапа итоговой государственной аттестации (защита дипломного проекта). Тексты, написанные начинающими авторами, для которых английский язык является иностранным, часто характеризуются отступлениями от конвенциональных норм академического письма, риторической структуры, стилевого и лингвистического оформления, что может быть вызвано рядом причин: отсутствием опыта написания научных текстов и социализации в академическом сообществе, трудоемкостью процесса научного письма, влиянием культурных и институциональных норм и т.д. [5]. Лексические, грамматические и пунктуационные ошибки тоже часто встречаются в работах начинающих авторов.

В нашем исследовании мы используем корпус текстов ПНИ, созданных начинающими авторами. Данные тексты не являются учебными. Они представляют собой образцы письма авторов, которые впервые пишут исследовательский текст для профессионального сообщества. Представление результатов своей работы в виде текста ПНИ является важной ступенью в получении признания академического профессионального сообщества на финальном этапе обучения в бакалавриате. Мы признаем ПНИ академическим жанром и используем модель анализа жанра научного текста CARS (Create a Research Space) для работы с корпусом текстов. Исследование ставит своей целью ответить на следующие вопросы:

1. Можно ли применить методологию CARS [6], предложенную для эмпирической научной статьи, к анализу жанра ПНИ на примере раздела «Введение»?

2. Какие есть общие черты и различия в тексте введения в жанре ПНИ, написанного на английском языке русскоговорящими студентами, начинающими авторами, в дисциплинах менеджмент и экономика?

Определение жанра

В современной лингвистике не существует единого понимания сущности и природы жанра. М.М. Бахтин, основоположник теории речевых жанров в отечественной лингвистике, определял жанр как устойчивые коммуникативные формы, характерные для различных ситуаций межличностного общения [7]. Теория Бахтина развивается в двух основных направлениях изучения жанра. Сторонники лингвистического направления (А. Вежбицкая, Т.В. Щмелева) рассматривают их как модели инвариантно-вариантного типа, которые изучаются через призму синтагматических и парадигматических отношений языковой системы. Сторонники прагматического подхода (Г.Г. Седов, В.В. Дементьев), признавая диалогическую сущность природы жанра, трактуют его как «вербально-знаковое оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [8. С. 11]. М.А. Сухомлинова, обобщая различные трактовки жанра в современной отечественной лингвистике, утверждает: «Жанр представляет собой многофакторное образование, имеющее план содержания и план выражения, и обладающее такими признаками, как коммуникативная цель, объем речевого ряда, характер адресованности, тематическая предрасположенность, оценочная точка зрения, композиционный стандарт, стилистическое оформление и др.» [9. С. 141]. Жанровая система не является однородной. В ней выделяют макрожанры, микрожанры и субжанры. При этом, в этой системе постоянно происходит динамический процесс взаимодействия и взаимопроникновения макро- и микрожанров [9].

В зарубежной лингвистике можно отметить три основных подхода к анализу жанра. Модель анализа жанра у представителей сиднейской школы (М. Халлидэй, Л. Мартин), анализирующих жанр с позиций системно-функциональной лингвистики и подчеркивающих его социальную природу, представляет собой описание контекстуально обусловленных средств вербализации составляющих его элементов, свойственных определенной культуре. Австралийские лингвисты подчеркивают статический характер жанра, за что нередко подвергаются критике.

С позиций Новой риторики (Ч. Базерман, К. Миллер), жанры динамичны, так как коммуникация всегда предполагает динамику и вариативность. Жанр анализируется не как некий конгломерат формальных признаков, а как ряд контекстуально обусловленных риторических действий. Именно коммуникативная цель, а не форма жанра является его определяющим признаком и предметом анализа.

Прикладная лингвистика, а именно направление ESP (English for Specific Purposes или «Английский для специальных целей»), подходит к анализу жанра с позиций обучения английскому языку для профессиональных академических целей. Не отрицая положений системно-функциональной модели анализа жанра, прикладные лингвисты считают, что ключевым критерием жанра является его коммуникативная цель [6]. В жанровой структуре они выделяют составные элементы жанра, комму-

никативные разделы, которые, в свою очередь, состоят из коммуникативных шагов. Каждый шаг имеет определенную коммуникативную функцию и реализуется с помощью определенного набора языковых средств. Основная задача ESP анализа жанра – выявить структурные элементы и их языковое наполнение, которые являются составляющими успешного текста.

Таким образом, несмотря на отсутствие единого подхода к анализу жанра, наличие разных, подчас контрастных, трактовок и понятий, используемых, например, в модели ESP и российском жанроведении (субжанр, макрожанр, микрожанр), можно утверждать, что все вышеобозначенные исследования изучают жанр как текст и контекст, в котором он был создан. В нашем исследовании мы следуем традиции подхода ESP, так как он максимально соответствует контексту исследования (изучаются тексты ПНИ, написанные начинающими авторами на определенном этапе высшего профессионального образования с целью получить одобрение профессионального академического сообщества) и его задачам (выявление сходства и различий в структуре и языковом наполнении текстов ПНИ в двух разных дисциплинах).

Особенности жанра ПНИ

Жанр ПНИ относится к группе текстов академических жанров [6, 10], которые характеризуются четкой структурой, наличием аргументации автора и функциональной нагрузкой. Основная функция этого жанра – демонстрация студентом понимания сути своего будущего исследования в целях поступления в магистратуру или аспирантуру. Так как автору важно получить финансирование для исследования и дальнейшего обучения, текст может содержать финансовую часть (бюджет проекта) и резюме самого студента [11].

Немногочисленные исследования жанра ПНИ опираются на разные эмпирические подходы. Больше внимания уделяется жанру «заявка на грант» (grant proposal), так как текст создается с целью выиграть борьбу за финансирование и продолжение обучения, и, следовательно, приобретает особую значимость в достижении поставленной автором цели [12]. Исследователи этого жанра отмечают, что научные тексты, созданные в процессе сотрудничества, когда ученые редактируют текст, реагируют на комментарии и в итоге достигают стандартов дисциплинарного дискурса, являются не индивидуальным, а коллективным продуктом [13]. Ю. Чен [12] и Х. Дин [14] отмечают социальную природу жанра заявки, так как в процессе ее создания студенты изучают процедуру подачи, коммуникации с экспертами и риторическую структуру текста. У. Конон демонстрирует, что центральную роль в текстах данного жанра играет обзор предыдущих исследований, составляющий не менее одной пятой всего объема текста [3]. К. Тарди заключает, что успешное написание текста заявки на грант напрямую связано с тем, насколько автор хорошо взаимодействует с жанром как с системой, подразумевающей совместное с другими коллегами прочтение и

правку текста, знание правил жанра [4]. Д. Суйэлз отмечает, что сложность исследования жанра ПНИ связана с тем, что для этого жанра характерны узкая целевая аудитория (преподаватели, экзаменационная комиссия, комитет по грантам) и специфическая коммуникативная задача (документ для «внутреннего использования»). Однако освоение этого жанра очень значимый фактор, так как это дает (или не дает) автору возможность поступления в англоязычную магистратуру или аспирантуру, и он является текстом научного жанра в том случае, если соответствует ожиданиям академического сообщества [15].

Мы предполагаем, что раздел «Введение» ПНИ будет иметь общие черты с разделом «Введение» в научной статье, так как оба выполняют сходные функции – познакомить читателя с областью исследования, обозначить лакуны и исследуемые проблемы.

Немногочисленные исследования жанра введения проводились на материале эмпирической научной статьи. Наиболее распространенным подходом к анализу введения считается анализ на основе модели CARS (Create a Research Space), предложенной Д. Суйэлзом в 1990 г. и дополненной в 2004 г. Согласно Суйэлзу введение – это «риторически построенный артефакт» [6. Р. 157] и цель автора текста – «воссоздать значимость области знаний для конкретного дискурсивного сообщества», «разместить (встроить) исследование относительно этой значимости» и «показать / доказать как эта ниша будет занята и заполнена относительно всей экосистемы дисциплинарного знания» [Ibid. Р. 142]. Разделы определяются как риторические акты, которые проявляют себя в тексте посредством легко распознаваемых лингвистических сигналов.

С точки зрения ученого, риторическая структура введения не зависит от дисциплины. Однако это положение неоднократно оспаривалось другими исследователями. Так, исследование Б. Шамрай указывает на различия в риторической структуре введения в двух смежных научных областях: поведенческой экологии и природоохранной биологии [16].

Риторическая структура введения в проектах исследований в менеджменте и экономике, также смежных дисциплинах, остается неисследованной областью. С одной стороны, исследуемые нами дисциплины, являются социальными наукам и должны обладать сходными характеристиками. С другой стороны, и вышеупомянутое исследование Б. Шамрай, и другие жанровые исследования демонстрируют вариативность даже в рамках одной дисциплины. На основании анализа введения в научных статьях в области прикладной лингвистики И. Озтюрк демонстрирует, что структура введения в так называемых «устоявшихся» и «неустоявшихся» дисциплинах различна [17]. Целью нашего исследования является сопоставление данных, а именно частотности коммуникативных шагов внутри каждой дисциплины и между дисциплинами в разделе «Введение» для выявления сходства и различий, а также сравнения полученных данных с концепцией CARS.

Методология исследования

Инструмент CARS

Модель анализа жанра CARS была выбрана в качестве инструмента исследования, так как она является наиболее разработанной в научной литературе при работе с англоязычными академическими текстами на данный момент.

Д. Суэлз анализировал эмпирические научные статьи, в частности раздел «Введение», и выявил повторяющиеся риторические паттерны, которые и легли в основу разработки модели, отражающей общую (генеративную) структуру данного раздела в англоязычных научных эмпирических статьях в разных дисциплинах. В разделе «Введение» автор реализует коммуникативную цель посредством построения нескольких разделов (moves). Разделы определяются как риторические акты, которые проявляют себя в тексте посредством легко распознаваемых лингвистических сигналов (табл. 1). В разделе «Введение» научной статьи ученый выделяет три вида разделов, каждый из которых содержит шаги (steps).

Модель CARS отражает связи между разделами и внутри них. Говоря о порядке следования разделов, Д. Суйэлз отмечает, что наиболее распространенный порядок следования разделов такой: раздел 1 – раздел 2 – раздел 3, однако есть случаи, когда порядок иной.

Т а б л и ц а 1

Модель анализа жанра ПНИ (согласно [6])

Функция Раздела (move)	Функция шага (step)	Лингвистические сигналы (характеристики) шага (step)
Раздел 1 Определение территории (ESTABLISHING TERRITORY)	Шаг 1. Важность исследования (Claiming Centrality)	- claiming interest, importance of the research area - referring to a favorite character of the issue (usually in one sentence) Linguistic signals: <i>recently, increasingly, interested, interest, classic problem, important, well-known phenomena, recently, central issue, raise questions of considerable interest</i>
	Шаг 2. Обобщение темы исследования (Making topic Generalization)	- statements about (i) knowledge or practice or - (ii) about phenomena - the uniqueness of the topic is often emphasized Linguistic signals: (i) <i>... is well-known, there is much evidence now to support the hypothesis that, the ... are still not properly understood, a standard procedure for assessing has been, ... are often criticized for;</i> (ii) <i>English is rich in related words exhibiting 'stress shift', There are many situations where ...</i>
	Шаг 3. Обзор предыдущих работ (Reviewing items of previous research)	- items considered relevant are reviewed (claims, specification, findings of previous research) - integral/nonintegral forms of citation

Функция Раздела (move)	Функция шага (step)	Лингвистические сигналы (характеристики) шага (step)
Раздел 2 Определение лакуны (ESTABLISHING A NICHE)	Шаг 1А. Выявление противоречия (Counter-claiming) ИЛИ	Linguistic signals: <i>however, nevertheless, yet, but negation (cannot), negative quantifiers (no, little, few)</i>
	Шаг 1Б. Выявление лакуны (Indicating a gap) ИЛИ	- stating that previous work suffers from limitations Linguistic signals: <i>suffer, is limited</i> ; or in adjective phrases: <i>time consuming, expensive, not accurate</i>
	Шаг 1В. Постановка вопроса (Question raising) ИЛИ	- question or problem raising Linguistic signals: <i>the question remains whether . . . ; a key problem is . . .</i>
	Шаг 1Г. Следование традиции (Continuing a Tradition)	- weaker challenge to the previous research Linguistic signals: <i>therefore, the differences need to be analysed</i>
Раздел 3 Заполнение лакуны (OCCUPYING THE NICHE)	Шаг 1А. Цели исследования (Outlining purposes) ИЛИ	- indication of main purpose(s) Linguistic signals: the use of deictic references to the present text; standard or collapsed structure: <i>in this paper, the present, we, reported, here, now, herein</i>
	Шаг 1Б. Описание исследования (Announcing present Research)	- the author(s) describes the main features of their research
	Шаг 2. Описание основных результатов исследования (Announcing principle Findings)	- summarising announcement of the principal findings - stating that disciplinary divergence was observed
	Шаг 3. Описание структуры текста (Indicating research article structure)	- indicating the structure and occasionally the content of the remainder of the research article

Например, если введение очень длинное, то будет присутствовать весь набор разделов и они могут циклично повторяться [6. С. 158]. Такие вариации наблюдаются в социальных науках. Внутри разделов автор может делать ряд шагов: любые три шага в первом разделе для обозначения поля исследования и любые четыре шага во втором разделе для обоснования лакуны. Однако в разделе 3 шаг 1 является обязательным, а шаг 2 – вариативным, и они появляются в самом конце введения.

Анализ разделов (moves analysis) был выбран нами как инструмент для выявления различий построения текста в разных дисциплинах. На данный момент исследований текстов в жанре ПНИ (research proposal), созданных на английском языке русскоговорящими студентами, не проводилось. В нашем исследовании мы фокусируем внимание на следующем вопросе: как начинающие авторы создают тексты проекта исследования в двух профессиональных областях? Мы составили корпус текстов введения к проекту исследования, который был проанализирован в несколько этапов с помощью данной модели: 1) анализ текстов и выявление паттернов, разделов и шагов,

выявление сходства и различий между дисциплинами; 2) анализ лингвистических характеристик (сигналов) в структуре каждого шага (употребление времен, лексических единиц, цитат).

Предложение является единицей кодирования, так как отражает функциональную структуру раздела и шага. Если предложение содержало более одной функции, то ему присваивалась наиболее значимая функция [18]. В целях достижения валидности кодирования анализ текстов был выполнен двумя исследователями-лингвистами: специалистом в области корпусной лингвистики и преподавателем курса «Академическое письмо на английском языке».

Институциональный контекст

Текст ПНИ является частью независимого экзамена – защиты научной выпускной работы в НИУ ВШЭ Санкт-Петербург. Он включает написание текста ПНИ и устную защиту проекта. Выпускники-бакалавры имеют возможность посещать факультатив «Академическое письмо на английском языке», который ведется преподавателями английского языка и нацелен на помощь студентам в освоении данного жанра научного письма. Помимо посещения факультатива студенты консультируются со своими научными руководителями по содержательным вопросам текстов своих ПНИ. Тексты ПНИ оценивались лингвистическим и научным руководителем.

Корпус текстов

Корпус содержит по 20 текстов ПНИ в двух дисциплинах (табл. 2). Поясним правила отбора текстов ПНИ для нашего корпуса. Тексты были отобраны тематически, то есть тексты по незнакомым авторам данного исследования темам были исключены, так как непонимание темы может повлиять на ошибки в кодировании текстовых сегментов при анализе. Выбор двух дисциплин (менеджмент и экономика) обоснован тем, что, с одной стороны, обе они являются социальными дисциплинами и могут иметь общие черты в тексте, а с другой стороны, в разных дисциплинах и даже в субдисциплинах могут существовать свои риторические традиции [6].

Т а б л и ц а 2

Корпус текстов ПНИ

Корпус текстов ПНИ	Количество текстов	Количество слов
Корпус 1. Экономика	20	12 423
Корпус 2. Менеджмент	20	11 524
Всего	40	23 947

Корпус содержит работы, написанные только студентами, для которых русский язык является родным, а английский язык – иностранным. Все тексты были оценены лингвистическим и научным руководителями на

оценку 7 («хорошо») и выше по 10-балльной шкале, что означает, что каждый отобранный текст соответствует требованиям профессионального научного сообщества.

Объем введения может варьироваться и иметь разную структуру [Ibidem]. Поэтому для обобщения данных исследования для корпуса были отобраны тексты, которые содержат разный объем. Объем текста «Introduction» («Введение») находится в пределах от 331 до 1 065 слов.

Все тексты были написаны по единым требованиям к оформлению текста ПНИ. Общая структура текста содержит восемь разделов, которые являются базовыми для данного жанра и требований конкретного университета: 1) background to the study (область исследования); 2) rationale for the study (актуальность исследования); 3) objective of the study (цель и задачи исследования); 4) research questions (исследовательские вопросы); 5) theoretical framework (теоретические основы исследования); 6) methodology (методология); 7) expected results (планируемые результаты); 8) research implications (практическая ценность).

Результаты исследования

Структура жанра ПНИ

Результаты анализа свидетельствуют о том, что модель CARS в целом отражает структуру ПНИ в обеих дисциплинах, но существуют различия внутри дисциплин. Наш анализ показал, что в большинстве случаев количество слов в тексте определяет характер его риторической структуры: чем длиннее текст ПНИ, тем сложнее его структура с повторяющимися разделами и шагами. Представленные ниже тексты являются типичными примерами сходной структуры раздела «Введение» текста ПНИ из областей знаний экономика (табл. 3) и менеджмент (табл. 4).

Т а б л и ц а 3

Структура раздела «Введение» в ПНИ в области знаний «Экономика»

Разделы и шаги	Пример из текста ПНИ
Раздел 1	The formation of customer-oriented strategy has acquired special relevance in the banking sphere today.
Шаг 2. Обобщение темы исследования (Making topic Generalization)	This tendency is caused not only by a need to expand the customer base but also by a necessity to adapt to difficult economic conditions in the market that change constantly. According to the research of the Central Bank of Russia (2017), there is a tendency for the accumulation of significant risk in the consumer crediting sphere nowadays. This trend is due to the fact that current and potential borrowers are clients characterized by low income, high probability of job loss and a tendency to increase the debt burden....
Шаг 3. Обзор предыдущих работ (Reviewing items of previous research)	

Разделы и шаги	Пример из текста ПНИ
Шаг 1. Важность исследования (Claiming Centrality)	It is vitally important for a bank to find an optimal supply strategy in such conditions, identify factors that influence demand for different target groups of clients. It is necessary to develop a complete and consistent model of loan demand, providing
Раздел 3 Шаг 1А. Цели исследования (Outlining purposes)	The main goal of this study is to build a model showing how socio-demographic profile of borrowers and characteristics of loans influence the level of loan demand for different target groups of customers
Раздел 2 Шаг 1В. Постановка вопроса (Question raising)	The study aims to answer the following research question : 'What are the key determinants of individual demand for consumer loans in Russia?'
Раздел 3 Шаг 1А. Цели исследования (Outlining purposes)	In order to reach the stated goal it is needed to attain the following objectives
Раздел 1 Шаг 1. Важность исследования (Claiming Centrality) + Раздел 2 Шаг 1Б. Выявление лакуны (Indicating a gap)	The novelty of this study is lies in the fact that quantitative research applicable to consumer crediting has not previously been conducted in Russia but is often successfully used by regulators in other countries
Раздел 2 Шаг 1Б. Выявление лакуны (Indicating a gap)	The main problems of already suggested models aimed to estimate individual demand for loans are sample selection and endogeneity of loan characteristics
Раздел 3 Шаг 3. Описание структуры текста (Indicating research article structure)	The structure of the paper corresponds to its main objectives. The first part is the literature review devoted to examining the literature on different approaches to estimating demand functions for loans. The second part is methodology, which includes information about methods used in the study. The last section of the project contains discussion of anticipated results

Т а б л и ц а 4

Структура раздела «Введение» в ПНИ в области знаний «Менеджмент»

Разделы и шаги	Пример из текста RPI
Раздел 1 Шаг 2. Обобщение темы исследования (Making topic Generalization)	Nowadays the outsourcing market is growing rapidly. Outsourcing has taken a stable position in the world market, and now it is gaining its popularity in Russia. One of the most common definitions of outsourcing was given by Heywood (2001)...
Шаг 1. Важность исследования (Claiming Centrality)	That is why before making a decision about outsourcing, the manager should know how outsourcing will affect the company's performance indicators
Раздел 3 Шаг 1А. Цели исследования (Outlining purposes)	The aim of the research is to investigate the relationship between the level of outsourcing and performance indicators of Russian companies
Раздел 2 Шаг 1В. Постановка вопроса (Question raising)	The study, therefore, aims to answer the following research question : "How does the level of outsourcing influence on performance indicators of Russian companies?"

Разделы и шаги	Пример из текста RPI
Раздел 3 Шаг 1А. Цели исследования (Outlining purposes)	In order to achieve the aim, the following objectives should be implemented...
Раздел 1 Шаг 1. Важность исследования (Claiming Centrality) + Раздел 2 Шаг 1Б. Выявление лакуны (Indicating a gap)	The novelty of the work is determined by the fact that outsourcing is not so developed in Russia in comparison with other countries
Раздел 2 Шаг 1Б. Выявление лакуны (Indicating a gap)	In addition, the influence of the outsourcing level on the company's performance has been poorly studied
Раздел 3 Шаг 3. Описание структуры текста (Indicating research article structure)	The work consists of three parts. The first part describes theoretical aspects of the topic: different views on definition of outsourcing term and types of outsourcing

Раздел 1. Область исследования: структура и лингвистические характеристики

Все тексты введения ПНИ из обеих дисциплин содержат раздел 1 (P1), который всегда расположен в самом начале текста, что совпадает с одноименным разделом в модели Д. Суйэлза и включает три шага. Однако, в большинстве работ P1 циклично повторяется и после раздела 2 (P2) и раздела 3 (P3) (табл. 3, 4). Например, в начале текста в P1 автор обобщает тему исследования и тем самым привлекает к ней внимание читателя, а затем обозначает важность исследования. P1 снова возникает в середине текста, где автор возвращается к шагу 1 (Ш1) (важность исследования), за которым следует Ш1Б (выявление лакуны P2), тем самым усиливая акцент на важности исследования. Приведем примеры Ш1 (важность исследования) из проанализированных работ:

*This topic is certainly **relevant** as until now key factors explaining the various imbalances in the life of the bank have not been revealed, and without them further **attempts to create a reliable model to predict the potential closure of banks is impossible**. Thus, the role of **adequate assessment of financial stability** in the management of the bank cannot be overemphasized* (T003, экономика).

*The problem of bankruptcy of Russian insurance companies is one of the issues that have narrow mention in the literature. Studies on **forecasting insurance companies' successes using the survival analysis** were not found at all. This means that **this work is one of the first on this topic*** (T 002, экономика).

*The research paper **might help financial managers** of companies and investment funds **to make right decisions** on the supposedly heated market of IT startups. This case might show the evidence of the overoptimistic expectations for the value of the high-tech industry companies by pointing out the drawbacks of currently popular ideas on how to measure the future success of the firm.* (T010, менеджмент).

Рассмотрим подробнее шаг 1 и его особенности в каждой дисциплине. Интересно, что авторы подчеркивают важность своей работы не только для практиков в своей профессиональной области, но и исследователей, акцентируя внимание на новизне предложенного метода или модели исследования, что также подтверждается ссылками на научные работы. При этом если в работах студентов, изучающих менеджмент, важность исследования сообщается менеджерам компаний и практикам, что проявляется в том числе в отсутствии цитирования, то экономисты подчеркивают важность исследовательской составляющей своей работы:

*This paper aims to explore grounds for bankruptcy of insurance companies by **developing a model** that would **predict** insolvencies using financial ratio and some special insurers' measures as the main determinants* (T005, экономика).

*The research paper might **help financial managers** of companies and investment funds to **make right decisions** on the supposedly heated market of IT startups* (T004, менеджмент).

Шаг 1 представлен следующими лингвистическими сигналами. Лексема *interest* используется в форме глагола, существительного, прилагательного; существительное чаще сопровождается прилагательными *considerable, growing*. Важность исследования авторы сообщают через прилагательные *important, necessary*, существительные *importance, necessity*, а также глагол *help* в форме будущего времени в сочетании с инфинитивными конструкциями для обозначения цели (***will help** to identify/ to distinguish/to calculate*):

*It is **important** to estimate whether an insurer will proceed its activity in the following periods* (T 004, экономика).

*Timely identification of insolvent insurance companies **will help** to prevent or reduce the amount of damage at various levels of the market* (T005, менеджмент).

Интересной особенностью ПНИ менеджеров является употребление в шаге 1 модальных глаголов для обоснования перед читателем важности предлагаемого исследования:

*...the manager **should** know how...* (T011, менеджмент).

*The research paper **might** help financial managers...* (T010, менеджмент).

Примечательно, что модальные глаголы реже встречаются в ПНИ экономистов.

Еще одним популярным лингвистическим маркером шага 1 является лексема *relevance*, употребляемая в форме существительного или прилагательного:

*The **relevance** of this study is determined by the severity of the housing issue, and its solution is important from the standpoint of economic and demographic development of Russia* (T018, экономика).

*Small firms' development is one of the most **relevant** issues most counties face* (T019, менеджмент).

Шаг 1 обоснования важности исследования тесно связан с шагом выявления лакуны, и они часто располагаются рядом. Повторение авторами

шага 1 связано с функцией жанра ПНИ – убедить читателя в важности предлагаемого исследования.

Шаг 2 (обобщение темы исследования) содержит общую, стандартную информацию о феномене, которую автор хочет сообщить. Согласно Д. Суйэлзу в этой части работы важно описать основные характеристики проблемы. Это связано с тем, что далее будет следовать описание предлагаемого решения. Автор указывает на важные характеристики, тем самым обозначая, что исследуемый феномен – важный для внимания исследователя, а не маргинальный [5]. Функции шага 2 в обеих дисциплинах идентичны. Приведем пример:

*The Russian banking sector **has experienced radical turmoil** over the last 5 years. The **changes** experienced by the banking system over the past time **remain unprecedented** for the relatively well-established Russian economy of the 21st century. The **uncertainty** is generally associated **with a dramatic slump in** oil prices combined with the well-known international sanctions for the Crimea annexation in 2014 (Meredith, 2017). Although this explanation is considered to be relatively accurate, **it is tremendously difficult to figure out the principal cause** due to the variety of parameters and specificity of events, happened in the determined time period (T005, экономика).*

Шаг 3 в обеих дисциплинах представляет собой обзор предшествующих исследованию работ в конкретной области знаний и является еще одним способом обозначения автором области исследования и обоснования его важности. Приведем пример:

*Over the last couple of decades, **lots of works were written** that devoted to the banking sector (T003, экономика).*

*Over the last decade, **a vast amount of** studies in the field of media and Internet... (T010, менеджмент).*

На этом этапе автор указывает читателю на то, что уже известно по исследуемой теме. Как правило, указывается что-то необычное, противоречивое или интересное с целью привлечения внимания читателя, так, как показано в примере, где автор указывает на недостаток внимания к феномену в существующих традициях исследований:

*Actually, there is **a very small number** of papers devoted to Russian insurance companies' bankruptcy risk (T001, экономика)ю*

*Most of the unicorns going public **tend to be overvalued** compared to fundamental valuation mindset used in traditional techniques (T010, менеджмент).*

Важно отметить, что большинство авторов ПНИ по экономике делают обзор области исследования с опорой на цитирование. В 17 ПНИ из 20 работ, рассмотренных нами, авторы анализируют предыдущие исследования в предметной области, обращаясь к конкретным источникам. В большинстве случаев обзор предваряет вывод о важности исследования:

According to Sumiko Asai (2016), the Japanese book market has shown that if a movie adaptation release becomes the season hit, the book intends to become a bestseller. This work indicates that a film stimulates book sales. However, the German market disapproves these results (Schmidt-Stölting, Blömeke,

Clement, 2011). **Since the two articles have come to different conclusions, in this paper it is explored whether movies can really affect the demand for fiction books** (T015, экономика).

В работах экономистов лакуна тоже часто обозначается на основе сделанного обзора:

One of the first scientists to work on the problem of corporate bankruptcies was G. Altman. In his paper (Altman, 1980) he uses only financial ratios measures based on balance sheets of companies. It seems not to be enough for getting reliable results (T001, экономика).

Краткий критический обзор области исследования часто служит основанием для обоснования выбора метода исследования. При этом предметом обзора нередко являются научные труды о методах исследования в экономике, так как научная ценность работы связана именно с разработкой нового или применением уже существующего инструмента в новом необычном контексте:

The research to date has tended to use several standard approaches, that makes almost all of the existing studies identical. Our method is known as 'survival analysis'. In social sciences it is also frequently called as history analysis or a hazard modelling. Survival analysis is originated in medical sciences and defined as a group of statistical methods, which provide special techniques that are required to compare the risks for some event associated with different treatments of groups (Bewick, Cheek, & Ball, 2004, p. 390). In accordance with this definition, in economics' context several influential factors should be selected and checked for an availability to significantly change a bankruptcy risk of Russian bank (T011, экономика).

Интересная находка в ПНИ по экономике – наличие ссылок на статистические данные и их анализ, который иногда заменяет анализ научных статей. Объяснением этому факту может служить особенность предметной области, так как именно статистические методы и инструменты являются основой исследований в экономике.

The statistics have shown that there was a 10% growth in the proportion of the completed deals initiated by the companies from developing markets over the 10-year period. In 2017, this figure accounted for around 27,5%, while in 2010, the rate of participation of companies from emerging economies stood at around 17,5%. However, the percentage of completed deals amounted to just 51,7% of all the announced M&A's in developing countries (Zephyr, 2018) (T018, экономика).

В некоторых случаях обзор экономистами источников используется для пояснения ключевых концептов и терминов с акцентом на их различные интерпретации разными исследователями, что подчеркивает большую теоретическую, исследовательскую направленность ПНИ в области экономики в сравнении с работами студентов, изучающих менеджмент.

In this study the abbreviation CAPM will be used to refer to the capital assets pricing model. Based on Fama and French (2003) the CAPM is "...about how to measure risk and the relation between expected return and risk" (p. 25). While a variety of definitions of the terms Sharpe ratio and Sortino ratio have

been suggested, this paper will use the definitions suggested by Rolinger and Hoffman (2013) who see the Sharpe ratio as “...a metric that aims to measure the desirability of an investment by dividing the average period return in excess of the risk-free rate by the standard deviation of the return generating process” (p. 40) (T017, экономика).

Результаты анализа шага 3 ПНИ менеджеров контрастируют с вышеописанными тенденциями, обнаруженными в ПНИ экономистов. Большинство работ содержит обзор области исследования без опоры на цитирование. Текст представляет собой скорее обзор рынка, бизнес-сферы или практики управления, а не обзор научных исследований по теме, что также говорит об ориентации автора на читателя-практика из реального бизнеса. Приведем пример:

Sale of food online is a growing trend both in Russia and abroad. The largest western food retailers successfully implement online sales model and demonstrate high growth rate in the segment of e-grocery for the moment. The case of the British company Tesco might serve as a prime example. Online sales of this retailer account for 15% of total turnover (T005, менеджмент).

Цель введения в научных статьях, согласно Д. Суйэлзу, – построение теоретической базы собственного исследования и подготовка к построению следующего раздела – выявление лакуны. Автор обращается к обзору литературы и цитированию не столько потому, что это традиция, сколько потому, что на эти работы он будет опираться при построении выводов [6]. Малое количество цитирований может быть связано как с особенностями предметной области, так и самого жанра ПНИ, в котором не предусмотрены выводы по исследованию, и, следовательно, начинающие авторы не соотносят их с обзором литературы.

Анализ раздела 1 введения ПНИ демонстрирует, что, несмотря на общие тенденции (следование традиционной риторической модели, использование аналогичных лингвистических маркеров), в работах очевидны различия, вызванные как дисциплинарными особенностями (ориентация на читателя-исследователя, акцент на новизну применяемых методов исследования на основании критического обзора области исследования у экономистов по контрасту с апелляцией к читателю-практику и отсутствием опоры на цитирование у менеджеров), так и различным пониманием жанра и отсутствием у авторов опыта написания текстов подобного жанра.

Раздел 2. Лакуна: структура и лингвистические характеристики

Раздел 2 выполняет важную функцию и включает четыре альтернативных шага: 1) шаг 1А – выявление противоречия; 2) шаг 1Б – выявление лакуны; 3) шаг 1В – постановка вопроса; 4) шаг 1Г – следование традиции [9]. В P1 автор как бы «оторван» от научной дискуссии, так как он цитирует работы других ученых [15]. Следовательно, после обзора литературы по теме исследования автору необходимо оценить ее. Эта субъективная оценка обычно выражается в P2 через формулировку спорных вопросов, обо-

значение лакуны, противоречий, и здесь автор вступает в научную дискуссию как эксперт по проблеме.

P2 присутствует в 39 (20 – экономика и 19 – менеджмент) работах из 40 входящих в наш корпус, причем в трех работах P2 является первым разделом в ПНИ (экономика). Мы обнаружили, что шаги 1А, 1Б, 1В и 1Г в 30 работах совпадают с моделью Д. Суйэлза; в остальных работах может присутствовать только один шаг (1А или 1Б в 3 ПНИ), либо два шага (1А и 1Б в 4 работах; 1Б и 1В в одной работе), либо может отсутствовать шаг 1Г (продолжение традиции), который обнаружен только в пяти ПНИ, что не совпадает с вышеупомянутой моделью. Ограничение модели, о котором говорят исследователи (например, [13]), состоит в том, что в P2 использование одного из шагов исключает использование других шагов. Мы нашли подтверждение этому выводу только в 7 из 40 работ в нашем корпусе. Наше исследование демонстрирует обратную тенденцию: шаги в P2 не исключают друг друга и могут использоваться автором одновременно. Приведем пример:

Despite the fact that there are many papers explaining the house price formation, the results of these studies are not used for comparing buying and renting economic costs there (Ш1А). Some attempts to conduct such comparisons are limited in methodological approaches (Ш1Б). This paper suggests an originally new approach to the house tenure problem, which combines price formation methods and models for comparing renting and buying costs over a long period (Ш1В) (T018, экономика).

Despite a huge amount of work on this topic, there is not a thorough analysis of this aspect of the work (Ш1Б). The research problem can be defined as the fact that many employees leave the work during the trial period or after working for less than a year (Headhunter, 2016; Bauer & Erdogan, 2015) (Ш1В, Ш1Г) (T012, менеджмент).

Рассмотрим лингвистические характеристики шага 1А, выполняющего функцию выявления противоречия и в основном характеризующегося наличием таких союзов, как: *however, but, yet*. Приведем пример из корпуса:

However, among the existing methods of rating and assessment of the state of a bank it is still difficult to identify the most effective concerning its predictive power (T002, экономика).

However, building a clear understanding of online-grocery market in Moscow and Moscow region is crucial for a company and it is a necessary condition to be met before making key decisions on online food retail market (T005, менеджмент).

Шаг 1Б выполняет функцию выявления лакуны, и авторы используют для этого различные лексические средства. Одним из способов является лексическое отрицание [19], которое осуществляется путем использования автором прилагательных, глаголов, существительных или наречий, которые передают функцию отрицания:

*Studies on forecasting insurance companies **were not** found at all. The problem of bankruptcy of Russian insurance companies is one of the issues that have **narrow** mention in the literature* (T001, экономика).

*They provide information **only** about profit allocation between the segments and give no extra information about inner motivations, customer concerns and attitudes towards the product* (T015, менеджмент).

*There **is not** so much research about this industry, especially when it comes to the Russian market, although the Russian market of LSPs is one of the most rapidly growing markets* (DePalma & Kelly, 2012) (T018, менеджмент).

Интересно, что шаг 1А и шаг 1Б часто сочетаются в одном предложении:

***Although** the number of studies examining the characteristics of brand loyalty may be regarded as quite impressive (Ш1А), there is still some **disagreement** on what brand loyalty exactly is and how can it be measured (Ш1Б)* (T011, менеджмент).

Авторы также используют отрицательные или квазиотрицательные числительные (quantifiers), (например, indefinite adjectives, pronouns): *There is relatively little evidence... No serious explanation is given... None of these studies considers channel issues:*

*There is also **little to no** previous research made on the peculiarities of brand loyalty in the coffee shop industry* (T011, экономика).

*While most companies prefer to use segmentation techniques based only on customer behavior, such techniques are **rather narrow*** (T015, менеджмент).

Встречаются случаи, когда лакуна формулируется с помощью отрицательного префикса *under-* (недо-):

*It results in the **underestimation** of a networking cites' role in forming a new business* (T019, экономика).

*This study investigates the issue of customer satisfaction from the perspective of socio-cultural organizations (museums), which includes a set of special features and is **underexplored** in the Russian academic field* (T027, менеджмент).

Идентификация лакуны чаще всего происходит с использованием отрицательной формы глагола:

*...until now truly key factors explaining the various imbalances in the life of the bank **have not been revealed**, and without them further attempts to predict qualitatively the potential closure of banks is impossible* (T003, экономика).

*However, in those papers the author **does not examine** directly...* (T007, менеджмент).

Мы также обнаружили примеры того, как авторы формулируют логическое заключение о лакуне через модальные глаголы *must* и *need*:

*Research **is needed** to fully understand the relationship between R&D spending and firm economic performance* (T006, экономика)

*...there **must be** some plans which might (or might not) be considered...* (T018, менеджмент).

Шаг 1В выполняет функцию постановки исследовательского вопроса и является еще одним способом обозначения пробела в знаниях. Автор задает вопросы, ответы на которые ранее не были получены исследователями. Этот шаг является основой для РЗ, в котором лакуна заполняется автором. Вопросы могут быть прямыми и косвенными:

What are the key determinants of individual demand for consumer loans in Russia? (T014, экономика).

...it is possible to create a profitable set of strategies that can be employed in practice? (T008, экономика).

В корпусе текстов ПНИ был обнаружен пример постановки вопроса в сочетании с обозначением автором цели решить эту проблему:

...it is to investigated to what extent does the screen adaptation release and demand for fiction books affect each other? (T015, экономика).

Шаг 1Г выполняет функцию опоры на традицию. Распространенными лингвистическими маркерами являются следующие: *therefore, the differences need to be analysed*:

...after a few years of research and experiments, a lot of scientists and specialists agreed that X... However, it is still uncertain... therefore, the differences need to be analysed. (T020, экономика).

Таким образом, наше исследование опровергает идею взаимоисключения шагов в разделе 2. Большинство авторов проанализированных нами текстов ПНИ используют несколько шагов (обычно шаги А, Б и В), что можно объяснить влиянием культурных традиций и институциональных требований. Также интересно, что анализ не выявил существенных дисциплинарных различий в структуре и лингвистических характеристиках раздела 2.

Раздел 3. Заполнение лакуны: структура и лингвистические характеристики

Данный раздел служит для описания автором своего исследования с точки зрения его вклада в научную дискуссию и представляет собой попытку заполнить лакуну. Раздел 3 состоит из четырех возможных шагов, где первые два шага являются альтернативными друг другу, а шаги 2 и 3 – обязательными [6] (см. табл. 2). В этом разделе автор должен обозначить способ заполнения лакуны, ответить на исследовательский вопрос или предложить решение проблемы, которая была обозначена ранее в тексте. Иногда в целях привлечения внимания читателя авторы описывают результаты исследования в Р3, но результаты могут быть представлены и в конце всей научной работы, чтобы сохранить интерес читателя [15].

Согласно данным нашего корпуса из 20 ПНИ по экономике 14 содержат описание предварительных результатов исследования, количество ПНИ по менеджменту, включающих эти данные, 12 из 20.

Существенным различием между научными текстами в экономике и менеджменте является то, что результаты исследований в экономике представляются посредством построения экономической модели, которая тестируется в идеализированной реальности, а результаты применяются в реальном мире, в то время как исследования по бизнесу чисто эмпирические и ориентированы на практиков в этой области [18. Р. 59]. Это происходит вследствие того, что экономика описывает и изучает «реальный мир

и гипотетический, идеализированный мир» [18. Р. 59]. Наш корпус подтверждает этот вывод. Большинство работ по экономике основаны на представлении новой модели исследования вопроса, нового метода исследования (например, T018, T020) или на дальнейшей разработке предыдущей, созданной другими авторами (например, T017), тогда как работы в области менеджмента предлагают практические стратегии и рекомендации по развитию компаний (например, T018).

Наиболее распространенная последовательность шагов в разделе 3 соответствует модели Д. Суйэлза: Ш1А – Ш1Б – Ш2 – Ш3 (Т 009, 017, 018, 019) [6], однако два других паттерна, отличающиеся от этой модели, также распространены: Ш1А – Ш1Б – Ш3 (T001,004,014,015) или Ш1А – Ш1Б – Ш2 (Т 001,005,012, 017, 020). В нашем корпусе раздел 3 имеет дискретную структуру, отличающуюся от классической модели: часто шаги, присущие этому разделу, располагаются внутри других разделов (см. табл. 3, 4).

Рассмотрим подробнее лингвистические характеристики шагов. Шаг 1А – описание целей и задач исследования. В нашем корпусе ПНИ по экономике этот шаг наиболее частотный, как и в модели структуры введения к научной статье [5]. Основными маркерами шага являются следующие: *the purpose of this paper... the purpose of this paper is to examine...* Авторы также используют существительные (*objective, object, goal, aim*) и глаголы (*examine, establish, estimate, extend, evaluate, further, use, consider, argue, present, identify, demonstrate, show, generalise, offer, reformulate, document, provide, isolate, remedy, describe*). В модели Д. Суйэлза шаг 1А является альтернативой шагу 1Б (описание исследования), однако в нашем корпусе большинство авторов используют оба шага одновременно:

The key objective of this research is to estimate a panel data simultaneous equation model in order to examine the relationship between health and labour force status (Ш1А).

In particular, the following hypotheses are tested:

1. *Health is a significant factor in the labour participation decision.*
2. *Reverse effect of labour force participation on health exists.*

A simultaneous equations approach is chosen to model labour force participation and health in order to account for possible endogeneity (Cai, 2010; Stern, 1989). We use data from Russian Longitudinal Monitoring Survey for several years, because it allows to better control for heterogeneity. Thus, the relationship between health and labour force participation is being examined thoroughly (Ш1Б) (T017, экономика).

Шаг 1Б, описание исследования, является важным, так как на этом этапе читатель знакомится с позицией автора и его гипотезой. В нашем корпусе наиболее частотный сигнал этого шага – фраза *in this paper...*, за которой следуют личные местоимения или используется пассивный залог. В ПНИ по менеджменту личные местоимения *I* и *We* служат ключевыми маркерами шага и используются в сочетании с глаголом в активном залоге. Например, *We estimate alternative versions... I develop a two-stage model... In this paper; I examine...* Следует отметить, что традиция употребления ме-

стоимения *I* в целом характерна для социальных наук. Напротив, в работах по экономике предпочтение отдается местоимению *We* либо пассивным конструкциям, что характерно для практики начинающих авторов или может быть вызвано институциональными требованиями. В большинстве работ авторы-экономисты вообще избегают использования личных местоимений *I* и *We* (местоимение *We* встретилось в корпусе ПНИ по экономике в 3 работах, тогда как *I* только в одной):

However, after a few years of research and experiments, a lot of scientists and specialists agreed that Blockchain principles could be applied not only in cryptocurrencies but a lot of different fields even beyond finance itself. The most promising improvement that Blockchain introduced to the world is using it for raising capital as a crypto analogy of venture capital or crowd investing. Though some unpublished drafts lack data for appropriate statistical analysis of the problem, we based our research on papers dedicated to venture capital and crowd investing since these are the closest analogies to ICO. Thus, the main point of our study is to apply techniques used for traditional forms of investment regarding blockchain's method and to experiment on models for automated due diligence process (T020, экономика).

Шаг 1Б, описание исследования, является не менее важным шагом, так как на этом этапе читатель знакомится с позицией автора и его гипотезой. В нашем корпусе наиболее частотным сигналом этого шага является фраза *in this paper*, за которой следуют личные местоимения и используется пассивный залог. Например: *...in this paper a model... is proposed*. Авторы часто употребляют *this/the* в сочетании с существительными *paper*, *study*, *analysis*, *model*, как в следующих примерах: *in this paper...*, *in this study...*

Хеджирование, прием, применяемый для смягчения авторской позиции, в нашем корпусе используется достаточно редко (7 работ из 40). Основными лингвистическими средствами хеджирования являются глаголы *attempt*, *try*, *seek*:

*This paper **attempts** to address the following questions....* (T017, менеджмент).

*The purpose of this project is **to try** to add to the existing international literature on the state of health economics in Russia* (T009, экономика).

Еще одним сигналом шага 1Б описания исследования является использование слов, обозначающих процедуру, методы исследования. Например, *we use a large panel data...*, *data are drawn from...* В этом шаге используются следующие глаголы (в порядке убывания их частотности): *use*, *develop*, *examine*, *estimate*, *provide*, *investigate*, *focus*, *derive*, *consider*, *assume*, *discuss*, *analyse*, *study*, *concentrate*, *point out*, *test*, *explain*.

Шаг 2 выполняет функцию описания результатов исследования. Наиболее частотными выражениями в нашем корпусе являются: *the paper shows that*, *the evidence suggests...*, *the results clearly provide...* В целом для ПНИ из нашего корпуса характерно использование местоимений (*We show that...; I find tha...*); предложений с глаголом «be» (*The key result of this paper is*

that...); пассивных конструкций (*It is shown that... cooperation is shown to be possible...*).

Шаг 3 выполняет функцию описания структуры текста. Этот шаг является важным, так как содержится во всех текстах ПНИ по обоим дисциплинам. Обычно этот шаг начинается с предложения: *The paper is organised as follows....* Авторы описывают содержание каждого раздела либо с помощью конструкций типа *Section III discusses... Section II presents...*, что характерно для ПНИ по экономике, либо с помощью конструкций с личными местоимениями (ПНИ по менеджменту).

Мы проанализировали основные паттерны распределения разделов в текстах ПНИ. В табл. 5 содержатся результаты сравнительного анализа паттернов разделов в ПНИ по менеджменту и экономике.

Таблица 5

**Частотность паттернов Разделов (1, 2, 3) в корпусе текстов ПНИ
в двух дисциплинах**

Паттерны разделов RPI	Менеджмент		Экономика	
	Количество	%	Количество	%
123	2	10	4	20
1323	4	20	3	15
123231	3	15	2	10
23123	1	5	1	5
1213	1	5	1	5
13123	5	25	3	15
12313	3	15	4	20
2313	1	5	1	5
231	0	0	1	5
Всего	20	100	20	100

Результаты анализа показывают, что паттерн 1 – 2 – 3 встречается в обоих корпусах, однако частотность в ПНИ по менеджменту составляет 10%, а по экономике – 20%. Паттерн 1 – 3 – 2 – 3 больше характерен для ПНИ по менеджменту (20% по сравнению с 15% в ПНИ по экономике). Частотность паттернов 1 – 3 – 1 – 2 – 3 и 1 – 2 – 3 – 1 – 3 высока в обоих корпусах (25 и 15% и 15 и 20% соответственно). Самыми малоупотребительными паттернами в обоих корпусах являются следующие: 1 – 2 – 1 – 3 и 2 – 3 – 1 – 3 (по 5% в каждой дисциплине). Паттерн 2 – 3 – 1 встретился только в одном ПНИ по экономике (5%); в работах по менеджменту не употреблялся.

Интересной особенностью является наличие в ПНИ по экономике и менеджменту подзаголовков «Background of the study», «Problem statement», «Professional significance», «Delimitation of the study». Подзаголовки встречаются в 15 работах из 40. Наши результаты отличаются от результатов Г. Крукса [20], который на основании модели Д. Суйэлза [6], сделал вывод о том, что по сравнению с точными науками введение в социальных науках может содержать тематические подзаголовки, связанные с темой исследо-

вания. В нашем корпусе работ по обеим дисциплинам тип подзаголовков больше соответствует традиции точных наук, а не социальных.

Таким образом, раздел 3 в ПНИ как по менеджменту, так и по экономике отличается дискретной структурой (часто шаги этого раздела находятся внутри других). В корпусе работ по экономике наиболее частотным паттерном распределения разделов является паттерн 1 – 2 – 3, что характерно для точных наук, тогда как в работах по менеджменту самым частотным стал паттерн 1 – 3 – 1 – 2 – 3, что говорит о том, что Р 3 может быть более сложным, чем в модели Д. Суйэлза [6], и в целом указывает на ее вариативность.

Важным различием раздела 3 в ПНИ по экономике и по менеджменту является тенденция к употреблению личных местоимений в шаге 1 Б (позиция автора и его гипотеза) в работах менеджеров, что в целом характерно для социальных наук в противовес употреблению пассивных конструкций в корпусе экономистов. Этот факт можно объяснить тем, что авторы являются начинающими авторами и не всегда следуют конвенциям определенной области знаний или стремятся подчеркнуть важность исследования, а не их роль в этом исследовании, что больше присуще точным наукам [21].

Выводы и заключение

Результаты анализа данных нашего корпуса текстов свидетельствуют о существенном сходстве и определенных различиях в структуре жанра ПНИ в дисциплинах «Менеджмент» и «Экономика» на английском языке, созданных русскоговорящими студентами.

Важным результатом является то, что жанровые различия в дисциплинах связаны с моделью порождения научного знания: если экономика как область знания больше ориентируется на исследователя, на теорию и моделирование, то менеджмент – на практика. Эти различия могут свидетельствовать об экономике как устоявшейся области знаний, а о менеджменте – как о формирующейся. М. Бонди предполагает, что в устоявшихся областях знаний («established fields») авторы видят себя в рамках относительно четких и понятных границ дисциплины и их исследование находится в рамках конкретного научного направления [Ibid. P. 52]. Соответственно, в таком профессиональном поле авторы опираются на определенную базу более ранних исследований, существующих в этой области знаний, что, следовательно, сокращает функцию раздела 1 и его объем в тексте ПНИ. Устоявшаяся область знаний характеризуется наличием «процедурной грамотности» [Ibid. P. 53], согласно которой авторы воссоздают сходную структуру жанра ПНИ. Например, модель P1 – P2 – P3 чаще воспроизводится в разделе «Введение» в точных науках [6]. В формирующихся областях знаний («emerging fields»), напротив, проблемные области и темы более размыты и разнообразны в разных научных институтах, исторических традициях, следовательно, ответ на исследовательский вопрос требу-

ет обращения к разным направлениям и традициям [Ibid. Р. 54]. В условиях российского образовательного контекста интернационализации жанр ПНИ является только формирующимся, чем может объясняться вариативность выявленных в нашем корпусе структурных паттернов.

Повторяющиеся циклические паттерны P1 и P2 были выявлены Л. Энтони в анализе текстов введения в научных статьях в компьютерных науках [22]. Это связано с тем, что многие читатели могут быть незнакомы с большей частью терминологии и областью знаний, чтобы понять данное исследование [Ibid. Р. 43]. Это сигнализирует о статусе формирующейся области знаний, когда читателям требуется больше информации об исследовании (обзор литературы, термины). Однако в нашем корпусе ПНИ по экономике и менеджменту была выявлена другая тенденция. Так, в некоторых текстах ПНИ по экономике и менеджменту был обнаружен раздел «Definitions of key terms», следующий за описанием результатов (P3) и важности исследования (P1). Это скорее является не столько маркером формирующейся дисциплины, сколько особенностью практики научного письма начинающих исследователей, которые опираются на определенную терминологическую базу.

Наши результаты отличаются от данных ранних исследований Г. Крукса, который, изучая модель Д. Суйэлза, предположил, что она лучше отражает структуру более коротких текстов раздела «Введение» [20]. Суйэлз утверждает, что наиболее распространенная структура введения – P1 – P2 – P3, однако есть и исключения. Например, если текст введения длинный, то разделы могут циклично повторяться (например, P1 – P2 – P1 – P2 – P1 – P2) [6. С. 158], такие вариации наблюдаются в социальных науках. Внутри разделов автор может делать ряд шагов: любые три шага в P1 для обозначения поля исследования и любые четыре шага в P2 для обоснования лакуны. Однако в P3 шаг 1 является обязательным, а шаг 2 – вариативным, и они появляются в самом конце введения. Результаты нашего анализа свидетельствуют о том, что, несмотря на небольшой объем текста ПНИ (среднее количество слов в корпусе менеджеров – 576, экономистов – 621), в нем присутствует значительная вариативность структуры. Во многих случаях было выявлено, что P1 и P3 могут быть более сложными, чем в модели Д. Суйэлза. Мы делаем вывод, что длина текста ПНИ не определяет его структуру.

Разделы и шаги проанализированных ПНИ как по менеджменту, так и по экономике отличаются вариативной структурой: авторы могут вновь обращаться к некоторым разделам, например P1, чтобы еще раз подчеркнуть важность исследования. Также этот раздел может следовать за P2 (определение лакуны) или P3 (цели исследования). Наиболее типичной структурой ПНИ в экономике стали 1 – 2 – 3 и 1 – 2 – 3 – 1 – 3. Это свидетельствует о том, что традиции этой области знания ближе к точным наукам и модель построения работы в 20% случаев совпадает с классической, предложенной Д. Суйэлзом [6]. Напротив, в менеджменте это модели 1 – 3 – 1 – 2 – 3 и 1 – 3 – 1 – 2 – 3. Различия между паттернами в структу-

рах можно объяснить тем, что нет единого общепризнанного стандарта структуры текста ПНИ и существует множество его частных вариантов в отличие, например, от существующих требований конкретного журнала к структуре раздела введения эмпирической научной статьи в социальных науках.

В целом модель анализа жанра CARS, предложенная Д. Суйэлзом [6], дает возможность изучить особенности структуры научного текста в различных областях знаний, включая жанр ПНИ по дисциплинам «Экономика» и «Менеджмент». Согласно Л. Энтони исследования подтверждают, что риторическая модель как таковая является самой исчерпывающей репрезентацией структуры текста and «as such, the model can be considered one of the strongest descriptions of text structure to date» [22. P. 39]. Результаты нашего анализа позволяют сделать вывод, что лингвистическая форма и значение (смысл) тесно связаны в тексте, и позволяют изучить, как информация структурируется русскоязычными авторами в текстах ПНИ. Вместе с тем нужно признать, что модель ограничивает возможности анализа структуры жанра при нестандартном расположении шагов и более дискретной структуре текста, присущей начинающим авторам, для которых английский язык является иностранным.

Литература

1. *Смирнова Н.В.* Обучение иноязычной письменной речи как социальной практике в условиях билингвального образования: (Социоэкономические специальности) (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2018.
2. *Hyland K.* Metadiscourse: Mapping interactions in academic writing // *Nordic Journal of English Studies*. 2010. Vol. 9, № 2. P. 125–143.
3. *Connor U.* Variations in rhetorical moves in grant proposals of US humanists and scientists // *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 2000. Vol. 20, № 1. P. 1–28.
4. *Tardy C.M.* A genre system view of the funding of academic research // *Written Communication*. 2003. Vol. 20, № 1. P. 7–36.
5. *Habibie P., & Hyland K.* (eds.). *Novice writers and scholarly publishing: authors, mentors, gatekeepers*. Palgrave Macmillan, 2019. 297 p.
6. *Swales J.* *Genre analysis: English in academic and research settings*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 260 p.
7. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Собр. соч. М., 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг.* С. 159–206.
8. *Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психологические и социолингвистические аспекты. Саратов, 1999. 180 с.
9. *Сухомлинова М.А.* Современный англоязычный академический дискурс: генезис и жанровая специфика. Ростов н/Д : Издательство Южного Федерального университета, 2018. 208 с.
10. *Nesi H., Gardner S.* *Genres Across the Disciplines: Student Writing in Higher Education*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 293 p.
11. *Cadman K.* English for Academic Possibilities: the research proposal as a contested site in postgraduate genre pedagogy // *Journal of English for Academic Purposes*. 2002. Vol. 1, № 2. P. 85–104.

12. *Cheng Y.H.* Dissertation grant proposals as “writing games”: an exploratory study of two L2 graduate students' experiences // *English for Specific Purposes*. 2014. Vol. 36. P. 74–84.
13. *Flowerdew J., & Wang S. H.* Identity in academic discourse // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2015. Vol. 35. P. 81–99.
14. *Ding H.* The use of cognitive and social apprenticeship to teach a disciplinary genre: initiation of graduate students into NIH grant writing // *Written Communication*. 2008. Vol. 1. P. 3–52.
15. *Swales J.* Aspects of Article Introductions. The University of Michigan Press ELT, Michigan Classics Editions, 2011. 104 p.
16. *Samraj B.* Introductions in research article: variations across disciplines // *English for Specific Purposes*. 2002. Vol. 21. P. 1–17.
17. *Ozturk I.* The textual organisation of research article introductions in applied linguistics: Variability within a single discipline // *English for Specific Purposes*. 2008. Vol. 26, № 1. P. 25–38.
18. *Hyland K.* Academic attribution: citation and the contraction of disciplinary knowledge // *Applied Linguistics*. 1999. Vol. 20, № 3. P. 341–367.
19. *Ламина К.В.* Лексическое отрицание в испанском языке // *Петербургская иберороманистика: Памяти профессора О.К. Васильевой-Шведе и академика Г.В. Степанова* : сб. ст. / под ред. М.А. Марусенко. СПб., 2008. С. 95–105.
20. *Crookes G.* Towards a validated analysis of scientific text structure // *Applied Linguistics*. 1986. Vol. 7, № 1. P. 57–70.
21. *Bondi M.* 'A case in point'. Signals of narrative development in business and economics // *Academic Discourse Across Discipline* / eds. by Hyland, M. Bondi. Bern : Peter Lang, 2006. P. 49–75.
22. *Antony L.* Writing research article introductions in software engineering: How accurate is a standard model? // *IEEE Transactions on Professional Communication*. 1999. Vol. 42, № 1. P. 38–46.

Research Proposal in English: Corpus-Based Genre Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 58–84. DOI: 10.17223/19986645/68/4

Irina V. Nuzha, Natalya V. Smirnova, Irina Y. Shchemelova, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: inuzha@hse.ru / irina.nuzha@gmail.com / natas2002@yandex.ru / shhemirina@yandex.ru

Keywords: research proposal, introduction, genre analysis, corpus-based text analysis, English rhetoric.

The article attempts to apply the Create a Research Space (CARS) model as a tool of genre analysis to explore one of the least studied genres ‘research proposal’ in English in two academic fields (management and economics). The study focuses on the structure of introductions to research proposals written by bachelor students in English, which is their first foreign language. The study aims to respond to the following questions: 1. Is it possible to apply CARS methodology suggested to explore the genre of an empirical research article to the genre analysis of research proposals based on an introduction? 2. In what way are introductions to research proposals, written in English by Russian-speaking students in two neighboring sciences, economics and management, are similar and different? The rhetorical structure of an introduction as part of a research proposal in management and economics is a poorly studied area. The both disciplines under investigation are social sciences and therefore should have similar characteristics. The aim of this research is to compare and contrast data on the frequency of rhetorical moves within each discipline and between them to then compare and contrast the obtained results with the CARS concept. The CARS model was chosen as a research instrument as the tool, the most elaborated and reflected in scientific literature, to study

EAP (English for academic purposes) texts. For research purposes, a corpus of research proposals' introductions has been built. The CARS model was applied to work with the corpus within two stages: a) text analysis to reveal the main patterns of moves and steps and their differences and similarities across the two disciplines, b) linguistic signals' analysis within the structure of each move (the use of tenses, verb forms, lexical items, etc.). All the texts within the corpus (20 texts in economics and 20 texts in management) were written by students of one university (National Research University Higher School of Economics) in accordance with the institutional requirements. The structure of the research proposals within the corpus was the basic one for the genre and the requirements of the institution and comprised the following sections: 1) background to the study, (2) rationale for the study, (3) objective of the study, (4) research questions, (5) theoretical framework, (6) methodology, (7) expected results, and (8) research implications. The results show that the moves and steps in students' papers in the two disciplines vary in structure. There are significant similarities and differences between the disciplines. The study demonstrates that the CARS model is applicable to investigate various characteristic features of research papers in different academic fields including research proposals in economics and management. However, the model was found to have some limitations for genre analysis if a text has an unconventional moves' structure, which might be typical for non-English speaking novice authors.

References

1. Smirnova, N.V. (2018) *Obuchenie inoyazychnoy pis'mennoy rechi kak sotsial'noy praktike v usloviyakh bilingval'nogo obrazovaniya (Sotsioekonomicheskie spetsial'nosti) (na materiale angliyskogo yazyka)* [Teaching foreign language writing as a social practice in bilingual education (Socioeconomic specialties) (based on the English language)]. Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
2. Hyland, K. (2010) Metadiscourse: Mapping interactions in academic writing. *Nordic Journal of English Studies*. 9 (2). pp. 125–143.
3. Connor, U. (2000) Variations in rhetorical moves in grant proposals of US humanists and scientists. *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 20 (1). pp. 1–28.
4. Tardy, C.M. (2003) A genre system view of the funding of academic research. *Written Communication*. 20 (1). pp. 7–36.
5. Habibie, P. & Hyland, K. (eds) (2019) *Novice Writers and Scholarly Publishing: Authors, Mentors, Gatekeepers*. Palgrave Macmillan.
6. Swales, J. (1990) *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 159–206.
8. Sedov, K.F. (1999) *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti. Psiko- i sotsiolingvisticheskie aspekty* [Formation of discursive thinking of a language personality. Psycho- and sociolinguistic aspects]. Saratov: Saratov State University.
9. Sukhomlinova, M.A. (2018) *Sovremennyy angloyazychnyy akademicheskiy diskurs: genezis i zhanrovaya spetsifika* [Modern English-language academic discourse: genesis and genre specificity]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
10. Nesi, H. & Gardner, S. (2012) *Genres Across the Disciplines: Student Writing in Higher Education*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Cadman, K. (2002) English for Academic Possibilities: the research proposal as a contested site in postgraduate genre pedagogy. *Journal of English for Academic Purposes*. 1 (2). pp. 85–104.
12. Cheng, Y.H. (2014) Dissertation grant proposals as “writing games”: an exploratory study of two L2 graduate students' experiences. *English for Specific Purposes*. 36. pp. 74–84.
13. Flowerdew, J. & Wang, S.H. (2015) Identity in academic discourse. *Annual Review of Applied Linguistics*. 35. pp. 81–99.

14. Ding, H. (2008) The use of cognitive and social apprenticeship to teach a disciplinary genre: initiation of graduate students into NIH grant writing. *Written Communication*. 1. pp. 3–52.
15. Swales, J. (2011) *Aspects of Article Introductions*. The University of Michigan Press ELT, Michigan Classics Editions.
16. Samraj, B. (2002) Introductions in research article: variations across disciplines. *English for Specific Purposes*. 21. pp. 1–17.
17. Ozturk, I. (2008) The textual organisation of research article introductions in applied linguistics: Variability within a single discipline. *English for Specific Purposes*. 26 (1). pp. 25–38.
18. Hyland, K. (1999) Academic attribution: citation and the contraction of disciplinary knowledge. *Applied Linguistics*. 20 (3). pp. 341–367.
19. Lamina, K.V. (2008) Leksicheskoe otritsanie v ispanskoy yazyke [Lexical negation in Spanish]. In: Marusenko, M.A. (ed.) *Peterburgskaya ibero-romanistika. Pamyati professora O.K. Vasil'evoy-Shvede i akademika G.V. Stepanova* [Saint Petersburg Ibero-Romance Studies. In memory of Professor O.K. Vasilyeva-Shvede and Academician G.V. Stepanov]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 95–105.
20. Bondi, M. (2006) 'A case in point'. Signals of narrative development in business and economics. In: Hyland, K. & Bondi, M. (eds.). *Academic Discourse Across Discipline*. Bern: Peter Lang. pp. 49–75.
21. Crookes, G. (1986) Towards a validated analysis of scientific text structure. *Applied Linguistics*. 7 (1). pp. 57–70.
22. Antony, L. (1999) Writing research article introductions in software engineering: How accurate is a standard model? *IEEE Transactions on Professional Communication*. 42 (1). pp. 38–46.

УДК 81'42:811.111

DOI: 10.17223/19986645/68/5

Н.Г. Склярова, Л.М. Хачересова

ВОЗДЕЙСТВУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КОНСТРУКЦИЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ¹

На материале официальных выступлений президентов США Дж. Буша старшего, Б. Клинтона, Дж. Буша младшего, Б. Обамы, Д. Трампа анализируются конструкции альтернативной семантики, в состав которых входят члены антонимических оппозиций, синонимических рядов и слова различных тематических групп. Показаны сходства и различия в использовании данных языковых средств главами Белого дома при освещении внутригосударственных и международных общественно-политических событий. В силу своей синтаксической и лексической выделенности компоненты конструкций альтернативной семантики вносят вклад в осуществление аргументированного и эмоционального речевого воздействия.

Ключевые слова: политический дискурс, президентский дискурс, конструкции альтернативной семантики, антонимия, синонимия, речевое воздействие.

Президентский дискурс, будучи разновидностью политического дискурса, выполняет различные функции. В их число входят социальный контроль, состоящий в создании предпосылок для унификации мыслей, желаний и поведения большого количества людей, легитимизация и осуществление власти, ориентация, заключающаяся в формировании картины политической реальности в массовом сознании, интеграция в рамках всего общества и др. [1. С. 24]. Изучение дискурса президентов Соединенных Штатов представляет интерес для тех, кто наблюдает за развитием внутренней и внешней политики сверхдержавы, руководство которой осуществляет речевое воздействие как в масштабах страны, так и на мировой арене. Глава Белого дома, являясь должностным лицом и представителем определенной партии, обладает системой социально-политических представлений, мнений и норм. Его официальные выступления характеризуются наличием скрытого подтекста, в них используются ранее прозвучавшие отрезки текста и выразительные средства языка, упоминаются исторические события и имена с тем, чтобы внушить аудитории определенные идеи. В связи со сказанным выше президентскому дискурсу присущи основные характеристики политической коммуникации, выделяемые отечественными лингвистами, такие как идеологичность [2], имплицитность [3], интертекстуальность [4], риторичность [5], прецедентность [2].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Южного федерального университета.

В рамках предыдущих публикаций нами были систематизированы конструкции различной альтернативной семантики, встречающиеся в американском президентском дискурсе [6], а также установлены контекстуально обусловленные закономерности их функционирования в официальных выступлениях первых лиц США. Так, при помощи конструкций со значением взаимоисключения руководители страны призывают аудиторию совершить судьбоносный ценностный выбор. К ультимативным полипредикативным предложениям со значением мотивации, выражающим решимость и уверенность, главы Белого дома прибегают, говоря о противостоянии террористической угрозе. Синтаксические структуры со значением чередования служат для того, чтобы подчеркнуть непрерывное стремление к различным политическим, социальным и экономическим идеалам, постоянную защиту национальных интересов, несмотря на препятствия. Монопредикативные единицы со значением дистрибуции предназначены для количественной характеристики того или иного явления с тем, чтобы произвести впечатление на аудиторию. Чтобы представить факты в выгодном свете, не прибегая к точной номинации, руководители государства употребляют непредикативные словосочетания со значением аппроксимации. Моно- и полипредикативные построения со значением уточнения дают возможность лидеру снять с себя ответственность за искаженную информацию путем внесения поправок в свое предшествующее высказывание. Наконец, использование конструкций со значением перечисления способствует убедительному и разностороннему описанию ситуации [7]. При этом, однако, мы лишь вскользь затрагивали свойства сочиненных компонентов анализируемых синтаксических образований, хотя их языковое оформление вносит определенный вклад в осуществление речевого воздействия на адресата.

Структура и семантика членов предложения, соединяемых союзами, обозначающими альтернативные отношения, имеет длительную историю изучения в отечественной лингвистике. Они анализировались в различных аспектах на материале русского [8; 9. С. 98–147; 10], немецкого [11, 12] и английского [13–15] языков, а также в сопоставительном плане [16]. Были выявлены их лексико-грамматические особенности, обуславливающие модификацию союза дополнительными смысловыми оттенками, такими как мотивация [8; 11. С. 84–97; 15. С. 122–129], аппроксимация [14. С. 113–121; 15. С. 148–160], уточнение и пояснение [9; 15. С. 133–148]. Кроме того, были систематизированы возможные комбинации взаимодействующих с союзом разноуровневых единиц языка [12; 13. С. 45–50; 16. С. 215–228], при этом полученные моно- и полипредикативные структуры рассматривались с точки зрения таких параметров, как однородность, взаимозаменяемость, степень эксплицитности и др. [9. С. 74–79; 13. С. 51–93; 16. С. 228–239]. Языковые средства, соединяемые союзом альтернативной семантики в сочинительную конструкцию, изучались не только в рамках системноцентрической, но и антропоцентрической парадигмы, в частности как маркеры идиостиля писателя, обусловленные жанровой спецификой текста. Было установлено, что они могут принимать участие в моделировании художе-

ственной картины мира, в частности создавать определенную атмосферу произведения [17, 18] и/или дополнять образ героя [19].

Л.А. Введенская впервые обратила внимание на то, что в составе конструкций альтернативной семантики регулярно встречаются члены синонимических рядов и антонимических оппозиций. Она отметила, что союз благодаря своей способности выражать идею противопоставления и тождества усиливает взаимоисключение антонимов и взаимодополнение синонимов [20. С. 22]. Эта идея получила дальнейшее развитие в работах Н.Г. Скляровой, где были систематизированы случаи функционирования различных типов антонимичных единиц в качестве сочиненных компонентов и передаваемые при этом союзом семантические варианты альтернативных отношений [21]. Аналогичным образом было охарактеризовано взаимодействие категорий альтернативности и синонимии [22]. Кроме того, Н.Г. Склярова отчасти затронула вопрос о тематической принадлежности членов анализируемых синтаксических образований при гиперонимогипонимических отношениях между ними [16. С. 213–314]. Таким образом, конструкции альтернативной семантики с антонимичными, синонимичными и гипонимичными единицами в качестве сочиненных компонентов изучались в рамках функционально-системного подхода, тогда как их применение в качестве средства речевого воздействия не было предметом специального исследования.

Данная статья посвящена выявлению особенностей использования синтаксических образований с простым союзом *or*, а также с парными союзами *if... or, either... or, whether... or*, в состав которых он входит, в официальных выступлениях президентов Соединенных Штатов для достижения определенных прагматических целей, причем будут рассматриваться только такие конструкции, где указанные союзы соединяют антонимические и синонимические единицы, а также гипонимы, входящие в различные тематические группы. Мы попытаемся выявить как сходства, так и различия в их функционировании, обусловленные спецификой обсуждаемого вопроса и внутригосударственной или международной ситуацией в целом.

Источником фактического материала для данной статьи послужили стенограммы 80 официальных выступлений президентов США Дж. Буша старшего, Б. Клинтона, Дж. Буша младшего, Б. Обамы, Д. Трампа с 1989 по 2019 г., опубликованные на сайтах millercenter.org, presidentialrhetoric.com, whitehouse.gov. Тексты включают инаугурационные речи, ежегодные послания о положении в стране, обращения к нации, а также к народам других государств во время официальных визитов, выступления перед американскими солдатами, участвующими в военных операциях в горячих точках мирах, доклады в Конгрессе и на различных мероприятиях, посвященные актуальным внутренним и международным общественно-политическим событиям, общим объемом свыше 1,5 млн знаков. Из них методом сплошной выборки были отобраны 600 примеров с союзами альтернативной семантики, из которых в около 150 случаях ком-

поненты сочиненной конструкции представляют собой языковые единицы интересующих нас категорий.

Анализ фактологического материала свидетельствует о том, что в официальных выступлениях президентов Соединенных Штатов функционируют конструкции альтернативной семантики, в которых в качестве сочиненных компонентов выступают системные лексические и синтаксические антонимы. Последние представляют собой непредикативные и предикативные структуры, восходящие к тождественной деривационной основе и имеющие идентичное или синонимичное лексическое наполнение [23. С. 60]. Противоположность их значения создается средствами выражения отрицания при одном из противочленов, антонимическими коннекторами, а также изменением синтаксических ролей и позиций актантов. Кроме того, в анализируемых синтаксических образованиях может наблюдаться контекстуальная антонимия, когда соединяемые союзом альтернативной семантики языковые единицы не считаются системными антонимами, но приобретают значение противоположности в конкретном высказывании благодаря его смыслу, а также наличию типичных для актуализации антонимичности средств контекста [Там же. С. 85]. Причем рассматриваемые конструкции служат для усиления противопоставления окказиональных антонимов, среди которых встречаются лексические, в том числе межчастеречные, синтаксические и разноуровневые.

В использовании американскими президентами Дж. Бушем старшим, Б. Клинтонем, Дж. Бушем младшим, Б. Обамой, Д. Трампом сочинительных конструкций альтернативной семантики с антонимичными компонентами наблюдаются как сходства, так и различия. В частности, подобные образования функционируют, главным образом, в решительных и категоричных высказываниях, с помощью которых руководители государства подчеркивают силу и могущество страны, определяющей будущее всего мира, призывают следовать ценностям свободы и демократии, поддерживать проводимую ими жесткую и агрессивную внешнюю политику, скрывающуюся за благими намерениями, продвигают мысль о единении американских граждан для решения глобальных проблем.

Так, идея величия Америки, способной «творить историю», содержится в высказывании Дж. Буша старшего, где при помощи конструкции альтернативной семантики с антонимичными компонентами, противоположность значения которых обусловлена изменением синтаксических функций актантов, выражается требование осуществить выбор между пассивной и активной позицией на международной арене для обеспечения безопасности и благополучия во всем мире. Антонимия подобного типа лежит в основе хиазма – «стилистической фигуры, сочетающей синтаксический параллелизм двух предложений или словосочетаний с обратной последовательностью некоторых членов [24. С. 325]:

(1) Destiny, it has been said, is not a matter of chance; it's a matter of choice. It's not a thing to be waited for; it's a thing to be achieved. And we can never safely assume that our future will be an improvement over the past. Our

choice as a people is simple: We can either shape our times, or we can let the times shape us [25].

Следующий пример представляет собой цепочку альтернативных вопросов, с помощью которых Б. Клинтон пытается пробудить у аудитории чувство сплоченности и патриотизма. Первый альтернативный вопрос основан на синтаксической антонимической оппозиции, позитивный член которой описан подробно, каждая его составляющая четко выделяется благодаря асиндетону и лексическому повтору, акцентирующим идею единства. Негативный противочлен подвергается полной компрессии с разрушением предикативного ядра, будучи вербализованным лишь одной отрицательной частицей *not*, что делает выражаемую им альтернативу бесперспективной и незначительной. Второй альтернативный вопрос содержит глагол *to come* с антонимичными постпозитивами *together* и *apart* и выступает в качестве перифразы первого:

(2) *Will we be one Nation, one people, with one common destiny, or not? Will we all come together, or come apart?* [26].

Используемые в выступлении Дж. Буша младшего прилагательные *better* и *dangerous* не находятся в антонимических отношениях в системе языка, но обозначаемые ими понятия противопоставляются и становятся взаимоисключающими в контексте. Мир либо будет лучше, либо опаснее, что всецело зависит от того, в каком направлении развивается американская внешняя политика. Подчеркивая абсолютную главенствующую роль США в установлении мирового порядка, президент, адресующий свою речь военной аудитории, призывает ее поддержать эту идею, экспрессивному выражению которой служат контекстуальная антонимия и коллокация *one way or the other*, также указывающие на необходимость выбора пути мирового развития:

(3) *This is a moment – this is a time where the world can turn one way or the other, where the world can be a better place or a more dangerous place* [27].

В приведенном ниже примере Б. Обама, используя предложные словосочетания, в состав которых входят антонимичные лексемы *good* и *ill*, ставит слушателей перед решающим выбором между добром и злом, тем самым пытаясь заставить их поверить в исключительную роль американского народа, от которого зависит то, каким будет мир. Понятно, какой возможности отдаст предпочтение реципиент, и любые действия власти будут восприниматься как направленные на достижение всеобщего блага:

(4) *It is a tremendous burden, but also a great privilege, one that has been entrusted to few generations of Americans. For in our hands lies the ability to shape our world for good or for ill* [28].

Действующий президент Соединённых Штатов Д. Трамп, применяя конструкции альтернативной семантики с контекстуальными антонимами, старается донести до собравшихся мысль о важности объединения нации для решения стоящих перед ней экономических, политических и социальных вопросов. Данная идея усиливается модальным сказуемым, состоящим из глаголов *must* и *choose*, прямо призывающих совершить судьбоносный

выбор между собственной идентичностью и принадлежностью к американской нации в целом, тогда как паузы перед второй альтернативой косвенно указывают на ее предпочтительность по сравнению с первой:

(5) *We must choose **whether we are defined by our differences – or whether we dare to transcend them.** We must choose **whether we will squander our inheritance – or whether we will proudly declare that we are Americans.** We do the incredible* [29].

Еще одно сходство в функционировании конструкций альтернативной семантики, содержащих антонимичные единицы, в речи американских лидеров состоит во включении в их состав лексических антонимов *friend* и *foe*, характеризующихся наличием фонетического повтора начальной фонемы *f*-. Экстралингвистический контекст функционирования рассматриваемого оборота речи в американском президентском дискурсе существенно варьируется, поскольку в выступлениях Дж. Буша старшего и Дж. Буша младшего, посвященных, соответственно, участию США в вооруженном конфликте в Персидском заливе в 1990 г. и вторжении в Ирак в 2003 г., он встречается во фрагменте текста, направленном на то, чтобы оправдать военное присутствие на Ближнем Востоке, тогда как в инаугурационной речи Д. Трампа он реализуется в высказывании, служащем для того, чтобы напомнить о намерении нового главы Белого дома «сделать Америку снова великой» за счет проведения ряда мероприятий в сфере экономики. Однако в обоих случаях данное клише предназначено для того, чтобы подчеркнуть политическое, экономическое и военное превосходство государства, при этом подразумевается, что идеологические противники получают достойный отпор, а партнерам будет оказана всяческая поддержка.

Например, используя лексические антонимы *friend* и *foe* с отрицательным местоимением *no* в составе конструкции альтернативной семантики, Дж. Буш младший утверждает, что никто в этом мире не может ставить под сомнение навыки, силу и дух американской армии, и с ней не могут сравниться вооруженные силы ни одной дружественной или враждебной державы. Такие слова наводят адресата на мысль о всесильности и всемогуществе Соединенных Штатов, активизируют его патриотические чувства, создавая настроение душевного подъема и гордости:

(6) *And today, **no friend or foe** can question the skill, the strength, and the spirit of the United States military* [30].

Конструкция с союзом *or* с идентичным лексическим наполнением в высказывании Дж. Буша старшего образует усеченное бессоюзное уступительное придаточное предложение, уточняющее содержание местоимения *no one*. С ее помощью президент пытается веско и убедительно высказать идею о том, что никто не должен сомневаться в стремлении США к сохранению мира во всем мире, что, однако, не исключает решительных действий и применения силы, стараясь тем самым замаскировать за благими намерениями агрессивную внешнюю политику:

(7) *No one, **friend or foe**, should doubt our desire for peace; and no one should underestimate our determination to confront aggression* [31].

К подобному обороту речи прибегает и Д. Трамп, в выступлении которого он выполняет аналогичную синтаксическую функцию, будучи уточнением к словосочетанию *all the nations of the world*. В обращении к Конгрессу действующего президента конструкция альтернативной семантики служит для того, чтобы донести до аудитории мысль, что все нации мира, независимо от их дружественного или враждебного отношения к Соединенным Штатам, признают их превосходство, что, безусловно, оказывает воздействие на аудиторию, пробуждая чувство гордости за свою державу:

(8) *All the nations of the world – **friend or foe** – will find that America is strong, America is proud, and America is free* [32].

Различия в использовании американскими президентами Дж. Бушем старшим, Б. Клинтонем, Дж. Бушем младшим, Б. Обамой, Д. Трампом сочинительных конструкций альтернативной семантики с антонимичными компонентами обусловлены сложившейся ситуацией в мире и в стране, послужившей предпосылкой того или иного выступления.

В частности, в период президентского срока Б. Клинтона проходила военная операция НАТО в Югославии, повлекшая большие потери среди мирного населения и нанесящая огромный ущерб югославской экономике, инфраструктуре, экологии. В следующем примере содержится фразеологизированная конструкция альтернативной семантики с лексическими антонимами в усеченном придаточном предложении уступки, изображающая С. Милошевича безжалостным тираном, готовым живыми или мертвыми изгнать албанцев из Косово. Подобное высказывание было направлено на то, чтобы через создание негативного образа президента Югославии переложить на него вину и ответственность за происходящее и тем самым оправдать вооруженное вторжение на территорию другого государства, направленное на то, чтобы принести избавление от жестокого режима, при этом страдания мирного населения подчеркиваются конструкцией альтернативной семантики с контекстуальными лексическими антонимами *death* и *deliverance*, которые в системе религиозного языка приобретают узуальный характер:

(9) *There'll be no more days of foraging for food in the cold of mountains and forests, no more nights of hiding in cellars, wondering **if the next day will bring death or deliverance**. They will know that Mr. Milosevic's army and paramilitary forces will be gone, his 10-year campaign of repression finished <...> You endured 79 days of bombing, not to keep Kosovo a province of Serbia, but simply because Mr. Milosevic was determined to eliminate Kosovar Albanians from Kosovo, **dead or alive*** [33].

На время президентства Дж. Буша младшего приходятся события 11 сентября 2001 г., когда в результате террористического акта были взорваны башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, что повлекло большое количество человеческих жертв. Это отразилось на политике 43-го главы Белого дома, ведущим направлением которой стала борьба с международным терроризмом, затрагиваемая во многих президентских выступлениях.

Так, в обращении к нации по поводу случившегося Дж. Буш младший дает аудитории обещание, что правосудие свершится и враги Соединенных Штатов понесут неминуемое справедливое наказание. Жесткость и категоричность высказывания обеспечивается уступительным придаточным с перечисляемыми альтернативами, антонимичность которых, обусловленная изменением синтаксических функций актантов, составляет основу хизма:

(10) *Whether we bring our enemies to justice, or bring justice to our enemies, justice will be done* [34].

В другом примере из того же выступления членами конструкции альтернативной семантики являются контекстуальные антонимы, принадлежащие к разным частям речи. Противопоставляемые единицы *us* и *the terrorists* репрезентируют оппозицию «свой – чужой», которой нередко оперируют политики. С ее помощью Дж. Буш младший жестко разделяет общество на два лагеря. Союз *either... or* придает высказыванию замкнутый характер, не допускающий включения других возможностей, тогда как сочетание *to make a decision* усиливает настойчивость требования выбрать одну из сторон. Если реципиент становится в ряд «своих», то он вместе с ними должен противостоять общей угрозе – «чужим», к чему и призывает президент. Если же он выбирает сторону террористов, то бороться будут с ним. Межчастеречная контекстуальная антонимия служит для усиления воздействующей силы высказывания:

(11) *Every nation, in every region, now has a decision to make. Either you are with us, or you are with the terrorists. Either you are with us, or you are with the terrorists* [34].

Б. Обама предпринял попытку реформирования системы выдачи вида на жительство в целях интеграции иммиграционной и экономической политики и повышения эффективности использования труда иностранцев. В своем обращении к нации по случаю издания указа, предоставлявшего временный статус с правом работы нелегальным иммигрантам, имеющим детей – граждан или резидентов США, президент прибегает к цепочке вопросов, соединяемых союзом *or* и содержащих контекстуальные антонимы, с тем чтобы призвать американцев поддержать его в благородном стремлении воссоединить семьи, за которым скрывается прагматичный поиск новых путей развития экономики:

(12) *Are we a nation that accepts the cruelty of ripping children from their parents' arms? Or are we a nation that values families, and works together to keep them together?* [35].

В ежегодном послании «О положении страны» Д. Трамп говорит о заслугах своей администрации, заключающихся в улучшении экономических показателей США, рекордно низком уровне безработицы, повышении качества жизни и благосостояния всех групп населения, а также намечает дальнейшие задачи, состоящие в защите американских рабочих мест, справедливой торговле для американцев, восстановлении и оживлении инфраструктуры, снижении стоимости здравоохранения и рецептурных лекарств.

Конструкция альтернативной семантики с контекстуальными антонимами *progress* и *destruction*, определяемыми прилагательными *incredible* и *pointless*, соответственно, указывает на необходимость продолжать выбранную экономическую политику и призывает аудиторию поддержать ее. Данная идея усиливается перифразом и полисиндетоном:

(13) *We must choose between greatness or gridlock, results or resistance, vision or vengeance, **incredible progress or pointless destruction**. Tonight, I ask you to choose greatness* [29].

Анализ фактологического материала свидетельствует о том, что в официальных выступлениях президентов США функционируют конструкции альтернативной семантики, в которых позицию сочиненных компонентов занимают системные и контекстуальные лексические синонимы. Полученные ранее данные свидетельствуют о том, что при соединении в речи союзом *or* члены синонимических рядов выступают в качестве пояснения и уточнения [36]. Однако в американском президентском дискурсе синонимия сочиненных компонентов наблюдается, когда значение альтернативности нейтрализуется перечислением. В таких случаях рассматриваемые синтаксические образования служат для того, чтобы охарактеризовать то или иное явление с различных сторон с целью усиления воздействующего эффекта высказывания.

В использовании американскими президентами Дж. Бушем старшим, Б. Клинтонем, Дж. Бушем младшим, Б. Обамой, Д. Трампом сочинительных конструкций альтернативной семантики с синонимичными компонентами наблюдаются как сходства, так и отличия. В частности, синонимичные единицы с положительной коннотацией обозначают черты, присущие, по мнению руководителя государства, американским гражданам. С их помощью подчеркивается ее духовное и физическое превосходство над другими народами. Синонимичные единицы с отрицательной коннотацией служат для наименования тех качеств, которые не может и не должна демонстрировать миру нация, считающая себя великой.

В приведенном ниже примере Б. Обама говорит о главном достижении американского народа, состоящем в построении демократического общества, что, однако, далось ему нелегко. На это указывают в том числе и синонимичные сочиненные компоненты конструкции альтернативной семантики, обозначающие эмоциональное состояние, возникающее у народа на пути к демократии в моменты возникновения трудностей и совершения ошибок:

(14) *Our freedom, our democracy, has never been easy. Sometimes we stumble; we make mistakes; we get **frustrated or discouraged*** [37].

В своем обращении к нации Д. Трамп прибегает к гиперболической конструкции альтернативной семантики с синонимичными прилагательными для восхваления и превознесения американского народа как самого бесстрашного, смелого и решительного. Подобная тактика, по-видимому, обусловлена неоднозначным отношением к действующему президенту и стремлением последнего завоевать симпатию и расположение аудитории:

(15) *Over the last year, the world has seen what we always knew: that no people on Earth are so **fearless, or daring, or determined** as Americans* [38].

Явления могут намеренно сближаться говорящим, тогда как выражающие их языковые единицы становятся в высказывании контекстуальными синонимами. Так, неуверенность и слабость американской политики по отношению к террористическим угрозам расцениваются Дж. Бушем младшим как пагубные для судьбы всего человечества. Чтобы убедить реципиента в необходимости действовать против терроризма смело и решительно, президент включает конструкцию альтернативной семантики с контекстуальными синонимами в придаточное условия, а в главной части упоминает страшные последствия промедления и нерешительности с тем, чтобы произвести негативное впечатление. Обе части предложения обладают отрицательной коннотацией и призваны произвести обратный эффект и настроить аудиторию на поддержку действий лидера государства, ведь если Соединенные Штаты не искоренят терроризм, мир столкнется с трагедией:

(16) *Terrorists continue to attack in Afghanistan and Iraq. Regimes in North Korea and Iran are challenging the peace. If America shows **weakness or uncertainty** in this decade, the world will drift toward tragedy* [30].

Различия в использовании американскими президентами Дж. Бушем старшим, Б. Клинтон, Дж. Бушем младшим, Б. Обамой, Д. Трампом сочинительных конструкций альтернативной семантики с синонимичными компонентами обусловлены экстралингвистическими факторами.

В частности, в выступлении, посвященном окончанию второго года пребывания на президентском посту, Дж. Буш старший затронул тему военной операции в Персидском заливе за освобождение и восстановление независимости оккупированного Ираком Кувейта. Говоря о неминуемой скорой победе, глава Белого дома с помощью лексических синонимов, помещенных в конструкцию альтернативной семантики, стремится предостеречь агрессивно настроенных руководителей других стран от подобных вторжений на соседние территории:

(17) *We will succeed in the Gulf. And when we do, the world community will have sent an enduring warning to any **dictator or despot**, present or future, who contemplates outlaw aggression* [39].

Одной из задач внутренней политики Б. Клинтона было реформирование социальной системы, в том числе финансовая поддержка тех, кто вынужден заботиться о тяжелобольных или недееспособных членах семьи, что нашло отражение в конструкции альтернативной семантики с синонимичными лексемами:

(18) *I propose a tax credit of \$1,000 for the aged, **ailing or disabled**, and the families who care for them. Long-term care will become a bigger and bigger challenge with the aging of America, and we must do more to help our families deal with it* [40].

Во второй инаугурационной речи 44-го президента упоминаются две идеологии, с которыми, как со злейшими врагами человечества, сражались

и сражаются Соединенные Штаты. Употребляя конструкцию альтернативной семантики, в которой, как мы ранее отмечали, могут выражаться не только противопоставление, но и тождество, Б. Обама, фактически, ставит знак равенства между фашизмом и коммунизмом. Здесь наблюдается функциональная близость союзов *or* и *and*, возможная вследствие нейтрализации значения альтернативности, тогда как незаконченный характер перечисления подразумевает наличие других реальных и мнимых угроз, которым Америка готова противостоять:

(19) *For the American people can no more meet the demands of today's world by acting alone than American soldiers could have met the forces of **fascism or communism** with muskets and militias* [41].

Б. Обама предпринял попытку крупномасштабной реформы системы здравоохранения США, состоящей во введении обязанности граждан иметь медицинскую страховку и улучшении условий медицинского страхования. Освещая преимущества нового закона о защите пациентов, президент, употребляя синонимичные наименования, заключенные в конструкцию альтернативной семантики, а также приводя конкретные количественные показатели, акцентирует внимание аудитории на необходимости приобретения медицинского полиса:

(20) *More than nine million Americans have signed up for private **health insurance or Medicaid coverage*** [37].

Аналогичным образом Д. Трамп использует синонимичные наименования для того, чтобы акцентировать внимание на строительстве стены на границе с Мексикой для защиты Соединенных Штатов от нелегальной миграции и контрабанды, что было одним из пунктов его предвыборной кампании. В примере 22 при перечислении мер, предпринимаемых правительством для борьбы с преступностью, возведение физического барьера упоминается последним, т.е. занимает выделенную позицию в конце ряда однородных дополнений:

(21) *Many of these security ideas have been proposed by Democrats themselves, and all of them have been supported by Democrats in the past, including **a physical barrier, wall, or fence*** [42].

(22) *It includes humanitarian assistance, more law enforcement, drug detection at our ports, closing loopholes that enable child smuggling, and plans **for a new physical barrier, or wall**, to secure the vast areas between our ports of entry* [29].

В другом примере контекстуальные синонимы функционируют во фрагменте речи Д. Трампа, посвященном реформированию гражданской госслужбы для сокращения раздутого государственного аппарата и в конечном итоге повышения эффективности работы правительства. С их помощью президент доходчиво объясняет, что в первую очередь будут уволены чиновники, теми или иными действиями подрывающие доверие рядовых американцев:

(23) *All Americans deserve accountability and respect—and that is what we are giving them. So tonight, I call on the Congress to empower every Cabinet*

Secretary with the authority to reward good workers – and to remove Federal employees who undermine the public trust or fail the American people [38].

Анализ фактологического материала свидетельствует о том, что в официальных выступлениях президентов США функционируют конструкции альтернативной семантики, в которых позицию сочиненных компонентов занимают слова различных тематических групп, находящиеся между собой в гипонимических отношениях. При этом соединяемые союзом альтернативной семантики гипонимы не исключают, а дополняют друг друга по смыслу.

В использовании американскими президентами Дж. Бушем старшим, Б. Клинтонем, Дж. Бушем младшим, Б. Обамой, Д. Трампом сочинительных конструкций альтернативной семантики с гипонимичными компонентами наблюдаются как сходства, так и различия. Подобные синтаксические образования встречаются в выступлениях, посвященных теме, которая так или иначе неоднократно затрагивалась главами Белого дома, а именно: интеграция и сотрудничество республиканцев и демократов несмотря на расхождения политических интересов.

Так, Дж. Буш младший видит первоначальную причину всех проблем американского общества в отказе от семейных ценностей и надеется, что и демократы и республиканцы едины в своем мнении о важности предпринимаемых мер по укреплению института семьи и брака:

(24) *They said that every one of them, **Republican or Democrat**, agreed on one thing, that the major cause of the problems of the cities is the dissolution of the family* [43].

Приведенный ниже пример из речи Б. Клинтона содержит две альтернативы, которые призваны показать, что в борьбе с процветающей преступностью спор между демократами и республиканцами является нерелевантным. Обе партии должны объединить усилия против общего врага, иначе любой из ее представителей или приверженцев может стать жертвой жестоких преступлений, перечисленных в первом сочиненном ряду, построенном по принципу восходящей градации:

(25) *When people are victimized, the criminal almost never asks before you're **robbed or beaten or raped or murdered**: Are you a **Republican or a Democrat**?* [44].

При помощи соответствующего лексического наполнения конструкции альтернативной семантики Б. Обама пытается убедить представителей обеих партий в необходимости совместного решения насущных задач. Он отмечает, что образование детей должно начинаться дома и не имеет значения, каких политических взглядов придерживаются их родители; республиканцам и демократам следует работать слаженно во благо подрастающего поколения американцев:

(26) *I speak to you not just as a President, but as a father, when I say that responsibility for our children's education must begin at home. That is not a **Democratic issue or a Republican issue**; that's an American issue* [28].

В другом примере речь снова идет о конфронтации республиканцев и демократов, усилившейся во время президентства Б. Обамы, который вы-

сказывает сожаление об этом. Предложение, где компоненты конструкции альтернативной семантики обозначают предшествующих президентов США, содержит большой объем имплицитной информации, понимание которой возможно на основе исторических знаний. Глава Белого дома перечисляет в хронологической последовательности двух наиболее выдающихся лидеров государства, которые смогли добиться примирения политических партий в такие трудные периоды американской истории, как Гражданская война и Великая депрессия, и провести важные реформы, предотвратившие распад страны и способствовавшие преодолению экономического кризиса. Такая тактика признания собственных ошибок на фоне множества достижений, упомянутых в ежегодном обращении к нации, позволяет президенту показать способность критически оценивать свою деятельность, что не может не вызвать одобрение у аудитории:

(27) *It's one of the few regrets of my presidency – that the rancor and suspicion between the parties has gotten worse instead of better. I have no doubt a president with the gifts of **Lincoln or Roosevelt** might have better bridged the divide, and I guarantee I'll keep trying to be better so long as I hold this office* [45].

В следующем примере Б. Обама высказывает идею консолидации не только политических партий, но и всех органов государственного управления. Прибегая к конструкции альтернативной семантики, где перечислены законодательная, судебная и исполнительная ветви власти, он указывает на то, что демократия как основное достояние страны обеспечивается совместными усилиями Конгресса, Верховного суда и президента Соединенных Штатов. При этом упоминание главы правительства замыкает ряд, что создает кульминационный эффект:

(28) *Of course, our democracy is not the task of **Congress alone, or the courts alone, or even the President alone*** [46].

В выступлении Д. Трампа по случаю годовщины своего президентства альтернативный ряд, занимая синтаксически маркированную позицию добавочной конструкции, служит для того, чтобы донести до аудитории мысль, что кровавая бойня в Лас-Вегасе стерла политические разногласия между демократами и республиканцами. По мнению действующего президента, парламентарии должны всегда, а не только в трагические моменты, демонстрировать подобное единение во имя народа, интересы которого они представляют:

(29) *In the aftermath of that terrible shooting, we came together, not as **Republicans or Democrats**, but as representatives of the people. But it is not enough to come together only in times of tragedy. Tonight, I call upon all of us to set aside our differences, to seek out common ground, and to summon the unity we need to deliver for the people we were elected to serve* [38].

Различия в использовании американскими президентами Дж. Бушем старшим, Б. Клинтоном, Дж. Бушем младшим, Б. Обамой, Д. Трампом сочинительных конструкций альтернативной семантики с гипонимичными компонентами проявляются в тематической принадлежности последних,

обусловленной конкретными событиями, которые послужили поводом для выступления президента.

Так, характеризуя острый межэтнический конфликт в Боснии и Герцеговине между православными сербами, боснийскими мусульманами и католическими хорватами, Б. Клинтон применяет конструкцию, где союзы альтернативной семантики соединяют лексические единицы, входящие в тематическую группу «семья». Акцентируя внимание на том, что война так или иначе вошла в каждый дом, среди ее жертв обязательно найдутся чьи-то родственники, президент добавляет драматизма в описание ситуации и тем самым пытается оправдать вмешательство НАТО в войну на территории бывшей Югославии. Парный и параллельный характер перечисления задает особый ровный ритм, который также способствует осуществлению воздействия:

(30) *Two million people, half of the population, were forced from their homes and into a miserable life as refugees. And these faceless numbers hide millions of real personal tragedies. For each of the war's victims **was a mother or daughter, a father or son, a brother or sister*** [47].

Как мы уже отмечали, события 11 сентября 2001 г. оказали существенное влияние на политику администрации Дж. Буша младшего, что, в свою очередь, нашло отражение в президентской риторике. В приведенном отрывке из ежегодного доклада о положении в стране в конструкции альтернативной семантики перечисляются преступные действия *murder, blow up, behead*, за которые террористы понесут заслуженное наказание, при этом подчеркивается, что именно Соединенные Штаты встанут на пути распространения насилия и избавят человечество от всеобщего зла:

(31) *When they **murder children at a school in Beslan or blow up commuters in London or behead a bound captive**, the terrorists hope these horrors will break our will, allowing the violent to inherit the Earth. But they have miscalculated: We love our freedom, and we will fight to keep it* [48].

Президент Б. Обама объявил защиту прав сексуальных меньшинств приоритетом не только внутренней, но и внешней политики США. Эта мысль выражается в конструкции альтернативной семантики, членами которой являются гипонимы, обозначающие всех представителей ЛГБТ-сообщества, причем они перечисляются наряду с другими категориями людей, подвергающихся дискриминации по религиозным, политическим или гендерным признакам. Такое синтаксическое оформление служит для того, чтобы веско и убедительно заявить, что сексуальная ориентация, так же как пол, вероисповедание или политические взгляды, не является основанием для ущемления прав и свобод граждан:

(32) *That's why we defend free speech, and advocate for political prisoners, and condemn the persecution of **women, or religious minorities, or people who are lesbian, gay, bisexual or transgender*** [45].

2014 г. ознаменовался серьезными природными катаклизмами в различных точках мира, а именно: землетрясениями в Китае и Чили, тайфунами на Филиппинах и острове Тайвань, что было использовано Б. Обамой

в одном из выступлений для того, чтобы построить образ всемогущей Америки, которой под силу справиться даже с природными катаклизмами. При помощи входящей в состав уступительного придаточного конструкции альтернативной семантики, сочинённые компоненты которой принадлежат тематической группе «стихийные бедствия», президент акцентирует внимание на том, что Соединенные Штаты всегда оказывают поддержку тем, кто в ней нуждается. То, что это не просто слова и неоднократно свершалось на деле, подкрепляется временной формой Present Perfect в главной части сложноподчиненного предложения:

(33) *And we've shown that – whether it's a tsunami or an earthquake or a typhoon – when our friends are in need, America shows up* [49].

В конце своего президентского срока Б. Обама посетил с официальным визитом Остров Свободы, где объявил о новом этапе развития политических и торгово-экономических отношений между Соединенными Штатами и Кубой, характеризующемся спадом напряжения между этими государствами. В следующем примере вторая и третья конструкции альтернативной семантики содержат гипонимы, представляющие собой названия латиноамериканских музыкальных стилей и танцевальных мелодий, имена исполнителей кубинского происхождения, которые завоевали известность и популярность за пределами родной страны, тогда как компонентами конструкции, завершающей перечисление, являются собственное имя исполнителя и название музыкального стиля. Данные лексические единицы используются как наглядные примеры того, как, несмотря на многолетнюю изоляцию и экономические санкции США, кубинская культура проникала на континент и оказывала влияние на американскую культуру. Эта идея выражается первой конструкцией альтернативной семантики с топонимическими наименованиями, обозначающими кубинскую столицу и американский город, который стал родиной для кубинцев, покинувших страну после революции 1959 г. Подобное признание значимости собственной культуры звучит лестно для граждан Кубы, которые с воодушевлением восприняли новость о возобновлении дипломатических отношений между Гаваной и Вашингтоном:

(34) *In Miami or Havana, you can find places to dance the Cha-Cha-Cha or the Salsa, and eat ropa vieja. People in both of our countries have sung along with Celia Cruz or Gloria Estefan, and now listen to reggaeton or Pitbull* [50].

В примере из инаугурационной речи Д. Трампа конструкция альтернативной семантики с компонентами, обозначающими различные расы и этнические группы, подчеркивает необходимость объединения всех граждан США независимо от цвета кожи и происхождения для того, чтобы общими усилиями сделать Америку великой:

(35) *It is time to remember that old wisdom our soldiers will never forget: that whether we are black or brown or white, we all bleed the same red blood of patriots, we all enjoy the same glorious freedoms, and we all salute the same great American Flag. [...] Together, We Will Make America Strong Again. We Will Make America Wealthy Again. We Will Make America Proud Again. We Will Make America Safe Again* [51].

Дж. Буш младший занимал категорическую позицию в отношении использования эмбрионов для получения стволовых клеток и наложил вето на одобренный Сенатом законопроект, который предусматривал выделение бюджетных средств на подобные исследования. Конструкции альтернативной семантики с глаголами *buy* и *sell*, антонимичность которых основывается на полярной репрезентации определенного события [52. С. 8–9], синонимичными прилагательным *defective* и причастием *damaged*, а также гипонимами, относящимися к тематической группе «внутренние органы человека», помогают президенту доходчиво донести свою точку зрения, противопоставляя преимущества применения стволовых клеток в лечении серьезных заболеваний этической стороне вопроса:

(36) *Human beings are not a raw material to be exploited, or a commodity to be bought or sold, and this bill will help ensure that we respect the fundamental ethical line. <...> Embryonic stem cells have the ability to grow into specialized adult tissues, and this may give them the potential to replace **damaged or defective** cells or body parts and treat a variety of diseases. <...> Yet we must also remember that embryonic stem cells come from human embryos that are destroyed for their cells* [53].

(37) *Researchers are telling us the next step could be to clone human beings to create individual designer stem cells, essentially to grow another you, to be available in case you need another **heart or lung or liver**. <...> I strongly oppose human cloning, as do most Americans* [54].

Таким образом, конструкции с союзами альтернативной семантики, будучи сильно маркированными синтаксическими структурами, подчиняющими себе всю семантическую структуру высказывания [16. С. 191], фокусируют внимание реципиента на своем содержании, тогда как простота и краткость формы сочиненных компонентов, входящих в их состав, способствуют процессу восприятия информации. В американском президентском дискурсе данные синтаксические позиции занимают члены антонимических оппозиций, синонимических рядов и слова различных тематических групп, с помощью которых получает языковое оформление та или иная мысль главы государства, которую нужно донести до аудитории.

В реализации данных синтаксических образований в официальных выступлениях президентов США Дж. Буша старшего, Б. Клинтона, Дж. Буша младшего, Б. Обамы, Д. Трампа наблюдаются универсальные черты, состоящие в том, что конструкции с антонимичными сочиненными компонентами служат для того, чтобы призвать граждан страны к единению и поддержке агрессивной и жесткой позиции правительства, скрывающейся за благим намерением обеспечить свободу и демократию во всем мире, тогда как конструкции с синонимичными сочиненными компонентами используются для того, чтобы возвеличить американскую нацию через упоминание ее лучших духовных и физических качеств, а конструкции с гипонимичными сочиненными компонентами, обозначающими политические партии или их членов, подчеркивают важность коллаборации республиканцев и демократов в решении глобальных проблем. Вместе с тем в

функционировании исследуемых синтаксических структур в речи каждого из перечисленных президентов, а также в их лексическом наполнении прослеживаются специфические особенности, обусловленные экстралингвистическими предпосылками того или иного выступления, задачами социально-экономической, миграционной, международной политики президентской администрации. В частности, конструкции альтернативной семантики с соответствующими антонимичными, синонимичными или гипонимичными сочиненными компонентами встречаются в послании Дж. Буша старшего, посвященном участию Соединенных Штатов в военной операции в Персидском заливе. Б. Клинтон прибегает к ним для оправдания вмешательства в вооруженный конфликт на территории бывшей Югославии, а также для убеждения в целесообразности реформирования системы финансовой поддержки различных слоев населения. Дж. Буш младший использует их при обосновании необходимости вторжения в Ирак, ужесточения борьбы с международным терроризмом, а также запрета научных исследований в области стволовых клеток. Рассматриваемые конструкции присутствуют в тех выступлениях Б. Обамы, где речь идет об изменениях системы выдачи виз и медицинского страхования, защите прав сексуальных меньшинств, установлении дипломатических отношений с Кубой. В обращениях Д. Трампа они предназначаются для того, чтобы заверить аудиторию в серьезности намерений президента реорганизовать гражданскую госслужбу, возвести стену на границе с Мексикой и провести ряд других мероприятий в сфере экономики для того, чтобы сделать Америку снова великой.

Литература

1. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
2. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 163 с.
3. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. 2-е изд., испр. М. : Флинта-Наука, 2007. 256 с.
5. Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001. С. 201–227.
6. Склярова Н.Г. Функционально-семантическая категория альтернативности как средство речевого воздействия в официальных выступлениях президентов США // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 155–162.
7. Склярова Н.Г., Хачересова Л.М. Альтернативность в американском президентском дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 44–52.
8. Белошапкова В.А. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М., 1970. С. 13–23.
9. Смоленская Т.М. Становление пояснительного союза или в русском языке // История слова в текстах и словарях. Ставрополь, 1988. С. 74–81.

10. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М. : Наука, 1989. 267 с.
11. Госсман К.Г. Функционально-семантическое поле дизъюнкции (на материале полипредикативных конструкций современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 159 с.
12. Морозов Л.С. Семантико-синтаксические отношения между компонентами немецких сложносочиненных предложений с дизъюнктивными союзами // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2005. № 3. С. 102–110.
13. Крюкова Л.И. Синтаксическая конструкция разделительной семантики : дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 210 с.
14. Алимурадов О.А. Семантико-синтаксические свойства *or* в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 216 с.
15. Склярова Н.Г. Функционально-семантическое поле альтернативности в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2001. 218 с.
16. Склярова Н.Г. Альтернативность как языковая универсалия. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. 284 с.
17. Склярова Н.Г. Отношения альтернативности в тексте художественного произведения (на материале романа L. Irvine «Castaway») // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 4. С. 138–143.
18. Склярова Н.Г. Отношения альтернативности в картине мира детективного произведения (на материале романов П. Корнуэлл) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2017. № 2. С. 127–135.
19. Склярова Н.Г. Отношения альтернативности в художественной картине мира (на материале произведения Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи») // Вестник Пятигорского лингвистического университета. 2015. № 2. С. 99–103.
20. Введенская Л.А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 1973. 36 с.
21. Склярова Н.Г. Взаимодействие альтернативности и антонимии и его реализация в английском языке // Функциональная лингвистика : материалы V междунар. лингвистич. конгресса «Язык и мир». Симферополь, 2013. № 5. С. 377–379.
22. Склярова Н.Г. Взаимодействие альтернативности и синонимии и его реализация в английском языке // Язык и мир : материалы VII междунар. лингвистич. конгресса. Симферополь, 2015. С. 316–319.
23. Боева Н.Б. Антонимичность языковых единиц морфологического и синтаксического уровней в современном английском языке. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. пед. ин-та, 2004. 116 с.
24. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М. : Сов. энцикл., 1966. 376 с.
25. Bush G.H.W. Remarks at Texas A&M University. December 15. 1992. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-15-1992-remarks-texas-am-university>
26. Clinton W.J. Second Inaugural Speech. January 20. 1997. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1997-second-inaugural>
27. Bush G.W. Address to Troops During a Surprise Visit to Iraq, Green Zone, Baghdad. June 13. 2006. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/06.13.06.html>
28. Obama B.H. Address before a Joint Session of Congress. February 24. 2009. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-24-2009-address-joint-session-congress>
29. Trump D.J. State of the Union Address. February 5. 2019. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-5-2019-state-union-address>
30. Bush G.W. Defending the War, Kutztown, PA. July 9. 2004. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/07.09.04.html>

31. *Bush G.H.W.* Address on Iraq's Invasion of Kuwait. August 8. 1990. URL: <http://millercenter.org/president/bush/speeches/speech-5529>

32. *Trump D.J.* Address before the Joint Session of Congress. February 28. 2017. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-28-2017-address-joint-session-congress>

33. *Clinton B.J.* Address on Kosovo Agreement. June 10. 1999. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-10-1999-address-kosovo-agreement>

34. *Bush G.W.* Address to the Nation, Washington, DC. September 20. 2001. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html>

35. *Obama B.H.* Address to the Nation on Immigration. November 20. 2014. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-20-2014-address-nation-immigration>

36. *Склярова Н.Г.* Взаимодействие альтернативности и синонимии и его реализация в английском языке // Язык и мир : материалы VII междунар. лингвистич. конгресса. Симферополь, 2015. С. 316–319.

37. *Obama B.H.* State of the Union Address, Washington, D.C. January 28. 2014. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.28.14.html>

38. *Trump D.J.* State of the Union Address. January 30. 2018. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-30-2018-state-union-address>

39. *Bush G.H.W.* State of the Union Address. January 29. 1991. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-29-1991-state-union-address>

40. *Clinton B.J.* State of the Union Address. January 19. 1999. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-19-1999-state-union-address>

41. *Obama B.H.* Second Inaugural Address, Washington, D.C. January 21. 2013. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.21.13.html>

42. *Trump D.J.* Remarks about the US Southern Border. January 19. 2019. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-19-2019-remarks-about-us-southern-border>

43. *Bush G.H.W.* State of the Union Address. January 28. 1992. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-28-1992-state-union-address>

44. *Clinton W.J.* Victims Rights Announcement. June 25. 1996. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-25-1996-victims-rights-announcement>

45. *Obama B.H.* State of the Union Address. January 12. 2016. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-12-2016-2016-state-union-address>

46. *Obama B.H.* Remarks at the 50th Anniversary of the Selma Marches. March 7. 2015. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-7-2015-remarks-50th-anniversary-selma-marches>

47. *Clinton W.J.* Address on Bosnia. November 27. 1995. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-27-1995-address-bosnia>

48. *Bush G.W.* State of the Union Address. January 31. 2006. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-31-2006-state-union-address>

49. *Obama B.H.* Remarks by President Obama at the University of Queensland, University of Queensland, Brisbane, Australia. November 15. 2014. URL:

<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/15/remarks-president-obama-university-queensland>

50. *Obama B.H.* Remarks to the People of Cuba. March 22. 2016. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-22-2016-remarks-people-cuba>

51. *Trump D.J.* Inaugural Address. January 20. 2017. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2017-inaugural-address>

52. *Добричев С.А.* Конверсные отношения в современном английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 40 с.

53. *Bush G.W.* Remarks on Stem Cell Research Policy. July 19. 2006. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/july-19-2006-remarks-stem-cell-research-policy>

54. *Bush G.W.* Address to the Nation on Stem Cell Research. August 10. 2001. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-10-2001-address-nation-stem-cell-research>

The Manipulative Usage of Constructions with Alternative Semantics in the Discourse of American Presidents

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 85–108. DOI: 10.17223/19986645/68/5

Natalia G. Sklyarova, Southern State University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: panochka@bk.ru

Lyubov M. Khacheresova, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: lyubov_khach2000@mail.ru

Keywords: political discourse, presidential discourse, constructions of alternative semantics, antonyms, synonyms, manipulation.

The study is supported by the Southern Federal University.

In the article, constructions with the conjunctions *or*, *either ... or*, *if ... or*, *whether ... or*, containing antonyms, synonyms and words of different semantic groups, are investigated in the official speeches of the US presidents George Bush Sr., Bill Clinton, George Bush Jr., Barack Obama, Donald Trump. The methods of contextual and discourse analysis help to reveal the universal features and individual peculiarities in the functioning of these syntactic structures in the American presidential discourse. The above-mentioned conjunctions join regular lexical and syntactic antonyms existing in the language system, as well as contextually determined antonyms which can even belong to different levels of the language and various parts of speech. Constructions of this type are used in resolute and uncompromising statements of the American presidents in order to underline the supremacy and strength of their country, stir up the feeling of integrity and patriotism in the audience, and persuade people to follow the ideas of freedom and democracy and support the tough and aggressive political course concealed behind good intentions. Regular and occasional lexical synonyms are united into the construction of alternative semantics for enhancing the convincing effect of the utterance. Synonyms with positive connotation name those qualities of the American nation which, in the opinion of the state leader, supply the basis of its spiritual and physical superiority. Synonyms with negative connotation nominate those features which the nation considering itself to be great is not supposed to display to the world. Constructions with conjunctions of alternative semantics joining words which nominate political parties, or their members, emphasize the cooperation of Republicans and Democrats for solving important problems despite all their altercations. At the same time, the American presidents display a considerable difference in the usage of constructions with alternative semantics, which is determined by the extralinguistic factors, current social, economic, political tasks of the presidential administration. Thus, they occur in the speeches of Bush Sr. on the participation of the US troops in the war in the Persian Gulf. Clinton uses these syntactic structures to justify the interference into

the conflict on the territory of the former Republic of Yugoslavia and to prove the necessity of improving the system of financial support for the impoverished population. In the speeches of Bush Jr., they serve to validate the military operation in Iraq, to confirm the inevitability of struggle with international terrorism and to show the negative aspects of embryonic stem cells research. With the help of these syntactic units, Obama tries to convince the audience in the inevitability of changes in the medical insurance and residence permit issuance, to protect the rights of sexual minorities and to restore diplomatic relations between the USA and Cuba. In Trump's addresses, they are aimed at showing the seriousness of the president's intentions to build the wall on the Mexican border and to carry out a number of reforms in order to make America great again. So, constructions with alternative semantics are regularly used in the institutional discourse of American presidents to instill certain ideas into the recipient's mind so that the audience would accept the political course necessary for the head of the state.

References

1. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.
2. Filinskiy, A.A. (2002) *Kriticheskiy analiz politicheskogo diskursa predvybornykh kampaniy 1999-2000 gg.* [A critical analysis of the political discourse of the 1999–2000 election campaigns]. Philology Cand. Diss. Tver.
3. Spiridovskiy, O.V. (2006) *Lingvokul'turnye kharakteristiki amerikanskoy prezidentskoy ritoriki kak vida politicheskogo diskursa* [Linguocultural characteristics of American presidential rhetoric as a type of political discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
4. Chudinov, A.P. (2007) *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2nd ed. Moscow: Flinta-Nauka.
5. Pirogova, Yu.K. (2001) Implitsitnaya informatsiya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeystviya i manipulirovaniya [Implicit information as a means of communicative influence and manipulation]. In: Novikov, A.I. (ed.) *Problemy prikladnoy lingvistiki* [Problems of Applied Linguistics]. Moscow: Azbukovnik. pp. 201–227.
6. Sklyarova, N.G. (2016) Functional-Semantic Category of Alternativeness as the Means of Manipulation in the Official Speeches of American Presidents. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – The Humanities and Social Sciences*. 4. pp. 155–162. (In Russian).
7. Sklyarova, N.G. & Khacheresova, L.M. (2017) Alternativeness in the Discourse of American Presidents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 44–52. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/6
8. Beloshapkova, V.A. (1970) Predlozheniya al'ternativnoy motivatsii v sovremennom russkom yazyke [Sentences of alternative motivation in the modern Russian language]. In: *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku* [Studies on the modern Russian language]. Moscow: Moscow State University. pp. 13–23.
9. Smolenskaya, T.M. (1988) Stanovlenie poyasnitel'nogo soyuza ili v russkom yazyke [Formation of an explanatory conjunction “or” in Russian]. In: *Istoriya slova v tekstakh i slovaryakh* [History of the word in texts and dictionaries]. Stavropol: Stavropol State Pedagogical University. pp. 74–81.
10. Sannikov, V.Z. (1989) *Russkie sochinitel'nye konstruksii: Semantika. Pragmatika. Sintaksis* [Russian coordinating constructions: Semantics. Pragmatics. Syntax]. Moscow: Nauka.
11. Gossman, K.G. (1985) *Funktsional'no-semanticheskoe pole diz'yunktivnykh (na materiale polipredikativnykh konstruksiy sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Functional-semantic field of disjunction (based on polypredicative constructions of the modern German language)]. Philology Cand. Diss. Leningrad.
12. Morozov, L.S. (2005) Semantiko-sintaksicheskie otnosheniya mezhdu komponentami nemetskikh slozhnosochinennykh predlozheniy s diz'yunktivnymi soyuzami [Semantic-syntactic relations between the components of German compound sentences with disjunctive conjunctions]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. 3. pp. 102–110.

13. Kryukova, L.I. (1995) *Sintaksicheskaya konstruktsiya razdelitel'noy semantiki* [Syntactic construction of disjunctive semantics]. Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Alimuradov, O.A. (2000) *Semantiko-sintaksicheskie svoystva or v sovremennom angliyskom yazyke* [Semantic and syntactic properties of “or” in modern English]. Philology Cand. Diss. Pyatigorsk.
15. Sklyarova, N.G. (2001) *Funktsional'no-semanticheskoe pole al'ternativnosti v sovremennom angliyskom yazyke* [Functional semantic field of alternativeness in modern English]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
16. Sklyarova, N.G. (2006) *Al'ternativnost' kak yazykovaya universal'iya* [Alternativeness as a linguistic universal]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
17. Sklyarova, N.G. (2016) Relations of Alternativeness in the Fiction Text (On the Material of the Novel of L. Irvine “Castaway”). *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki – Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 4. pp. 138–143. (In Russian).
18. Sklyarova, N.G. (2017) Relations of alternativeness in the fiction world picture of the detective (on the material of novels by P.Cornwell). *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki – Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2. pp. 127–135. (In Russian).
19. Sklyarova, N.G. (2015) The relations of alternativeness in the literary picture of the world (based on the material of J.D. Salinger’s novel “The Catcher in the Rye”). *Vestnik Pyatigorskogo lingvisticheskogo universiteta – Pyatigorsk State University Bulletin*. 2. pp. 99–103. (In Russian).
20. Vvedenskaya, L.A. (1973) *Problemy leksicheskoy antonimii i printsipy sostavlenniya slovary antonimov* [Problems of lexical antonymy and principles of compiling a dictionary of antonyms]. Abstract of Philology Dr. Diss. Rostov-on-Don.
21. Sklyarova, N.G. (2013) [The interaction of alternativeness and antonymy and its implementation in English]. *Funktsional'naya lingvistika: [Functional Linguistics]. Yazyk i mir [Language and World]*. Proceedings of the V International Linguistic Congress. Simferopol: Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education. pp. 377–379. (In Russian).
22. Sklyarova, N.G. (2015) [The interaction of alternativeness and synonymy and its implementation in English]. *Yazyk i mir [Language and World]*. Proceedings of the VII International Linguistic Congress. Simferopol: Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education. pp. 316–319. (In Russian).
23. Boeva, N.B. (2004) *Antonimichnost' yazykovykh edinits morfologicheskogo i sintaksicheskogo urovney v sovremennom angliyskom yazyke* [Antonymy of linguistic units of morphological and syntactic levels in modern English]. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University.
24. Kvyatkovskiy, A.P. (1966) *Poeticheskii slovar'* [A Poetic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
25. Bush, G.H.W. (1992) *Remarks at Texas A&M University*. December 15. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-15-1992-remarks-texas-am-university>.
26. Clinton, W.J. (1997) *Second Inaugural Speech*. January 20. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1997-second-inaugural>.
27. Bush, G.W. (2006) *Address to Troops During a Surprise Visit to Iraq*. Green Zone, Baghdad. June 13. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/06.13.06.html>.
28. Obama, B.H. (2009) *Address before a Joint Session of Congress*. February 24. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-24-2009-address-joint-session-congress>.

29. Trump, D.J. (2019) *State of the Union Address*. February 5. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-5-2019-state-union-address>.
30. Bush, G.W. (2004) *Defending the War*. Kutztown, PA. July 9. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/07.09.04.html>.
31. Bush, G.H.W. (1990) *Address on Iraq's Invasion of Kuwait*. August 8. [Online] Available from: <http://millercenter.org/president/bush/speeches/speech-5529>.
32. Trump, D.J. (2017) *Address before the Joint Session of Congress*. February 28. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-28-2017-address-joint-session-congress>.
33. Clinton, B.J. (1999) *Address on Kosovo Agreement*. June 10. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-10-1999-address-kosovo-agreement>.
34. Bush, G.W. (2001) *Address to the Nation*. Washington, D.C. September 20. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html>.
35. Obama, B.H. (2014) *Address to the Nation on Immigration*. November 20. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-20-2014-address-nation-immigration>.
36. Sklyarova, N.G. (2015) [The interaction of alternativeness and synonymy and its implementation in English]. *Yazyk i mir* [Language and World]. Proceedings of the VII International Linguistic Congress. Simferopol: Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education. pp. 316–319. (In Russian).
37. Obama, B.H. (2014) *State of the Union Address*. Washington, D.C. January 28. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.28.14.html>.
38. Trump, D.J. (2018) *State of the Union Address*. January 30. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-30-2018-state-union-address>.
39. Bush, G.H.W. (1991) *State of the Union Address*. January 29. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-29-1991-state-union-address>.
40. Clinton, W.J. (1999) *State of the Union Address*. January 19. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-19-1999-state-union-address>.
41. Obama, B.H. (2013) *Second Inaugural Address*. Washington, D.C. January 21. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.21.13.html>.
42. Trump, D.J. (2019) *Remarks about the US Southern Border*. January 19. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-19-2019-remarks-about-us-southern-border>.
43. Bush, G.H.W. (1992) *State of the Union Address*. January 28. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-28-1992-state-union-address>.
44. Clinton, W.J. (1996) *Victims Rights Announcement*. June 25. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-25-1996-victims-rights-announcement>.
45. Obama, B.H. (2016) *State of the Union Address*. January 12. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-12-2016-2016-state-union-address>.
46. Obama, B.H. (2015) *Remarks at the 50th Anniversary of the Selma Marches*. March 7. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-7-2015-remarks-50th-anniversary-selma-marches>.
47. Clinton, W.J. (1995) *Address on Bosnia*. November 27. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-27-1995-address-bosnia>.

48. Bush, G.W. (2006) *State of the Union Address*. January 31. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-31-2006-state-union-address>.

49. Obama, B.H. (2014) *Remarks by President Obama at the University of Queensland, University of Queensland, Brisbane, Australia*. November 15. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/15/remarks-president-obama-university-queensland>.

50. Obama, B.H. (2016) *Remarks to the People of Cuba*. March 22. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-22-2016-remarks-people-cuba>.

51. Trump, D.J. (2017) *Inaugural Address*. January 20. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2017-inaugural-address>.

52. Dobrichev, S.A. (2005) *Konversnye otnosheniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Conversive relations in modern English]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

53. Bush, G.W. (2006) *Remarks on Stem Cell Research Policy*. July 19. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/july-19-2006-remarks-stem-cell-research-policy>.

54. Bush, G.W. (2001) *Address to the Nation on Stem Cell Research*. August 10. [Online] Available from: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-10-2001-address-nation-stem-cell-research>.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/68/6

М.К. Тимофеева

ТЕОРИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ¹

Представлен результат адаптации и применения теории риторической структуры У. Манна и С. Томпсон к стихотворным текстам. Предложены и апробированы принципы сегментации текста и идентификации отношений, ориентированные на реконструкцию гетерогенного познавательного процесса, воплощённого в тексте. Проведён сравнительный анализ схем, построенных для следующих групп текстов: лирических стихотворений трёх периодов творчества А.К. Толстого, его прозаических текстов и переводов.

Ключевые слова: риторические отношения, реляционные пропозиции, структура познавательного процесса, стихотворные тексты, связность текста, А.К. Толстой.

Введение

Данная работа выполнена в рамках реализации проекта по многоуровневому анализу текстов русской классической поэзии XIX – начала XX в. Проект нацелен на разработку инструментария для анализа (в частности, сравнительного) различных аспектов текстов, алгоритмизацию и автоматизацию ряда процедур обработки текстов, создание на этой основе различного рода справочно-аналитических ресурсов: словарей, метрических справочников, конкордансов. Изучаемые в рамках проекта аспекты текстов включают как специфические для поэзии метроритмические характеристики, так и составляющие традиционных языковых уровней (фонетического, лексико-семантического, прагматического).

Статья представляет результаты изучения прагматического уровня. Цель исследования состояла в применении теории риторической структуры (TPC, Rhetorical structure theory) [1] к стихотворным текстам и предусматривала следующие этапы реализации: 1) разработка процедуры применения TPC к стихотворным текстам; 2) построение схем TPC для выбранного множества текстов; 3) анализ построенных схем. Необходимость первого этапа обусловлена тем, что опыт использования TPC для анализа стихотворных текстов отсутствует. Материалом исследования послужили лирические стихотворения А.К. Толстого, а также фрагменты написанных им прозаических текстов, письма, переводы стихотворений других авторов. Общий объём проанализированных текстов составил 5985 словоупо-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00466 «Разработка и реализация информационной системы многоуровневого исследования стихотворных текстов».

треблений. Для построения структур ТРС использовался инструмент разметки RSTTool [2] (<http://www.wagsoft.com/RSTTool/>).

Исследование проведено в рамках когнитивного подхода к ТРС [3. С. 30–31], нацеленного на изучение когнитивных (познавательных) процессов, происходящих в сознании человека при создании или понимании определённого текста. Когнитивная трактовка схем, построенных на основе ТРС, изначально мыслилась авторами данной теории как вероятная, ряд последующих экспериментальных исследований предоставил аргументы в поддержку данной гипотезы [4].

Структура дальнейшего изложения такова. В следующем разделе очерчиваются границы исследования и уточняется его цель. В разделе «Теория риторической структуры» дана общая характеристика ТРС и принципов применения этой теории к стихотворным текстам. Далее в разделах «Сегментация» и «Идентификация отношений» следует детализация правил анализа текстов. В разделе «Языковой материал» приведены количественные характеристики рассмотренных текстов. Следующий раздел посвящён сравнительному анализу схем, соответствующих разным группам текстов. В заключении подведён итог проделанной работы и намечены возможные пути использования полученных данных.

Проблемная ситуация

Предваряя свою книгу о поэтическом тексте, Ю.М. Лотман отмечает, что задача науки состоит в правильной постановке вопросов [5. С. 6–8]. Вопрос должен формулироваться в терминах того раздела науки, в рамках которого данный вопрос предполагается решать. Иначе говоря, метаязык формулировки вопроса должен соответствовать метаязыку поиска и формулировки ответа. Такое требование, хотя и сужает исследование, делает его корректным в научном отношении, так как даёт возможность судить, был ли в результате получен ответ именно на тот вопрос, который был задан. Если ответ соответствует вопросу, то результатом является не только собственно ответ на интересовавший исследователей вопрос, но и разработанная в ходе этого процесса воспроизводимая методология получения ответа. Данное соображение Ю.М. Лотмана видится нам очень важным. Следуя ему, определим прежде всего тот исследовательский контекст, в рамках которого проведена представленная в статье работа, а затем сформулируем в соответствующих терминах цель этой работы.

Поэтический текст, как и многие другие виды текстов, многофункционален. Однако прежде чем изучать сложное взаимодействие присущих такому тексту функций, необходимо исследовать каждую функцию в отдельности. Для М.Ю. Лотмана [5] целью проведения структурного анализа поэтического текста является изучение способности такого текста выполнять эстетическую функцию. Текст при этом рассматривается как структурное целое.

Помимо эстетической функции стихотворный текст выполняет также познавательную: «Стихотворство род познания, возвышающего дух»¹. Одним из инструментов изучения структуры познавательного процесса, отражённого в тексте, является теория риторической структуры. Риторические отношения мыслятся здесь как когнитивные сущности, «когнитивные механизмы», связывающие текст воедино в сознании говорящего и реконструируемые адресатом при понимании этого текста [4. С. 11].

Цель нашей работы состояла в изучении структур познавательных процессов, отражённых в стихотворном тексте, эстетическая функция не затрагивается. Абстрагирование от ведущей для такого типа текстов эстетической функции представляется оправданным, поскольку детальное изучение каждой функции в отдельности весьма трудоёмко и вместе с тем необходимо для развития комплексного синтезирующего взгляда.

Коммуникация – это не просто передача информации как набора фактов, а также побуждение адресата к познанию определенного аспекта мира. Это можно проиллюстрировать на примере такого жанра, как научная статья. Предназначение научной статьи, опубликованной для близкого в научном отношении сообщества исследователей, состоит не только в сообщении некоего готового результата, но также в том, чтобы побудить адресата пройти определённый путь познания, позволяющий оценить степень доверия к данному результату. Причём в научной статье автор должен выстроить и предложить адресату путь познания, отвечающий регламентирующим нормам, принятым в сфере науки, хотя этот путь может отличаться от реального пути, пройденного автором в ходе соответствующего исследования. В стихотворном тексте регламентирующие нормы значительно более свободны, и автор-поэт может отразить в своём произведении тот путь познания, который ценен или убедителен прежде всего для него самого.

Познавательный процесс, воплощаемый в тексте, гетерогенен как в плане формы, так и в плане содержания.

Участвующие в этом процессе составляющие могут относиться к разным аспектам языка. Между ними возможны взаимозависимости, в [6], например, обсуждаются связи между метрикой поэтического текста, семантикой, синтаксисом. Некоторые процедуры анализа стихотворных текстов поддаются алгоритмизации, нередко используются методы математической статистики. В качестве примера можно привести область стилистики. Так, в [7] рассмотрены лексико-семантический и синтаксический уровни. Формализованные процедуры изучения интересующего нас уровня прагматики стихотворного текста в таких исследованиях затрагиваются лишь косвенно, как правило, при анализе лексики. Однако прагматика представляет собой обширную область, выходящую за пределы лексики.

¹ *Руставели Шота*. Витязь в тигровой шкуре / пер. Н. Заболоцкого. М. : Худ. лит., 1969. С. 25. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая: Литература Древнего Востока, Античного мира, Средних веков, Возрождения, XVII и XVIII вв. Т. 27).

Относительно границ и содержания прагматики единого мнения не существует, но в любом случае в фокусе внимания находятся имплицитные составляющие содержания текста: «Прагматика... есть искусство анализа несказанного» (Pragmatics... is “the art of the analysis of the unsaid” [8. P. 2]. В нашем исследовании рассматриваются пропозициональные имплицитные составляющие, называемые реляционными пропозициями [1, 9]. Такие пропозиции представляют собой утверждения о типе связи между частями текста. Иерархическая структура реляционных пропозиций, реконструируемая посредством построения схем ТРС, наиболее значима для анализа хода познавательного процесса, движения мысли, отображённого в тексте.

Познавательный процесс гетерогенен не только по языковой форме, но и по содержанию. Основа содержания текста – его логическая форма, т.е. представление смысла текста на каком-либо из метаязыков математической логики. Однако при описании содержания текста только посредством логической формы игнорируются компоненты, потенциально также способные участвовать в познании, например эмоции, интенции, оценки, восприятия, обращения к собеседнику.

Возникает вопрос об адекватном средстве представления такого гетерогенного познавательного процесса. Использование ТРС позволяет соединить все указанные виды составляющих, связывая в единой структуре когнитивные вклады различных типов.

Гетерогенность когнитивных составляющих прослеживается в эволюции представления о базовой модели коммуникации, менявшегося параллельно с расширением границ прагматики (как и лингвистики в целом) во второй половине XX в. Господствовавшая в середине XX в. модель Шеннона–Уивера [10], часто называемая «кодовой» и «механистической», представляющая процесс коммуникации как кодирование и декодирование информационного сообщения, была обогащена Г.П. Грайсом [11], трактовавшим коммуникацию как в значительной степени инференциальный процесс, обусловленный интенциями участников коммуникации. Следующее обогащение представления о коммуникации, расширившее её до остенсивно-инференциальной модели, связано с теорией релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, включивших в рассмотрение коммуникативные функции стимулов, относящихся к разным модальностям [12].

Представленная в данной статье работа не выходит за пределы текстовых данных и не учитывает других модальностей коммуникации. Вопрос о соотношении реляционных пропозиций с постулатами Г.П. Грайса не рассматривался, как и вопрос об уместности использования понятия остенсии в связи с ТРС. Можно лишь предположить, что модель коммуникации, на которую опирается обсуждаемое исследование, занимает промежуточное положение между инференциальной моделью Г.П. Грайса и остенсивно-инференциальной моделью Д. Спербера и Д. Уилсон. Для более определённого суждения требуется дополнительный анализ данных теорий.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно заключить, что цель данного исследования состоит в адаптации ТРС к анализу стихотворных

текстов русского языка, применении этой теории к таким текстам, в изучении закономерностей, проявляющихся на пропозициональном уровне и представленных в иерархической структуре реляционных пропозиций, обеспечивающих связность и целостность стихотворного текста.

Согласно априорной гипотезе, положенной в основу исследования, анализ закономерностей в таких структурах позволяет выявлять общие и специфические свойства стихотворных текстов.

В заключение данного раздела обратим внимание на одну семиотическую особенность стихотворных текстов. Развивая рассуждение Ю.М. Лотмана [5] о семиотическом потенциале языковых единиц, используемых в стихотворном тексте, Р. Познер рассуждает о «семиотической новизне» [13. С. 166] языковой формы такого текста, осознаваемой даже после того, как текст уже понят.

Эта мысль представляется важной, поэтому позволим себе её интерпретацию и развитие. Стихотворный текст часто включает окказиональные семиотические построения, созданные автором именно для этого текста, не встречавшиеся ранее и ещё не успевшие стать конвенциональными. Такие составляющие в той или иной степени нуждаются в распознавании, разгадывании. Соответственно, при чтении стихотворения движение мысли не идёт по уже проторённым путям, а прокладывает новые, создаёт некий (структурно и содержательно) новый мыслимый мир, и в этом видится одна из причин притягательности поэзии.

В связи с отмеченной выше неустранимостью новаторских семиотических аспектов из итогового понимания текста уместно вспомнить об одном из свойств знака, а именно о принципе прозрачности, сформулированном Леоном Коем [14]. Согласно принципу прозрачности любой знак в момент усмотрения его содержания утрачивает свои материальные характеристики, становясь «прозрачным» для восприятия этого содержания. Иначе говоря, семиотический путь, приведший к пониманию определённого содержания, становится ненужным и отбрасывается после того, как это содержание понято. Внимание направляется на то, на что указывает знак, а не на сам знак.

Если новаторские семиотические аспекты стихотворного текста неустранимы из его итогового понимания, то это означает, что принцип прозрачности к стихотворным текстам в полной мере не применим. Знак здесь менее прозрачен, чем в других видах текстов. Благодаря своей нестандартности знак не покидает область внимания, как это обычно происходит, например, при деловом общении, если внимание собеседников направлено на суть обсуждаемого вопроса.

Семиотическая новизна теоретически может проявляться на каждом из уровней языковой системы, затрагивая фонетические, просодические, лексические, синтаксические, семантические, прагматические аспекты. В частности, она может проявляться в ракурсах и траекториях движения мысли. Неустранимость новаторских аспектов этого уровня означает, что они запечатлены в итоговом понимании стихотворного текста. Иначе го-

вора, понимая такой текст, мы не теряем из вида путь, приведший к этому пониманию. Реконструкции таких путей посвящено данное исследование.

Теория риторической структуры

Теория риторической структуры была предложена Уильямом Манном и Сандрой Томпсон в середине 80-х гг. XX в. Уже более тридцати лет она активно используется для решения широкого круга задач, в частности из области автоматического анализа текстов (Natural language processing, NLP) и корпусной лингвистики. Конкретный перечень сфер приложения данной теории можно найти в обзорной статье [15] и её дополнении [4]. Среди разнообразных видов текстов, исследуемых посредством ТРС, можно встретить прозаические художественные сочинения (например, изучение манипуляторных «игр» с читателем в произведениях Агаты Кристи [16]), но нет применений для анализа стихотворных текстов, что, скорее всего, объясняется изначальной установкой авторов, ориентировавшихся прежде всего на область NLP и актуальные задачи этой области, а именно автоматическое реферирование, генерацию текста, снятие неоднозначностей и т.д.

Авторы ТРС исключали из рассмотрения стихотворные тексты типа «язык-как-искусство» («*language-as-art*») [1. С. 20], к которым можно отнести поэзию авангарда, основанную на экспериментировании с языком, например произведения В. Хлебникова. Очевидно, что к данной категории относятся не все стихотворные тексты. Однако, по-видимому, в силу сложившейся традиции исследования применимости ТРС к поэтическим текстам единичны. Была обнаружена только одна работа, посвящённая анализу на основе ТРС нарративных стихотворных текстов на китайском языке [17]. Вместе с тем нет оснований априорно отвергать возможность применения ТРС и к лирическим стихотворным текстам. Изучение данного вопроса в [18] позволило прийти к позитивному выводу о возможности такого применения ТРС.

Теория риторической структуры основана на предположении о том, что связный текст представим в виде последовательности сегментов, каждый из которых функционально значим для понимания текста в целом, и все сегменты в совокупности, благодаря связывающим их реляционным пропозициям, образуют единую иерархическую структуру, изображаемую в виде дерева. Набор возможных отношений (типов связей) один и тот же на всех уровнях структуры.

Сегменты могут быть элементарными или сложными. Сложный сегмент соответствует подструктуре структуры всего текста в целом.

В работах о применении ТРС к текстам русского языка (например, [3, 19, 20]) принято использовать термины «элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ)» и «дискурсивная единица» для обозначения соответственно элементарного сегмента и любого сегмента (элементарного или сложного). Применительно к стихотворным текстам русского языка была разработана специальная процедура анализа, учитывающая специфику таких текстов и

отличающаяся от принципов анализа прозаических текстов. Поэтому указанные традиционные термины не использовались, чтобы не размывать их общепринятые трактовки. Далее будут использоваться только наименования «элементарный сегмент» и «сегмент».

Рассмотрим для иллюстрации схему, построенную в результате анализа стихотворения Генриха Гейне в переводе А.К. Толстого (рис. 1). Принципы установления отношений, в частности в этой структуре, обсуждаются в следующем разделе статьи.

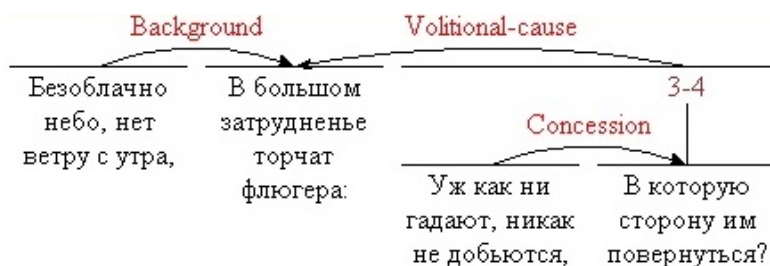

Рис. 1. Схема стихотворения Г. Гейне (перевод А.К. Толстого)

Текст данного стихотворения разделён на четыре элементарных сегмента, соответствующих строкам стихотворения. Элементарные сегменты нумеруются слева направо. При объединении сегментов в более сложную единую структуру (сложный сегмент) номера входящих в эту структуру элементарных сегментов указываются в её главной вершине. Например, на рис. 1 надпись 3-4 означает, что данный сложный сегмент объединяет в себе элементарные сегменты 3 и 4.

В тексте стихотворения Г. Гейне нет явной информации о том, как функционально связаны между собой сегменты и связаны ли они вообще. Нет явных индикаторов (дискурсивных маркеров) какой-либо связи, например союзов «так как», «поэтому», позволяющих идентифицировать причинно-следственную связь. Есть лишь двоеточие в конце второго сегмента, но оно не является однозначным индикатором именно причинно-следственной связи и может иметь другие трактовки. Вместе с тем, читая и понимая данный текст, мы усматриваем связи между сегментами, в частности, нам ясно, что в стихотворении объясняется, почему именно флюгера находятся «в затрудненье».

Такое понимание достигается благодаря реляционным пропозициям: мы как бы «насыщаем» ими текст, делая его связным. Реляционные пропозиции соответствуют дугам, связывающим сегменты, и образуют каркас данной схемы, без которого она распалась бы на отдельные сегменты. Понимание текста адресатом включает реконструкцию реляционных пропозиций. Как и всякий аспект понимания, такая реконструкция может допускать варианты и не вполне совпадать с авторской.

Отношения между сегментами подразделяются на асимметричные и симметричные. Отношение первого типа ставит один сегмент (сателлит) в

подчинение другому сегменту (ядру), на схеме такое отношение отображается в виде стрелки. Стрелка направлена от подчинённого сегмента к главному. Отношение второго типа связывает два или более равноправных сегмента, ни один из которых не подчинён другому, такое отношение изображается на схеме в виде линии без стрелки.

В зависимости от выполняемой функции отношения подразделяются на предметные отношения (subject matter relations) и отношения-воздействия (presentational relations). В [1. С. 17] предлагается также первые называть семантическими, а вторые – прагматическими. Все симметричные отношения относятся к числу предметных. Предметное отношение выполняет функцию информирования о фактах: оно отражает обсуждаемую ситуацию. Асимметричное отношение-воздействие используется автором текста для того, чтобы склонить адресата к принятию мысли, выраженной в сегменте-ядре. Например, Background трактуется как отношение-воздействие, посредством него автор текста задаёт фоновую информацию, которая, по его мнению, облегчит понимание сказанного в сегменте-ядре.

Для использования ТРС применительно к определённым классу текстов необходимо ответить на три вопроса:

- Как делить текст на элементарные сегменты?
- Какие отношения использовать при построении схем?
- На основе каких критериев идентифицировать эти отношения?

Обсуждению этих вопросов посвящены следующие два раздела статьи.

Длительный опыт использования ТРС продемонстрировал высокую степень универсальности набора отношений, предложенного в традиционной версии ТРС [1] и проверен на большом объёме разнообразных текстов. Этот набор отношений был взят за основу и в данном исследовании. Вместе с тем авторы ТРС подчёркивали, что список отношений не следует рассматривать как раз и навсегда зафиксированный: новый вид текстов и новые задачи могут обусловить изменение состава отношений.

Выработка критериев идентификации отношений базировалась на следующих положениях.

1. За основу были взяты определения отношений и критерии их идентификации, сформулированные авторами ТРС в [1].

2. При уточнении множества отношений и критериев их идентификации ведущим принципом было достижение единообразия анализа всего массива текстов, обеспечивающее воспроизводимость результатов. Важность этого принципа подчёркивали авторы ТРС [1]. Соблюдение его было основной причиной трудоёмкости решения поставленной задачи, так как для выработки воспроизводимых критериев потребовались многократные итеративные просмотры всех построенных структур.

3. При выработке правил построения схем было принято во внимание последующее сравнение стихотворных и прозаических текстов: несмотря на различия в правилах построения схем для этих двух видов текстов, результирующие схемы сравнимы.

4. Были добавлены два новых общих критерия идентификации отношений при отсутствии однозначного текстового индикатора:

а) возможность синонимического преобразования текста с введением однозначного индикатора отношения;

б) проверка согласованности смысла текста с пропозициональной логической формой, соответствующей отношению.

Поясним добавленные два критерия.

В некоторых случаях отношение, связывающее сегменты, идентифицировать несложно, так как в тексте имеется однозначный идентификатор этого отношения. Например, в следующем фрагменте стихотворения А.К. Толстого «По гребле неровной и тряской» уступительный союз *хоть* служит однозначным индикатором отношения Concession (Уступка): *Мне кажется всё так знакомо, / Хоть не был я здесь никогда*. Однако, как показали многочисленные эмпирические исследования [15, 21, 22], такие ситуации встречаются нечасто. Некоторые виды отношений вообще, как правило, не имеют текстовых индикаторов. В случае отсутствия или неоднозначности индикатора можно попытаться перефразировать текст, высказав ту же мысль иначе. Например, в следующем фрагменте стихотворения А.К. Толстого «Когда кругом безмолвен лес дремучий» вставка союза *так как* перед вторым сегментом не меняет смысл сказанного, но явным образом показывает причинно-следственную связь между сегментами: *И трудно мне умом понять разлуку, / Ты так близка*.

Как уже было сказано, воплощённый в тексте познавательный процесс гетерогенный, его составляющие не сводятся только к логической форме. Однако более или менее явная логическая основа в них всегда присутствует. Поэтому исследователь, интересующийся логикой рассуждения, может мысленно изолировать логическую форму текста, оставляя за пределами своего внимания остальные составляющие. Действуя таким образом, автор [23] предложил систему соответствий для отношений, используемых в ТРС, уподобив каждое отношение определённой формуле пропозициональной логики. Использование этих соответствий в обратном направлении послужило одним из критериев идентификации отношений в стихотворных и прозаических текстах.

Сегментация текста

Детальная разработка принципов сегментации текста на «кванты» мысли и критериев идентификации отношений представлена в исследовании [3], ориентированном на анализ устной речи на русском языке. Есть ряд исследований на материале других типов прозаических текстов русского языка (новостных, научно-популярных, научных), например [19, 20]. Однако стихотворные тексты обладают своей спецификой, которую необходимо учитывать при их анализе на основе ТРС. Особенность таких текстов состоит прежде всего в делении на строки. Кроме этого, для таких текстов характерны абстрагированность, рассуждения о непредметном мире, что

осложняет идентификацию отношений и делает необходимой разработку уточнённых критериев их различения, основанных скорее на семантических, прагматических и логических, а не на синтаксических и лексических аспектах (на которых обычно акцентируют внимание разработчики средств автоматического анализа текстов).

Деление стихотворного текста на строки является структурной особенностью таких текстов, оно связано с просодической, синтаксической, семантической структурами и, значит, является информативным. В исследовании, проведённом посредством ТРС на материале стихотворных текстов китайского языка [17], деление на строки было сохранено при сегментации текста. В [18] оно также, как правило, сохранялось, хотя допускались исключения.

Строка стихотворения может разрывать синтаксически связанные части предложения или, наоборот, объединять в себе ряд предложений. Разрыв синтаксической связи может возникнуть и в прозаическом тексте, например в случае вложенных конструкций. Правда, в проанализированных прозаических текстах такие случаи встречаются значительно реже, чем в стихотворных.

В данном исследовании при сегментации стихотворного текста деление на строки было сохранено. Оно принималось во внимание при сопоставлении разных групп таких текстов. Вместе с тем при сравнении стихотворных и прозаических текстов деление на строки, разрушающее синтаксические связи, можно было исключить из рассмотрения.

Границей между элементарными сегментами считались конец строки или знак препинания, обозначающий конец предложения (точка, многоточие, восклицательный или вопросительный знак).

Строка стихотворения может соотноситься с пропозициями по-разному. Она может выражать: а) одну или более пропозиций полностью; б) пропозициональную форму (т.е. пропозицию с некоторым числом незаполненных аргументных мест); в) аргумент (аргументы) предиката, входящего в состав другой строки стихотворения, или свойства такого аргумента. Возможны смешанные варианты, например в строке имеется одна полная пропозиция и аргумент от другой пропозиции.

Так, в следующем тексте аргумент указан в первой из строк, предикат – во второй *Телега с разбитой лошадкой / Лениво подвозит мешки* (А.К. Толстой «По гребле неровной и тряской»). Во фрагменте *Неотвязчивый кружится / Над тобой комар*, наоборот, предикат находится в первой строке, а аргумент – во второй (А.К. Толстой «Милый друг, тебе не спится»). В следующем примере строка стихотворения А.К. Толстого «Когда природа вся трепещет» делится на два сегмента, так как внутри неё есть точка: *И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клён*.

При разрыве предложения и отнесении его частей к разным сегментам для связывания этих сегментов могут использоваться разные отношения, это определяется содержанием соответствующей реляционной пропозиции. Если строка разделяет предложение на две части, причём предикат

попадает во вторую часть и первая не имеет ясного завершённого смысла, то первая часть трактуется как спутник второй, соединяясь с ней отношением Preparation. Однако при разрыве синтаксической связи возможны и другие типы отношений. Например, в следующих текстах однородные предикаты оказываются в разных строках и в разных сегментах. В первом случае сегменты связаны отношением Conjunction: *Неровный круг планета совершила / И к солнцу снова катится назад* (А.К. Толстой, «Я вас узнал»). Во втором примере это отношение Disjunction: *Меж людей он добрый воин / Или мирный гражданин* (А.К. Толстой, «В жизни светской»).

Идентификация отношений

Для единообразия проводимого анализа текстов потребовалось детализировать условия использования отношений, сформулировав правила их дифференциации. Далее рассмотрено несколько групп отношений, связанных по своему содержанию и зачастую не просто различимых. При анализе дифференцирующих признаков таких отношений использовались определения из [1] и параллели между отношениями и логическими формулами из [23].

Синонимические преобразования и соотнесения с логической формой применимы при дифференциации любых отношений. Ниже эти возможности проиллюстрированы только для некоторых отношений, чтобы чрезмерно не увеличивать объём статьи.

Для определения направления связи использовался критерий авторов ТРС [1]: устранение спутника в меньшей степени разрушает понятность текста, чем устранение ядра.

Для наименования отношений служили англоязычные названия из [1], так как эти термины стали традиционными для публикаций о ТРС, включая публикации на русском языке. При первом упоминании отношения в скобках указан переводной аналог, для большинства отношений это перевод, использованный в [3].

1. Предваряющая и дополняющая информация об обсуждаемой ситуации: Background (Фон), Preparation (Подготовка), Circumstance (Обстоятельство), Elaboration (Детализация).

В случае использования отношения Background спутник задаёт фон, необходимый для понимания ядра. Это могут быть какие-то сопутствующие события, ситуации, состояния. Например: *Дорожная едет коляска* (спутник) / *Сижку я задумчиво в ней* (ядро) (А.К. Толстой. «По гребле неровной и тряской»). Без спутника ситуация, представленная в ядре, была бы менее понятной. Отношение Background имеет логическую форму вида *modus ponens*: $((S \rightarrow N) \wedge S) \rightarrow N$, где символ импликации трактуется как отношение понятности (если понятно S, то понятно и N). Здесь и далее символом S обозначается спутник, символом N – ядро, в случае многоядерного отношения используется символ N с индексом. Background относится к числу отношений-воздействий, при выборе S автор текста, ориентируясь

на когнитивные способности адресата, подбирает информацию, которая, как он полагает, облегчает понимание N.

Отношение Preparation по своему изначальному смыслу [1] готовит к восприятию ситуации, представленной в ядре, но делает это менее определённым образом, чем отношение Background: оно не задаёт фон, а привлекает внимание к чему-либо, чтобы адресат мог решить, читать ли текст далее. Однако в данной работе отношение Preparation использовалось в суженном (по сравнению с [1]) варианте, а именно только в случае разрыва синтаксической связи, возникшего из-за проведения границы между сегментами внутри предложения. Сателлит здесь есть средство подготовки адресата к прочтению следующего текста. Как уже было сказано, такие ситуации встречаются как в стихотворных, так и в прозаических текстах. Иллюстрацией могут служить следующие примеры.

В схеме, построенной для стихотворения А.К. Толстого «В жизни светской», использовано отношение Preparation: *Но порой мечтою странной* (сателлит) / *Он томится одинок* (ядро). Без второй строки первая строка неясна, она не описывает ситуацию понятным образом. То же самое можно сказать о сегменте *От Львовых*, который оказался оторванным от остальной части предложения уточнением в скобках: *От Львовых (которые приехали) я ничего не мог узнать* (фрагмент письма А.К. Толстого к В.М. Лазаревскому, 1865 г.). На рис. 2 приведён фрагмент схемы для сегментов 30-32. Здесь сегмент 30 (*Спокойствием объятый*) представляет свойство актанта предиката, вошедшего в другой сегмент. Поэтому использовано отношение Preparation. Отношение, связывающее получившуюся конструкцию с сегментом 32, идентифицировано как Background, поскольку сложный сегмент 30-31 содержит одну полную пропозицию. Если бы здесь был только актант без полной пропозиции, то отношение было бы идентифицировано как Preparation.

Отношение Circumstance обстоятельственное, оно входит в множество предметных отношений, служащих для информирования о фактах, без намерения оказать какое-либо дополнительное воздействие на адресата. Сателлит S задаёт границы локализации ситуации, представленной ядром N. Чаще всего это границы во времени и/или пространстве. Этому отношению соответствует логическая форма вида $(S \wedge N) \wedge (S \rightarrow N)$. Символ импликации здесь трактуется предметно, как соотношение локализаций: из того, что задана локализация S, следует, что это есть локализация N. В примере из того же стихотворения «По гребле неровной и тряской» сателлит связан с ядром отношением Circumstance: *Близ мельницы старой и шаткой* (сателлит) / *Сидят на траве мужики* (ядро).

Отношение Circumstance, подобно отношениям Preparation и Elaboration, может использоваться в случае разрыва синтаксической связи, обусловленного разделением стихотворного текста на строки. Поэтому все три отношения использовались при сравнении стихотворных текстов между собой, но были исключены из рассмотрения при проведении сравнительного анализа стихотворных и прозаических текстов.

Рис. 2. Фрагмент схемы стихотворения А.К. Толстого «Сквозит на заре темнеющих небес»

Рис. 3. Схема стихотворения А.К. Толстого «Есть много звуков в сердца глубине»

Отношение Elaboration относится к числу предметных, это информирование о фактах. Сателлит добавляет информацию о ситуации, уже представленной ранее в ядре, уточняя какие-либо её характеристики. Смысловая связь между ядром и сателлитом может характеризоваться как общее—частное, объект—атрибут, процесс—этап, элемент—множество, абстракция—реализация. Например, *О том поведать не могу я* (ядро) / *На ежедневном языке* (сателлит) (А.К. Толстой «Судя меня довольно строго»). Отношение Elaboration может использоваться при разрыве синтаксической связи, если актанта и предикат оказываются в разных сегментах, но ядро данного отношения понятно даже в отсутствие актанта и содержит предикат. Примером может служить часть схемы на рис. 3 (сегменты 3-5). Как правило, при отношении Background сателлит предшествует ядру, а при отношении Elaboration, наоборот, ядро предшествует сателлиту.

2. Совместное рассмотрение ситуаций: Conjunction (Конъюнкция), Joint (Соединение), Sequence (Последовательность), Contrast (Сопоставление), Disjunction (Дизъюнкция), Concession (Уступка), Antithesis (Антитезис), Otherwise (Альтернатива).

Разграничение отношений данной группы представляло наибольшие сложности. Первые четыре отношения соответствуют конъюнкции и являются симметричными, т.е. связывают только ядра и не имеют сателлитов. К ним примыкает симметричное отношение дизъюнкции. Эти пять отношений, а также асимметричные отношения Condition и Otherwise относятся к предметным, их назначение – информировать адресата об определённых фактах. Concession и Antithesis – асимметричные отношения воздействия.

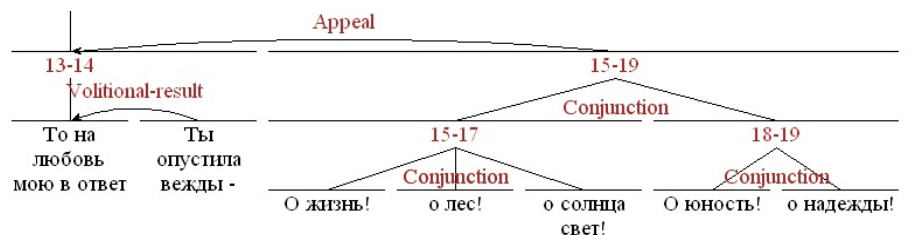

Рис. 4. Фрагмент схемы стихотворения А.К. Толстого «То было раннею весной»

Отношение Conjunction соответствует конъюнкции, при которой конъюнкты связаны между собой содержательно. Как видно по примеру на рис. 4, деление на строки учитывается: конъюнкты, соответствующие сегментам, размещённым в одной строке стихотворения, считаются связанными более тесно, чем сегменты-конъюнкты из разных строк (*О жизнь! о лес! о солнца свет! / О юность! о надежды!*). Отношение Joint также означает конъюнкцию, но конъюнкты в этом случае связаны не содержательно, а лишь своим вхождением в один и тот же текст, предназначенный для определённого адресата. Этот вариант конъюнкции нередко встречается в письмах, когда автор по ходу написания письма переходит от одной темы к другой, никак не связывая их между собой по сути.

Sequence похоже на отношение Conjunction, но в отличие от него базируется на каком-либо упорядочении ситуаций. Это может быть, например, упорядочение по времени: *Неровный круг планета совершила* (ядро 1) / *И к солнцу снова катится назад* (ядро 2) (А.К. Толстой «Я вас узнал, святые убеждения»).

Отношение Contrast также по смыслу является конъюнкцией, но в данном случае конъюнкты – это ситуации, в каком-то отношении противопоставляемые, хотя обычно совместимые. Например, *Вчера два раза был у Вас...* (ядро 1) / *но вас не было дома* (ядро 2) (из письма А.К. Толстого к В.М. Лазаревскому, 1862 г.).

Отношение Disjunction не вызвало сложностей при идентификации, поэтому достаточно проиллюстрировать его примером: *Когда упрёк мне шепчет шелест нивы* (ядро 1) / *Иль шум деревьев* (ядро 2) (А.К. Толстой. «Когда кругом безмолвен лес дремучий»).

Двухъядерное симметричное отношение Contrast похоже на одноъядерное асимметричное отношение Concession. Самым явным индикатором

отношения Concession является союз «хотя», например: *...хотя много служат личной характеристике Иоанна, (сателлит) но не имеют влияния на общий ход событий* (ядро) (А.К. Толстой. «Князь Серебряный». Предисловие). Однако в случае отсутствия этого союза указанные два отношения различить бывает непросто, так как при реализации обоих может использоваться союз «но».

Для лучшего понимания различия между этими двумя отношениями нужно учесть то, что логические формы у них разные: отношению Contrast соответствует конъюнкция $N_1 \wedge N_2$, отношению Concession – формула вида modus ponens $((\neg(S \rightarrow \neg N) \rightarrow N) \wedge \neg(S \rightarrow \neg N)) \rightarrow N$ (заметим, что использование обозначения $P = \neg(S \rightarrow \neg N)$ позволяет свести исходную формулу к виду $((P \rightarrow N) \wedge P) \rightarrow N$, т.е. к формуле вида modus ponens). Кроме того, Contrast является предметным отношением и служит для осведомления о фактах, а не для воздействия на адресата с целью его убеждения в чём-то (как Concession). В случае Concession импликация вида $A \rightarrow B$ трактуется не предметно, а как отношение убедительности, т.е. означает, что из убедительности A следует убедительность B. Автор текста подбирает такое содержание сателлита, которое, как он полагает, может побудить адресата принять ситуацию, представленную в ядре.

При использовании отношения Contrast акцент внимания направлен просто на констатацию факта наличия двух в чём-то противопоставляемых ситуаций. При использовании Concession дополнительно акцентируется неравнозначность этих ситуаций и их кажущаяся несовместимость. Сателлит служит для усиления, обогащения восприятия ядра, более вероятного принятия его адресатом. Хорошей иллюстрацией может служить стихотворение на рис. 2. В сегментах 1-5 наличие двух ситуаций констатируется, в сегментах 6-8 акцентирована их борьба и выделена наиболее значимая из них, сегмент 6 предназначен для большей убедительности содержания сегмента 7.

Отношения Contrast, Concession, Antithesis, Otherwise, Condition различаются по сравнительной значимости сопоставляемых ситуаций и по тому, реализованы эти ситуации или нет. Кроме того, эти отношения можно упорядочить по степени совместимости сопоставляемых ситуаций.

В случае Contrast эти ситуации одинаково значимы и могут быть совместимыми, но противопоставленными по некоторому признаку. В случае Concession сателлит представляет подчинённую ситуации, кажущуюся несовместимой с ситуацией, представленной ядром, однако на самом деле эти две ситуации совместимы. В случае Antithesis ситуации действительно несовместимы, при этом сателлит представляет нереализованную ситуацию, и её отрицание используется для побуждения адресата к принятию ситуации, представленной ядром. Например *По-прежнему сияет правды сила, (ядро) / Её сомненья боле не затмят* (сателлит) (А.К. Толстой. «Я вас узнал, святые убежденья»). Логической формой отношения Antithesis является дизъюнктивный силлогизм: $((S \vee N) \wedge \neg S) \rightarrow N$.

Otherwise, в отличие от отношения-воздействия Antithesis, является предметным отношением, его логическая форма – исключаящая дизъюнкция $N \oplus S$, или, иначе, $(N \vee S) \wedge \neg(N \wedge S)$. Otherwise – это сопоставление двух альтернативных ситуаций, причём обе они являются нереализованными. Одна из этих ситуаций (ядро N) мыслится как более значимая и предотвращающая ситуацию, представленную в сателлите. Например: *Неэра, не вверяй себя морским волнам*, (ядро) / *Не то богинею ты станешь...* (сателлит) (А. Шенье. «Ко мне, молодой Хромид», перевод А.К. Толстого).

3. Коммуникация, восприятие, мышление: Appeal (Обращение), Warning (Предостережение), Attitude (Установка), Content (Содержание), Promise (Обещание), Directive (Указание). Все эти отношения отсутствуют в первоначальном списке отношений ТРС [1]. Отношение Content используется в [3]. Остальные отношения являются новыми.

Appeal (рис. 4) использовано в тех случаях, когда сателлит представляет собой риторическое обращение (призыв или вопрос к себе, к другим, к высшим силам). Риторическое обращение не требует ответа. Оно нередко встречается в стихотворных текстах и бывает спровоцировано определённой ситуацией, будучи её следствием. Причём для понимания текста в целом важнее именно эта провоцирующая ситуация, поэтому представляющий её сегмент является ядром.

Рис. 5. Схема стихотворения А.К. Толстого «Вздымаются волны как горы»

Риторическое предостережение Warning, подобно Appeal, не требует ответа, но в отличие от него, как правило, негативно, т.е. служит для настраивания адресата против осуществления определённого действия или принятия пропозициональной установки (рис. 5). Warning, как и Appeal, входит в число отношений-воздействий.

Отношения Attitude, Content, Directive также входят в число отношений-воздействий.

Attitude указывает на пропозициональную установку (знание, верование, желание, намерение и т.д.). Оно используется в том случае, если усматриваемое содержание пропозициональной установки более существенно для понимания текста как целого, чем способ усмотрения этого содержания. Например, *Узнав*, (сателлит) *что Ваш брат, Александр Мат-*

веевич, ищет места посредника в Черниговской губернии... (ядро) (из письма А.К. Толстого к В.М. Лазаревскому, 1861 г.).

В случае пропозициональной установки обычно имеется соответствующий глагол, например глагол говорения, ментальный глагол, глагол перцептивного восприятия. При риторическом обращении такой глагол, как правило, отсутствует.

Примером отношения Content может служить фрагмент из стихотворения А.К. Толстого «К твоим, царица, я ногам»): *Я мыслил, песни те слагая: (ядро) / Они неведомо замрут (сателлит)*. Отношение Content похоже на Elaboration, но в отличие от него характеризует субъективные факты внутреннего мира (предмет знания, понимания, мышления, видения, чувствования и т.д.).

Все проанализированные тексты были монологическими, поэтому не возникла необходимость выработки общих принципов отображения речевых актов. Были введены лишь те отношения, которые оказались актуальными для рассмотренных текстов.

Отношение Promise используется в случае речевого акта обещания, например: *К тому времени, может быть, у меня будут новые собаки, (ядро) и я с истинным удовольствием поднесу Вам нового щенка взамен украденного (сателлит)* (из письма А.К. Толстого к В.М. Лазаревскому, 1865 г.).

Отношение Directive используется в случае директивного речевого акта (просьба, приказ и т.д.), адресованного, в отличие от риторического Appreal, конкретному адресату (индивидуальному или коллективному), например: *...но я от них отказываюсь (ядро), что прошу Вас сообщить Великанову (сателлит)* (из письма А.К. Толстого к В.М. Лазаревскому, 1865 г.).

4. Причинно-следственные зависимости, целеполагание: Non-volitional cause (Неволитивная причина), Non-volitional result (Неволитивный результат), Volitional cause (Волитивная причина), Volitional result (Волитивный результат), Condition (Условие), Purpose (Цель).

Все эти отношения являются предметными. Их идентификация не нуждается в детальном комментировании. В случае неясностей используется критерий перефразирования, т.е. проверяется, можно ли, сохраняя смысл анализируемого предложения, преобразовать его к виду, включающему индикатор соответствующего отношения (один из союзов *так как*, *поскольку*, *поэтому* и т.д.). Например, для следующего фрагмента стихотворения А.К. Толстого «Я вас узнал, святые убежденья» можно построить синонимичный текст, имеющий союз *так как* в составе сегмента-сателлита: *Рассеялся туман и, слава богу, (сателлит) / Я выхожу на старую дорогу (ядро)*. Выбор между Non-volitional и Volitional определяется тем, зависит ли причина / следствие от воли деятеля или нет. В случае персонификации какого-либо неодушевленного объекта, явления, процесса используются волитивные варианты, иллюстрацией может служить пример на рис. 1.

Оба варианта Cause и Result (волитивный и неволитивный) можно рассматривать как подтипы отношения Elaboration, но с причинно-

следственным аспектом. В случае Elaboration сателлит детализирует понимание ядра, описывая его дополнительные характеристики, причинно-следственные отношения детализируют это понимание, отвечая на вопрос «почему?» или «что из этого следует?».

Condition – предметное отношение, оно служит для информирования адресата об условии реализации определённой ситуации. Например: *...Лишь только она будет напечатана...* (сателлит) *то непременно попрошу Вас принять от меня экземпляр* (ядро) (из письма А.К. Толстого к В.М. Лазаревскому, 1865 г.). Стоит отметить, что по своей логической форме это отношение соответствует не импликации, а эквивалентности $S \leftrightarrow N$, поскольку помимо явно выраженной в тексте импликации $S \rightarrow N$ верна и обратная импликация $N \rightarrow S$.

Отношение Purpose представляет ситуацию, заданную сателлитом, как цель действия, представленного в ядре; сателлит отвечает на вопрос «зачем?», «для чего?»: *Представляемый здесь рассказ* (ядро) *имеет целью не столько описание каких-либо событий...* (сателлит) (А.К. Толстой. «Князь Серебряный». Предисловие). В этом примере текст содержит индикатор отношения Purpose (*имеет целью*), однако, как и в случае других отношений, такой индикатор есть далеко не всегда: *Помедли, дай списать чешуйный твой узор:* (ядро) / *Хочу для девы я холодной и красивой / Счеканить по тебе причудливый убор* (сателлит) (А.К. Толстой. «Змея, что по скалам влечёшь свои извивы»).

5. Аргументация: Evidence (Свидетельство), Justify (Обоснование), Motivation (Мотивация).

В случае использования каждого из этих отношений-воздействий речь идёт о будущей ситуации, которая пока ещё не состоялась. В этом их основное отличие от причинно-следственных отношений, устанавливающих связи между уже имеющимися ситуациями. Используя отношения-воздействия Evidence, Justify, Motivation, автор стремится побудить адресата принять ситуацию, представленную в ядре, но делает это разными способами, прибегая к разным типам воздействия. В случае Evidence аргументом является факт, представленный сателлитом, например: *...я полагаю, что брат Ваш на меня за это не рассердится.* (ядро) *Я его ни в чём не компрометировал* (сателлит) (из письма А.К. Толстого к В.М. Лазаревскому, 1865 г.). В случае Justify автор утверждает обоснованность и правомерность своего заключения о ситуации, представленной в ядре, апеллируя к своим чувствам, опыту, осведомлённости и т.д. Для иллюстрации можно привести фрагмент стихотворения А. К. Толстого «Как здесь хорошо и приятно»: *Как здесь хорошо и приятно,* (ядро) / *Как запах дерев я люблю...* (сателлит). В случае Motivation автор стремится мотивировать адресата, апеллируя к его интересам, чувствам, стремлениям, например: *Подойди сюда к окошку* (ядро) / *Всё кругом молчит...* (сателлит) (А.К. Толстой. «Милый друг, тебе не спится»).

6. Оценка: Evaluation (Оценка), Comparison (Сравнение).

Данные отношения позволяют различить оценку на основе какой-либо объективной или субъективной шкалы и оценку на основе метафорическо-

го сравнения. Предметное отношение Evaluation апеллирует к шкале, отношение-воздействие Comparison – к метафоре. Примеры обоих отношений есть на рис. 3.

7. Переизложение или подытоживание сказанного: Restatement (Переформулировка), Summary (Резюме), Solutionhood (Решение). Restatement и Summary – отношения-воздействия, Solutionhood – предметное отношение.

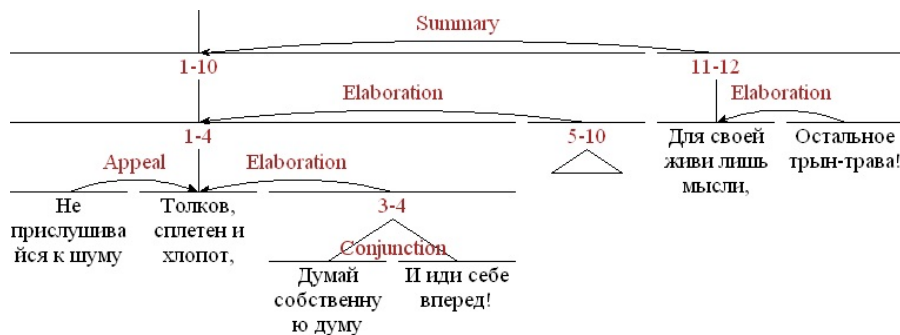

Рис. 6. Схема стихотворения А.К. Толстого «Не прислушивайся к шуму»

Изложить иначе мысли, высказанные ранее, можно по-разному. Если новое описание той же ситуации или того же рассуждения сравнимо по длине с первоначальным описанием, то используется отношение Restatement (рис. 2). Отношение Summary соответствует краткому подытоживанию высказанных ранее идей. Для данного отношения трудно подобрать легко обозримый пример, так как резюмируемая часть текста обычно весьма объёмна. На рис. 6 пример приведён в сжатом варианте, сегменты 5-10 скрыты в едином блоке.

Предметное отношение Solutionhood – это разрешение проблемной ситуации, её объяснение. Данное отношение похоже на Summary, но в отличие от него является не просто кратким переизложением, а ответом, это отношение нуждается в предварительно сформулированном проблемном вопросе. В стихотворном тексте отношение Solutionhood часто подводит итог всему рассуждению, давая ответ на вопрос, заданный в самом начале текста. В таких случаях ядро и сателлит являются сложными сегментами, их внутренняя структура выступает частью схемы всего текста. Например: *Есть грань высокого призванья / И окончательная цель?* (сателлит) / *Нет, в каждом шорохе растения / И в каждом трепете листа / Иное слышится значение, / Видна иная красота* (ядро) (А. К. Толстой «Судя меня довольно строго»). Ещё один пример сложного сегмента, выполняющего функцию вопроса, можно увидеть на рис. 7.

8. Оставшееся предметное отношение Negation (отрицание) асимметрично, оно служит для отрицания ситуации как неосуществлённой, недопустимой или невозможной. Данное отношение является новым, оно отсутствует в стандартном списке отношений ТРС [1]. Проиллюстрируем его

двумя примерами из стихотворений А.К. Толстого «Земля цвела» и «Одарив весьма обильно». В первом примере ситуация отрицается как не имеющая места, во втором примере она мыслится как невозможная: ...*Был тихий час меж сумраком и светом, / Был лёгкий сон лесов, полей и нив;* (ядро) / *Не оглашал их соловей приветом* (сателлит); *Но чтоб падали селенья, / Чтобы нивы пустовали* – (ядро) / *Нам на то благословенье / Царь небесный дал едва ли!* (сателлит). Здесь нет явного противопоставления ситуаций как при Contrast, Antithesis, Otherwise. Речь вообще может идти только об одной ситуации, без её сопоставления с чем-либо.

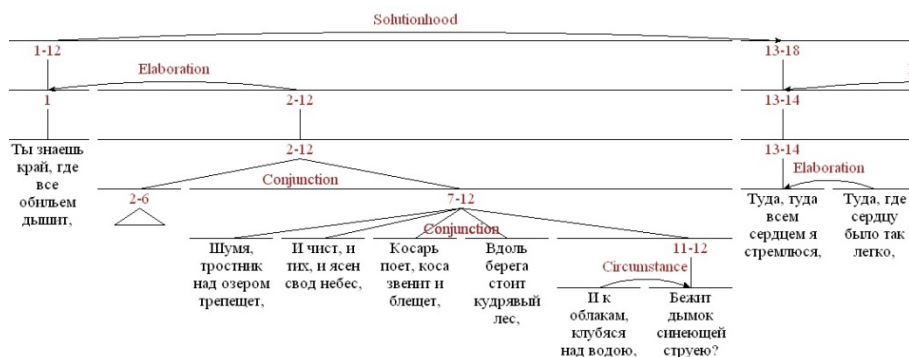

Рис. 7. Схема стихотворения А.К. Толстого «Ты знаешь край, где всё обильем дышит»

Таким образом, общее количество отношений, использованных для анализа текстов, равно 33. Из них 7 (Content, Attitude, Appeal, Warning, Promise, Directive, Negation) являются новыми. Остальные отношения входят в классический список из [1], кроме них в этом списке есть ещё несколько отношений, которые в проанализированных текстах не встретились и, соответственно, в данной статье не названы.

Языковой материал

Рассмотренные в предыдущем разделе отношения использованы для анализа стихотворных и прозаических текстов, написанных А.К. Толстым. Основным объектом исследования являются стихотворные тексты. Прозаические тексты были привлечены в меньшем объёме, они предназначались для выработки единых критериев идентификации отношений и пробного сравнительного анализа. Для исследования были выбраны только лирические стихотворения небольшого размера (минимальное количество строк 7, максимальное 56, в среднем 20,4). Множество стихотворений разделено на три периода: 1840–1851, 1856–1859, 1862–1875. Было проведено пробное сравнение собственных стихотворений А.К. Толстого и его переводов стихотворений Г. Гейне и А. Шенье.

В качестве прозаических произведений были взяты письма А.К. Толстого к В.М. Лазаревскому, написанные в период 1857–1885 гг., а также предисловие и эпилог из «Князя Серебряного». Выбор именно этих фраг-

ментов исторического романа А.К. Толстого обусловлен тремя причинами: 1) предисловие и эпилог представляют собой целостные тексты; 2) эти тексты сравнимы по объёму с остальными проанализированными группами текстов; 3) как и остальные рассмотренные в данном исследовании тексты, они являются монологическими. Сравнение структур, построенных на основе ТРС, для монологических и диалогических текстов, – отдельный вопрос, нуждающийся в изучении.

Использованы электронные версии текстов А.К. Толстого, находящиеся в свободном доступе на сайте проекта «Собрание классики» Lib.Ru/Классика (http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_k/).

Основные числовые характеристики проанализированного языкового материала приведены в табл. 1. При подсчёте количества использований отношений число сегментов, вовлечённых в эти отношения, не учитывается. Например, в схеме на рис. 7 показаны три случая использования отношения Conjunction. То, что в двух из этих случаев имеется по пять конъюнктов, в подсчёте не отражено.

Таблица 1

Числовые характеристики проанализированных текстов

Периоды поэтического творчества	Количество текстов	Количество словоупотреблений	Количество элементарных сегментов	Количество использований отношений	Количество строк в стихотворениях
1840–1851	10	1161	252	206	227
1856–1859	12	1095	217	180	211
1862–1875	10	1149	235	199	216
Переводы поэзии 1858–1868	12	660	121	106	116
Письма В.М. Лазаревскому	8	1100	173	158	
Проза (Князь Серебряный)	2	820	126	119	
	54	5985	1124	968	770

Анализ построенных схем

Ниже представлен ряд возможностей сопоставления разных групп текстов по тем наборам отношений, которые в этих текстах используются.

Сравнительный анализ проводился для следующих типов текстов:

а) три группы стихотворений А.К. Толстого, относящиеся к разным периодам творчества (1840–1851, 1856–1859, 1862–1875);

б) собственные стихотворения А.К. Толстого (без деления на периоды) и переводы стихотворений других авторов;

в) стихотворения А.К. Толстого (без деления на периоды, без переводов), его письма и проза.

Исходными данными, облегчающими выявление закономерностей встречаемости отношений, являются диаграммы, одна из них приведена на рис. 8. Здесь показаны относительные частоты встречаемости отношений в

стихотворениях трёх периодов творчества А.К. Толстого. Представлено только 28 отношений, так как оставшиеся пять из них (Joint, Directive, Promise, Otherwise, Condition) в рассмотренных стихотворных текстах не встретились. Частотность вычислялась как процент случаев использования заданного отношения от общего количества использований отношений в стихотворениях соответствующего периода.

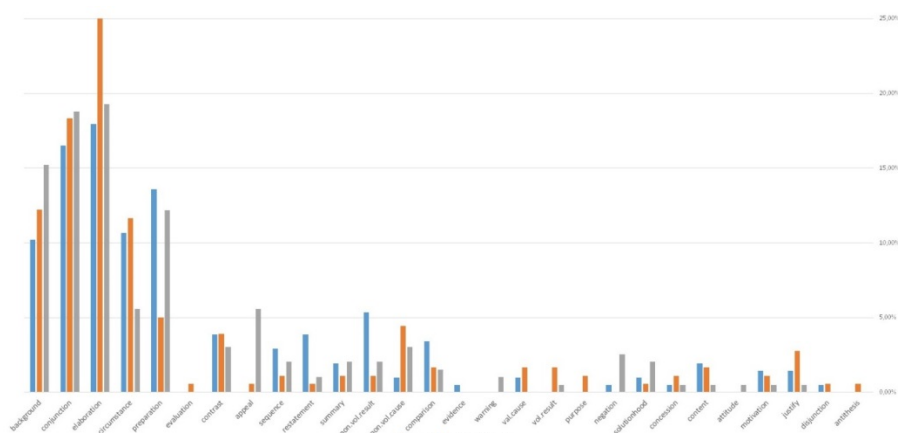

Рис. 8. Стихотворения трёх периодов творчества А.К. Толстого

На диаграмме для каждого отношения построена группа из трёх линий: они соответствуют первому, второму и третьему периодам творчества А.К. Толстого. Аналогичные диаграммы были построены и для двух других групп сравниваемых текстов. Это позволило сформировать определённые интегральные характеристики, принцип формирования которых был следующим.

Допустим, что сравниваются три множества текстов: А, В, С. Всего при построении схем было использовано 33 отношения. Из этого множества отношений выбираются три попарно не пересекающихся подмножества R_A , R_B , R_C . Отношение R включается в множество R_A в том и только в том случае, если в текстах из множества А его частотность хотя бы на единицу больше, чем в каждом из двух других множеств текстов (В и С). Среди использованных при разметке 33 отношений могут оказаться такие, которые не вошли ни в одно из множеств R_A , R_B , R_C .

Например, при сравнении трёх периодов творчества А.К. Толстого были построены множества отношений P_1 – для периода 1840–1851, P_2 – для периода 1856–1859, P_3 – для периода 1862–1875 гг. Отношение Background было включено в множество P_3 , так как в текстах этого периода его частотность больше, чем в каждом из текстов двух других периодов (15 против 10 и 12% соответственно). Отношение Summary не вошло ни в одно из множеств P_1 , P_2 , P_3 , так как частотность его встречаемости в текстах третьего периода лишь незначительно превышает его частотность в текстах каждого из остальных двух периодов.

При сравнении стихотворений трёх периодов творчества А.К. Толстого были сформированы следующие интегральные характеристики:

P1: Preparation, Restatement, Non-volitional result, Comparison

P2: Elaboration, Circumstance, Non-volitional cause, Volitional result, Purpose, Justify

P3: Background, Appeal, Warning, Negation, Solutionhood

Содержательное рассмотрение этих характеристик позволяет интерпретировать различия между тремя группами текстов следующим образом. Характеристика P1 отражает скорее созерцательное отношение наблюдателя к не зависящему от него состоянию дел. Для первого периода наиболее характерны разрывы синтаксических связей (Preparation). Характеристика же P2 свидетельствует об увеличении детализации событий, появлении целеполагания и суждений на основе опыта (Justify). Сравнение трёх интегральных характеристик наибольшее разнообразие отношений выявило во втором периоде. Представляет интерес характеристика P3: она отражает повышение риторических обращений (с позитивным или негативным призывом) к внешним силам, подытоживание и решение проблемных ситуаций (Solutionhood). Компонент отрицания или неприятия ситуации имеется в отношениях Otherwise, Antithesis и Warning, в чистом виде он представлен в Negation. Характеристика P3 включает Warning и Negation. Множества P1 и P2 не содержат отношений с таким компонентом. То есть в третьем периоде восприятие мира более контрастно, включает суждения о существующем и о несуществующем. Стоит обратить внимание также на те отношения, которые не попали ни в одну характеристику из-за того, что являются частотными для всех трёх периодов. Таковы прежде всего отношение Conjunction, а также отношения Contrast и Summary. На данном этапе работы нельзя сказать, характерны ли эти отношения для данного автора или вообще для поэзии.

При сравнении собственных стихотворений А. К. Толстого и переводов стихотворений других авторов были сформированы две интегральные характеристики (соответственно P4 и P5):

P4: Elaboration, Circumstance, Preparation, Non-volitional result, Conjunction, Comparison, Justify

P5: Background, Appeal, Volitional cause, Concession, Content, Otherwise

Меньшее количество отношений в P5, возможно, объясняется тем, что объём рассмотренных переводов меньше объёма проанализированных стихотворений самого А.К. Толстого. При сравнении полученных интегральных характеристик можно заметить, что в первой из них преобладает неволевитивность, во второй – волевитивность. Отношение Conjunction частотно во всех рассмотренных стихотворных текстах, однако в текстах А.К. Толстого эта оценка оказалась выше. Для переводов в большей степени характерно обращение в ходе рассуждения к нежелательным ситуациям (Otherwise) или к мнимым препятствиям (Concession). Детализированность рассуждений и разрывы синтаксических связей в большей степени присущи текстам А.К. Толстого, чем переводам.

При сравнении стихотворений А.К. Толстого, его писем и прозы были сформированы следующие три интегральные характеристики (соответственно P6, P7, P8):

P6: Conjunction, Restatement, Non-volitional Result, Solutionhood

P7: Contrast, Evidence, Attitude, Motivation, Justify, Joint, Disjunction, Promise, Directive

P8: Non-volitional Cause, Comparison, Volitional cause, Negation

Данное сопоставление свидетельствует о том, что отношение Conjunction более характерно для стихотворных текстов, чем для прозы. В этом типе текстов также частотны переизложение мысли (Restatement) и нахождение решения (Solutionhood). Как можно было ожидать заранее, речевые акты наиболее частотны в текстах писем. Здесь же проявились все три вида убеждения: на основе фактов (Evidence), личного опыта (Justify), апелляция к интересам адресата (Motivation).

В табл. 2 указана суммарная частотность интегральных характеристик для сравниваемых групп текстов. Числовые значения вычислялись как процент использования отношений из рассматриваемой интегральной характеристики от общего числа использований отношений в соответствующем множестве текстов. Полужирным шрифтом выделены значения, являющиеся максимальными для сравниваемой группы.

Таблица 2

Частотность интегральных характеристик

Группы текстов	P1	P2	P3	P4	P5	P6	P7	P8
Период 1	26,2	31,1	11,7					
Период 2	8,3	46,7	13,3					
Период 3	16,8	28,9	26,4					
Все периоды				17,7	64,8			
Переводы				40,2	43,1			
Все периоды						7,7	6,9	40,5
Письма						33,5	1,9	18,4
Проза						12,6	16,8	23,5

Помимо интегральных характеристик P1–P8 можно усмотреть и другие закономерности. Так, по построенным диаграммам видно, что отношения Concession и Volitional cause редки в стихотворных текстах А.К. Толстого (0,7 и 0,9 соответственно), но более частотны в прозе (4,2 и 6,7) и письмах (4,6 и 5,3). В прозе и поэзии А.К. Толстого почти одинаково частотны отношения Circumstance (9,2 и 9,3), для писем эта оценка ниже (3,3). Можно также заметить, что в стихотворных текстах отношение Appeal, как правило, сопряжено с одним из отношений Solutionhood или Summary, реже – с Restatement, т.е. риторический призыв Appeal привлекает внимание к определённой проблеме, которая затем резюмируется, получает решение или переформулируется. Такая закономерность наблюдается во всех случаях использования Appeal в стихотворениях третьего периода творчества А.К. Толстого, но только в половине случаев использования Appeal в переводах стихотворений А. Шенье и

Г. Гейне. Кроме того, резюме (Summary), решение (Solutionhood), переформулирование (Restatement) обычно представлены сложным сегментом, включающим ещё одно вхождение отношения Appeal. Такая ритмичность структуры характерна для третьего, самого позднего, периода поэтического творчества А.К. Толстого.

Conjunction, Restatement, Sequence – потенциально ритмичные структуры. В принципе таково же и отношение Disjunction, но в рассмотренных стихотворных текстах оно почти не используется. Отношение Conjunction, напротив, для этих текстов очень характерно, причём часто встречается в осложнённых вариантах, например во вложенных конъюнкциях (рис. 4) и конъюнкциях со сложными конъюнктами (рис. 5), более сложный конъюнкт чаще расположен последним.

Заключение

В результате разметки посредством инструмента RSTTool был построен корпус схем ТРС. Каждая схема изображает ход гетерогенного познавательного процесса, воплощённого в тексте и подлежащего реконструкции при понимании этого текста. Сопоставление схем трактуется как сопоставление соответствующих познавательных процессов. На основе выявления особенностей схем для нескольких групп текстов продемонстрирована возможность формирования интегральных характеристик, присущих этим группам текстов.

Отдельным результатом проделанной работы является разработка принципов построения схем ТРС для стихотворного текста и правил идентификации отношений. Имеющиеся исследования на основе ТРС, как правило, ориентированы на поиск текстовых индикаторов отношений. В случае стихотворных текстов такие индикаторы редки и надёжность их невелика. Поэтому основное внимание было уделено тем правилам идентификации отношений, которые относятся к сфере содержания, в частности с привлечением возможностей синонимической трансформации и построения логической формы.

Построенное множество схем и результаты его анализа могут быть использованы для сопоставления текстов разных типов, анализа условий встречаемости отношений, выявления закономерностей комбинирования отношений, изучения и моделирования стилей рассуждения, исследования авторских стилей, решения задач моделирования рассуждений в сфере искусственного интеллекта. Кроме того, выявляемые на данном корпусе закономерности могут использоваться в рамках традиционных филологических исследований при изучении творчества А.К. Толстого.

В заключение хочется отметить, что, как это ни парадоксально, расстановка риторических отношений и построение схем не разрушает общего впечатления от поэтического произведения, а, скорее, наоборот, вынуждает погрузиться в его смысл и задуматься о той реальности, о которой размышляет поэт, в конечном итоге приводя к более глубокому пониманию

текста. Возможно, это служит ещё одним подтверждением мысли Ю.М. Лотмана и Р. Познера, о которой говорилось в начале статьи. Семиотическое новаторство, присущее стихотворному тексту, делает форму и содержание трудноразделимыми, так как содержание отчасти запечатлено в форме, в частности в форме мысли. Поэтому углублённое внимание к форме мысли позволяет лучше понять содержание.

Литература

1. Mann W., Thompson S. Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization. Technical report No. ISI/RS-87-190. University of Southern California, Information Science Institute, 1987. 91 p. URL: https://www.sfu.ca/rst/pdfs/Mann_Thompson_1987.pdf (date of access: 10.08.2020).
2. O'Donnell M. RST-Tool: An RST Analysis Tool. // Proceedings of the 6th European Workshop on Natural Language Generation March 24-26, 1997 Gerhard-Mercator University. Duisburg, Germany, 1997. P. 92–96.
3. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М. : Языки славянских культур, 2009. 736 с.
4. Taboada M., Mann W. Rhetorical Structure Theory: Looking back and moving ahead // Discourse Studies. SAGE Publications, 2006. Vol. 8, № 3. P. 423–459.
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л. : Просвещение, 1972. 272 с.
6. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М. : Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
7. Мартыненко Г.Я. Основы стилистики. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 176 с.
8. Rühlemann C., Aijmer R. Corpus Pragmatics: Laying the Foundations // Corpus pragmatics: a handbook Karin Aijmer / ed. by Christoph Rühlemann. Cambridge University Press, 2014. 480 p.
9. Mann W., Thompson S. Relational Propositions in Discourse // Discourse Processes. Taylor and Francis Ltd. 1986. Vol. 9, № 1. P. 57–90.
10. Shannon C.E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. The University of Illinois Press, 1949. 117 p.
11. Grice H.P. Logic and Conversation. In: Syntax and Semantics / eds. by Peter Cole, Jerry L. Morgan. New York : Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.
12. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Blackwell : Oxford and Harvard University Press, 1986. p. VIII + 279.
13. Познер Р. Рациональный дискурс и поэтическая коммуникация: методы лингвистического, литературного и философского анализа / науч. ред. И.П. Кужелева-Саган ; пер. с англ. С.С. Носовой. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета ; Дизайн-студия «Провинция», 2015. 296 с.
14. Koj L. Zasada przezroczystosci a antynomie semantyczne // Studia Logica. 1963. 14. S. 227–253. (In Polish).
15. Taboada M., Mann W. Applications of Rhetorical Structure Theory // Discourse Studies. SAGE Publications, 2006. Vol. 8, № 4. P. 567–588.
16. Alexander M. Rhetorical Structure and Reader Manipulation in Agatha Christie's Murder on the Orient Express // Miscelanea: A Journal of English and American Philology. University of Zaragoza. 2009. Vol. 39. P. 13–27.
17. Lu Y. A Discourse Analysis of Zhuang Dialogue Folk Songs. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts (linguistics) faculty of graduate studies. Mahidol University, 2016. 183 p.
18. Тимофеева М.К. Опыт использования теории риторической структуры для представления логико-когнитивной организации поэтического текста // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 28–45.

19. Chistova E., Kobozeva M., Pisarevskaya D., Shelmanov A., Smirnov I., Toldova S. Towards the Data-Driven System for Rhetorical Parsing of Russian Texts // *Proceedings of Discourse Relation Parsing and Treebanking. DISRPT2019*, Minneapolis, MN, June 6, 2019. P. 82–87.

20. Бакуева А.М., Батура Т.В. Исследование применимости теории риторических структур для автоматической обработки научно-технических текстов // *Cloud of Science*, 2017. Т. 4, № 3. С. 450–464.

21. Das D., Taboada M. Multiple Signals of Coherence Relations // *Discours* [Online], 24 | 2019, Online since 30 October 2019, connection on 30 October 2019. URL: <http://journals.openedition.org/discours/10032> (date of access: 10.08.2020).

22. Taboada M. Implicit and Explicit Coherence Relations. In J. Renkema (ed.). *Discourse, of Course. An overview of research in discourse studies*. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 125–138.

23. Potter A. Reasoning between the Lines: A Logic of Relational Propositions. *Dialogue and Discourse* // *US: The Dialogue & Discourse Board of Editors*. 2019. Vol. 9, № 2. P. 80–110.

The Rhetorical Structure Theory as an Instrument for Analyzing Poetic Texts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 109–137. DOI: 10.17223/19986645/68/6

Mariya K. Timofeeva, Federal Research Center for Informational and Computational Technologies (Novosibirsk, Russian Federation); Sobolev Institute of Mathematics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mtimof@inbox.ru

Keywords: rhetorical relations, relational propositions, cognitive structure, poetic texts, text coherence, Aleksey K. Tolstoy

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00466.

The article presents the results of applying the Rhetorical Structure Theory (RST) to poetic texts written in Russian. A poetic text is treated as a specific cognitive process. The work aims to reconstruct the structure of hypothetical cognitive steps that underlie the process of understanding a text and depend on implicit relational propositions that make the text coherent. The analyzed language material consists of the poetic texts written by Aleksey K. Tolstoy, the fragments from his prosaic texts, his letters, and his translations of poetic texts written by other authors. Three stages of investigation are discussed. The first and basic one is methodological; it consists in elaborating the principles of applying RST to poetic texts, particularly, in defining the rules of segmentation, in building the set of relations, and in developing the rules of identifying these relations in context. Seven types of relations were added to the ordinary set of relations presupposed by RST. Poetic texts rarely include reliable textual indicators of relations; therefore, these rules bring in focus semantic, pragmatic, and logical aspects of text understanding. The methodological stage was iterative and included several recalibrations; the summarizing principles are the result of adaptation the procedure to all sorts of the texts under consideration. The second stage of the investigation realizes these principles in the process of analyzing several types of texts by the means of RST. This stage results in a set of schemas. Finally, the third stage is devoted to a comparative analysis of the schemas corresponding to different groups of texts. The comparison goes along the following lines: 1) three periods of Tolstoy's poetic writing: the early period 1840–1851, the middle period 1856–1859, and the late period 1862–1875; 2) the lyrics written by Tolstoy against his translations of poetic texts written by other poets; 3) Tolstoy's poetry against his prose and letters. After observing the percentage of relations in the corresponding sets of schemas, eight integral characteristics were formed. Each of them summarizes the relations that reach their maximum for one of the groups under consideration. For instance, each of the three periods of Tolstoy's poetic writing received its own integral characteristic, and these data allow discuss-

ing specific trends in cognitive processes reflected by the corresponding texts. Along with the integral characteristics, several other peculiarities of the groups of texts were shaped.

References

1. Mann, W. & Thompson, S. (1987) *Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization*. Technical report No. ISI/RS-87-190. University of Southern California, Information Science Institute. [Online] Available from: https://www.sfu.ca/rst/pdfs/Mann_Thompson_1987.pdf. (Accessed: 10.08.2020).
2. O'Donnell, M. (1997) RST-Tool: An RST Analysis Tool. *Proceedings of the 6th European Workshop on Natural Language Generation*. 24–26 March 1997. Gerhard-Mercator University, Duisburg, Germany. pp. 92–96.
3. Kibrik, A.A. & Podlesskaay, V.I. (eds) (2009) *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie usnogo russkogo diskursa* [Stories about Dreams: A Corpus Study of Russian Oral Discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
4. Taboada, M. & Mann, W. (2006) Rhetorical Structure Theory: Looking back and moving ahead. *Discourse Studies*. 8 (3). pp. 423–459.
5. Lotman, Yu.M. (1972) *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of the poetic text. The structure of the verse]. Leningrad: Prosveshchenie.
6. Gasparov, M.L. (2012) *Metr i smysl* [Meter and meaning]. Moscow: Fortuna EL.
7. Martynenko, G.Ya. (1988) *Osnovy stilemetrii* [Basics of stylometry]. Leningrad: Leningrad State University.
8. Rühlemann, C. & Aijmer, R. (2014) Corpus Pragmatics: Laying the Foundations. In: Aijmer, K. & Rühlemann, C. (eds) *Corpus pragmatics: a handbook*. Cambridge University Press.
9. Mann, W. & Thompson, S. (1986) Relational Propositions in Discourse. *Discourse Processes*. 9 (1). pp. 57–90.
10. Shannon, C.E. & Weaver, W. (1949) *The Mathematical Theory of Communication*. Urbana, Illinois: The University of Illinois Press.
11. Grice, H.P. (1975) Logic and Conversation. In: Cole, P. & Morgan, J.L. (eds) *Syntax and Semantics*. Vol. 3. New York: Academic Press. pp. 41–58.
12. Sperber, D. & Wilson, D. (1986) *Relevance: Communication and Cognition*. Blackwell, Oxford and Harvard University Press.
13. Pozner, R. (2015) *Ratsional'nyy diskurs i poeticheskaya kommunikatsiya: metody lingvisticheskogo, literaturnogo i filosofskogo analiza* [Rational discourse and poetic communication: methods of linguistic, literary and philosophical analysis]. Translated from English by S.S. Nosova. Tomsk: Tomsk State University; Dizayn-studiya "Provintsiya".
14. Koj, L. (1963) Zasada przezroczystosci a antynomie semantyczne. *Studia Logica*. V.XIV. pp. 227–253. (In Polish).
15. Taboada, M. & Mann, W. (2006) Applications of Rhetorical Structure Theory. *Discourse Studies*. 8 (4). pp. 567–588.
16. Alexander, M. (2009) Rhetorical Structure and Reader Manipulation in Agatha Christie's Murder on the Orient Express. *Miscelanea: A Journal of English and American Philology*. 39. pp. 13–27.
17. Lu, Y. (2016) *A Discourse Analysis of Zhuang Dialogue Folk Songs*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts (linguistics) faculty of graduate studies. Mahidol University.
18. Timofeeva, M.K. (2020) Applicability of Rhetorical Structure Theory for Representing Logical-Cognitive Organization of Poetic Texts: Empirical Investigation. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 18 (2). pp. 28–45. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-2-28-45

19. Chistova, E. et al. (2019) Towards the Data-Driven System for Rhetorical Parsing of Russian Texts. *Proceedings of Discourse Relation Parsing and Treebanking*. DISRPT2019. June 6, 2019. Minneapolis, MN. pp. 82–87.
20. Bakieva, A.M. & Batura, T.V. (2017) Research of Applicability of the Rhetorical Structure Theory for Automatic Processing of Scientific and Technical Texts. *Cloud of Science*. 4 (3). pp. 450–464. (In Russian).
21. Das, D. & Taboada, M. (2019) Multiple Signals of Coherence Relations. *Discours*. 30 October 2019. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/discours/10032>. (Accessed: 10.08.2020).
22. Taboada, M. (2009) Implicit and Explicit Coherence Relations. In: Renkema, J. (ed.). *Discourse, of Course. An overview of research in discourse studies*. Amsterdam: John Benjamins. pp. 125–138.
23. Potter, A. (2019) Reasoning between the Lines: A Logic of Relational Propositions. *Dialogue and Discourse*. 9 (2). pp. 80–110.

УДК 811.512.15.1'342
DOI: 10.17223/19986645/68/7

Н.С. Уртегешев, И.Я. Селютина, А.А. Добринина, Т.Р. Рыжикова

ГЛАГОЛЬНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ШОРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: СПЕЦИФИКА ФОНЕТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Сопоставляются фонетические трансформации глагольных аналитических конструкций при их синтезации в шорском эпосе и в художественной литературе. Выявляется общность характера преобразований: десемантизация и ослабление статуса компонентов, устранение межсловных пауз, слияние в одно фонетическое слово, активизация ассимилятивных процессов. Устанавливается, что в эпосе скорость фонетических модификаций замедляется вследствие традиционности, стереотипности, следования архетипическим моделям.

Ключевые слова: торкские языки, шорский, глагольные аналитические конструкции, фонетические процессы, сандхи, лингвистические универсалии.

Введение

Цель исследования – выявление специфики фонетических преобразований в процессе синтезации глагольных аналитических конструкций (ГАК) в языке шорского фольклора в сопоставлении с литературным шорским языком, определение уникальности этих трансформаций как компоненте культурного кода этноса.

Состояние изученности проблемы. Фонетические модификации на стыке слов и морфем, особенности фонации звуков в сандхияльных позициях необходимо учитывать как при изучении современного языкового состояния, так и при решении проблем языковой ретроспективы и фонетической типологии, при поиске лингвистических универсалий. Вместе с тем, позиционно обусловленные изменения звуков, возникающие на стыке словоформ – внешнее сандхи и на стыке морфем – внутреннее сандхи [1. С. 394], на материале шорских аналитических глагольных форм не получили систематического освещения. Сведения по данной проблематике, представленные в трудах Н.П. Дыренковой [2. С. 216–262], Н.Н. Курпешко, Н.Н. Широковой [3], Э.Ф. Чиспиякова [4], И.В. Шенцовой [5], хотя и являются теоретически значимыми, носят фрагментарный характер. Инструментальные исследования фонетических преобразований ГАК в пози-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

циях внешнего и внутреннего сандхи, являющихся своеобразными маркерами степени аналитизма словосочетаний, были выполнены ранее авторами данной статьи на материале трех южносибирских тюркских языков – чалканского, шорского и тувинского [6–8].

Результаты исследования свидетельствуют о типологической общности структурных преобразований в алтае-саянских языках, детерминированной единым региональным архетипом, заложенным в генетической памяти этносов. В основе инновационных модификаций звукового облика ГАК лежат процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, что, в свою очередь, детерминирует устранение межсловных пауз с последующим слиянием компонентов ГАК в единое фонетическое слово, преобразование позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализацию ассимилятивных закономерностей, обусловленных вновь сформировавшимся фонетическим контекстом. На современном этапе развития идиомов фиксируются различные стадии процесса синтеза ГАК – от полной утраты прозрачности структуры словосочетания в результате стяжения в языке чалканцев до более ранних этапов их упрощения по пути потери лексическими компонентами самостоятельности в тувинском языке. Специфика звуковых изменений в языках обусловлена особенностями артикуляционно-акустических баз (ААБ) как неотъемлемых составляющих исторической памяти этносов, кардинальных маркеров самоидентификации.

На материале звучащих фольклорных произведений тюркских народов алтае-саянского региона исследование процессов синтеза ГАК проводится впервые. Сопоставление закономерностей и тенденций развития фонетических процессов в языках фольклора с выявленными ранее соответствиями в разговорных языках позволит определить общность и специфику фонетических универсалий, соответствующих плану выражения языкового знака [9. С. 179–222; 10. С. 27; 11. С. 135; 12. С. 98; 13. С. 250–251, 264–265; 14. С. 200]) в различных репрезентациях вербальных культур.

Объектом исследования в данной статье являются фонетические паттерны бивербальных деепричастных аналитических конструкций, реализующихся в шорском эпосе; **предметом** – модификации звукового облика ГАК и их специфика на фоне литературного языка.

Материалом для исследования послужило шорское героическое сказание «Күннү көрген Күн Кёök» (Солнце увидевшая Кюн Кёк) в исполнении яркого носителя шорской эпической традиции В.Е. Таннагашева [15], представителя мрасской сказительской школы [16]. В фольклорном тексте, объем которого составляет 41 900 знаков, выявлено 910 предложений, включающих ГАК различных структурно-семантических типов. Для фонетического анализа было затранскрибировано 109 высказываний с глагольными аналитическими конструкциями. Звучащий эпический текст, записанный на нескольких дорожках на прилагающемся к изданию CD, был конвертирован для аудитивного анализа в формат WAV. Использование программы Audacity позволило сегментировать звучащее произведение, экспортируя в самостоятельные звуковые файлы контексты, включающие

выявленные ГАК. На основании аудитивного и компьютерного анализа с помощью программы SpeechAnalyzer 3.0.1 все выявленные ГАК были за-транскрибированы и систематизированы.

Для точной передачи звучания исследуемых ГАК используется традиционная транскрипционная система новосибирской фонетической школы, разработанная В.М. Надеяевым [17], с уточнениями и дополнениями, внесенными сотрудниками Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН [18].

Шорские ГАК в языке фольклора

Авторы статьи не ставили целью выявить все типы шорских аналитических конструкций и представить исчерпывающее описание модификаций их звуковых оболочек. Задачей нашего исследования стала фиксация на современном синхронном срезе процессов фонетических изменений, позволяющих судить о степени синтезации ГАК в шорском эпическом произведении, и их интерпретация в сопоставлении с литературным языком.

Инвентарь шорских ГАК в героическом сказании «Күннү көрген Күн Көөк»

Проведенное ранее исследование бивербальных аналитических конструкций в произведениях художественной литературы, вошедших в сборник «Чедыген» и опубликованных в журнале «Огни Кузбасса» [19], а также в живой разговорной речи носителей шорского языка выявило инвентарь ГАК, включающий 15 основных типов конструкций с деепричастиями на *-n* и на *-a* [7. С. 88–94].

В ходе анализа звучащего текста шорского фольклорного героического сказания «Күннү көрген ...» были зафиксированы в принципе те же ГАК, что и в литературном языке, кроме того, список аналитических конструкций был расширен до 21 ГАК, представленных ниже в формульном виде¹:

(1.) $Tv=n+V^{ссп.}$: (1.1.) $Tv=n+одур$, (1.2.) $Tv=n+ыс=$, (1.3.) $Tv=n+ал=$, (1.4.) $Tv=(n)+неp=$, (1.5.) $Tv=(n)+кел=$, (1.6.) $Tv=(n)+нар=$, (1.7.) $Tv=(n)+сал=$, (1.8.) $Tv=(n)+мур=$, (1.9.) $Tv=(n)+шық=$, (1.10.) $Tv=(n)+қал=$, (1.11.) $Tv=(n)+көр=$, (1.12.) $Tv=(n)+чөр=$, (1.13.) $a(лын)+V^{ссп.}$, (1.14.) $Tv=(n)+кир=$;

(2.) $Tv=V+V^{ссп.}$: (2.1.) $Tv=V+неp=$, (2.2.) $Tv=V+нар=$, (2.3.) $Tv=V+қал=$;

(3.) $Tv=\delta V_n+V^{ссп.}$: (3.1.) $Tv=\delta V_n+сал=$, (3.2.) $Tv=\delta V_n+қал=$; (4.) $Tv=-p+V^{ссп.}$: (4.1.) $Tv=-p+эм=$; (5.) $Tv=(n)оқ+V^{ссп.}$: (5.1.) $Tv=(n)оқ+V^{ссп.}$.

Ниже приводится список высказываний с ГАК, используемых сказителем при исполнении героического эпического произведения «Күннү көрген Күн Көөк».

(1.) $Tv=n+V^{ссп.}$

(1.1.) $Tv=n+одур$

¹ Здесь и далее: Tv – основа глагола, $V^{ссп.}$ – вспомогательный глагол, V – гласный звук.

(1.1.1.) *Кичиг сөөк турнунаң пыргырб-одурча* [ʔr̥ɨr̥/=/β̥d=ʃːˈaʔ]¹. (КкКК, 42, с. 56)². 2:3м13.762с-3м17.859с³.

‘Мелкие кости из носа летят ...’

(1.1.2.) *Ашпа-табақ чииб-одурдулар* [h̥ʃˈɪ=β̥d̥=d̥ɔr̥=/mˈɪ=lˈa]. (КкКК, 43, с. 56). 2:3м18.082с-3м19.852с.

‘(Так) пищу-еду (вместе) они ели.’

(1.1.3.) *Анаң көрб-одурганнары* [k̥ɔr̥=β̥d̥=d̥ɔr̥=/β̥l̥n=n̥l̥=ɾ̥ɨ]: ... (КкКК, 51, с. 56). 2:4м29.073с-4м32.421с.

‘Затем видят: ...’

(1.1.4.) *Көк шөлдин ортага киире қачырб-одурчаң* [q̥l̥=h̥ʃˈɪ/=/β̥d̥=d̥ɔ̥=h̥ɕaŋ] *тушита*, ... (КкКК, 214, с. 66). 3:51.027с-54.343с.

‘Когда к центру Голубой степи (скот и народ) гнал, ...’

(1.1.5.) *Анда қал-келип, чадыб-одурча* [h̥ɕad/=/β̥d̥=d̥ɔ̥r̥=ʃˈe]. (КкКК, 555, с. 84). 4:11м44.800с-11м46.158с.

‘Там оставшись, лежит.’

(1.1.6.) *Тоғра тартын-кел, эрбектеб-одурча* [ʔer̥=β̥ˈek=t̥e/=/β̥d̥=t̥ɔ̥=ʃːˈa] ... (КкКК, 656, с. 90). 5:1м47.523с-1м52.030с.

‘... Льющиеся (из глаз), говорит: ...’

(1.1.7.) *Күн алыжып, ай алыжб-одурган полтур* [(ʔ̥ɔ̥=j̥)̥ḁ̈=l̥ɨʒ/=/b̥ˈɔ̥=d̥ɔ̥r̥=q̥äŋ̥ =(m̥ɔ̥l̥=t̥ɔ̥r̥)]. (КкКК, 1015, с. 110). 5:27м45.253с-27м50.399с.

‘Дни проходят, месяцы пролетают, ...’

(1.1.8.) *Тудужа-тудужа келгенде – алты чылға кел шыгыб-одурчалар* [ʃ̥ɨ̥=q̥ɪ̥/=/β̥ˈɔ̥=t̥ɔ̥r̥=ʃˈa=l̥ɨr̥]. (КкКК, 1028, с. 112). 5:28м15.527с-28м20.347с.

‘Боролись, боролись – до шести лет боролись.’

(1.1.9.) *Тоғус күнге шығара чөрб-одурча* [h̥ɕɔ̥r̥/=/β̥d̥=t̥ɔ̥r̥=ʃˈa]. (КкКК, 1132, с. 118). 5:35м24.877с-35м27.001с.

¹ Деление слова на слоги (например, [ʔr̥ɨr̥/=/β̥d=ʃːˈaʔ]) представлено в транскрипции следующим образом: знак равенства (=) означает слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой умеренной паузе; знак (/=/) – две косые линии с заключенным между ними знаком равенства означает слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой сильной паузе.

² *Здесь и далее:* сведения, приведенные в скобках после предложения, означают следующее: аббревиатура КкКК – шорское героическое сказание «Күннү көргөн Күн Көök»; число, следующее за аббревиатурой, – строфу в произведении (например, 42); следующее число – номер страницы в книге (например, с. 56).

³ *Здесь и далее:* сведения, маркирующие локализацию на CD контекста с рассматриваемой ГАК: первое число означает номер звуковой дорожки; комплекс данных после двоеточия означает время начала и – через дефис – конца звучания контекста (где м – минута, с – секунда). Например, 2:3м13.762с-3м17.859с означает следующее: 2-я дорожка; начало звучания в 3 минуты 13.762 секунды; конец звучания в 3 минуты 17.859 секунд.

‘В течение девяти дней едет.’

(1.1.10.) *Тоғус құннұң пажында, анаң уғуб-одурганы* [(p'á=zɨn/=dǎ=n)ǝ/=βǝ=dǝg=qǎ=nb̌]. (КкКК, 1133, с. 118). 5:35м27.287с-35м30.192с.

‘Через девять дней затем слышит: ...’

(1.2.) *Tv=n+ыс=*

(1.2.1.) *Қара тубан кел түжүбисти* [t'ǝ=z'ɨ/=β'ɨ=st'ǎ]. (КкКК, 106, с. 60). 2:8м09.028с-8м11.053с.

‘Черный туман спустился.’

(1.2.2.) *Алтын өргедең сөртеп шығыбысты* [ʃ'tǎ:/=b'ɨ=st'ɜ]. (КкКК, 169, с. 64). 2:11м59.250с-12м01.147с.

‘Из золотого дворца потащил.’

(1.2.3.) *Чес құлақты тудунбан қалдым, тезибискен* [tɜ=z'e=β'ɨs=k'en]. (КкКК, 350, с. 74). 3:10м41.404с-10м44.211с.

‘Коня медно-саврасого не поймал – убежал.’

(1.2.4.) *Алтын Топчунуң улуг сағызсы шығыбысқан* [ʒ'a=β'ɨs=q'ǎn] *полтур*. (КкКК, 435, с. 78). 4:3м41.416с-3м44.310с.

‘Алтын Топчу сознание потерял, оказывается.’

(1.2.5.) *Анаң таштабысқаны* [t'ǎʃ=tǎ=b'ɨs/=qǎ:=nb̌]: ... (КкКК, 453, с. 78). 4:4м39.012с-4м40.191с.

‘Потом бросил – ...’

(1.2.6.) *Тыны ақсынаң шацрап-кел, шығыбысты* [ʃ'ɨq=ʃ'ɨ=β'ɨs=t'ɨ]. (КкКК, 842, с. 102). 5:15м12.136с-15м14.923с.

‘Душа её изо рта вышла.’

(1.2.7.) *Қырық қатпаи түбүнге кирибисти* [ɢɨ=r'ɨb̌s=s'te:ɢ]. (КкКК, 1089, с. 116). 5:33м01.739с-33м04.474с.

‘Внутри сорока комнат вошел.’

(1.2.8.) *Тебир сынны ажыбыссабыс* [ǎ=z'ɨb̌/=sǎ:=β'ɨs:], ... (КкКК, 1175, с. 120). 5:38м20.791с-38м24.126с.

‘Если перевалим железный хребет, ...’

(1.2.9.) *Ийги қараан ажыбысты* [ǎ:=z'ɨ/=β'ɨs=t'ɨ]. (КкКК, 1273, с. 126). 5:43м43.933с-43м45.379с.

‘Оба глаза свои открыла.’

(1.3.) *Tv=n+ал=*

(1.3.1.) *Ақ Қаанны чазы-төштең тудуб-алып* [t'ǝ=dǝ/=βǎ:=l'pɢ], *Ам үстүнең аңдара тартыб-алды* [ʔǎŋ/nǎ=rqǎʃ=t'ɨ/=βǎl=d'ɨ]. (КкКК, 98-99, с. 60). 2:7м51.412с-7м55.430с.

‘За грудки Ак Кана схватив, С коня стащил.’

(1.3.2.) *Сарыг челтек шажынаң қызычақты тудуб-алып* [t'ǝ=d'ǝ/=βǎ:=l'pɢ]. (КкКК, 168, с. 64). 2:11м55.344с-11м57.114с.

‘За рыжие кудри девочку ухватив, ...’

(1.3.3.) *Ийги шажының тудуб-алып* [tʰödʰ=/βä:='lʰpʰ], ... (КкКК, 186, с. 64). 2:12м47.986с-12м50.696с.

‘За косы схватив-ухватив, ...’

(1.3.4.) *Малба чоннуң соонаң кириб-алып* [kʰrʰ'=/ä:='lʰpʰ], ... (КкКК, 210, с. 66). 2:14м41.877с-14м44.029с.

‘За скотом и народ пошел.’

(1.3.5.) *Алтын чайзанны қыйгырб-алды* [kij=ɢi=ɢʰ=/β'äl=dʰ]: ... (КкКК, 281, с. 70). 3:4м57.842с-4м59.985с.

‘Золотого чайзана окрикнул: ...’

(1.3.6.) *Эзен-менчи перишб-алды* [ʔə:='zʰi=/βäl=dʰ], ... (КкКК, 397, с. 76). 4:1м56.049с-1м58.979с. ‘Поклонившись-простившись, ...’

(1.3.7.) *Кузурағын кел қаб-алды* [qɑ=βäl=dʰ], ... (КкКК, 449, с. 78). 4:4м26.828с-4м28.543с.

‘Коня за хвост схватил.’

(1.3.8.) *Алтын ингени шығара тартыб-ал* [tʰβäl=län], ... (КкКК, 452, с. 78). 4:4м35.939с-4м39.155с.

‘Золотую иглу вытащив, ...’

(1.3.9.) *Ай Толай туңмамны көрб-алған полза* [kör'=βäl=q'än=/möl=zäʰ], ... (КкКК, 653, с. 90). 5:58.933с-1м02.164с.

‘Если бы Ай Толай моего младшего брата увидел, ...’

(1.3.10.) *Оң карманыңа суғунм-алды* [sön=/mä'l=dʰ]. (КкКК, 725, с. 94). 5:6м55.138с-7м00.296с.

‘В правый карман спрятал, ...’

(1.3.11.) *Тоғус топчузун топчуланм-алды* [töp=ʈʰy=län=/mä'l=dʰ]. (КкКК, 806, с. 100). 5:12м50.482с-12м52.606с.

‘На девять пуговиц застегнувшись, ...’

(1.4.) Tv=(n)+per=

(1.4.1.) *Адың адап-перейин* [(ʔäð)ä=ðä'=/pʰ'e=ɢ'e=in], – тедир. (КкКК, 500, с. 82). 4:7м30.442с-7м32.228с.

‘Имя её назову-ка, – сказал.’

(1.4.2.) *Ўлгер Мёке адым адат-перген* [(ʔäð=n)ä=tap=tø=ɢ'en], ... (КкКК, 644, с. 90). 4:16м33.513с-16м36.407с.

‘Ульгер Мёке (меня) именем моим нарек.’

(1.5.) Tv=(n)+kel=

(1.5.1.) *Ағаш паитарыңа тамчылаш-келип, чарылыш-кел* [träm=hʰl'äʃ=/ʰke:='lʰpʰ], [ʰʧar='lʰʃ=/ʰkelʰ] *Көк нұр өсчитқан тем полтур*. (КкКК, 8-9, с. 20). 2:46.966с-51.972с.

‘В то время, когда на деревьях, набухая-проклёвываясь, Зелёные листья выросли.’

- (1.5.2.) *Ақ тайғаның төзүбе толқун-келип* [töl/= /'k'ɛ:l']... (КкКК, 15, с. 20). 2:1м35.877с-1м41.520с.
 'У подножья белой горы, волнуясь, ...'
 (1.5.3.) *Ақ талай қаиштан-келип*, ... [kʌʃ=täp/= /k'ɛ:='l'ɪʃp'] (КкКК, 17, с. 20). 2:1м41.568с-1м43.146с.
 'Белого моря берегом идя, ...'
 (1.5.4.) *Алтын Арығ сол чанынга одур-келип* [ò:='dör/= /'k'ɛ:='l'ɛp'], ... (КкКК, 39, с. 56). 2:3м08.788с-3м13.794с.
 'Алтын Арығ по левую сторону села, ...'
 (1.5.5.) *Түбенеп, түбенеп-келип* [t'ʏ='nɛp/= /k'ɛ:='l'ɪp'], ... (КкКК, 46, с. 56). 2:4м21.517с-4м23.079с.
 'Клубясь, клубясь, ...'
 (1.5.6.) *Эзен-менчи пер-келип* [p'ɛt/= /k'ɛ:='l'ɪp'], ... (КкКК, 83, с. 58). 2:6м28.273с-6м29.756с.
 'Распрощался-раскланялся, ...'
 (1.5.7.) *Чес құл ат алынға чүгүр-келгенде* [ʃöʃ:='kù=gù=g'ɛz], ... (КкКК, 175, с. 64). 2:12м14.156с-12м16.245с.
 'Когда медно-саврасый конь прискакал, ...'
 (1.5.8.) ... *чес құл атқа мұн-келип* [m'ʏ'ʏn/= /g'ɛ:='l'ɪp'], ... (КкКК, 191, с. 64). 2:13м00.867с-13м03.226с.
 '... на медно-саврасого коня сел, ...'
 (1.5.9.) *Оң колун үстүнгү кырық тегриге Шығара сун-келип* [ʃ's'ʏn/= /k'ɛ:='l'ɪp'], ... (КкКК, 225, с. 66). 3:1м21.005с-1м27.766с.
 'Правую руку через сорок небес просунув, ...'
 (1.5.10.) *Алтын Топчуға нас-келип* [p'äs'=/ /k'ɛ:='l'ɪp'], ... (КкКК, 330, с. 72). 3:8м57.973с-9м01.214с.
 'К Алтын Топчу подошёл, ...'
 (1.6.) Tv=(n)+nap=
 (1.6.1.) *Алып құжұм шық-парғанда* [öʃ:='pär=qäñ=däñdä], ... (КкКК, 70, с. 58). 2:5м15.720с-5м18.781с.
 'Когда моя сила алыпа иссякла ...'
 (1.6.2.) *Ақ Қаан нас парын* [p'äs:='pär:ä=g'ɪp'], ... (КкКК, 72, с. 58). 2:6м03.738с-6м06.193с.
 'Ак Кан (тут же) пошел.'
 (1.6.3.) *Алыпқа үдөре настыр-парды* [(-d'ɪ)=βäs=tɪ'=/ʃp'ar=dɪ]. (КкКК, 91, с. 60). 2:6м44.518с-6м46.734с.
 'Навстречу алып поехал.'
 (1.6.4.) *Аара ийт парды* [ʔɪt=p'ä:ɪ=dɪ], *пеере ийт келди*. (КкКК, 132, с. 62). 2:9м21.183с-9м27.066с.
 'Туда-(сюда) стал толкать.'

(1.6.5.) *Қырық қатпаиштың эжиги қайра шабыл-парды* [(a)ʒäɬl=pʰä:r=dɬn]. (КкКК, 152, с. 62). 2:11м13.321с-11м17.354с.

‘Двери сорока комнат настезь раскрылись.’

(1.6.6.) *Ақ чазыға тооза чарыш-парды* [ʧʰä:ʃ:/=pʰä:r=dɬ]. (КкКК, 158, с. 62). 2:11м25.883с-11м27.685с.

‘Белая степь вся осветилась ...’

(1.6.7.) *Тогра тескенин – тогра кес-парды* [gʰe:s'/=pʰä:r=dɬ], ... (КкКК, 199, с. 66). 2:14м11.284с-14м15.684с.

‘Поперёк бегущих – поперёк рубит, ...’

(1.6.8.) *Қап шени сиглип-парды* [sʰi=lʰɨʃ'/=pʰä:r=bɨpʰ]. (КкКК, 235, с. 68). 3:1м49.707с-1м52.667с.

‘Как мешок, стал (Чес Плека) трясти, ...’

(1.6.9.) *Қайыш шени тоглап-парды* [dö=löp/=pʰä:r=dɬ]. (КкКК, 236, с. 68). 3:1м49.707с-1м52.667с.

‘Как кожаный ремень, стал его скручивать.’

(1.6.10.) *По чер тооза чайқыл эрт-парды* [ʔəɾt=pä:r=dɬ=βɨ]. (КкКК, 269, с. 68). 3:4м28.578с-4м30.466с.

‘Вся земля закачалась.’

(1.7.) *Tv=(n)+сал=*

(1.7.1.) *Чес тайга шени алып одур-салтыр* [ɔ:tʰu/=sʰä:l=tɬ̥:ɪ]. (КкКК, 56, с. 58). 2:4м41.986с-4м44.601с.

‘Медной горе подобный, алып сидит, оказывается.’

(1.7.2.) *Тоғус ора наглап-салған* [pʰö=ɣlɑ=sö:=qɬn] *Ақ ой адын шеш-келип*, ... (КкКК, 87-88, с. 58). 2:6м36.500с-6м38.827с.

‘На девять раз привязанного Коня бело-сивого отвязал, ...’

(1.7.3.) *Арығ тыныңға чет-салзам* [ʰɬ̥e:s'/=sʰä:l=zɑm], ... (КкКК, 101, с. 60). 2:7м57.996с-7м59.782с.

‘Если до твоей чистой души доберусь, ...’

(1.7.4.) *Қызыл торғу кўнегеш кес-салтыр* [(кўле(øʃ'=)kʰe/=sʰä:l=tɬ̥=ɣɨ], ... (КкКК, 154, с. 60). 2:11м17.832с-11м21.611с.

‘В красное платье одела, оказывается ...’

(1.7.5.) *Алып мөлдү одур-салтыр* [(tø=lʰ)ɣp'/=sʰä:l=tɬ̥ɾ]. (КкКК, 324, с. 72). 3:8м41.568с-8м45.395с.

‘Потомок алыпов сидит, ...’

(1.7.6.) ... *Пугазыба анда нектеп-салған* [pʰeɾ'=kʰepʰ/=sʰä:l=qɬn], – *медир*,... (КкКК, 382, с. 76). 4:53.523с-1м00.454с.

‘... Вместе с быком там закрыли, – сказал, ...’

(1.7.7.) *Анаң пилин-салғаны* [βʰɣn'/=sʰä:l=qɬl:=nɨ]: ... (КкКК, 436, с. 78). 4:3м46.418с-3м48.526с.

‘Затем, когда в себя пришел, ...’

(1.7.8.) *Мал оруна кел, тур-салтыр* [t'ʊʃ/=s:ʌl=tɪɾ]. (КкКК, 564, с. 86). 4:12м02.915с-12м05.059с.

‘Скот на прежнее место встал, оказывается.’

(1.7.9.) *Алтын шеркеге алып төлү чат-салтыр* [ʰɬɬat/=s:ʌl=tɪɾ]. (КкКК, 585, с. 86). 4:13м00.475с-13м05.084с.

‘На золотую кровать потомок алыпов улёгся, оказывается.’

(1.7.10.) *Алтын өрге орнунга кел тур-салды* [(kel'=)tʊʃ=s:ʌl=dɪ]. (КкКК, 789, с. 98). 5:11м28.414с-11м30.250с.

‘Золотой дворец на место встал.’

(1.8.) Tv=(n)+тур=

(1.8.1.) *Эжик чанда асыл-турчытқан* [(ʃ"m=dʌ)βɪs/=t'ʊʃ=ʃ"at=qʌn], *Тогус қадыл алтын куйагын қап-кел, ...* (КкКК, 73, с. 58). 2:6м06.289с-6м11.486с.

‘У двери висевший девятислойный Золотой панцирь-куйак схватив, ...’

(1.8.2.) – *Тоқтап тур* [toχ=t'ʌp=t'ʊɾ], *Ак Қаан, – тедир, –* (КкКК, 100, с. 60). 2:7м56.019с-7м57.661с.

‘– Погоди, Ак Кан, – (так) сказал, – ...’

(1.8.3.) *Қобыр қосқап қачыр турғанда* [qʌ=ʰɬɪr/=t'ʊ=qʌn=dɐ]. (КкКК, 194, с. 64). 2:13м55.182с-13м58.690с.

‘Выдернув траву-борщевик, погнался, ...’

(1.8.4.) *Чес Плекті қыйглап-кел тартып турғанда* [tʌɾ=tɪp=tʊɾ=qʌn=dɐ], ... (КкКК, 258, с. 68). 3:4м00.590с-4м04.928с.

‘Чес Плека с криком схватил, ...’

(1.9.) Tv=(n)+шық=

(1.9.1.) ... *алтын өргедең чүзүр шығып* [ʰɬɬy=gʊɾ'/=ʃ'ɪ=qɪpɪ] ... (КкКК, 398, с. 76). 4:1м59.086с-2м01.302с.

‘Из золотого дворца выбежав, ...’

(1.9.2.) *Ўлгер Мөке соонаң пар шығып* [p'ʌ:r/=ʃ'ɪ=qɪɪ], ... (КкКК, 400, с. 76). 4:2м04.803с-2м07.697с.

‘За Ульгер Мёке следом выйдя: ...’

(1.9.3.) *Алтын Топчу честези по чүзүр-шықты* [ʰɬɬy=gʊʃ/ʃ'ɪ:q=tɪs]. (КкКК, 793, с. 98). 5:11м42.795с-11м45.922с.

‘Алтын Топчу, его зять, выбежал.’

(1.9.4.) *Алтын өргедең нас шықты* [p'ʌ:s:/ʃ'ɪ:q=tɪs]. (КкКК, 808, с. 100). 5:12м54.638с-12м56.292с.

‘Из золотого дворца вышел.’

(1.10.) Tv=(n)+қал=

(1.10.1.) *Анаң артын қара чер сөзүлүш-қалды* [s:'ø=gʊʃ/=qʌl=dɪ] (КкКК, 249, с. 68). 3:3м16.784с-3м22.805с.

‘Затем черная земля стала рваться, ...’

(1.10.2.) *Қара тубан түйи-қалды* [tʃ:=qɑl=dʰɯs]. (КкКК, 819, с. 100). 5:13м17.539с-13м24.248с.

‘Черный туман пал!’

(1.10.3.) *Алыбаиша Ай Толай қабышча! – Теп, эрбектеишчаларын уқ-қалды* [ö:=qʰɑl=dʰɯ]. (КкКК, 1005, с. 110). 5:26м23.380с-26м27.470с.

‘Такой богатырёк с Ай Толаем борется! – Так, было слышно, между собой говорили.’

(1.11.) *Tv=(n)+көр=*

(1.11.1.) *Қамчы шап көрейин* [(qɑm)=ʒäp/=/kõ=r'e=jɪn]. (КкКК, 427, с. 78). 4:3м16.619с-3м18.227с.

‘Плеткой ударю-ка я.’

(1.11.2.) *Қудайба қал, қачыр көрейин* [ʔqʰɑ:=tʃʰɪʃ/=/kõ=r'e=jɪn]! (КкКК, 396, с. 76). 4:1м50.333с-1м55.192с.

‘Оставайся с богом, догнать его попробую-ка!’

(1.11.3.) *Черимге айлан көрейиң* [ʔöj=l'æp/=/kõ=r'e=jɪn], – *тедир*. (КкКК, 527, с. 84). 4:9м46.428с-9м49.287с.

‘Вернись-ка в мою землю, – сказал=он!’

(1.12.) *Tv=(n)+чөр=*

(1.12.1.) ... *Қырық қушқа қағыш-чөрча* [(-qɑ)=ɑʎ:=ɑʎʃ/=/ʃʰøɾʰ=ʃʰeʃ], *Көк өлеңнің паиштарында Көк торчуқтар көглеиш-чөрчиган полтур* [køq=l'eʃ=ħçøʃʰ=ʃʰan (mol=tʰor)]. (КкКК, 11-13, с. 20). 2:52.307с-1м01.186с.

‘Сорок птиц щебетали, Над зелёными травами Молодые соловьи пели, оказываются.’

(1.12.2.) *Ақ Қаанның алған кижизи Алтын Арығ Чүжүр-чөрүп* [ħçy=qörʰ=ħçøʰ=tʰɪ], *алтын стол тартып чөрча, Ойнап-чөрүп* [oj=p'erʰ/=/ħçøʰ(bʰʌʃ=qɑ (dʌ=βʌl/=/sʌl=ħçe)], *аиш-табақ салча*. (КкКК, 30-32, с. 56). 2:2м46.676с-2м54.663с.

‘Ак Кана жена Алтын Арыг, Хлопоча, золотой стол раздвигает, Играючи, пишу-еду ставит.’

(1.13.) *a(лын)+I^{всп.}*

(1.13.1.) *Эзе, ал-келип* [ö:=kʰeʎ=βʰ(ʌn)], *анаң таиштабыза-бергени – ...* (КкКК, 491, с. 82). 4:7м01.823с-7м05.324с.

‘Эзе, тогда, (яйцо) взяв, (Алтын Топчу) как его бросил – ...’

(1.13.2.) *Қырық қатпаи түбүнге исти аққир-салғанда* [ɑ=kʰɪrʰ/=/sɑl=qʌn=dʰʌʃ], ... (КкКК, 650, с. 90). 5:46.688с-54.921с.

‘Когда внутрь сорока комнат нас завела, ...’

(1.13.3.) *Четтон қожанчыба ашықты* [ʔɑ:=ʃʰɪ:=qtɑʃ]. ... (КкКК, 1093, с. 116) 5:33м13.202с-33м16.563с.

‘Семьдесят служанок ее выводят.’

(1.13.4.) *Күн Көк печемни черимге **аппарчам*** [$\dot{\alpha}=p^{\alpha}f:=(\dot{\alpha}=n\lambda p/=/ke:='ip')!$] – *теп-келип.* (КкКК, 1202, с. 122) 5:39м39.603с-39м43.329с.

‘Кюн Кёк-сестру (мою) в свою землю я уважу, – (так) сказал.’

(1.13.5.) *Пеере **аккир*** [$\dot{\alpha}=k^{\alpha}r=d'e^{\alpha}$], ... (КкКК, 1254, с. 124) 5:42м46.446с-42м50.953с.

‘Вноси сюда!’

(1.13.6.) *Адаңмада қыс палазы **аккелтирзиң*** [$\dot{\alpha}=k^{\alpha}el='t^{\alpha}r=z^{\alpha}$], ... (КкКК, 1514, с. 138) 6:10м39.388с-10м42.307с.

‘Прекрасную девушку ты привез, оказывается ...’

(1.14.) $Tv=(n)+кир=$

(1.15.1.) *Алтын өргеге **чүгүр-кирди*** [$\hbar cy=gör/=/k^{\alpha}el=d^{\alpha}ë^{\alpha}$]. (КкКК, 1084, с. 114). 5:32м03.783с-32м07.287с.

‘В золотой дворец вбежал.’

(2.) $Tv=V+V^{асп.}$

(2.1.) $Tv=V+пер=$

(2.1.1.) *Үш төлге **чеде-берген*** [$\hbar ce=d^{\alpha}ə=\beta^{\alpha}er'=ge^{\alpha}$]... (КкКК, 28, с. 56). 2:2м39.295с-2м42.595с.

‘Доживший до третьего поколения.’

(2.1.2.) *Ашпа-табақ **чии-бердилер*** [$\hbar ci=\beta^{\alpha}i=d^{\alpha}l'er^{\alpha}$]. (КкКК, 40, с. 56). 2:3м08.788с-3м13.794с.

‘(Вместе) пишу-еду стали есть.’

(2.1.3.) *Көдүр-келип, шагана кел **шабыза-бергени*** [$\hbar^{\alpha}a=\beta^{\alpha}z\lambda/=/\beta^{\alpha}er'=ge=n^{\alpha}$]: ... (КкКК, 431, с. 78). 4:3м28.089с-3м31.626с.

‘Подняв, потом (как) ударил ...’

(2.1.4.) *Ат үстүңең **сегрибизе-берди*** [$s^{\alpha}e=g\ddot{u}=ze/=/\beta^{\alpha}er'=d^{\alpha}$]. (КкКК, 447, с. 78). 4:4м20.289с-4м22.255с.

‘Со своего коня спрыгнул.’

(2.1.5.) *Шагана **силгибизе-бергени*** [$s^{\alpha}i=b^{\alpha}e=ze/=/\beta^{\alpha}er'=ge=n^{\alpha}$]: ... (КкКК, 457, с. 80). 4:4м47.801с-4м51.195с.

‘(Встряхнув, из шкуры) вытряхнул: ...’

(2.1.6.) *Қачыр **шыгыбыза-берди*** [$q^{\alpha}\dot{\alpha}=f^{\alpha}f'/=/\dot{u}=z\dot{\alpha}=\beta^{\alpha}er'=d^{\alpha}$]. (КкКК, 470, с. 80). 4:5м24.924с-5м26.568с.

‘(Дальше) погнался.’

(2.1.7.) *Эзе, ал-келип, анаң **таштабыза-бергени*** [$t^{\alpha}\dot{\alpha}f=t^{\alpha}=\beta^{\alpha}z\dot{\alpha}=/\beta^{\alpha}er'=ge=n^{\alpha}$] – ... (КкКК, 491, с. 82). 4:7м01.823с-7м05.324с.

‘Эзе, тогда, (яйцо) взяв, (Алтын Топчу) потом (его) бросил – ...’

(2.1.8.) ... *алтын устол кексинге **одуртубуза-берди*** [$?o:='t^{\alpha}or/=/\dot{t}^{\alpha}=z\dot{\alpha}=\beta^{\alpha}er'=d^{\alpha}$]. (КкКК, 514, с. 82). 4:9м08.376с-9м15.987с.

‘За стол золотой (ее) усадив ...’

(2.1.9.) *Шачыл-кел **чүгүрүбүзе-бергени*** [$\hbar cy=gör'=z^{\alpha}er'=ge=n^{\alpha}$]. (КкКК, 541, с. 84). 4:10м24.123с-10м26.338с.

‘Прильнув, поскакал.’

(2.1.10.) *Ийги айақа аш кел урубуза-берди* [ö=rö=zä/=β'er'=d'ë(=d'ë)]: ... (КкКК, 699, с. 92). 5:5м01.700с-5м06.572с.

‘В две чаши напитокка налил: ...’

(2.1.11.) *Анаң артын качырыбыза-бергени* [qä:=h'ir=zä/=β'er'=ge=n'ë:]: ... (КкКК, 746, с. 96). 5:8м00.584с-8м02.421с.

‘Затем помчался: ...’

(2.1.12.) *Алтын кирлестең кел сергибизе-берди* [s'e=gi=β'ir=ze/=β'er'=d'ib']. (КкКК, 797, с. 98). 5:11м49.608с-11м51.731с.

‘С золотого крыльца спрыгнул.’

(2.2.) $Tv=V+пар=$

(2.2.1.) *Ийги қарағы таплат чада-парды* [tʃ'a=qä=näʃ], ... (КкКК, 163, с. 64). 2:11м43.005с-11м44.950с.

‘Глазами моргает, ...’

(2.3.) $Tv=V+қал=$

(2.3.1.) *Қара черге аңдара кел сөрте қалды* [s'ər=t'ö/=k'el'=β'äl=d'eʃ]. (КкКК, 1198, с. 122). 5:39м27.267с-39м29.677с.

‘К чёрной земле (его) поташил.’

(3.) $Tv=бVн+V^{сп.}$

(3.1.) $Tv=бVн+сал=$

(3.1.1.) *Қолу көдүрүлбен-салды* [kö=dö=l'b'en=säl=ldɨ], ... (КкКК, 172, с. 64). 2:12м08.226с-12м10.426с.

‘Руки не поднимаются.’

(3.2.) $Tv=бVн+қал=$

(3.2.1.) *Туда маңыман-қалды* [mɒŋ/=mɒl=mɒl=dɨ]. (КкКК, 279, с. 70). 3:4м49.091с-4м52.229 с.

‘Поймать его не успел.’

(3.2.2.) *Чес қулақты тудунбан қалдым* [mɒŋ/=m'ä=β'äl=q'än], *тезибис-кен.* (КкКК, 350, с. 74). 3:10м41.404с-10м44.211с.

‘Коня медно-саврасого не поймал – убежал.’

(3.2.3.) *Қобрақ өлең қожжубан-қалды* [q'äβ=zä=β'än/=β'äl=d'eʃ]. (КкКК, 1579, с. 142). 6:14м59.890с-15м06.283с.

‘Борщевик-трава не качнулась.’

(3.2.4.) *Қыйақ өлең қызжыбан-қалды* [q'äβ=zä=räl/=β'äl=d'eʃ]. (КкКК, 1578, с. 142). 6:14м59.890с-15м06.283с.

‘Осока-трава не шелохнулась.’

(4.) $Tv=-p+V^{сп.}$

(4.1.) $Tv=-p+эт=$

(4.1.1.) *Меең қолумнаң қайа парар эди* [p'ä=r'ä/=d'ä=d'är]. (КкКК, 69, с. 58). 2:5м13.998с-5м15.688с.

‘От рук моих куда бы он делся?’

(4.1.2.) *Қайче черге парыбызар эдим* [βʰλ·r=zλ:=rʰn]! (КкКК, 424, с. 78).

4:3м10.438с-3м12.403с.

‘В какую бы землю уже усакал!’

(4.1.3.) *Тоғус кўнге шығара одурап эдис* [(zɑ:=r)õ=dʰ=rʰʲs], – *медир*,

(КкКК, 1100, с. 16). 5:33м30.671с-33м33.772с.

‘До девяти дней мы сидели бы, – (он) сказал, ...’

(5.) $Tv=(n)оқ+V^{сеп.}$

(5.1.) $Tv=(n)оқ+V^{сеп.}$

(5.1.1.) *Алтын өргедең сөртебоқ шықты* [sʰõr=tõq=/ʃʰt=õʰp]. (КкКК,

187, с. 64). 2:12м51.365с-12м53.263с.

‘Из золотого дворца потащил.’

(5.1.2.) *Алтын шеркеге сазойда чатбоқ-салды* [ħçat=βõq=/ʰsɑl=dʰ].

(КкКК, 757, с. 96). 5:9м02.930с-9м07.073с.

‘На золотую кровать улёгся.’

Абсолютная и относительная частотность ГАК в литературном языке и в эпосе

Простой статистический подсчет абсолютной (АЧ) и относительной частотности (ОЧ) аналитических конструкций в текстах художественной литературы из сборника «Чедыген» и в живой разговорной речи, с одной стороны, и в эпическом сказании «Кўннў көрген Кўн Кёок» – с другой, свидетельствует о значительно более высокой встречаемости ГАК в фольклорном произведении (табл. 1; рис. 1, 2). Поскольку объем анализируемых произведений из сборника «Чедыген» составляет 71 200 знаков, а фольклорных текстов – 41 900 знаков, для сопоставимости результатов при подсчете абсолютной частотности ГАК в эпическом сказании был применен коэффициент поправки (КП): $71\,200 : 41\,900 = 1,7$.

При этом частотность ГАК в сопоставляемых текстах различна. Если в языке художественной литературы основной массив (69,77%) ГАК составляют структуры четырех типов со вспомогательными глаголами (ВГ) *нар*= ‘идти’, *кел*= ‘приходить’, *сал*= ‘класть’ и *ал*= ‘брать’ ($Tv=V+нар$ = (24,32%), $Tv=(n)+кел$ = (23,59%), $Tv=(n)+сал$ = (12,28%), $Tv=(n)+ал$ = (9,58%)), то в фольклорном тексте 70,55% всей выборки приходится на конструкции со ВГ *кел*= ‘приходить’, *нар*= ‘идти’, а также *нер*= ‘давать’ и *одур*= ‘сидеть’ ($Tv=(n)+кел$ = (39,56%), $Tv=V+нар$ = (11,54%), $Tv=(n)+нер$ = (11,10%), $Tv=n+одур$ = (8,35%)).

Общей особенностью сопоставляемых текстов является превалирование в системе ГАК конструкций со вспомогательными глаголами движения *нар*= ‘идти’ и *кел*= ‘приходить’, на долю которых приходится около половины всех рассматриваемых ГАК. Но если в художественных текстах структуры с *нар*= и *кел*= имеют примерно одинаковую частотность, то в фольклорном эпическом сказании со значительным отрывом (в 3,4 раза) преобладают аналитические конструкции с глаголом *кел*=.

Таблица 1

**Абсолютная и относительная частотность основных типов ГАК
в языке художественной литературы и в героическом эпосе шорцев**

№	Чедыген			Күннү көргөн Күн Көөк			
	Глагольная аналитическая конструкция	АЧ	ОЧ, %	Глагольная аналитическая конструкция	АЧ	АЧ (с учетом КП)	ОЧ, %
1	$Tv=V+nap=$	99	24,32	$Tv=V+nap=$	105	178	11,54
2	$Tv=(n)+kел=$	96	23,59	$Tv=(n)+kел=$	360	612	39,56
3	$Tv=(n)+сал=$	50	12,28	$Tv=(n)+сал=$	52	88	5,71
4	$Tv=(n)+ал=$	39	9,58	$Tv=(n)+ал=$	48	82	5,27
5	$Tv=n+одур=$	26	6,39	$Tv=n+одур=$	76	129	8,35
6	$Tv=(n)+мур=$	20	4,91	$Tv=(n)+мур=$	7	12	0,77
7	$Tv=(n)+чат=$	15	3,68	—	—	—	—
8	$Tv=(n)+пер=$	14	3,44	$Tv=(n)+пер=$	101	172	11,10
9	$Tv=V+пол=$	13	3,19	$Tv=V+пол=$	34	58	3,74
10	$Tv=(n)+шық=$	12	2,95	$Tv=(n)+шық=$	38	65	4,18
11	$Tv=n+ыс=$	10	2,46	$Tv=n+ыс=$	16	27	1,76
12	$Tv=V+қал=$	7	1,72	$Tv=V+қал=$	13	22	1,42
13	$Tv=(n)+чөр=$	2	0,49	$Tv=(n)+чөр=$	11	19	1,21
14	$Tv=V+m̃u=$	2	0,49	$Tv=V+m̃u=$	29	49	3,19
15	$Tv=(n)+көр=$	2	0,49	$Tv=(n)+көр=$	8	14	0,88
16	—	—	—	$Tv=(n)+кир=$	10	17	1,10
17	—	—	—	$Tv=(n)+чөм=$	2	3	0,22
Бардо		407	100,0		910	1 547	100,0

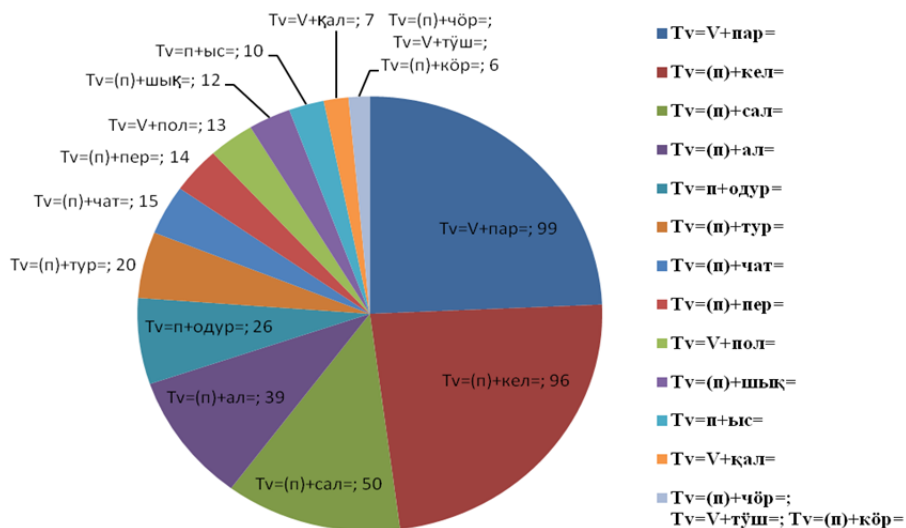

Рис. 1. Круговая диаграмма частотности ГАК
в художественной литературе

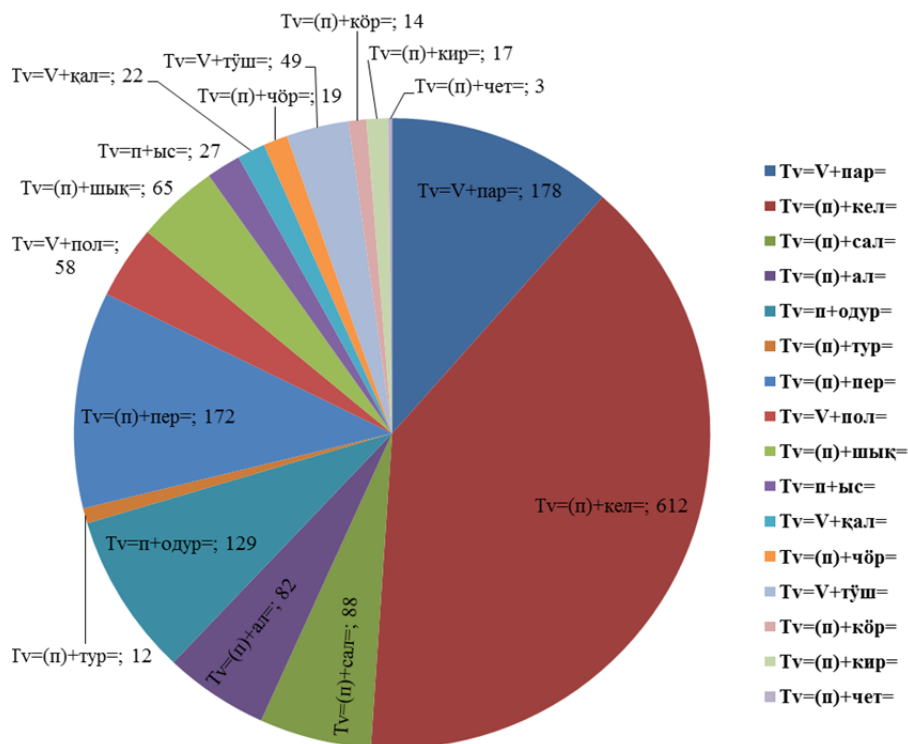

Рис. 2. Круговая диаграмма частотности ГАК в героическом эпосе

Таким образом, результаты статистического анализа убедительно свидетельствуют о значительно более высокой частоте употребления глагольных аналитических конструкций в языке шорского героического эпоса по сравнению с произведениями художественной литературы и с живым разговорным языком. Объясняется это консервативностью, устойчивостью эпической традиции и стабильностью во времени благодаря её сакральности [20. С. 18].

Фонетические модификации ГАК

Проведенные ранее исследования преобразований звукового облика глагольных аналитических конструкций в трех алтае-саянских тюркских языках – чалканском, шорском и тувинском – показало, что основными маркерами процессов синтеза ГАК в речи являются межсловные и внутрисловные паузы между компонентами ГАК, выпадение аффикса деепричастия основного глагола *-(ы)n*, ассимилятивные процессы озвончения, оглушения, палатализации, смены сингармонического ряда, реализующиеся во вновь сформировавшемся фонетическом контексте.

Межсловная и межслоговая пауза

В литературных произведениях, опубликованных в сборнике «Чедыген», большинство ГАК (80 примеров из 93 затранскрибированных и привлеченных к анализу) характеризуются полным отсутствием разделительной словесной паузы между основным глаголом (ОГ) и ВГ. Исключение составляют лишь три типа ГАК (представленных в тексте 13 высказываниями), которым свойственно сохранение слабой внешней словесной паузы между компонентами конструкции: $Tv=n+шық=$, $Tv=(n)+көр=$, $Tv=(n)+чөр=$ с базовой семантикой вспомогательных глаголов 'выходить', 'смотреть', 'ходить' (соответственно). При этом на перцептивном уровне ГАК не воспринимаются как единое фонетическое слово: *айдып шықты* [$ʔ̌ä:j=ďʲp̌$, $ʃ:i:q.ťʲʔ̌$] 'заговорил', *чат көрең* [$ʧ̌c:at$, $ǩö:='g'ep̌$] 'давай попробуем пожить', *қамнап чөр* [$ʔ̌q:am̌=ʔ̌n:ʎp̌$, $ʧ̌c:øř$] 'камлал'. В остальных примерах межсловная пауза, разделявшая ранее компоненты ГАК, пережила ряд модификаций и в речи современных исполнителей реализуется как внутренняя межслоговая пауза – сильная ($/=/$ – 32 высказывания) или умеренная ($=$ – 48 примеров). Наиболее последовательно сильная межслоговая пауза сохраняется в конструкциях типа $Tv=n+одур=$, $Tv=n+ыс=$ и $Tv=n+ал=$, *а(лын)+кел=*, *пар=*, *шық* с базовой семантикой вспомогательных глаголов 'сидеть', 'посылать', 'брать', 'идти=сюда', 'идти=туда', 'выходить' (соответственно): *чылыб-одурча* [$ʧ̌c:i:l/=b̌ö:=ďör=ʧ̌c:aʔ̌$] 'ползёт', *салыбысты* [$š:ʎ:/=ľʲ=b̌ʲš='ťʲʔ̌$] 'разжёл', *таныбалды* [$ťä:=ňʲ/=b̌'ä:=lďʲʔ̌$] 'узнал', *апарған* [$ʔ̌ä:/='p̌:ʎǧ=q̌'ʎň$] 'унес'. Напротив, ГАК типа $Tv=(n)+пер=$, $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+пар=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=n+кал=$, $Tv=a+пер=$, а также (за небольшими исключениями) $Tv=(n)+мур=$ демонстрируют полную утрату сильной межслоговой паузы как рефлекса внешней межсловной паузы, разделявшей ОГ и ВГ: *айтнер* [$ʔ̌ä:jť=ʔ̌p̌'eǧ$] 'скажи!', *ашкел* [$ʔ̌ʎ:ʃ̌='ǩ:eľ$] 'открой!', *полпарып* [$p̌öl=p̌ʎ:=ǧʲp̌$] 'став, сделавшись', *тартсалдың* [$ťʎ:ť:=š:ʎl=ďʲŋ̌$] 'затянул (табачный дым)', *келбенқалды* [$ǩ:ɛ:=ľ'b̌'ɛň=ʔ̌q̌:ä:=lďʲʔ̌$ ~ $ǩ:ɛ:=ľ'b̌'ɛň=ʔ̌q̌:ä:=lďʲʔ̌$] 'не пришел', *киреберди* [$ǩi='ǧ'e:=b̌'eǧ=ďʲʔ̌$] 'включился (в разговор)', *келтурғаны* [$ǩ:eľ=ťör=q̌'ä:=ňʲʔ̌$] 'шли'.

Приведенные выше (табл. 1, рис. 1) статистические данные свидетельствуют о существовании выраженной тенденции к прямой корреляционной зависимости между относительной частотностью ГАК в тексте и степенью стяженности глагольных компонентов конструкции в одно фонетическое слово путем трансформации внешней межсловной паузы. Наименее частотные ГАК сохраняют двухкомпонентность, маркируемую внешней интерглагольной паузой (ОЧ $Tv=n+шық=$ – 2,95%, $Tv=(n)+көр=$ и $Tv=(n)+чөр=$ – по 0,49%). Конструкции, занимающие на шкале частотно-

сти среднее положение (ОЧ $T_v=n+al=-9,58\%$, ОЧ $T_v=n+одур=-6,39\%$), ещё сохраняют сильную межслоговую паузу как рефлекс межсловной. Наиболее частотные ГАК (ОЧ $T_v=(n)+nar=-24,32\%$, ОЧ $T_v=(n)+кел=-23,59\%$, ОЧ $T_v=(n)+сал=-12,28\%$) реализуются с максимальной степенью слияния ОГ и ВГ в одно фонетическое слово, утратившее не только внешнюю паузу, но и её рудимент в виде межслоговой сильной паузы.

В шорском фольклорном тексте «Кўннў көрген Кўн Кёок» во всех проанализированных аналитических по происхождению конструкция (109 примеров) словесная пауза между основным и вспомогательным глаголами полностью устранена, бивербальный комплекс воспринимается перцептивно как единое слово с различной степенью стяженности ОГ и ВГ. В подавляющем большинстве случаев (77 примеров) аналитические конструкции реализуются с сильной межслоговой паузой, восходящей к внешней межсловной: *чадыб-одурча* [$\text{hcad}/=\beta\acute{o}=\text{d}\acute{o}r^{\text{f}}=\text{f}^{\text{m}}\text{e}$], *шыгыбысты* [$\text{f}^{\text{f}}\text{a}:/=\text{b}\acute{\text{b}}=\text{st}^{\text{z}}$], *мудуб-алын* [$\text{t}^{\text{f}}\acute{o}=\text{d}\acute{o}/=\beta\acute{\alpha}:=\text{l}^{\text{b}}\text{p}^{\text{f}}$], *қаиштан-келін* [$\text{k}\acute{\alpha}\text{f}=\text{t}\acute{\alpha}\text{p}/=\text{k}^{\text{e}}:=\text{l}^{\text{f}}\text{z}\text{p}^{\text{f}}$]. Данной закономерности подчиняются и ГАК трех типов ($T_v=n+шық=$, $T_v=(n)+көр=$, $T_v=(n)+чөр=$), зафиксированных в произведениях художественной литературы как сохраняющие внешнюю межсловную паузу: *чўзўр шығып* [$\text{hcy}=\text{g}\acute{o}r'/=\text{f}^{\text{f}}:\text{r}=\text{q}\acute{\text{f}}\text{p}^{\text{f}}$] ‘выбежав’, *шап көрейин* [$(\text{q}\acute{\alpha}\text{m})=\text{z}\acute{\alpha}\text{p}/=\text{k}\acute{o}=\text{r}^{\text{e}}=\text{j}\text{m}$] ‘ударь-ка!’, *чўзўр-чөрўн* [$\text{hcy}=\text{g}\acute{o}r'=\text{hcy}^{\text{f}}\text{p}=\text{r}^{\text{f}}\text{y}$] ‘бегая’.

Меньший по численности кластер (32 примера) составляют ГАК с умеренной межслоговой паузой, свидетельствующей о полном слиянии бивербального комплекса в одно слово: *тоқтап тұр* [$\text{to}\chi=\text{t}^{\text{f}}\text{p}=\text{t}^{\text{f}}\text{or}$] ‘остановись!’, *уқ-қалды* [$\acute{o}:=\text{q}^{\text{f}}\text{al}=\text{d}^{\text{b}}\text{y}$] ‘услышал’, *чўзўр-чөрўн* [$\text{hcy}=\text{g}\acute{o}r'=\text{hcy}^{\text{f}}\text{p}=\text{r}^{\text{f}}\text{y}$] ‘бегая’. При этом если в языке произведений шорской литературы в рамках одного типа ГАК действуют единые закономерности реализации межсловной или межслоговой паузы между компонентами ГАК, то в языке фольклора конструкции одного типа могут быть представлены примерами как с сильной, так и с умеренной межслоговыми паузами между ОГ и ВГ. Всегда сохраняется сильная внутренняя пауза как рефлекс внешней межсловной в ГАК типов $T_v=n+одур$, $T_v=(n)+кел=$, $T_v=(n)+көр=$, $T_v=(n)+кир=$, $T_v=V+қал=$, $T_v=\delta Vn+қал=$, $T_v=(n)оқ+V^{\text{ссп.}}$. В большинстве примеров реализуется сильная межслоговая пауза в ГАК $T_v=n+ыс=$, $T_v=n+ал=$, $T_v=(n)+нар=$, $T_v=(n)+сал=$, $T_v=V+пер=$. Равным количеством примеров с сильной и умеренной внутренними паузами представлены ГАК типов $T_v=(n)+пер=$, $T_v=(n)+тур=$, $T_v=(n)+шық=$, $T_v=(n)+чөр=$. Меньшее число примеров с сильной паузой демонстрируют ГАК $T_v=(n)+қал=$, $a(\text{лын})+V^{\text{ссп.}}$, $T_v=-p+V^{\text{ссп.}}$. Сильная межслоговая пауза не реализуется в ГАК типов $T_v=V+нар=$, $T_v=\delta Vn+сал=$, каждый из которых представлен в анализируемой выборке лишь одним примером.

Соотнесение полученных данных со статистическими показателями, приведенными в табл. 1 и на рис. 2, не дает оснований для констатации

каких-либо корреляционных связей между частотой употребляемости различных типов ГАК в языке героического эпоса и степенью стяженности ОГ и ВГ путем модификации внешней межсловной паузы во внутреннюю межслоговую – сильную или умеренную. Например, в кластер ГАК с облигаторно реализующейся во всех высказываниях сильной паузой входят как самая частотная структура типа $Tv=(n)+kel=$, так и наименее употребительные $Tv=(n)+kip=$ и $Tv=(n)+kör=$.

Итак, исследование принципов реализации межсловной и межслоговых (сильной и умеренной) пауз в позициях внешнего и внутреннего сандхи в структуре шорских ГАК в звучащих литературных произведениях и в фольклорном героическом сказании свидетельствует о неравномерности протекания в них процессов синтезаций компонентов бивербальных конструкций. Если в литературном языке и в живой разговорной речи степень слияния ОГ и ВГ в одно фонетическое слово четко коррелирует с частотностью употребления той или иной конструкции, то в фольклорной манифестации процессы стяжения носят менее выраженный характер, что обусловлено архаичностью и традиционностью как базовыми характеристиками языка фольклора. При этом частотность сильной межслоговой паузы в фольклорном произведении выше (в 77 примерах из 109, что составляет 70,6%), чем в литературном нарративе и разговорной речи (в 32 примерах из 93 реализуется сильная внутренняя пауза и в 13 случаях малоупотребительных конструкций – внешняя межсловная пауза, что в сумме составляет 48,4%). Хотя внешняя межсловная пауза отсутствует почти во всех ГАК в обоих сопоставляемых типах повествования, свидетельствуя о достаточной продвинутости процессов синтезаций, сохранение в большинстве примеров сильной межслоговой паузы как рефлекса внешней межсловной свидетельствует о незавершенности трансформационных процессов.

Утрата аффикса $-(ы)n$ деепричастной формой основного глагола ГАК

В произведениях художественной литературы из сборника «Чедыген» выявлены 88 примеров глагольных аналитических конструкций с деепричастиями на $-(ы)n$, при этом в 49 случаях (55,7%) показатель утрачен и лишь в 39 высказываниях (44,3%) сохранился. Наиболее последовательно аффикс $-(ы)n$ реализуется в трех конструкциях: в $Tv=n+одур$ и $Tv=n+ал=$ компонент $-(ы)n$ произносится облигаторно, в $Tv=n+ыс=$ – в 8 случаях из 9: *чылыб-одурча* [$ʰç̣:ɪl=bo:do:ʰç̣:aʔ$] ‘ползет’, *көрбалтырлар* [$kö:r'/=b'ül=t̪ɪr=l̪ɪr$] ‘увидели, оказывается’, *шелибисти* [$ʃ'e: /=l'ɪ=b'ës' =t̪ɪʔ$] ‘бросил’. Значительно больше число конструкций, в которых показатель $-(ы)n$ отсутствует в большинстве примеров (в 37 из 49), представляющих 7 типов ГАК: $Tv=(n)+nep=$, $Tv=(n)+kel=$, $Tv=(n)+nap=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=(n)+мур=$, $Tv=(n)+шық=$, $Tv=(n)+чөр=$, либо утрачен полностью (в трёх ГАК): $Tv=(n)+қал=$, $Tv=(n)+көр=$, $а(лып)+V^{сн.}$: *шаппанберди* [$ʃ'ap_ɤ=p'än_ɤ=b'ɛr'=d'ɪʔ$] ‘не ударил’, *турыпкел* [$tö: =r̪ɪp_ɤ=k:el'$]

‘встав’, *чайылпартыр* [ʰḥa:ʰi:lʰ=paḡ=tʰɪɾ] ‘расстелился, оказывается’, *атсалып* [ʔʌtʰ=sʰ:lʰ=ʌpʰ] ‘выстрелив’, *ақ турча* [ʔʌqʰ=tʰo:ʰ=ḡḥaʔ] ‘течет’, *улғап шықты* [ʔʊ:ʌqʌpʰ ʃʰ:i=qʰtʰɪʔ] ‘заплакала’, *чүзүр чөрча* [ʰḥc:y=gʊrʰ ʰḥc:ø=ḡʰḥaʔ] ‘бегаёт’, *пербен қалды* [pʰe:ʰbʰʰenʰ=q:ɑ:ʰldʰɪ] ‘не дал’, *пар көрей* [paḡ kʊ:ʰ=ḡeʔ] ‘уйду-ка я!’, *ашықты* [ʔɑ:/ʰʃʰ:i=qʰtʰɪʔ] ‘вынес’.

Сопоставление данных о степени утраты деепричастного аффикса *-(ы)п* с параметрами частоты встречаемости типов ГАК в произведениях художественной литературы (см. табл. 1, рис. 1) не дает оснований для констатации сформировавшейся корреляционной зависимости между этими показателями. Тем не менее конструкции с деепричастием на *-(ы)п* ($Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+пар=$, $Tv=(n)+сал=$), попадающие в кластер наиболее частотных ГАК, демонстрируют ярко выраженную тенденцию к устранению аффикса *-(ы)п* (он не реализуется в 22 примерах из 28).

В героическом сказании «Күннү көрген Күн Көөк» проанализированы 87 примеров ГАК с деепричастиями на *-(ы)п*, из них в 46 случаях (52,9%) аффикс утрачен, в 41 высказывании (47,1%) сохранился. В трех конструкциях – $Tv=n+одур$, $Tv=n+ыс=$, $Tv=(n)+пер=$ деепричастный показатель реализуется во всех примерах (21) (*көрб-одурғаннары* [kʊrʰ=βʊ:dʊrʰ=βʌnʰ=plʰ=gʰɪ] ‘видят’, *тезибискен* [tʰz=zʰe=βʰis=kʰenʰ] ‘убежал’, *адап-перейин* [ʔɑḡdʰ)ɑ:ḡdʰ)ʰ=ʰpʰʰe=ḡe=inʰ] ‘назову-ка’), в ГАК типа $Tv=n+ал=$ – в большинстве (в 10 из 11) примеров (*тудуб-алып* [tʰʊdʰ)ʰ=βɑ:ʰ=ʌpʰ] ‘схватив’), в ГАК типа $Tv=(n)+тур=$ – в половине случаев (*тоқтап тур* [toχʰ=tʰʌpʰ=tʰʊrʰ] ‘остановись!’). Не реализуется показатель *-(ы)п* в большинстве примеров (в 29 из 37), представляющих пять глагольных аналитических конструкций: $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+пар=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=(n)+көр=$, $Tv=(n)+чөр=$ (*одур-келип* [ʊ:dʊrʰ=ʰkʰʰe:ʰ=ʌpʰ] ‘сев’, *кес-парды* [gʰe:sʰ=ʰpa:ḡ=dʰɪ] ‘отрезал’, *тур-салтыр* [tʰʊʃʰ=ʰsʌlʰ=tʰrʰɪ] ‘встал, оказывается’, *қачыр көрейин* [qʰɑ:ʰ=tʰʃʰɪʃʰ=ʰkʊ:ʰ=ḡe=ʰimʰ] ‘прогнать попробую-ка’, *қағыш-чөрча* [ʰ(-qʌ)=ɑʌ:ʰ=ɑʌʃʰ=ʰʃʰʰɪʃʰ=ʰʃʰʰeʰ] ‘щебетали’), либо утрачен полностью во всех зафиксированных случаях в ГАК четырех типов: $Tv=(n)+шық=$, $Tv=(n)+қал=$, *а(лып)+I^{ссп.}*, $Tv=(n)+кир=$ (*нас шықты* [pʰɑ:sʰʰʃʰ:i=qʰtʰɪʃʰ] ‘вышел’, *уқ-қалды* [ʊ:qʰɑʌ=dʰʰɪʃʰ] ‘услышал’, *ақкир-салғанда* [ɑ:kʰirʰ=ʰsʌlʰ=ɑʌnʰ=dʰʰʌʃʰ] ‘когда внесла’, *чүзүр-кирди* [ḥcʰy=gʊrʰ=ʰkʰelʰ=dʰʰɪʃʰ] ‘вбежал’).

Как и в языке художественной литературы, в героическом эпосе наиболее частотные (см. табл. 1, рис. 2) конструкции ($Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+пар=$) в большей степени подвержены тенденции к утрате деепричастного показателя (в 16 примерах из 20), чем менее употребительные ГАК. Вместе с тем наметившаяся закономерность не является строгой: как

в литературном языке, так и в языке фольклора полная утрата показателя $-(ы)n$ констатируется в кластере ГАК со средней частотой встречаемости ($Tv=n+ал=$, $Tv=n+одур$, $Tv=n+ыс=$ в литературе, $Tv=(n)+пер=$, $Tv=n+одур$, $Tv=n+ыс=$ в фольклоре).

В обоих сопоставляемых выборках – по языку литературы и языку фольклора – шесть типов ГАК обнаруживают общие закономерности: в конструкциях $Tv=n+одур$ аффикс $-(ы)n$ реализуется облигаторно, не подвергаясь усечению; ГАК типа $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+нар=$, $Tv=(n)+сал=$ попадают в кластер единиц со значительным преобладанием примеров с утратой $-(ы)n$; ГАК типа $Tv=(n)+кал=$ и $а(лын)+I^{6сн.}$ демонстрируют полную потерю элемента $-(ы)n$.

Таким образом, сопоставительный анализ способов реализации деепричастного показателя $-(ы)n$ в составе основного глагола ГАК свидетельствует об общей направленности фонетических трансформаций в языке произведений художественной литературы и в звучащем фольклорном тексте, происходящих с различной степенью интенсивности. Если в литературном языке аффикс $-(ы)n$ утрачен полностью или в большинстве примеров (всего 49 из 88, т.е., в 55,7%), представляющих 10 конструкций (из 13), то в героическом эпосе этот процесс реализуется с некоторым – хотя и незначительным – отставанием: полное выпадение показателя $-(ы)n$ или преимущественная его утрата зафиксированы в 46 высказываниях из 87 (т.е., в 52,9%), манифестирующих 9 конструкций (из 14). Тенденция к синтезации аналитических по происхождению конструкций в языке фольклора выражена слабее, что обусловлено спецификой жанра – стремлением к стереотипности, стабильности, сохранению языковой архаики, расцениваемым слушателями как показатели высокого стиля.

Озвончение

Вследствие выявленных в текстах художественных произведений из сборника «Чедыген» звуковых преобразований – устранения межсловной паузы между компонентами глагольной аналитической конструкции, трансформации внешнего сандхи во внутреннее, стяжения бивербального комплекса в одно фонетическое слово – формируется фонетический контекст, детерминирующий озвончение финального $-n$ «р» основного глагола в интервокальной или постсонантной позициях.

При этом в ГАК типа $Tv=n+одур=$, $Tv=n+ыс=$, $Tv=n+ал=$ ауслаутный $-n$ аффикса деепричастия, озвончаясь («р > б (β)»), в спонтанном произношении и при слогоделении отходит – в соответствии с законами шорской силлабики – к основе вспомогательного глагола, между основным и вспомогательным вербальными компонентами ГАК проходит сильная ($/=$ /) внутренняя слоговая пауза (в конструкциях $Tv=n+ыс=$ – не всегда): *чылыб-одурча* [*ʰç:ɪ:l/=bò:=dùr=ʰç:aʔ*] ‘ползет’, *кõрибодурча* [*kõr' /=bò:=dùr=ʰç:aʔ*] ‘смотрит’, *шелибисти* [*ʃ'e: /=l'ɪ=b'ẽs'=t'ẽʔ*] ‘бросил’, *шыгыбыстың*

[ʽʃ':ɪ=qɪ'=/bɪs'='tɪŋ.] 'вышел=ты', *көрбалтырлар* [kõ:r'=/b'ål=tɪr=lɪr] 'увидели, оказывается', *шыгвал* [ʽʃ':ɪ:qɪ'=/β'ål] 'выйдя'.

Если в усеченных формах ГАК при быстром темпе речи аффикс деепричастия *-(ы)n* выпадает (*пар=ыс=ты* (< *пар=ып ыс=ты*)), то в полных конструкциях происходит редукция узких гласных, например: *-С+ып+с-* (*пары=б=с=ты*), в результате чего появляются триконсонантные сочетания типа *-бст-* и даже четырёхконсонантные комплексы типа *-рбст-* (*парбсты* < *пар=ыб ыс=ты*) или *-бстл-* (*парыбстлар* < *пар=ыб ыс=ты=лар*). Спецификой этих трех- и четырёхконсонантных сочетаний является то, что в препозиции к глухому согласному в них реализуется звонкий на слух согласный типа «b» ~ «β», что противоречит законам сочетаемости шорских согласных, различных по глухости / звонкости.

Если в аналитических по происхождению конструкциях типа *Tv=n+одур=*, *Tv=n+ыс=*, *Tv=n+ал=* отмечается озвончение ауслаутного согласного *-n* деепричастия ОГ, то в ГАК типа *Tv=a+неp=* озвончается анлаутный согласный *n-* ВГ, например: *тартаберди* [tɪr'='t:λ=b'ɛr'='d'ɛʔ] 'притянул', *киреберди* [ki'='r'e:=b'ɛr'='d'ɛʔ] 'зашел', *парабердим* [pɪλ'='rλ:=b'ɛr'='d'ɛm<] 'ушел=я', *узуберди* [ʔü'='zü:=b'ɛr'='d'ɛʔ] 'услу=он', *санабердим* [s'ä'='nλ:=b'ɛr'='d'ɛm<] 'задумался=я'.

Сходные фонетические преобразования в звуковой цепи глагольных аналитических конструкций фиксируются в звучащем тексте героического сказания «Күннү көрген Күн Көөк». Озвончение ауслаутного согласного *-n* аффикса деепричастия и реализация его в вариантах *b* и *β* (с превалированием консонанта *β*) происходит в ГАК типа *Tv=n+одур=* (*көрб-одурганнары* [kõr'='βõ=dõr'=/βλn=pλ=gɪ] 'смотрели', *алыжб-одурган* [ä'='lɪʒ'=/b'õ=dõr=qɪn] 'взяли вместе'); *Tv=n+ыс=* (*тезибискен* [tɜ'='z'e=β'is=k'en]) 'убежал', *таштабысқаны* [t'λʃ'='tå=bɪs'=/qä'='nɪ] 'бросил'); *Tv=n+ал=* (*қыйғырб-алды* [kɪj'='qɪ=gɪ'=/β'ål=dɪ]) 'крикнул', *қаб-алды* [qɑ'='βål=d'ɪ] 'схватил'). При этом локализация сильной внутренней слоговой паузы не столь последовательна, как в «Чедыгене» – она может смещаться на ВГ или замещаться умеренной слоговой паузой.

Несмотря на продуктивность в тексте сказания «Күннү көрген Күн Көөк» фонетических процессов, направленных на упрощение звуковой цепи (усечение форм, выпадение отдельных звуков и целых звуковых комплексов, качественная и количественная редукция гласных), в эпосе, в отличие от языка художественной литературы, не зафиксировано примеров трёх- и четырёхконсонантных сочетаний. На всей выборке выявлены лишь несколько случаев нетрадиционных для тюркских языков и неприемлемых с позиций шорской фонотактики биконсонантных сочетаний звонкого и глухого согласных, возникших в результате элизии компонентов ОГ и ВГ и

редукции узких гласных: *пыргырб-одурча* [pʲɪrʲɪʃ=/βɔd=ʃːˈaʔ] ‘летят’, *кирибисти* [ɡɪ=rʲɪbʲɪʃ=sːtɛːʃ] ‘вошел’, *ажыбыссабыс* [ɑːʒɪbbʲ=/sʲɑː=βʲɪsː] ‘если перевалим (перейдем)’, *түш-қалды* [tʃː=qɑl=dʲɪs] ‘упал, опустился (ту-ман)’, *чиш-бердилер* [ħɪ=βʲɪ=dʲɪlʲer] ‘ели=они’. Обусловлено это спецификой эпического повествования – торжественностью, замедленностью речи, четкостью артикулирования.

Наряду с озвончением финального согласного деепричастного аффикса *-(ы)п* ОГ, в тексте эпического сказания отмечается и обратный процесс: сохранение глухого согласного *-т-* в интервокальной позиции в составе глагола *одур* ‘сидеть’, выступающего в функции ОГ (*одур-салтыр* [ɔːtʲuʃ=/sːɑl=tʲɪːɪ] ‘сел, оказывается’) или ВГ в ГАК типа *Tv=n+одур=* (*эрбектеб-одурча* [ʔerʲ=βʲekʲ=tɛʃ=/βʲɔːtʲɔ=ʃːˈa] ‘говорит’, *шыгыб-одурчалар* [ʃʲɪ=ɔʲʲɪʃ=/βʲɔːtʲɔrʲ=ʃːˈaːlɑr] ‘выходят’, *чөрб-одурча* [ħɔrʲ=/βʲöːtʲɔrʲ=ʃːˈa] ‘едет’). Использование архаичной формы весьма продуктивного в речи глагола продиктовано стремлением сказителя к соблюдению архетипических канонов исполнения эпического произведения.

Так же, как и в языке «Чедыгена», в сказании «Күннү көрген Күн Көөк» в ГАК с основным глаголом, имеющим гласный в ауслауте, и вспомогательным глаголом с глухим консонантным анлаутом происходит озвончение начального компонента ВГ – в структурах типа *Tv=V+пер=* (*шабыза-бергени* [ʃːˈa=βʲɪʃ=zʲɑʃ=/βʲerʲ=ge=pʲɪʃ] ‘ударил’, *одуртубуза-берди* [ʔɔː=tʲurʲ=/tʲöːzʲɑʃ=βʲerʲ=dʲɪʃ] ‘усадил’), *Tv=V+қал=* (*сөрте қалды* [sʲørʲ=tʲöʃ=/kʲelʲ=βʲɑl=dʲɪʃ] ‘утащил’).

Ассимиляция согласных по назальности и сонорности

Аудитивный и инструментальный анализ текстов, вошедших в сборник художественных произведений «Чедыген», показал, что в современном шорском языке в определенном фонетическом контексте в ГАК *Tv=n+ыс=* с вспомогательным глаголом *ыс=* и в конструкциях типа *Tv=n+ал=* с вспомогательным глаголом *ал=* происходит прогрессивная ассимиляция по назальности и сонорности финального согласного *-п* ОГ в форме деепричастия.

При наращении к основе ОГ с ауслаутным носовым согласным аффикса деепричастия *-(ы)п* узкий гласный выпадает (*көрүнп=ис=ти*, *көрүнп=ал=ды*), создавая тем самым условия для контактной ассимиляции консонантов (*көрүнм=ис=ти*, *көрүнм=ал=ды*). Сформировавшаяся стяженная конструкция фонетически делится на два звуковых блока (*көрүн=/мис=ти*, *көрүн=/мал=ды*), между которыми констатируется внутренняя межслоговая сильная пауза. При этом, как и в ГАК *Tv=n+одур=*, *Tv=n+ыс=*, *Tv=n+ал=* с неносовыми согласными в ауслауте основ ОГ (см. об этом выше), фонетически финальный согласный аффикса деепричастия отходит ко второму блоку:

көрүнмисти [kõ:=ʔyn̩/=/mʲs̩=ʔtʲʔ] ‘стал видимым’, *айланмысты* [ʔλ:ɟ=ʔan̩/=/mʲs̩=ʔtʲʔ] ‘повернулся’, *көӧленмисти* [kõ:=ʔen̩/=/mʲs̩=ʔtʲʔ] ‘влюбился’, *ӱргенбалдым* [ʔür=ʔen̩/=/mʲɑ:=ʔdʲʔ] ‘обрадовался=я’, *шомыбалып* [ʔʃ̣:øm̩=ʔmʲɑ:=ʔlʲp̩ ~ ʔʃ̣:øm̩=ʔbʲɑ:=ʔlʲp̩] ‘плавая’, *ӱргүнбалды* [ʔür=ʔyn̩/=/mʲɑ:=ʔdʲʔ] ‘обрадовался=он’.

Аналогичные фонетические преобразования зафиксированы и в языке героического сказания «Күннү көрген Күн Кӧӧк» – в ГАК типа $Tv=n+al=$: *суғунм-алды* [sũn/=/mʲɑ:=ʔdʲ] ‘спрятал’, *топчуланм-алды* [tõp=ʔʃ̣ʲy=ʔlɑn̩/=/mʲɑ:=ʔdʲ] ‘застегнулся’; а также в ГАК типа $Tv=bVn+qal=$: *маңныман-қалды* [mɑŋ/=/mʲɑ=mʲɑ:=ʔdʲ] ‘не успел’, где можно констатировать выпадение медиального комплекса *-ны-*, ассимиляцию по назальности и сонорности анлаутного согласного аффикса отрицания *-бан*, элизию ауслаутного *-н* ОГ, ассимиляцию по назальности и сонорности анлаутного *к-* ВГ.

Редукция и геминация

В языке художественной литературы для ГАК типа $a(лын)+kel=$, $par=$, $шық=$ облигаторна сильная редукция деепричастной формы основного глагола, представленного в современном шорском языке лишь инициальным гласным *a-*: *ашықты* [ʔɑ:=/ʔʃ̣ʲi:=q̩tʲʔ] ($al=шық=ты < al=ып шық=ты$) ‘вынес=он’, *апарған* [ʔɑ:=/ʔp̩:ʔr̩:ʔɑ:=q̩ʔlɑ̃] ($al=par=ған < al=ып пар=ған$) ‘унес’. Столь значительное усечение ОГ в составе аналитической по происхождению конструкции свидетельствует о том, что процесс синтеза в настоящее время полностью завершён и единственным маркером аналитизма в генезисе формы может быть наличие сильной межслоговой паузы. В рассматриваемых ГАК в спонтанной речи кроме сильной редукции основного глагола констатируется факультативная геминация инициального согласного вспомогательного глагола: *аккелер* [ʔλk̩̃=ʔk̩:ʔe=ʔl̩erʲ ~ ʔɑ:=/ʔk̩:ʔe=ʔl̩erʲ] ‘принесет’, *апарған* [ʔɑp̩̃/=/ʔp̩:ʔr̩:ʔɑ:=q̩ʔlɑ̃ ~ ʔɑ:=/ʔp̩:ʔr̩:ʔɑ:=q̩ʔlɑ̃] ‘унес’.

Во всех примерах с ГАК типа $a(лын)+V^{ссп}$, зафиксированных в фольклорном героическом сказании, ОГ функционирует в максимально усеченном варианте, сохранившем лишь начальный гласный основы: *аққирсалғанда* [ɑ̃=k̩ʔr̩/=/ʔs̩ɑ̃l̩=q̩ʔlɑ̃=d̩ʔɑ̃] ‘когда внесла’, *ашықты* [ʔɑ̃=ʔʃ̣ʲi:=q̩t̩ɑ̃] ‘вывел=он’, *ақкелтирзиң* [ɑ̃:=k̩ʔl̩=ʔt̩ʲr̩=ʔz̩ʲn̩] ‘заставь принести’, *аппарчам* [ɑ̃=ʔp̩ʔʃ̣:̃=(ɑ̃=n̩ʔp̩/=/k̩e:=ʔl̩ʔr̩)] ‘увожу=я’, но, в отличие от языка художественной литературы, геминации анлаутного согласного ВГ не происходит.

Сингармонизм

Представленные выше процессы фонетических преобразований – трансформация внешней словесной паузы между компонентами бивербальной аналитической конструкции во внутреннюю межслоговую, утрата показателя *-(ы)п* деепричастной формы ОГ, ассимиляция согласных по звонкости, назальности и сонорности, редукция и элизия – являются маркерами активно развивающихся процессов синтеза комплексов, аналитических по происхождению, десемантизации составляющих их глаголов, стяжения их в одно фонетическое слово.

Вместе с тем один из основных рефлексов аналитизма в рассматриваемых ГАК – это сохранение в звуковых оболочках ОГ и ВГ сингармонических алгоритмов, действовавших до стяжения конструкции. Исследование звучащих текстов художественной литературы из сборника «Чедыген» и героического сказания «Кўннў көрген Кўн Кёок» показало, что в структуре ГАК выравнивания звуковой цепи по сингармоническому ряду не происходит, если сингармоническая модель ОГ не совпадает с моделью ВГ: *эртибодурча* [ʔɜ́:t̪/=bò:=dùr=ʔɬ̪:aʔ] ‘проходит’, *йргүдйбодуруп* [ʔü:r̪=güð̪/=bò:=dü:=güp̪] ‘радуясь’, *йргенбалдым* [ʔür̪=ʒen̪/=m̪'ä:=ld̪ʔ] ‘обрадовался’, *көрибалып* [k̪ö:r̪/=b'ä:=l̪p̪] ‘увидев’, *тартаберди* [t̪är̪=t̪'ä=b'er̪=d̪ʔ] ‘подтянул’, *узуберди* [ʔü:=zü:=b'er̪=d̪ʔ] ‘заснул’, *аккелер* [ʔä̪k̪=s̪'k̪:e=l̪'er̪ ~ ʔä̪:=/ʔ'k̪:e=l̪'er̪] ‘принесет’.

В «Чедыгене» во всех примерах, в которых произошло слияние компонентов ГАК в одно фонетическое слово, но сингармонические алгоритмы основного глагола отличаются от сингармонических тембров вспомогательного вербального компонента, унификации всего комплекса не наблюдается – звуковое оформление ВГ остается либо твёрдорядным (*чүгүр нарып* [ʔɬ̪̪:y:=gür̪=r̪'ä:=g̪p̪] ‘убежал’, *өспартыр* [ʔø̪:s̪=r̪ä̪=t̪'ɪ̪r̪] ‘вырос, оказывается’, *иштепсалдың* [ʔɬ̪̪:=ʃ'ʈ̪:t̪:z̪p̪=s̪'ä̪l̪=d̪ʔɪ̪r̪] ‘сделал=ты’, *келтурганы* [ʔ'k̪:el̪=tür̪=q̪'ä̪=n̪ʔ] ‘пришел=он’, *келтурча* [ʔ'k̪:el̪=tü̪=r̪'ɬ̪̪:aʔ] ‘подходит=он’, *пертурча* [p'er̪=tü̪=r̪'ɬ̪̪:aʔ] ‘дает’, *келбенқалды* [ʔ'k̪:ɛ̪=l̪'b'en̪=s̪'q̪'ä̪=ld̪ʔ ~ ʔ'k̪:ɛ̪=l̪'b'en̪=s̪'ä̪=ld̪ʔ] ‘не пришел=он’, *тегбенқалтырым* [t̪'z̪=ɣ̪b'en̪=s̪'q̪'ä̪=l̪'t̪'ɪ̪=g̪m̪ ~ t̪'z̪=ɣ̪b'en̪=s̪'ä̪=l̪'t̪'ɪ̪=g̪m̪] ‘не дотронулся, оказывается, я’), либо мягкорядным (*айтпер* [ʔä̪:j̪t̪=p'er̪] ‘скажи’, *тугперейин* [t̪ü̪:ɣ̪=p'ɛ̪=r̪'e̪=s̪'m̪] ‘рожу-ка=я’, *ашкел* [ʔä̪:ʃ̪='k̪:el̪] ‘открой!’, *уркелдим* [ʔü̪:r̪='k̪:el̪=d̪'ɪ̪m̪] ‘налил=я’).

В эпосе «Кўннў көрген Кўн Кёок» фиксируются аналогичные процессы: в структуре ГАК основной и вспомогательный глаголы, стянувшись в одно фонетическое слово, сохраняют свои сингармонические характери-

стики. Вербальные компоненты ГАК могут отличаться как по палатальному признаку (*кириб-алып* [kʰrʰ/= /ä: = lʰpʰ] ‘вошел=он’, *адап-перейин* [ʔäð)ä = ðä) = /pʰe = rʰe = m]) ‘назову-ка’, *қаишап-келип* [käʃ = tär) = /kʰe = lʰʔrʰ] ‘идя берегом’, *кес-парды* [gʰe: sʰ = /pä: r = dʰ] ‘отрезал’, *аққир* [ä = kʰr = deʰ] ‘вноси!’, *парар эди* [pʰλ = rʰλ = /dʰə = dʰər] ‘ушел бы’), так и по лабиальному показателю (*қачырб-одурчаң* [qä = hʃʰrʰ = /βö: = dö = hʃan]) ‘обязательно погонит’, *түдүб-алып* [tʰö = dö) = /βä: = lʰpʰ] ‘схватив’, *топчуланм-алды* [töp = tʃʰrʰ = län) = /möl = dʰ] ‘застегнувшись’, *мұн-келип* [mʰrʰrʰ = /gʰe: = lʰrʰ] ‘сев (верхом)’, *чүжүр-кирди* [hʃrʰ = gür) = /kʰel = dʰeʰ] ‘вбежал’). Не менее частотны в тексте примеры ГАК, составляющие которых различаются как по палатальному, так и по лабиальному параметрам: *эрбектеб-одурча* [ʔer = βʰek = te) = /βö: = tū = ʃʰa] ‘говорит’, *көрб-алған полза* [kör = βä) = qʰän) = /möl = zäʰ] ‘увидел’, *одур-келип* [ö: = dö)r = /kʰe: = lʰər] ‘сев (дееприч.)’, *сөгүлүш-қалды* [sʰ: ʃ = gʰöʃ) = /qäl = dʰ] ‘стала рваться’, *қачыр көрейин* [qʰä: = tʃʰrʰ) = /kö = rʰe = jʰm] ‘прогнать попробую-ка’, *одуртубуза-берди* [ʔö: = tʰör) = /tū = zä) = βʰer = dʰä] ‘усадил’, *көдүрүлбен-салды* [kö = dö) = lʰbʰen = sλ) = lʰdʰ] ‘не поднялся’.

Исключение составляют ГАК со вспомогательным глаголом *ыс* ‘посылать’. Присоединяясь к деепричастию на *-(ы)п*, глагол *ыс* утрачивает свою самостоятельность, выполняя служебную функцию. Слившись с ОГ в единое фонетическое слово, глагол *ыс* подчиняется законам сингармонизма – палатального и лабиального, детерминируемым качеством первого гласного основы ОГ. При этом в спонтанной речи гласный компонент деепричастного аффикса после основ на *-р* и *-л* редуцируется, приобретая характер беглого гласного: «*парбысты* (~ *парыбысты* ~ *пар-ып ыс-ты*), *келбисти* (~ *келибисти* – *кел-ип ыс-ты*)» [2. С. 216].

Результаты нашего исследования текстов художественных произведений, опубликованных в сборнике «Чедыген», показали, что в ГАК со вспомогательным глаголом *ыс*= облигаторно осуществляется полное выравнивание сингармонической рядности по первому гласному ОГ – твердоярному (*салыбысты* [ʰs:λ:/=lʲ=bsʰ=tʲm̥] ‘положил=он’, *пожадыбыстым* [pò=ʒʰa:/=dʲ=bsʰ=tʲm̥ ~ pò=ʒʰa:/=dʲ=bsʰ=tʲm̥] ‘отпустил=я’, *айланмысты* [ʲλ:ʲ=ʲanʲ/=mʲsʰ=tʲʲ] ‘повернулся=он’, *шыгыбыстың* [ʲʃʰ:ɪ=ʲqʲ/=bʲsʰ=tʲɲ̥] ‘вышел=ты’, *парысты* [pλ:/=rʲsʰ=tʲʲ] ‘ушел=он’) или мягкорядному (*көрүнмисти* [kõ:ʰrʲynʲ/=mʲsʰ=tʲʲ] ‘показался=он’, *шелибисти* [ʲʃʰ:e:/=lʲtʲ=bʲsʰ=tʲʲ] ‘бросил=он’, *өлибистим*

[ʔø:=λl/=b'ṡs='t'ṡm₃] 'умер=я', *көөленмисти* [kø:=l'en₃/=m'ṡs='t'ṡʔ] 'влюбился=он').

В эпическом повествовании «Күннү көргөн Күн Көөк» констатируются аналогичные трансформации фонетического облика глагольных аналитических конструкций. Вокальная и консонантная ось синтезированного глагола, восходящего к ГАК с ВГ *ыс*=, оформляется с соблюдением сингармонических законов – палатальных и лабиальных, детерминирующих в шорском языке звуковую цепь единой словоформы: *түжүбүсти* [t'ü=z'ɪ/=β'ɪ=st'ṡ] 'спустился', *тезибискен* [tɜ=z'e=β'ɪs=k'en] 'убежал', *шыгыбысқан* [ʒ'a=β'ṡs=q'ṡn] 'вышел', *таштабысқаны* [t'ṡʃ=tṡ=β'ṡs/=q'ṡ: nṡ] 'бросил', *шыгыбысты* [ʃq=ʃ'ṡ=β'ṡs=t'ṡ] 'вышла', *кирибүсти* [gɪ=r'ɪb'ṡ=s:t'e:ʔ] 'вошел', *ажыбыссабыс* [ṡ=z'ṡb/=sṡ:=β'ṡs:] 'если перевалим (хребет)', *ажыбысты* [ṡ:=z'ṡ/=β'ṡs=t'ṡ] 'открыла'.

Приведенные примеры свидетельствуют о действии в пределах полностью синтезированной шорской словоформы четких алгоритмов сингармонизма. Функциональная твёрдорядность или мягкорядность первого гласного основы ОГ детерминирует качество вокальной оси стяженной бивербальной конструкции, аналитической по происхождению: после твёрдорядного гласного основы ОГ реализуются лишь гласные центральнозаднего артикуляторного ряда; если же гласные основы ОГ мягкорядные, как правило переднерядные или центральнорядные, то вокальные составляющие вспомогательного глагола могут реализоваться лишь как центральнорядные.

Таким образом, в приведенном материале констатируются различные этапы активно протекающих процессов стяжения АК в единое слово. Наиболее продуктивны явления синтеза в аналитических конструкциях с твердорядной вокальной осью ОГ и ВГ: слияние ГАК в единое беспаузальное слово, стыковочные консонантные компоненты которого подчиняются ассимилятивным законам внутреннего сандхи, происходит даже в тех случаях, когда анлаутный согласный ВГ ещё сохраняет сильную напряженность и фарингализованность, маркирующие, как правило, начало слова: *тартсалдың* [tṡṡ't:=s:ṡl=dṡṡ₃] 'подтянул=ты', *тудунсалтыр* [tṡ:=dṡṡ=s:ṡl=t'ṡṡ] 'схватился=он, оказывается', *чатқалды* [ʔṡc:at.=q'ṡ:ldṡʔ] 'лег=он'.

В конструкциях с мягкорядным основным глаголом слияние частей аналитических форм, ВГ в которых имеет сильнонапряженную фарингализованную инициаль, замедляется необходимостью осуществления дистантной ассимиляции по палатальной рядности, сингармонизации фрагментов комплекса: *иштепсалдың* [ʔṡṡ:=ʃ'ṡ:t:zṡ=s:ṡl=dṡṡ₃] 'сделал=ты', *келбенқалды* [ʔk:ɛ:=l'b'ṡn₃=q'ṡ:ldṡʔ ~ ʔk:ɛ:=l'b'ṡn₃=eṡ:ldṡʔ] 'не пришел=он', *пербен қалды* [p'ṡɛ:=r'b'ṡn₃=q'ṡ:ldṡʔ ~ p'ṡɛ:=r'b'ṡn₃=eṡ:ldṡʔ]

‘не дал=он’, *көрбенқалтырым* [kõ:=rʲbʲenʲ=>q:â:=lʲt:ʲbʲgmʲ ~ kõ:=rʲbʲenʲ=>õ:â:=lʲt:ʲbʲgmʲ] ‘не увидел=я, оказывается’.

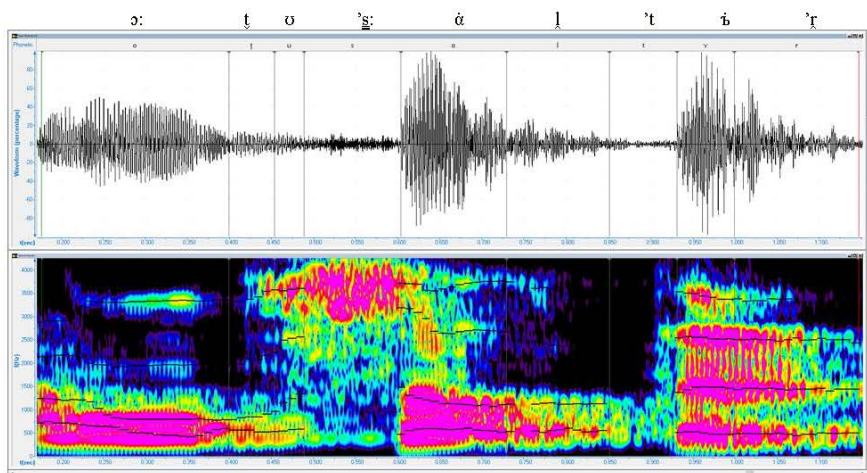

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма ГАК *одур-салтыр* ‘сел, оказывается’

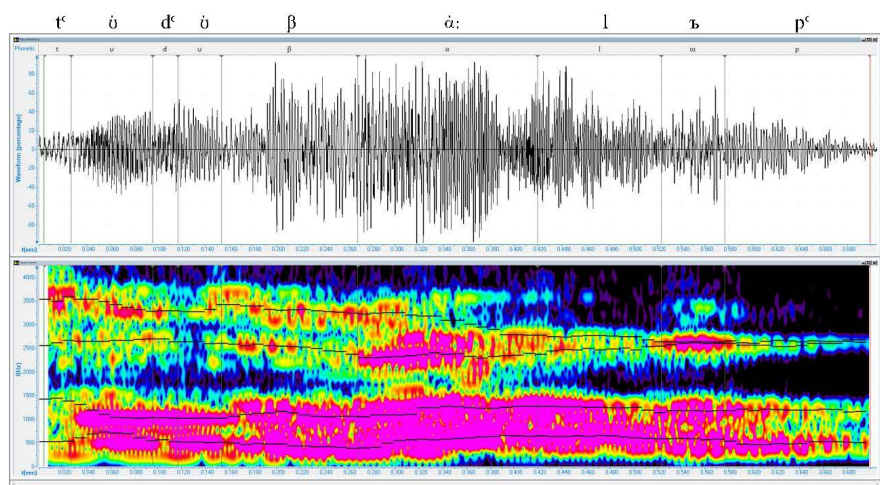

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма ГАК *тудуб-алып* ‘схватив’

На рис. 3 и 4 представлены осциллограммы и спектрограммы фольклорных глагольных аналитических конструкций *одур-салтыр* [ɔ:tʲu/=ʲs:â:=tʲbʲ:l] ‘сел, оказывается’ и *тудуб-алып* [tʲü=dʲü/=βä:=lʲpʲ] ‘схватив’. Инструментальные данные иллюстрируют отсутствие внешней словесной паузы между ОГ и ВГ и трансформацию её в сильную межслого-

вую в обеих ГАК, утрату деепричастного показателя *-(ы)n* в *одур-салтыр* [ɔ:tʰu/=ʰs:ɑ̌=tš:ɪ] и сохранение его в *тудуб-алып* [tʰö=dö/=β̌ɑ̌=ɪʰpʰ], реализацию архаичного глухого согласного *-m-* «tʰ» в интервокальной позиции в ОГ *одур* в составе ГАК *одур-салтыр* и, напротив, озвончение ауслаутного *n* «р» в *б* «β» в позиции сформировавшегося внутреннего сандхи и переход его фонетически к основе ВГ в *тудуб-алып*. Оба примера демонстрируют отсутствие унификации звуковой цепи стянувшейся аналитической конструкции по лабиальной гармонии, свидетельствующее о незавершенности процесса синтеза ГАК.

Заключение и перспективы дальнейших исследований

Артикуляционно-акустическая база как система произносительных навыков и их акустических коррелятов – одна из основных лингвистических универсалий, определяющих культурный код этноса. Сетка оппозиций, сформулированных в теории ААБ, рассматривается как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных ААБ, каждая из которых характеризуется уникальным пучком корреляций и модусов и является маркером культурно-языковой идентичности.

Фонотактические закономерности, правила комбинаторики, детерминируемые спецификой ААБ языка, – один из важнейших показателей его типологической специфики. Изменение алгоритмов сочетаемости звуков в потоке речи оказывает непосредственное влияние на парадигматику фонем, алломорфное варьирование, структуру морфологических парадигм. Анализ инновационных фонетических трансформаций, происходящих в шорских глагольных аналитических конструкциях, позволяет заключить, что на синтагматическом уровне реализуются одновременно два разнонаправленных процесса: существенное упрощение структуры ГАК, сокращение числа глагольных слов путём их стяжения при одновременном усложнении синтезированной словоформы вследствие увеличения количества её морфологических и фонетических составляющих [21. С. 137].

Результаты анализа деепричастных бивербальных конструкций, используемых в произведениях шорского героического эпоса, свидетельствуют об активно развивающихся процессах преобразования аналитических комплексов в синтезированные единства. Фонетические трансформации, сопровождающие процессы стяжения ГАК, распространяются на все структурно-семантические типы конструкций, хотя и реализуются с различной степенью интенсивности. При этом на суперсегментном уровне преобразования осуществляются не столь интенсивно, как на линейном: фактически не происходит сингармонизации по палатальности и лабиальности вспомогательных компонентов бивербальных сочетаний. Несоблюдение в пределах звуковых цепочек ГАК законов шорской дистантной ассимиляции сигнализирует о незавершенности процессов синтеза, о сохранении конструкциями остаточного статуса аналитических.

Сопоставление результатов исследования фонетических трансформаций, сопровождающих процессы синтеза глагольных аналитических конструкций в звучащих текстах шорских эпических произведений, с закономерностями, выявленными ранее на материале шорской литературы и разговорной речи, свидетельствует об общности характера фонотактических преобразований сегментного и суперсегментного уровней; различия заключаются в скорости процессов фонетических модификаций. Преобразования звуковых оболочек аналитических конструкций по пути их синтеза заключаются в десемантизации компонентов ГАК, ослаблении их статуса, устранении пауз между составляющими ГАК лексемами, слиянии элементов конструкции в единое фонетическое слово, преобразовании внешнего сандхи во внутреннее, активизации ассимилятивных процессов.

Однако в эпосе скорость фонетических модификаций замедляется вследствие таких кардинальных характеристик фольклорных произведений, как консервативность, традиционность, формульность, стремление к устойчивости, стабильности, стереотипности, сохранению языковой архаики и следованию архетипическим моделям, обусловленным сакральностью эпической традиции и расцениваемым реципиентами в качестве показателей престижности языка героических сказаний.

Планируемое изучение происходящих в современных языках фольклора алтае-саянских тюркских народов процессов синтеза ГАК как показателей общих для южносибирского региона фонетических трансформаций, выявление в каждом из идиомов уникальности этих преобразований как компонентов артикуляторных кодов этнических групп позволят расширить картину научных представлений о взаимодействии и взаимовлиянии языка и фольклора как основных составляющих вербальных культур.

Список сокращений и условных обозначений

= – слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой умеренной паузе.

/=/ – слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой сильной паузе.

ААБ – артикуляционно-акустическая база; АЧ – абсолютная частотность; ВГ – вспомогательный глагол; ГАК – глагольная аналитическая конструкция; Дееприч. – деепричастие; КкКК – шорское героическое сказание «Күннү көрген Күн Көөк»; КП – коэффициент поправки; м – минута; ОГ – основной глагол; ОЧ – относительная частотность; с – секунда; с. – страница

С – согласный звук; Tv – основа глагола; V – гласный звук; V^{всп.} – вспомогательный глагол.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966. 608 с.
2. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.
3. Курпешко Н.Н., Широбокова Н.Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово : Кузбас. политехн. ин-т, 1991. 75 с.
4. Чисняков Э.Ф. Учебник шорского языка. Кемерово : Кн. изд-во, 1992. 318 с.
5. Шенцова И.В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. 147 с.

6. Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р. Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18: Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006. С. 216–234.

7. Уртегешев Н.С., Селютина И.Я., Рыжикова Т.Р. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19: Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск, 2007. С. 87–109.

8. Селютина И.Я., Уртегешев Н.С. Фонетические изменения в позициях сандхи в аналитических формах тюркского глагола как феномен исторической памяти этноса // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 136–158.

9. Успенский Б.А. Структурная типология языков. М.: Наука, 1965. 287 с.

10. Успенский Б.А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М., 1970. С. 5–30.

11. Степанов Ю.С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966. 271 с.

12. Мельников Г.П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной // Проблемы языкознания: докл. и сообщ. сов. ученых на X Междунар. конгрессе лингвистов. М., 1967. С. 98–102.

13. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.

14. Шапошникова И.В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 199–215.

15. Сказания шорского кайчи В.Е. Таннагашева / отв. ред. Е.Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 318 с.

16. Арбачакова Л.Н., Кузьмина Е.Н. Шорский эпос: признаки угасания традиции // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 68–72.

17. Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.

18. Уртегешев Н.С., Селютина И.Я., Эсенбаева Г.А., Рыжикова Т.Р., Добринина А.А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. 2009. № 1. С. 100–115.

19. Чедыген: сб. произведений шорской литературы на шорском и русском языках / сост. Л.И. Чульжанова, Г.В. Косточаков, Л.Н. Арбачакова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 227 с. (Прил. к журн. «Огни Кузбасса». № 28).

20. Кузьмина Е.Н. Отражение архетипических моделей в «*loci communes*» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 18–26.

21. Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / отв. ред. А.А. Мальцева. Новосибирск: Гео, 2018. 422 с.

Verbal Analytical Constructions in Shor Folklore: Specifics of Phonetic Transformations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 138–169. DOI: 10.17223/19986645/68/7

Nikolay S. Urtegeshev, Iraida Ya. Selyutina, Albina A. Dobrinina, Tatiana R. Ryzhikova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: urtegeshev@mail.ru / siya_irina@mail.ru / ekinur@mail.ru / tanya12@mail.ru

Keywords: Turkic languages, Shor language, verbal analytical constructions, phonetic processes, sandhi, linguistic universals.

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural Universals of Verbal Tra-

ditions of the Peoples of Siberia and the Far East: Folklore, Literature, Language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, Contract No. 075-15-2019-1884.

The article examines verbal analytical constructions (VAC) in Shor, one of the Southern Siberian Turkic languages. The aim of the study is to identify the phonetic transformation specifics in VAC synthesizing in the Shor folklore language in comparison with the standard language and to determine the uniqueness of these transformations as a component of the ethnic cultural code. The research of VACs the authors of the article performed earlier on the material of three literary languages – Shor, Chalkan and Tuvan – indicates the typological universality of the structural transformations in the Altai-Sayan languages, which is determined by the common regional archetype of the ethnic genetic memory. This is the first research on VAC synthesis processes conducted on the basis of sounding folklore texts of the Southern Siberian Turkic peoples. The material was the Shor heroic tale “Künü körgen Kün Köök” [Having Seen the Sun Kün Köök] performed by the outstanding Shor kaichi V.E. Tanagashev, a representative of the Mrass storytelling school. The study was carried out by auditory and instrumental acoustic analysis methods using Audacity and SpeechAnalyzer 3.0.1 computer programs. The results of the adverbial bi-verbal construction analysis of the Shor heroic epic indicate the processes of analytical complexes’ transformations into synthesized units to be actively developing. The phonetic transformations that accompany the VAC contraction processes touch upon all the structural and semantic types of constructions, although being realized with varying degrees of occurrence. At the suprasegmental level, the transformations are not as intensive as at the linear one: there is no vowel palatal and labial harmonization of the auxiliary components in the bi-verbal combinations. Failure to comply with the laws of Shor distant assimilation within the sound chains of the VACs signals the incompleteness of the synthesis processes and the preservation of the residual status of analytical structures. The comparison of the results of the study of the phonetic transformations under consideration in the Shor epic tales and literary texts indicates a common character of phonotactic transformations: the loss of meaning by VAC components and their status weakening cause the elimination of inter-word pauses, the merging of construction elements into a single phonetic word, the transformation of external sandhi positions into internal ones, and the activation of assimilative processes due to the newly formed phonetic context. In the epic, the speed of phonetic modifications slows down due to tradition, stereotypes, preservation of language archaisms and archetypal patterns. The planned study of the VAC synthesis processes in the folklore languages of the Altai-Sayan Turkic peoples, the identification of unique traits in each of them will expand the scope of knowledge about the interaction and mutual influence of language and folklore as the main components of verbal cultures.

References

1. Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Dyrenkova, N.P. (1941) *Grammatika shorskogo yazyka* [Grammar of the Shor language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Kurpeshko, N.N. & Shirobokova, N.N. (1991) *Biverbal'nye konstruksii s glagolami bytiya v shorskom yazyke* [Bi-verbal constructions with verbs of existence in the Shor language]. Kemerovo: Kuzbass Polytechnic Institute.
4. Chispiyakov, E.F. (1992) *Uchebnik shorskogo yazyka* [Textbook of Shor language]. Kemerovo, Kemerovskoe kn. izd-vo. 318 p.
5. Shentsova, I.V. (1997) *Aktsional'nye formy glagola v shorskom yazyke* [Actional verb forms in the Shor language]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
6. Selyutina, I.Ya., Urtegeshev, N.S. & Ryzhikova, T.R. (2006) Chalkanskies analiticheskie formy glagola: foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi [Chalkan analytical verb

forms: phonetic changes in the positions of the sandhi]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous languages of Siberia]. Vol. 18. Novosibirsk: Lyubava. pp. 216–234.

7. Urtegeshev, N.S., Selyutina, I.Ya. & Ryzhikova, T.R. (2007) Shorskie analiticheskie formy glagola: foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi [Shor analytical verb forms: phonetic changes in the positions of the sandhi]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous languages of Siberia]. Vol. 19. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 87–109.

8. Selyutina, I.Ya. & Urtegeshev, N.S. (2017) Phonetic changes in the positions of sandhi in the analytical forms of the Turkic verb as a phenomenon of historical memory of the ethnos. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 136–158. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/59/10

9. Uspenskiy, B.A. (1965) *Strukturnaya tipologiya yazykov* [Structural typology of languages]. Moscow: Nauka.

10. Uspenskiy, B.A. (1970) Problema universalii v yazykoznanii [The problem of universals in linguistics]. In: Uspenskiy, B.A.(ed.) *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 5. Moscow: Progress. pp. 5–30.

11. Stepanov, Yu.S. (1966) *Osnovy yazykoznaniya* [Basics of linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.

12. Mel'nikov, G.P. (1967) Sistemnaya lingvistika i ee otnoshenie k strukturnoy [System linguistics and its relation to structural linguistics]. In: *Problemy yazykoznaniya* [Problems of linguistics]. Soviet Scholars' Papers at the X International Congress of Linguists. Moscow: Nauka. pp. 98–102.

13. Mechkovskaya, N.B. (2001) *Obshchee yazykoznanie: Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* [General linguistics: Structural and social typology of languages]. Moscow: Flinta: Nauka.

14. Shaposhnikova, I.V. (2020) Embodiment features of verbal culture: Universal facets of the specific. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 199–215. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/70/16

15. Kuz'mina, E.N. (ed.) (215) *Skazaniya shorskogo kaychi V.E. Tannagasheva* [Tales of the Shor kaichi V.E. Tannagashev]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

16. Arbachakova, L.N. & Kuz'mina, E.N. (2014) The shor epos: The marks of fading of tradition. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 68–72. (In Russian).

17. Nadelyaev, V.M. (1960) *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT)* [The project of universal uniform phonetic transcription (UUFT)]. Moscow; Leningrad: [s.n.].

18. Urtegeshev, N.S. et al. (2009) UUPT and IPA phonetic transcription standards: The system of correlations. *Voprosy Filologii. Uralo-altayskie issledovaniya – Journal of Philology. Ural-Altaic Studies*. 1. pp. 100–115. (In Russian).

19. Chul'zhanova, L.I., Kostochakov, G.V. & Arbachakova, L.N. (2007) *Chedygen: Sb. proizvedeniy shorskoy literatury na shorskom i russkom yazykakh* [Chedygen: Collection of works of Shor literature in the Shor and Russian languages]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

20. Kuz'mina E.N. (2019) Reflection of archetypical models in “loci communes” of heroic epics of the peoples of Siberia. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 18–26. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/67/2

21. Mal'tseva, A.A. (2018) *Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diakhronno-tipologicheskoy perspektive* [Complexity of languages of the Siberian area in the diachronic-typological perspective]. Novosibirsk: Geo.

УДК 81'371

DOI: 10.17223/19986645/68/8

Е.А. Юрина, А.Д. Жакупова

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ О.И. БЛИНОВОЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ОБРАЗНОГО СТРОЯ ЯЗЫКА И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ МОТИВОЛОГИИ¹

Рассматриваются направления и аспекты развития теории лексической мотивации О.И. Блиновой в современных концепциях образного строя языка и сопоставительной мотивологии. Освещается роль мотивационного анализа в изучении лексической образности и сопоставительно-типологическом исследовании мотивированных языковых единиц разных языков. Характеризуются способы лексикографической презентации мотивационных отношений в многоязычных словарях сопоставительного и лингвокультурологического типов.

Ключевые слова: мотивированность, образность, метафора, внутренняя форма слова, сопоставительная мотивология, образный строй языка, словарь.

Имя Ольги Иосифовны Блиновой (07.11.1930–02.07.2020) известно широкому кругу языковедов-русистов, диалектологов и лексикографов благодаря её многочисленным теоретическим и словарным трудам, посвященным описанию лексики русских старожильческих говоров Среднего Приобья, разработке и реализации уникальных словарных проектов, вопросам системной организации лексикона, народно-речевой культуре, проблемам связи языка и сознания личности говорящего². Мы знаем, любим и всегда будем помнить Ольгу Иосифовну как мудрого педагога-наставника, неутомимого организатора науки, чьи идеи вдохновляли учеников и задавали вектор научного и творческого развития.

Введение

В настоящей статье речь пойдет о теории лексической мотивации, мотивологии как науке и о словарях, отражающих явление мотивации слов. Рассматриваемая концепция оформилась в трудах О.И. Блиновой в результате системного осмысления лексики среднеобского диалекта и была представлена в докторской диссертации [2], а затем в книге «Явление мотивации слов» [3] и в итоговой монографии «Мотивология и её аспекты» [4].

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Грант № 18-18-00194 – «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций», 2018–2020 гг.

² Подробно грани научной деятельности О.И. Блиновой охарактеризованы Т.А. Демешкиной и В.Г. Наумовым [1].

В последней работе к числу таких аспектов отнесены сопоставительная мотивология и теория лексической образности, которые на рубеже XX–XXI вв. разрабатывали в диссертационных исследованиях авторы данной публикации [5, 6]. На текущий момент концепции образного строя языка и сопоставительной мотивологии можно считать самостоятельными научными теориями, освещенными в обширной библиографии, включающей монографии, словари и журнальные публикации авторов статьи и их учеников.

Цель представленного в статье исследования – проанализировать направления развития ключевых положений теории лексической мотивации в концепциях образного строя языка и сопоставительной мотивологии; охарактеризовать продуктивность применения мотивологического подхода в изучении новых лингвистических макрообъектов – образных лексико-фразеологических полей, мотивационных парадигм, мотивационных отношений в пределах обширных тематических групп лексики разных языков; представить инновации в методологии анализа, обусловленные трендами современной лингвистики.

Методология мотивологического исследования образного строя языка рассматривается на материале лексики и фразеологии русского, английского, итальянского и казахского языков, метафорически мотивированных наименованиями явлений гастрономической сферы. Освещение теории сопоставительной мотивологии осуществляется на материале мотивированных наименований птиц и растений в русском, болгарском, польском, казахском и татарском языках. Указанный материал анализируется в следующих аспектах: 1) семасиологическом – в русле теории мотивации анализируются форма, значение и функционирование языковых единиц с выходом на лингвокультурологическую и когнитивную интерпретацию полученных результатов; 2) психолингвистическом – рассматриваются показания метаязыкового сознания носителей языка; 3) сопоставительном – выявляются особенности реализации мотивированности и образности в разных языках с учетом метаязыковой рефлексии говорящих; 4) лексикографическом – рассматривается оптимальный комплекс способов и приемов словарной репрезентации мотивированных слов и выражений в многоязычных словарях лингвокультурологического типа. В итоге характеризуются новые лингвистические модели и типологии объектов изучения, представленные в описательном (метаязык науки, терминосистема) и лексикографическом (словарь) форматах.

Мотивированность и образность

Как пишет О.И. Блинова, «мотивология зародилась на стыке семасиологии, ономасиологии и синхронного словообразования, но ее онтология семасиологическая» [4. С. 4]. Традиционно мотивированность понимается как выводимость значения номинативной единицы из значений других единиц на основании их структурно-семантических связей. В отличие от дериватологического подхода в теории лексической мотивации эти связи

устанавливаются не путем анализа системных отношений словопроизводства, а с учетом актуализированных в речи носителей языка мотивационных связей, которые фиксирует исследователь как факт осознания связи звучания и значения слова «на основании его лексической и структурной соотносительности» [3. С. 15–16]. Поэтому основным источником изучения лексической мотивации становятся тексты или метатексты (показания метаязыкового сознания говорящих), в которых реализовались отношения лексической и структурной мотивации.

К числу центральных понятий мотивологии О.И. Блинова относит следующие: «мотивированность ‘свойство слова, взаимообусловленность звучания и значения которого объяснима’, внутренняя форма слова (ВФС) ‘морфо-семантическая структура слова, выражающая его мотивированность’, мотивационные связи слов ‘вид системной связи лексических единиц, обнаруживающей их мотивированность’», а также «лексический мотиватор (ЛМ) ‘мотивирующее слово, выявляющее в мотивируемом лексическую мотивированность, связанную с выражением мотивировочного признака’; структурный мотиватор (СМ) ‘мотивирующее слово, выявляющее в мотивируемом им слове структурную мотивированность, связанную с выражением классификационного признака’; мотивационный контекст, в котором актуализируются мотивационные отношения лексем» [7. С. 7] и некоторые другие.

Лингвистическая интерпретация образности слова через призму теории лексической мотивации была предложена О.И. Блиновой в 1983 г. в статье «Образность как категория лексикологии» [8], где образными называются семантически и морфологически «мотивированные слова с ассоциативно выраженным мотивировочным признаком – слова, внутренняя форма которых метафорична» [Там же. С. 5]. В последующих работах обосновывается роль внутренней формы слова в выражении свойства образности [3. С. 26], характеризуются семантические основания и предлагается определение категории образности: «Семантическим основанием лексической категории образности является образное представление, отражающее “двойное видение” предмета, при этом обозначаемое ассоциируется с другим предметом по сходству реального или приписываемого (“воображаемого”) признака; формальным средством выражения названного семантического основания является метафорическая внутренняя форма слова» [9. С. 15]; определяется место образности в ряду других лексических свойств – мотивированности, экспрессивности, оценочности [10]. Материалом для анализа в указанных публикациях послужила лексика говоров Среднего Приобья, описанная на тот момент в серии диалектных словарей ([11] и др.).

Мотивологический подход к исследованию образности был продолжен Е.А. Юриной в кандидатской диссертации, где были представлены целостная концепция лексической образности и комплексная методика её анализа на материале лексики современного русского литературного языка, разработана модель лексикографического описания и представлен фрагмент

словаря образных слов [12]. Данная концепция была успешно реализована в диалектных словарях образных слов и выражений, созданных под руководством О.И. Блиновой [13–15]. В последующих статьях, монографиях и словарях, ряд из которых написан в соавторстве [16–19], уточнялись определения ключевых понятий теории лексической образности, разрабатывались новые аспекты исследования (психолингвистический, лингвокультурологический, когнитивный, сопоставительный), уточнялся объект лингвистического анализа. Расширились рамки эмпирического материала за счет включения в поле анализа неоднословных образных средств языка (сравнений, идиом, паремий), понятие внутренней формы было определено по отношению к фразеологическим единицам [20], а **образность** стала определяться как структурно-семантическая категория, обобщающая свойство единиц лексико-фразеологического уровня, обладающих семантической двуплановостью и метафорическим способом её выражения: «Свойство образности проявляется в способности лексической (а также фразеологической, синтаксической) единицы обозначить определенное явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим явлением, нетождественным обозначаемому, на основе их реального сходства или воображаемой аналогии» [17. С. 27].

Дальнейшее развитие мотивологического подхода к исследованию языковой образности осуществлялось в рамках научных проектов совместно с аспирантами и молодыми учеными под руководством Е.А. Юриной. Сопоставительное исследование морфологически мотивированных образных слов русского и английского языков было впервые проведено Е.А. Шериной в кандидатской диссертации «Национально-культурная специфика образной лексики языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека)», где эмпирический материал исследования был систематизирован в приложении в виде электронного словаря [21]. Так было положено начало исследованию межъязыковой образности как лингвокогнитивной категории, продолженному в работах Г. Шенкала, Дж. Помаролли, О.В. Авраменко по данным сопоставления образных средств русского языка с соотносительными единицами турецкого, итальянского, английского языков [22–24].

Психолингвистический аспект изучения образности, представленный О.И. Блиновой на материале диалектной лексики [25], получил развитие в работах Н.Н. Казаковой и Е.А. Юриной, где методом свободного и направленного психолингвистических экспериментов исследовалась метаязыковая рефлексия носителей русского языка относительно образности слов с **мета**форической внутренней формой. Были проведены опросы среди рядовых носителей русского языка, изучена база метатекстов, отражающих языковую рефлексия информантов по поводу предлагаемых в анкетно-опроснике образных слов [26. С. 54–57].

Мотивологический подход к осмыслению семантической категории образности позволил выделить четкие критерии определения состава образных средств языка: 1) мотивированность лексической единицы (для образ-

ных слов) или фразеологической единицы (для образных выражений); 2) метафорический способ выражения мотивировочного признака во внутренней форме образного слова / выражения; 3) наличие семантической двуплановости в структуре образного значения языковой единицы; 4) осознание образного значения единицы носителями языка; 5) наличие образных контекстов (текстовых фрагментов) и метатекстов (зафиксированных показаний языкового сознания носителей языка), отражающих актуализацию образного значения данной единицы. Мотивологический анализ образного лексикона позволяет вскрыть внутреннее устройство образной системы языка как вторичной моделирующей знаковой системы и обратиться к когнитивному моделированию образного отображения действительности через призму языковых данных, от языка – к мышлению.

Образный строй языка

Под образным строем языка понимается «закрепленная в узусе национально и культурно обусловленная система образов, метафорически реализованная в семантике лексических и фразеологических единиц языка и формирующая языковую картину мира его носителей» [27. С. 19]. Концепция образного строя языка представлена в монографиях «Образный строй языка» [17], где подробно описаны образные поля и парадигмы, демонстрирующие метафоризацию признаков *твердый / жесткий / крепкий / прочный – мягкий, острый – тупой, легкий – тяжелый*, и «Вкусные метафоры» [27], посвященной анализу обширного фрагмента образной системы русского языка, связанного с переосмыслением гастрономической сферы «Еда» как источника метафорических проекций. В серии статей подробно освещаются частные фрагменты данной макросистемы (предметные образы, процессуальные и признаковые метафоры отдельных тематических групп) в когнитивном, сопоставительном, лингвокультурологическом и лексикографическом аспектах [23, 24, 28–31]. Эмпирический материал лексикографически представлен в трех томах «Словаря русской пищевой метафоры», организованного по гнездовому и идеографическому (фреймовому) принципу [32].

Консолидирующим началом общезыковой образной системы выступают мотивационные отношения, которые пронизывают весь образный лексикон, объединяя мотивационно связанные слова и выражения в структурно и концептуально целостные фрагменты. В качестве комплексных единиц образной системы рассматриваются мотивационно-образные парадигмы, входящие в более крупные единицы – тематически и семантически связанные лексико-фразеологические ассоциативно-образные поля [27. С. 38–68]. Мотивационно-образные парадигмы – это совокупность языковых метафор, дериватов с метафорической внутренней формой, устойчивых образных выражений (сравнений, идиом, паремий), непосредственно или опосредованно мотивированных одной исходной мотивирующей лексической единицей и эксплицирующих общих метафорический образ или

ряд образов [27. С. 38–68]. Вершиной мотивационно-образной парадигмы является исходное непроеизводное и лексически не мотивированное наименование. Осознаваемая носителями языка мотивационная связь с исходной мотивирующей единицей (лексическим мотиватором) обеспечивает семантическую двуплановость образных единиц парадигмы.

Например, в мотивационно-образную парадигму с вершиной **ЕСТЬ** ‘поглощать пищу’ входят метафоры **есть** ‘попрекать, бранить, изводить, не давать покоя’; собственно образные слова **едкость** ‘ироничность, насмешливость, ехидство’, **въедливость** ‘придирчивость, дотошность, внимание к мелочам’, фразеологизмы **на съедение (отдать / отправить / бросить)** ‘в полную власть кому-л., дав возможность распоряжаться кем-, чем-л. неограниченно’, **есть глазами** ‘смотреть на кого-либо пристально, следить взглядом за действиями кого-либо’ и др. Данная мотивационно-образная парадигма самая многочисленная в составе образного лексико-фразеологического поля «Еда / Пища». Она входит в его ядро и насчитывает 19 языковых метафор, 13 собственно образных слов, 28 фразеологизмов, 12 паремий. Дискурсивная реализация семантики единиц парадигмы была рассмотрена на материале 3 375 образных контекстов [27. С. 50–55].

Весь комплекс образных средств языка, мотивированных наименованиями из одной концептуальной области, в своем единстве раскрывает систему сформированных в лингвокультуре образных представлений и демонстрирует соответствующий фрагмент метафорической картины мира. Например, относительно образной интерпретации ситуации поглощения еды в русской лингвокультуре сложились следующие устойчивые образные представления: поедание пищи (деформация и уничтожение съеданного продукта) метафорически проецируется на ситуацию разрушения организма по причине болезни (*И свидетель, говорю, жив ещё, хоть малярия его поедом ест*. Ф. Искандер) или негативного воздействия веществ на органы и ткани (*Спиртовые пары ели глаза, возможно еще и из-за дыма, но не закрывать же их!* С. Осипов); ассоциируется с разрушительным влиянием негативных эмоций на психику человека (*Что же там, в душе-то твоей, делается? Какая печаль-тоска тебя съедает?* В. Астафьев); метафорически переосмысливается как переживание негативного опыта в межличностных отношениях (*Все знают, что ты меня съела, всю мою жизнь подмяла*. А. Битов) и т.д.

Образный строй языка представляет собой лингвокогнитивный феномен. Это системное лингвистическое явление, имеющее семантический уровень и знаковую форму выражения в лексико-фразеологическом составе языка. В то же время образная семантика языковых единиц коррелирует с когнитивными структурами – системой метафорических образов, типичных для представителей определенной лингвокультуры. Оптимальной моделью для лингвистического представления устройства общезыковой образной системы является образное лексико-фразеологическое поле, объединяющее слова и выражения на основании единства исходного мотивирующего образа – метафоризируемого концепта.

Сопоставительный анализ фрагментов образных систем разных языков на материале пищевой метафоры представлен в совместных исследованиях с О.В. Авраменко [23, 24] и Дж. Помаролли [23, 30, 31] на материале русского в сопоставлении с английским и итальянским языками. Образная лексика и фразеология этих языков получила лексикографическое описание по гнездовой модели «Словаря русской пищевой метафоры». В этом же формате ранее был создан лингвокультурологический словарь «Казахская пищевая традиция в зеркале языковых образов» [33]. Все эти материалы составили лингвистические базы данных цифрового полиязычного словаря метафор.

Цифровой полиязычный словарь метафор

Задачу словарного представления концептуально целостного фрагмента образной системы разных языков с возможностью их сопоставительного анализа решает цифровой «Полиязычный словарь метафор», разрабатываемый в рамках проекта РНФ, в программную оболочку которого интегрирована лингвистическая база «Словаря русской пищевой метафоры», а также соответствующие базы данных английского, итальянского и казахского языков [34]. Предназначение такого словаря – системно описать соотносительные по значению и образно мотивирующей семантике языковые единицы в двух и более языках, что позволяет выявить универсальные и культуроспецифические черты реализованных в них метафорических картин мира.

Программная платформа цифровой версии «Полиязычного словаря метафор» создана С.В. Лесниковым на базе современных цифровых технологий с возможностями многопользовательского, многоканального и авторизованного входа: разработка и рефакторинг программ осуществляется на языках PHP, Python, Java, JavaScript с использованием CSS и HTML. Для цифровой версии «Полиязычного словаря метафор» было выбрано и зарегистрировано доменное имя «metdict.ru». Зарезервирован хостинг для портала <https://metdict.ru> [35]. Выбрана система управления сайтом /CMS/ на русском языке. Разработан дизайн портала. Определены базовая структура цифровой версии «Полиязычного словаря метафор», а также основные разделы, категории, синопсис и указатели.

Макроструктура словаря имеет фреймовую структуру и строится по идеографическому (концепто-ориентированному) принципу, который предполагает группировку материала по тематическим разделам внутри определенной концептуальной сферы, например: «Еда» – блюда и продукты, качества и свойства пищи, процессы приготовления, процессы поглощения, кормление, кухонный инвентарь, субъект гастрономической деятельности. Каждый тематический раздел подлежит дальнейшей рубрикации по тематическим группам. В пределах каждой тематической рубрики словарный материал распределен по гнездовому принципу в соответствии с организацией мотивационно-образной парадигмы: в состав гнезда входят

мотивационно связанные слова и выражения, демонстрирующие образную, символическую, аллегорическую интерпретацию исходного феномена, обозначенного вершиной гнезда.

Область метафорического означивания представлена в словарной статье посредством компьютерной разметки, включающей трёхступенчатую классификацию: 1) указание на сферу-мишень – «Человек», «Социум», «Материальный мир» и т.д.; 2) указание на тематическую группу – «Внешность», «Поведение», «Политика», «Артефакты» и т.д.; 3) указание на денотативную отнесенность – «Глаза», «Волосы», «Война», «Профессия» и т.д. Приведем в сокращении примеры словарных статей из разных языковых баз.

Русский:

БУ́ЛКА, -и, ж. I. Исходное значение. Сдобное, слегка подслащенное хлебобулочное изделие из пшеничной муки, круглой или овальной формы, выпекаемое в печи.

II. Образные значения.

БУ́ЛКА / БУ́ЛОЧКА. ЯМ. 1. Полный человек (преимущественно женщина) с пышными округлыми формами. *Одобр. – Здесь его разглядела здоровая, белозубая официантка, просто сдобная булка – вот такой в девках была Ева* (В. Силицына. Муза и генерал). [Человек Внешность Тело]

2. Разг. Округлые, полные и мягкие части тела человека (живот, грудь, ягодицы, бедра, щеки). *Экспр. – Вещь неприятная, мне сначала узи делали. На следующий день направили на операцию. Обкололи булку новокаином* (Коллективный). *У всех в зоне живота лишний вес, а у него – «булочка»* («Русский репортер»). [Человек Внешность Тело]

КАК БУ́ЛКА / БУ́ЛОЧКА. В сравн. 1. О круглом и румянном лице человека. *Экспр. / Ласк. – Однажды Пимыч познакомился с хозяйкой, маленькой упругой женщиной с румянным и круглым, как пропеченная булка, лицом* (Т. Орлова. Путь Луны). [Человек Внешность Лицо]

2. О полной, округлой женской фигуре. *Экспр. / Ласк. – Румяная и пухлая, как булка, в одной ночной сорочке ... Трехдюймовочка пекла блины сразу на четырех сковородках, по кругу...* (О. Некрасова. Платит последний). *Ему тоже нравятся девушки, похожие на булочки* (М. Задорнов. Египет). [Человек Внешность Тело]

Английский:

BUN. Букв. «Булка». I. Исходное значение. Несладкое круглое или продолговатое изделие из теста, преимущественно используемое в приготовлении гамбургеров или хот-догов.

II. Образные значения.

BUN. ЯМ. Букв. «Булка». Прическа, в которой волосы собираются в тугой клубок сзади головы. – *A tight roll of hair worn at the back of the head. – I was fully clothed (long black dress, no skin showing other than neck and ankles) and hair up in a bun* [Мое тело было все под одеждой (длинное черное платье, нигде не было видно кожи, кроме шеи и щиколоток) и волосы, собранные вверх в булочку (в виде пучка)] (Please God. Please make it stop). [Человек Внешность Волосы]

BUNS. ЯМ. Букв. «Булки». Ягодицы: buttocks. – *With the use of this program, you will be able to burn fats, achieve those fabulous six packs you want, plus shapely buns and thighs with the use of cardiovascular exercises combined with light resistance moves* [Занимаясь по этой программе, Вы сможете сжечь жиры, получить эти сказочные шесть кубиков, которые Вы хотите, плюс изящные булки (ягодицы) и бедра с помощью сердечно-сосудистых упражнений в комбинации с легкими упражнениями с отягощением] (Achieving Fabulous Physique With the Use of Ten Minute Trainer) [Человек Внешность Тело]

Итальянский:

MACCHERONE муж. I. Исходное значение. Трубочатое макаронное изделие из высушенного пшеничного теста, замешанного на воде.

II. Образные значения.

MACCHERONE. ЯМ. Регион. О глупом, неповоротливом человеке. – *#chi non vota è un maccherone senza sale* [Кто не голосует, тот макаронина (глупец)] (сообщение на facebook, 10 июня 2011 г.). [Человек Мышление Интеллект]

CASCARE / PIOVERE / ESSERE / CAPITARE COME IL CACIO SUI MACCHERONI. ФЕ. Букв. «Падать / протекать / быть как сыр к макаронам». Быть как нельзя более кстати. – *Benché fossi in una casa tedesca capitavo italianissimamente come il cacio sui maccheroni* [Хотя семья была немецкая, я пришелся ко двору или, говоря на итальянский манер, как сыр к макаронам] (M. Appelius. Da mozzo a scrittore). [Социум Общественная жизнь Закономерности]

Казахский:

АЙРАН «Кефир». I. Исходное значение. Заквашенное молоко.

II. Образные значения.

АЙРАНДАЙ ІРУ. ФЕ. Букв. «Прокинуть как кефир». Испортиться, разрушиться (об отношениях между людьми). – *Балдай тәтті, көпке үлгілі ошақтың бүгін сабындай бұзылып, айрандай ірігенін көріп қынжыласың* [Сожалеешь, видя, как рушится сегодня примерная, дружная семья, размокнув как мыло, прокиснув как айран (испортив отношения)] («Лен.жас»). [Социум Межличностные отношения Конфликт]

АБЫРОЙЫН АЙРАНДАЙ ТӨКТІ. ФЕ. Букв. «Пролить честь как кефир». Опозориться. – *Шырағым бір-ақ күнде абыройыңды айрандай төгіп аларсың* [Светик, за один день ты можешь пролить свою честь как айран (опозориться)] (Ә.Көшімов, Екі бүркіт). [Социум Общественная жизнь Нормы поведения]

Разметка материала в соответствии со сферой-источником и сферой-мишенью дает возможность пользователю осуществлять поиск и систематизацию материала из разных языков в соответствии с получившей вербализацию базовой и частной метафорическими моделями, чтобы далее использовать эти данные для сопоставительного исследования. Пользователь в считанные секунды сможет извлечь из словарного фонда единицы, построенные в разных языках по общим метафорическим моделям.

Можно сделать вывод, что мотивационный анализ в рамках системно-структурного и психолингвистического методов является эффективным инструментом изучения языковой образности и метафорического мышления. Теория лексической мотивации наряду с теорией коннотаций (экспрессивности, эмотивности и оценочности как семантических категорий) и теорией метафоры формируют методологическую основу для исследования образного строя языка. Современная антропологическая лингвистика расширяет рамки изучения данного феномена в область когнитивного, дискурсивного, коммуникативно-прагматического и лингвокультурологического направлений исследования, в том числе – в сопоставительном аспекте.

Сопоставительная мотивология

Одним из самостоятельных направлений мотивологии как науки стала сопоставительная мотивология славянских и тюркских языков. Впервые идея сопоставительного анализа лексики в аспекте её мотивированности с учётом показаний языкового сознания была высказана О.И. Блиновой в диссертационной работе «Проблемы диалектной лексикологии», где автор задаётся вопросом: отличаются ли по степени мотивированности словарный состав литературного языка и диалекта? [2. С. 31–32]. Более детальное сопоставление лексической мотивации в литературном языке и диалекте представлено в статье О.И. Блиновой [36], где автор приходит к выводу, что разные аспекты явления мотивации слов могут служить важными типологическими характеристиками двух форм одного языка [37]. Так было положено начало изучению типологизирующей функции мотивации, получившее своё дальнейшее развитие в работах по сопоставительной мотивологии, выполненных уже на материале разных языков.

Первыми работами по сопоставительной мотивологии на материале славянской группы языков стали труды А.Д. Адиловой (Жакуповой) [38, 39]. Позже появляется исследование мотивации слов на материале русского и французского языков [40], предпринимаются первые попытки составления мотивационно-сопоставительного словаря орнитонимов и фитонимов русского и английского языков [41], изучается национальное метаязыковое сознание как один из факторов, определяющих специфику мотивации слов в русском и немецком языках [42]. Все эти исследования способствовали формированию основных положений сопоставительной мотивологии, выработке общих принципов её описания, определению актуальных аспектов исследования мотивированных слов на материале разных групп языков.

Сопоставительная мотивология как наука представляет собой раздел сопоставительной лексикологии, изучающий мотивированную лексику в аспекте осознания её носителями языков – представителями разных лингвокультурных сообществ. **Цель** сопоставительной мотивологии – выявление универсальности явления мотивации слов и его вариативной реализа-

ции в разных языках. **Объектом** выступает мотивационная рефлексия носителей сопоставляемых языков. Мотивационная рефлексия – это универсальное свойство метаязыкового мышления человека, обуславливающее направленность его сознания на соотношение плана выражения и плана содержания языковых единиц, на объяснимость связи между звучанием и значением, выявляемое путем апелляции к языковому сознанию говорящего при помощи психолингвистического эксперимента [43]. **Предмет** сопоставительной мотивологии составляет специфика реализации явления мотивации слов в разных языках.

С учетом разработанной О.И. Блиновой методологической базы мотивологии в рамках сопоставительно-типологических исследований с привлечением широкого спектра языков были определены принципы, методы, аспекты сопоставительной мотивологии, описаны новые возможности осмысления феномена явления мотивации слов. Одним из важных в методологическом отношении вопросов является разработка терминосистемы сопоставительной мотивологии, куда вошли такие понятия, как мотивационно-сопоставительный анализ, национальная специфика мотивационной рефлексии, эквивалентные и адекватные лексические единицы, национальное метаязыковое сознание и др.

Концепция сопоставительной мотивологии опирается на методологическое положение о том, что мотивированность / немотивированность языковой единицы определяется только сознанием человека, его способностью к осознанию рациональной связи звучания и значения слова, которая, в свою очередь, зависит от лингвистических и нелингвистических факторов.

Сопоставительно-мотивологическое исследование славянских и тюркских языков представляет собой системное описание мотивированных наименований птиц и растений с точки зрения мотивационных ассоциативных связей, отражающих метаязыковую направленность языкового сознания и осознанное отношение носителей языков к мотивации слова. Мотивированные наименования птиц и растений были исследованы в психолингвистическом, структурно-семантическом, лингвокультурологическом и лексикографическом аспектах как наилучшим образом организованные группы слов, входящие в состав мотивационной системы того или иного языка и участвующие в формировании картины мира его носителей. Всего проанализировано порядка 600 слов в каждом из пяти языков (в совокупности 3000 единиц), в ходе эксперимента опрошено около 450 носителей каждого языка. Получено около 30 000 показаний метаязыкового сознания носителей языков (примерно 100 ответных реакций на каждое слово) [6. С. 51].

Психолингвистический аспект сопоставительной мотивологии связан с описанием процесса мотивации (осознания мотивированности слов) как лингвопсихоментальной сущности и базируется на методике направленного психолингвистического эксперимента. Все исследования, проводимые в русле мотивологии, апеллируют к метаязыковому сознанию говорящего – основному источнику изучения лексического явления мотивации слов. «Мотивология – это наука о том, как отражаются в языке человек и Вселенная и

как язык осознается человеком («язык глазами человека»), это наука, которая развивается в тандеме ученого и рядового носителя языка» [4. С. 3].

В ходе психолингвистического эксперимента носителям пяти языков были предложены для осмысления эквивалентные наименования растений, соотнесённые с латинским международным номенклатурным наименованием. Например: [Convulvulus L.] РЯ *вьюнок* – БЯ *поветица* – ПЯ *powój* – КЯ *шырмауық* – ТЯ *этечэгесе*. Результатом мотивационной рефлексии стали следующие показания носителей языков:

РЯ «*вьётся* вокруг чего-нибудь» (78)¹, «не знаю» (22);

БЯ «связа́м го с глагола **повявам**, значи вятър го разнася и разсажда» (перевод: «связано с глаголом *повявам*, значит ветер его разносит и рассаживает», так как *повявам* – разносить) (75), «не зная» (25);

ПЯ «*roślina, która wiję się*» (перевод: «растение, которое *вьётся*», так как *wię się* – виться) (92), «*nie wiem*» (8);

КЯ «*шырмаланып өсетін шөп*» (перевод: «растение, которое *вьётся*», так как *шырма* – завязываться вокруг чего-нибудь, виться) (26); «*бір затқа шырмалып өсетін өсемдік*» (перевод: «растение, которое растёт, цепляясь за другие предметы», так как *шырма* – цепляться за что-л., завязываться вокруг чего-нибудь) (20); «*мүмкін бұл шөп ұзын және шырмалып өсетіндіктен солай аталатын шығар*» (перевод: «может быть, его назвали так, потому что оно длинное и растёт, обвиваясь», так как *шырма* – завязываться вокруг чего-нибудь, виться, обвиваться) (15); «*білмеймін*» (39);

ТЯ «*эчаге кебек чорналып ұса, озын булла*» (перевод: «растёт, обматываясь, как кишка, длинное растение», так как *эчаге* – кишка) (37); «*чөнки ул бөтерелеп ұса, эчаге кебек*» (перевод: «возможно, она растёт, скручиваясь, как кишка», так как *эчаге* – кишка) (25), «*белмим*» (38).

Рассматриваемое наименование растения во всех языках является мотивированным (доля ответов, эксплицирующих мотивированность слова, составила в русском языке – 78%, в болгарском – 75%, в польском – 92 %, в казахском – 61%, в татарском – 62%) [6. С. 67].

Мотивационно-сопоставительный анализ предполагает сопоставление метавысказываний носителей разных языков в аспекте осмысления ими мотивированного пласта лексики для выявления общих и специфических моделей мотивирующих суждений, отраженных в сознании носителей языков. В результате были проанализированы метавысказывания с точки зрения содержания (типа толкования лексического значения слова), типа мотивационных ассоциаций (стратегия осмысления мотивированной лексики), актуализации мотивационных связей, пропозициональной структуры, формальной организации.

Проиллюстрируем пример **ассоциативно-образного** типа метавысказывания, эксплицирующего образное значение слова:

РЯ *зарянка* – «птица цвета *зари*» (20), «розовая, как *заря*» (15); *канюк* – «кричит, как будто *канючит*» (58); *кардинал* – «яркое оперение,

¹ В круглых скобках указано количество информантов, давших показания.

как одежда у кардинала» (44); лунь – «желтая, как луна» (45), «круглая, как луна» (35); лысуха – «мало перьев, как лысая», «на голове нет перьев, будто лысая» (100); овсянка – «желтого цвета, как овес» (26);

БЯ грияк – «има нецо, което наподобява грива» (70) / «имеет что-то, что напоминает гриву», гробар (гарван) – гарван, който присъства при погребения като гробар» (45) / «ворон, который присутствует при погребении, как могильщик», «птица, която лети около гробовете» (27) / «птица, которая летает около могил», «оперенията му са черен цвят като гробарите» (13) / «оперение чёрного цвета, как одежда могильщика», «гарван, който е сериозен и тъжен като гробар» (5) / «ворон, который серьёзный и грустный, как могильщик»; свирец – «наподобява свирката на човек» (67) / «клюв напоминает дудку»; бик – «голяма, тлъста птица, която прилича на бик» (35) / «большая, толстая птица, похожая на быка», «птица, която има гръмък глас, като у бика» (27) / «птица, которая имеет громкий голос, как у быка»;

ПЯ kszyk – «wydaje dźwięki podobne do „krzyku”» (50) / «издает звуки, похожие на крик», bak – «ptak, który umie się przewrócić, jak zabawka bak» (33) / «птица, которая умеет вращаться, как игрушка волчок», «ptak, który jakby baka» (20) / «птица, которая как бы бормочет», «bo głośno brzęczy, jak bak» (14) / «потому что громко бренчит, как шмель»; nurek – «gdy lata, wygląda, jakby nurkował» (28) / «при полете выглядит, как будто ныряет»;

КЯ таукүдирет – «таудай үлкөн күдиреттi» (33) / «птица, обитающая в горах», «большая, как гора», дауылпаз – «дауыл сияқты ұшатындықтан» (51) / «потому что летает, как ураган», жылқышы – «жылқыға тәріздес құс» (40) / «птица, похожая на лошадь», «жылқышы тәрізді мұқият, сақ болғандықтан» (25) / «потому что внимательна, осторожна как табунщик», мысық торғай – «мысық сияқты торғай» (90) / «воробей, похожий на кошку»;

ТЯ күгәрчен – «күктә оча торган кош» (48) / «птица цвета неба»; бытбылдык – «бер туктамый бытбылдаганга, кычкырганга» (44) / «из-за того, что, не умолкая, болтает, кричит», карабүрек – «баи өлешендәге каурыолары кара булып тора, кара бүрек кигәнне хәтерләннә торган кош» (40) / «из-за того, что перья на голове черные, кажется, что птица надела черную шапку», «башының нәкъ очы кара төстә булып көгереп торганга» (23) / «из-за того, что на голове есть выпуклый предмет, похожий на шапку», «башында бүрек шикелле кара тап булганга» (17) / «на голове есть черное пятно, как шапка», сиртмәкойрык – «койрыгы сиртмәле булганга» (53) / «из-за того, что хвост как коромысло», «аның койрыгы гел сикереп тора һәм үзе сикереп йөри, сиртмәле булганга» (28) / «ее хвост и она сама постоянно подпрыгивают, как пружина».

С точки зрения экспликации ассоциативно-образного содержания было выявлено 56% метаязыковых комментариев в русском языке, 45% – в болгарском, 40% – в польском, 58% – в казахском, 55% – в татарском языке [6. С. 85].

Структурно-семантический аспект сопоставительной мотивологии направлен на выявление общности и специфики лексического явления мо-

тивации в сопоставляемых языках. Он предполагает определение степени и типов мотивированности языковых единиц, фиксацию набора мотивировочных и классификационных признаков, характеристику ВФС с её компонентами (МФ и МЗ) и видами (вариантная, лексикализованная, метафорическая), описание комплекса мотивационных парадигм, актуальных для языкового сознания говорящих; анализ мотивационного потенциала того или иного языка (система мотивационно-ассоциативных полей, их когнитивная структура, доминирующие концепты) с точки зрения частотности их проявления на уровне сознания и регулярности воспроизведения их в метатекстах [44]. Особенности явления мотивации слов в языке определяются характером ВФ конкретных лексических единиц, поскольку именно ВФС участвует в создании целостного представления о предмете (вариантная ВФС), в значительной степени влияет на развитие языковой системы (лексикализованная ВФС), отражает образное восприятие окружающей действительности носителями языков (метафорическая ВФС), а также придаёт языку самобытность, играет первостепенную роль в формировании языковой картины мира. Например: РЯ *горицвет* (МЗ: 'растение, цветы <к-рого как бы> горят') – БЯ *слетикоса* (МЗ: 'растение, <напоминающее> косу') – ПЯ *milek* (МЗ: 'растение <с> приятными <для глаз цветками>') – КЯ *жалынгул* (МЗ: 'растение, <похожее на> пламя') – ТЯ *утчэчэк* (МЗ: 'растение <с цветками, как> огонь').

Сопоставительно-мотивологический подход к изучению лексики предоставляет уникальный материал для исследования «феномена метаязыковости», определяющего специфику языковых картин мира народов – носителей языков. Показания метаязыкового сознания носителей славянских и тюркских языков, а также привлеченные к мотивационно-сопоставительному анализу сведения из культурологических источников дали возможность наметить основные параметры **лингвокультурологического аспекта** сопоставительной мотивологии. Путем выявления национально-культурного компонента значения мотивированных лексических единиц описываются фрагменты национальной языковой картины мира народов – носителей славянских и тюркских языков, раскрывается роль орнитологической и фитонимической лексики в формировании национальной языковой картины мира, характеризуются основные черты национальной ментальности представителей славян и тюрков [45].

Многоязычный мотивационно-сопоставительный словарь

Многоязычная сопоставительная лексикография, традиционно занимающаяся вопросами составления переводных и толковых словарей, сегодня ориентируется на решение проблем в аспекте «человек–словарь», на создание так называемых антропоориентированных словарей. В этой связи **лексикографический аспект** сопоставительной мотивологии приобретает особую актуальность.

Фундаментальность сопоставительной мотивологии как науки наглядно реализуется в лексикографической практике, результатом которой стала

разработанная А.Д. Жакуповой концепция «Многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря наименований растений и птиц» [46–49] и изданный ею «Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц на материале казахского и русского языков» [50].

Многоязычный мотивационно-сопоставительный словарь (ММСС) представляет собой систематизацию фактов мотивационной рефлексии носителей разных языков, возникающей в результате восприятия определенных лексем языка. ММСС эксплицирует способность говорящих на разных языках людей к осмыслению языковой и неязыковой действительности путем ассоциирования, образной интерпретации, буквального восприятия и т.д. ММСС подтверждает мысль о постоянной готовности сознания «к действию мотивационного ассоциирования», которая проявляется в речезыковом материале регулярно [51]. ММСС показывает, как в сознании носителей языка осуществляется процесс обдумывания, осмысливания звуковой оболочки и значения слов. Словарная статья позволяет проследить сам механизм мотивационного ассоциирования, заключающийся в актуализации в сознании либо корневых морфем (лексическая мотивированность), либо аффиксальных (структурная мотивированность). Нередки случаи, когда осознание слова достигается за счёт только звуковых ассоциаций и ассоциаций, связанных со знанием легенд, преданий, сказаний и т.д. Лексические (мотивационные) реакции носителей языка, зафиксированные в ММСС, позволили сделать вывод о мотивированном / немотивированном статусе слова, характере его внутренней формы, типе мотивированности, т.е. определили направления теории лексической мотивации, обеспечили эмпирическую базу ее развития.

Главное исследовательское предназначение ММСС заключается в экспликации рефлексирующего сознания говорящих, направленного на рациональное осмысление связи звучания и значения мотивированных лексических единиц. Рефлексирующее сознание реализуется в словаре в виде показаний метаязыкового сознания носителей языков.

Показания метаязыкового сознания носителей языков формируют структуру и содержание ММСС, определяют «мотивационный паспорт» слов, моделируют словарную статью, которая состоит из четырех информационных зон:

I. Вводная. Включает латинское номенклатурное наименование птицы / растения с переводом (если есть) и толкование лексического значения слова, которые выступают в качестве *tertium comparationis* (t c) – основания для сравнения.

II. Экспериментальная часть распадается на пять столбцов, в каждом из которых дается *заглавное слово* – наименование птицы / растения в русском, болгарском, польском, казахском и татарском языках, далее следуют результаты психолингвистического эксперимента, представленные в виде показаний метаязыкового сознания информантов-носителей языков.

III. Характеризующая (лингвистическая) **часть** отражает все структурно-семантические характеристики мотивированных лексических единиц сопоставляемых языков.

Фрагмент Многоязычного мотивационного сопоставительного словаря

Вертишейка «<i>часто вертит шей</i>» (100) 100/0 МФ: ВЕРТИШЕЙ/КА ВФС < МЗ: 'птица, <к-рая> вертит шей' ЛМ: <i>вертеть, шей</i> СМ: каменКА, утКА ВФС невариантная, нелексикализованная, метафорическая МП: вертеть, шей (НП: часто вертит головой) Тип мотивированности: морфол	Вьртошйка «<i>защото си върти шийката</i>» (46) «птица, която постоянно си върти главката на всички посоки»» (34) «<i>сиурно си върти шийката</i>» (20) 100/0 МФ: ВЪРТИШИЙ/КА ВФС₁ < МЗ: 'птица, <к-рая> вертит шей' ЛМ₁: <i>въртя</i> – вертеть, <i>шия</i> – шей СМ₁: гутутКА, чинКА ВФС₂ < МЗ: 'птица, <к-рая> вертит <головой>' ЛМ₂: <i>въртя</i> – вертеть СМ₂: СМ₁ ВФС₃ < МЗ: 'птица, <к-рая, может быть (?)> вертит шей' ЛМ₃: <i>въртя</i> – вертеть, <i>шия</i> – шей СМ₃: СМ₁ ВФС вариативная, ВФС₂ нелексикализованная, ВФС₃ лексикализованная, метафорическая МП: въртя, шия (НП: часто вертит головой) Тип мотивированности: морфол. Перевод: «потому что вертит шей», «птица, которая постоянно вертит головой во все стороны», «наверно, вертит шей»	Кřetglów «<i>ptak, który szybko kręci głowa</i>» (100) 100/0 МФ: КРЕТОГЛОУ ВФС < МЗ: 'птица, <к-рая> вертит голову' ЛМ: <i>kręcić</i> – вертеть, <i>głowa</i> – голова СМ: – ВФС невариантная, нелексикализованная, метафорическая МП: <i>kręcić, głowa</i> (НП: быстро вертит головой) Тип мотивированности: морфол. Перевод: «птица, которая быстро крутит головой»	Дүңдек «<i>дүңдекен дарыс шыарандыктан</i>» (42) «<i>ағаш дүңдерін дүңілетеді</i>» (30) «<i>білмеймін</i>» (28) 72/28 МФ: ДҮҢДЕК ВФС₁ < МЗ: 'птица <с голосом, похожим на> гудящий звук' ЛМ₁: <i>дүп</i> – подражание глухому сильному или слабому (гудящему) звуку СМ₁: шәүкәлдЕК, үйЕК ВФС₂ < МЗ: 'птица, <от к-рой> дрожат <стволы деревьев>' ЛМ₂: <i>дүңіде</i> – сильно биться, дрожать (чаще о сердце) СМ₂: СМ₁ ВФС вариативная, нелексикализованная, ВФС₁ неметафорическая, ВФС₂ метафорическая МП: дүп, дүңіде (НП: часто кружится) Тип мотивированности: морфол. Перевод: «потому что издает гудящий звук», «заставляет дрожать стволы деревьев»	Ысылдавык-чыпчык «<i>чыпчыкның тавышы ысылдаган шикелле ишетелә</i>» (48) «<i>ысылдаган кебек жырлы</i>» (23) 71/29 МФ: ЫСЫЛДАВЫК/ЧЫПЧЫК ВФС₁ < МЗ: 'птица <с голосом, напоминающим> шипение' ЛМ₁: <i>ысылдау</i> – шипеть, шипение СМ₁: эңгәрЧЫПЧЫК, кәрләЧЫПЧЫК ВФС₂ < МЗ: 'птица, <к-рая поет, будто> шипит' ЛМ₂: ЛМ₁ СМ₂: СМ₁ ВФС вариативная, нелексикализованная, метафорическая МП: ысылдау (НП: глухой голос) Тип мотивированности: морфол. Перевод: «голос птицы напоминает шипение», «поет, как будто шипит»
--	--	--	---	---

IV. Справочная часть (энциклопедическая) зона словарной статьи содержит неметаязыковую информацию – цитаты из орнитологических и ботанических источников, этимологические сведения, комментарии специалистов-орнитологов / ботаников, охотников, любителей птиц / растений. Эта информация, помещённая под рубрикой «А знаете ли Вы, что...?», важна не только с точки зрения расширения энциклопедических знаний, но и играет важную роль с позиций ономазиологии, поскольку указывает на номинационные признаки орнитонимов / фитонимов. Пример словарной статьи см. в таблице.

Словарная статья ММСС характеризуется единообразием лексикографической представленности, обозримостью и систематизацией материала, а сам словарь служит ценным источником для изучения ряда лексикологических и лексикографических проблем.

ММСС – словарь нового типа, предоставляющий большие возможности для разработки теоретических и практических вопросов сопоставительной лексикологии и мотивологии, типологии языков. Данные ММСС могут быть использованы для создания других словарей, например словаря лексических мотиваторов, внутренних форм слова, формантов мотивированных слов сопоставляемых языков, а также учитываться при создании многоязычных переводных, культурологических и лингвострановедческих словарей.

ММСС органично сочетает в себе принципы и собственно мотивационного словаря, обслуживающего нужды лексической теории мотивации слов, и многоязычного словаря, позволяющего легко сопоставить и сравнить с мотивологической точки зрения наименования птиц и растений, и универсального словаря, включающего в себя лингвистические и «нелингвистические» (энциклопедические) сведения.

Заключение

Результаты представленных в статье исследований, проведенных на материале разных языков в контакте с их носителями, демонстрируют продуктивность теории лексической мотивации как в теоретико-методологическом, так и в различных прикладных аспектах, прежде всего – лексикографическом. Идеи О.И. Блиновой получили развитие в описании новых лингвистических макрообъектов – образного строя языка, моделируемого через понятия образного лексико-фразеологического поля и мотивационно-образной парадигмы, а также в сопоставительно-типологическом описании мотивированных языковых единиц в пределах обширных тематических групп лексики разных языков. Таким образом, была существенно расширена эмпирическая база мотивологической теории за счет привлечения тематически и парадигматически организованных групп лексики и фразеологии русского, казахского, английского, итальянского, польского, болгарского, татарского языков; пополнен терминологический инструментарий метаязыка мотивологии.

Методология анализа обогатилась за счет новых аспектов исследования (когнитивного, дискурсивно-прагматического, аксиологического, концептологического), вписанных в общемировые тренды антропологической лингвистики XXI в. Создание словарей мотивационно связанных слов как одно из прикладных направлений мотивологии осуществляется на новом уровне лексикографирования благодаря достижениям компьютерной лингвистики и цифровым интернет-технологиям.

Теория лексической мотивации О.И. Блиновой подтвердила свой эвристический потенциал. Мотивационный анализ, синтезирующий системно-структурный и психолингвистический подходы, позволил вскрыть механизмы метаязыковой рефлексии и образного ассоциирования, приблизиться к постижению ментальных структур, воплотившихся в языковых знаках. Созданные на базе этой теории новые модели словарей сопоставительного и лингвокультурологического типов были успешно реализованы и используются в качестве источника материала для новых научных исследований и эффективного лингводидактического ресурса.

Список сокращений

Букв. – буквально; БЯ – болгарский язык; В сравн. – в сравнении; ВФ – внутренняя форма; ВФС – внутренняя форма слова; Ирон. – ироническое; КЯ – казахский язык; Ласк. – ласкательное; ЛМ – лексический мотиватор; МЗ – мотивационное значение; ММСС – многоязычный мотивационно–сопоставительный словарь; Муж. – мужской; МФ – мотивационная форма; Одобр. – одобрительное; ПЯ – польский язык; Разг. – разговорное; Регион. – региональное; РЯ – русский язык; СМ – структурный мотиватор; ТЯ – татарский язык; ФЕ – фразеологическая единица; Экспр. – экспрессивное; ЯМ – языковая метафора

Литература

1. Демешкина Т.А. Феномен личности О.И. Блиновой // Грани научной деятельности / авт.-сост. Т.А. Демешкина, В.Г. Наумов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 56 с.
2. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1974. 465 с.
3. Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект) : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 191 с.
4. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.
5. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка // Вестн. Том. гос. ун-та: бюл. оперативной науч. информ. 2004. Ноябрь. № 38. 218 с.
6. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология: методы и аспекты. Кокшетау : Келешек-2030, 2009. 264 с.
7. Блинова О.И. Концепция мотивационного словаря сибирского говора // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 1 (5). С. 5–12.
8. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3–11.
9. Блинова О.И. Лексико-семантическая категория и свойство слова // Русские говоры Сибири: Семантика. Томск: Изд-во Томского университета, 1995. С. 11–25.
10. Блинова О.И. Свойства слова и их иерархия // Изв. Алт. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. Социология. 1997. Вып. 2. С. 48–51.
11. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982–1983. Т. 1–2.

12. Юрина Е.А. Образность как категория лексикологии : дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1994. 269 с.
13. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 206 с.
14. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2001. 312 с.
15. Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
16. Юрина Е.А. Образность лексических единиц: (К вопросу о месте образности в структуре лексического значения слова) // Русские говоры Сибири. Семантика. Томск, 1995. С. 21–32.
17. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 158 с.
18. Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. Томск : UFO-Plus, 2007. 364 с.
19. Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 1. С. 5–13.
20. Блинова О.И., Юрина Е.А. Фразеология в аспекте теории мотивации (на диалектном материале) // Идиоматика и познание : материалы 1-й Междунар. науч. конф. «Фразеология и когнитивистика», Белгород, 4–6 мая 2008 г. Белгород, 2008. Т. 1. С. 58–64.
21. Шерина Е.А. Национально-культурная специфика образной лексики языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека) : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2010. 22 с.
22. Юрина Е.А., Боровкова А.В., Шенкал Г. Межъязыковая образность в речевой деятельности переводчика (на материале русского перевода турецкого романа О. Памука «Черная книга») // Язык и культура. 2015. № 4 (28). С. 126–143.
23. Юрина Е.А., Авраменко О.В., Помаролли Д. Универсальные аспекты метафоризации образов зерна и хлеба в русском, английском и итальянском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 11 (188). С. 135–139.
24. Авраменко О.В., Юрина Е.А. Ситуация поглощения пищи как концептуальное основание фразеоморфизма в русском и английском языках // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 229–244.
25. Блинова О.И. Роль психолингвистического эксперимента в изучении образности слова // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995. С. 3–4.
26. Юрина Е.А., Казакова Н.Н. Экспериментальное психолингвистическое исследование образности (на материале лексических единиц с мотивирующей кулинарной семантикой) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 53–65.
27. Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау : Келешек 2030, 2013. 238 с.
28. Юрина Е.А., Балдова А.В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 98–115.
29. Юрина Е.А., Живаго Н.А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 107–121.
30. Юрина Е.А., Помаролли Д. Библиейская символика хлеба в образных средствах русского и итальянского языков // Язык и культура. 20017. № 39. С. 84–106.
31. Помаролли Д.Ж. Концепция сопоставительного лингвокультурологического словаря пищевой метафоры на материале русского и итальянского языков // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 40–49.

32. *Словарь русской пищевой метафоры* / под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015–2019. Т. 1–3.
33. *Tілдік бейнелер аясындағы қазақ халқының тағамдық дәстүрі: лингвомәдениеттану сөздігі*. Көкшетау : Ш. Уәлиханов атындағы КМУ, 2014. 171 б. [Казахская пищевая традиция в зеркале языковых образов. Лингвокультурологический словарь. Кокшетау : Изд-во КГУ им. Ш. Уалиханова, 2014. 171 с.].
34. *Юрина Е.А.* Принципы систематизации лингвистических баз данных в электронном «Полиязычном словаре метафор» // Русский язык в поликультурном мире. Симферополь, 2019. С. 135–140.
35. *Полиязычный словарь метафор*. URL: <https://metdict.ru> (дата обращения: 24.10.2020).
36. *Блинова О.И.* Сопоставительный анализ явления мотивации слов в литературном языке и диалекте // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987. С. 242–246.
37. *Блинова О.И.* Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. 1. С. 17–24.
38. *Адилова (Жакупова) А.Д.* К сопоставительной мотивологии славянских языков (на материале наименований птиц) // *Rossica Slovaca I. Jazykovedny zbornik*. Bratislava, 1992. S. 3–8.
39. *Адилова (Жакупова) А.Д.* Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. 257 с.
40. *Козлова И.Е.* Специфика явления мотивации слов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 225 с.
41. *Филатова А.С.* Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 250 с.
42. *Чижик Н.А.* Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 235 с.
43. *Жакупова А.Д.* Психолингвистические основы сопоставительно-мотивологического исследования лексики // Вестник Павлодарского гос. ун-та. Серия Филологическая. 2008. № 3. С. 73–90.
44. *Жакупова А.Д.* Параметры сопоставительно-мотивологического исследования славянских и тюркских языков // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 20–24.
45. *Жакупова А.Д.* Лингвокультурологический аспект сопоставительно-мотивологического исследования (на материале славянских и тюркских языков) // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Полилингвизм: проблемы и перспективы». Алматы, 2012. Т. 1. С. 36–40.
46. *Жакупова А.Д.* Аспекты «Мотивационного сопоставительного словаря» как словаря нового типа. Ч. 1: Тілтаным, № 4 (28). Алматы, 2007. С. 80–87.
47. *Жакупова А.Д.* Аспекты «Мотивационного сопоставительного словаря» как словаря нового типа. Ч. 2: Тілтаным, № 1(29). Алматы, 2008. С. 47–53.
48. *Жакупова А.Д.* Концепция многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря орнитонимов и фитонимов // Коммуникативные аспекты прагматики и текста. Rzeszów, 2009. S. 44–54.
49. *Жакупова А.Д.* Тюрко-славянский мир в лексикографическом описании // Материалы Международной научной конференции «Валихановские чтения – 24». Кокшетау, 2020. С. 272–277.
50. *Мотивационно-сопоставительный словарь растений и птиц (на материале казахского и русского языков)* / под ред. А.Д.Жакуповой. Кокшетау : Келешек-2050, 2014. 256 с.
51. *Голев Н.Д.* О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Известия Алтайского гос. ун-та: Серия филологии, журналистики, истории, социологии, педагогики, юриспруденции, экономики. Барнаул, 1996. № 2. С. 7–11.

The Development of Olga Blinova's Ideas in the Linguistic Conceptions of the Figurative System of the Language and Contrastive Motivology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 170–193. DOI: 10.17223/19986645/68/8

Elena A. Yurina, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Aigul D. Zhakupova, Sh. Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: aygul.zhakupova@yandex.kz

Keywords: motivation, figurativeness, metaphor, inner form of the word, contrastive motivology, figurative system of language, lexicography, dictionary.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00194.

The article deals with the key notions of motivology developed and presented in Olga Blinova's works. The research focuses on the trends of the lexical motivation theory development in the modern concepts of the figurative system of the language (Elena Yurina) and contrastive motivology (Aigul Zhakupova). Within the framework of the theory of the figurative system of the language, the authors analyze figurative words and expressions metaphorically motivated by the names of the gastronomic sphere phenomena in Russian, English, Italian and Kazakh. Within the framework of the contrastive motivology theory, the authors study motivated names of birds and plants in Russian, Bulgarian, Polish, Kazakh and Tatar. The aim of the research presented in the article is to analyze the directions of the development of the key provisions of the theory of lexical motivation in the concepts of the figurative structure of the language and contrastive motivology; to characterize the productivity of the application of the motivological approach in the study of new linguistic macro-objects: figurative lexical and phraseological fields, motivational paradigms, motivational relations within the vast thematic groups of vocabulary of different languages; to present innovations in the methodology of analysis caused by the trends of modern linguistics. The methodology of the motivological study of the figurative structure of the language is considered on the basis of Russian, English, Italian and Kazakh vocabulary and phraseology metaphorically motivated by the names of the phenomena of the gastronomic sphere. The theory of comparative motivation is presented on the basis of motivated names of birds and plants in Russian, Bulgarian, Polish, Kazakh and Tatar. This material is analyzed in the following aspects: 1) semasiological: in line with the theory of motivation, the form, meaning and functioning of linguistic units are analyzed with access to the linguoculturological and cognitive interpretation of the results obtained; 2) psycholinguistic: the testimony of the metalanguage consciousness of native speakers is considered; 3) comparative: the features of the implementation of motivation and imagery in different languages are revealed, taking into account the metalanguage reflection of the speakers; 4) lexicographic: the optimal complex of methods and techniques of the dictionary representation of motivated words and expressions in multilingual dictionaries of the linguocultural type is considered. As a result, new linguistic models and typologies of objects of study are characterized, presented in descriptive (metalanguage of science, terminology) and lexicographic (dictionary) formats. The research results presented in the article show that the theoretical and methodological concept of lexical motivation naturally and organically fit into the trends of anthropological linguistics of the 21st century; they demonstrate the heuristic potential and productivity of this theory.

References

1. Demeshkina, T.A. (2010) Fenomen lichnosti O.I. Blinovoy [The phenomenon of O.I. Blinova]. In: Demeshkina, T.A. & Naumov, V.G. *Grani nauchnoy deyatel'nosti* [Facets of research activity]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Blinova, O.I. (1974) *Problemy dialektnoy leksikologii* [Problems of dialect lexicology]. Philology Dr. Diss. Saratov.

3. Blinova, O.I. (1984) *Yavlenie motivatsii slov (leksikologicheskii aspekt): Ucheb. posobie* [The phenomenon of word motivation (lexicological aspect): Textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Yurina, E.A. (2004) Kompleksnoe issledovanie obraznoy leksiki rusogo yazyka [A comprehensive analysis of the image-bearing vocabulary of the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: byul. operativnoy nauch. inform. – Vestnik of Tomsk State University. The Bulletin for operating scientific information*. 38.
6. Zhakupova, A.D. (2009) *Sopostavitel'naya motivologiya: metody i aspekty* [Comparative motivology: methods and aspects]. Kokshetau: Keleshek-2030.
7. Blinova, O.I. (2009) Concept of Motivational Dictionary of Siberian Dialect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (5). pp. 5–12. (In Russian).
8. Blinova, O.I. (1983) *Obraznost' kak kategoriya leksikologii* [Figurativeness as a category of lexicology]. In: *Ekspressivnost' leksiki i frazeologii* [Expressiveness of vocabulary and phraseology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 3–11.
9. Blinova, O.I. (1995) *Leksiko-semanticheskaya kategoriya i svoystvo slova* [Lexical-semantic category and property of the word]. In: Rakov, G.A. (ed.) *Russkie govory Sibiri: Semantika* [Russian Subdialects of Siberia. Semantics]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 11–25.
10. Blinova, O.I. (1997) *Svoystva slova i ikh ierarkhiya* [Word properties and their hierarchy]. *Izv. Alt. gos. un-ta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. Sotsiologiya – Izvestiya of Altai State University. Series: Philology. Journalism. Sociology*. 2. pp. 48–51.
11. Blinova, O.I. (ed.) (1982–1983) *Motivatsionnyy dialektnyy slovar': Govory Srednego Priob'ya* [Motivational dialect dictionary: Subdialects of the Middle Ob region]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.
12. Yurina, E.A. (1994) *Obraznost' kak kategoriya leksikologii* [Figurativeness as a category of lexicology]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
13. Blinova, O.I., Martynova, S.E. & Yurina, E.A. (1997) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of figurative words and expressions of folk subdialect]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Blinova, O.I., Martynova, S.E. & Yurina, E.A. (2001) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of figurative words and expressions of folk subdialect]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
15. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of figurative units of Siberian subdialect]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Yurina, E.A. (1995) *Obraznost' leksicheskikh edinits (K voprosu o meste obraznosti v strukture leksicheskogo znacheniya slova)* [Figurativeness of lexical units (On the place of imagery in the structure of the lexical meaning of a word)]. In: Rakov, G.A. (ed.) *Russkie govory Sibiri: Semantika* [Russian Subdialects of Siberia. Semantics]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 21–32.
17. Yurina, E.A. (2005) *Obraznyy stroy yazyka* [The figurative structure of the language]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2007) *Slovar' obraznykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of figurative words of the Russian language]. Tomsk: Izd-vo UFO-Plus.
19. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2008) *Image-Bearing Vocabulary of the Russian Language. Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1. pp. 5–13. (In Russian).
20. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2008) [Phraseology in the aspect of the theory of motivation (on dialect material)]. *Frazeologiya i kognitivistika* [Phraseology and Cognitive Studies]. Proceedings of the International Conference. Belgorod. 4–6 May 2008. Vol. 1. Belgorod: Belgorod State University. pp. 58–64. (In Russian).
21. Sherina, E.A. (2010) *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika obraznoy leksiki yazyka (na materiale sobstvenno obraznykh slov, kharakterizuyushchikh cheloveka)* [National-cultural

specificity of the figurative vocabulary of the language (based on the material of figurative words that characterize a person)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

22. Yurina, E.A., Borovkova, A.V. & Shenkal, G. (2015) Cross-Languages Figurativeness in Translator's Speech (Based on Russian Translation of Turkish Novel "The Black Book" by Orhan Pamuk). *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (28). pp. 126–143. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/29/8

23. Yurina, E.A., Avramenko, O.V. & Pomarolli, D. (2017) The Images of Grain and Bread in Russian, English and Italian Languages: Universal Aspects of Metaphorization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 11 (188). pp. 135–139. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-135-139

24. Avramenko, O.V. & Yurina, E.A. (2020) Food Intake Situation as a Conceptual Basis for Phraseme Formation in Russian and English Languages. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 229–244. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/70/18

25. Blinova, O.I. (1995) [The role of a psycholinguistic experiment in the study of the figurativeness of the word]. *Leksika, grammatika, tekst v svete antropologicheskoy lingvistiki* [Lexicon, grammar, text in the light of anthropological linguistics]. Conference Proceedings. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 3–4. (In Russian).

26. Yurina, E.A. & Kazakova, N.N. (2014) Experimental Psycholinguistic Study of Imagery (Based on the Lexical Units With Motivating Culinary Semantics). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (31). pp. 53–65. (In Russian).

27. Yurina, E.A. (2013) *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Delicious metaphors: food tradition in the mirror of linguistic images]. Kokshetau: Keleshek-2030.

28. Yurina, E.A. & Baldova, A.V. (2017) Food Metaphor in Conceptualization, Categorization and Verbalization of Representations About the World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 98–115. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/7

29. Yurina, E.A. & Zhivago, N.A. (2015) Metaphorization of Eating in the Imagery of the Russian Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 107–121. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/35/9

30. Yurina, E.A. & Pomarolli, G. (2017) The biblical symbolism of bread in figurative means of Russian and Italian languages. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 39. pp. 84–106. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/39/6

31. Pomarolli, G. (2018) Proposal for compiling a comparative linguo-cultural dictionary of food metaphors in Russian and Italian languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 40–49. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/5

32. Yurina, E.A. (2015–2019) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State University.

33. Yurina E.A. et al. (eds) (2014) *Kazakh food tradition in the mirror of linguistic images. A linguoculturological dictionary*. Kokshetau: Kokshetau State University.

34. Yurina, E.A. (2019) [Principles of systematization of linguistic databases in the electronic "Multilingual dictionary of metaphors"]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [The Russian language in the multicultural world]. Proceedings of the International Symposium. Simferopol: ARIAL. pp. 135–140. (In Russian).

35. *Poliyazychnyy slovar' metafor* [Multilingual dictionary of metaphors]. Website. [Online] Available from: <https://metdict.ru>. (Accessed: 24.10.2020).

36. Blinova, O.I. (1987) Sopostavitel'nyy analiz yavleniya motivatsii slov v literaturnom yazyke i dialekte [Comparative analysis of the phenomenon of word motivation in the standard language and dialect]. In: Neshchimenko, G.P. (ed.) *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov* [Comparative study of word formation of Slavic languages]. Moscow: Nauka. pp. 242–246.

37. Blinova, O.I. (1994) *Sopostavitel'naya motivologiya* [Comparative motivology]. In: Rezanova, Z.I. et al. (eds) *Voprosy slovo- i formoobrazovaniya v indoevropeyskikh yazykakh: Semantika i funkcionirovanie* [Issues of word and form building in Indo-European languages: Semantics and functioning]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 17–24.
38. Adilova (Zhakupova), A.D. (1992) *K sopostavitel'noy motivologii slavyanskikh yazykov (na materiale naimenovaniy ptits)* [On the comparative motivology of Slavic languages (based on the names of birds)]. In: *Rossica Slovaca I. Jazykovedny zbornik*. Bratislava: SPN. pp. 3–8.
39. Adilova (Zhakupova), A.D. (1996) *Printsiipy motivologicheskogo issledovaniya i ego aspekty (na materiale naimenovaniy ptits)* [Principles of a motivology study and its aspects (based on the names of birds)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
40. Kozlova, I.E. (1999) *Spetsifika yavleniya motivatsii slov v russkom yazyke* [Specificity of the word motivation phenomenon in Russian]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
41. Filatova, A.S. (2004) *Tematicheskie gruppy russkogo yazyka v motivatsionno-sopostavitel'nom aspekte* [Thematic groups of the Russian language in the motivational-comparative aspect]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
42. Chizhik, N.A. (2005) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy aspekt issledovaniya predmetno-bytovoy leksiki russkogo yazyka* [Motivational and comparative aspect of the study of the presentive everyday vocabulary of the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
43. Zhakupova, A.D. (2008) *Psikholingvisticheskie osnovy sopostavitel'no-motivologicheskogo issledovaniya leksiki* [Psycholinguistic foundations of comparative-motivological study of vocabulary]. *Vestnik Pavlodarskogo gos. un-ta. Seriya Filologicheskaya*. 3. pp. 73–90.
44. Zhakupova, A.D. (2008) Parameters of the Contrastive Motivological Research of the Slavic and Turkic Languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 316. pp. 20–24. (In Russian).
45. Zhakupova, A.D. (2012) [The linguoculturological aspect of comparative motivological research (based on the material of the Slavic and Turkic languages)]. *Polilingvizm: problemy i perspektivy* [Polylingualism: Problems and Prospects]. Proceedings of the International Conference. Vol. 1. Almaty: KazATK. pp. 36–40. (In Russian).
46. Zhakupova, A.D. (2007) *Aspekty "Motivatsionnogo sopostavitel'nogo slovary" kak slovary novogo tipa. Ch.1* [Aspects of the "Motivational Comparative Dictionary" as a new type of dictionary. Part 1]. *Tiltanym*. 4 (28). pp. 80–87.
47. Zhakupova, A.D. (2008) *Aspekty "Motivatsionnogo sopostavitel'nogo slovary" kak slovary novogo tipa. Ch. 2* [Aspects of the "Motivational Comparative Dictionary" as a new type of dictionary. Part 1]. *Tiltanym*. 1(29). pp. 47–53.
48. Zhakupova, A.D. (2009) *Kontseptsiya mnogoyazychnogo motivatsionno-sopostavitel'nogo slovary ornitonimov i fitonimov* [The concept of a multilingual motivational-contrastive dictionary of ornithonyms and phytonyms]. In: Czapigi, A. & Czapigi, Z. (eds) *Kommunikativnye aspekty pragmatiki i teksta* [Communicative aspects of pragmatics and text]. Rzeszów: [s.n.]. pp. 44–54.
49. Zhakupova, A.D. (2020) *Tyurko-slavyanskiy mir v leksikograficheskom opisanii* [The Turkic-Slavic world in the lexicographic description]. *Valikhanovskie chteniya – 24* [Valikhanov Readings – 24]. Proceedings of the International Conference. Kokshetau: Kokshetau State University. pp. 272–277. (In Russian).
50. Zhakupova, A.D. (ed.) (2014) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' rasteniy i ptits (na materiale kazakhskogo i russkogo yazykov)* [Motivational comparative dictionary of plants and birds (based on the Kazakh and Russian languages)]. Kokshetau: Keleshek-2050.
51. Golev, N.D. (1996) *O prirode motivatsionnykh assotsiatsiy v leksike russkogo yazyka* [On the nature of motivational associations in the vocabulary of the Russian language]. *Izvestiya Altayskogo gos. un-ta: Seriya filologii, zhurnalistiki, istorii, sotsiologii, pedagogiki, yurisprudentsii, ekonomii – Izvestiya of Altai State University. Series: Philology, Journalism, History, Sociology, Pedagogy, Jurisprudence, Economics*. 2. pp. 7–11.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-144

DOI: 10.17223/19986645/68/9

Е.Е. Анисимова

«ТО СВАТ НАШ ГАРАЛЬД СОБИРАЕТСЯ ПЛЫТЬ»: РУССКАЯ ИСТОРИЯ В БАЛЛАДАХ А.К. ТОЛСТОГО¹

Изучаются баллады А.К. Толстого как этап исторической поэтики жанра. В работе показано, что поэт, опираясь на сюжеты «Истории государства Российского» и концепцию «ига татарского» Н.М. Карамзина, отразил в своих балладах собственные представления о национальной истории. Жанровый эксперимент поэта представлял по отношению к романтической балладе В.А. Жуковского последовательно разработанной системой минус-приемов. Материалом исследования выступили баллады и письма А.К. Толстого в контексте научных и общественных дискуссий середины XIX в. о генезисе и дальнейшей судьбе России.

Ключевые слова: баллада, жанр, историческая поэтика, А.К. Толстой, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин.

В момент зарождения в конце 1800-х – начале 1810-х гг. канон русской баллады, складывавшийся усилиями на первых порах одного В.А. Жуковского, подразумевал создание многомерных в содержательном отношении текстов, в мотивах которых содержались переключки со многими сопредельными жанру «рядами»: историко-событийным, литературно-эстетическим, а также формируемой житнетворческой программой самого «первого русского романтика». Произведения писались как сложноустроенные тексты, понимание которых не в последнюю очередь зависело от воспринимающего сознания читателя. Так, программные баллады Жуковского могли одновременно прочитываться как история об экстраординарном событии в судьбе персонажа, как метафора драматической биографии самого поэта и – под определенным углом зрения – как рефлексия национальной истории, в частности сюжета о двойниках-самозванцах². То есть в формирующуюся концепцию жанра Жуковским был заложен широкий «веер» потенциальных рецептивных прочтений, которые затем в русской литературе более поздних эпох специфицировались и нередко получали отдельную разработку у того или иного автора.

Уже в пронизанном диалогизмом художественном мире Пушкина [4. С. 97] это свойство созданной Жуковским национальной баллады

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-00046.

² Об историко-идеологическом потенциале текстов Жуковского см.: [1–3].

нашло свое яркое воплощение. Несмотря на незначительное количество баллад в репертуаре поэта, в ее истории он занимает одно из центральных мест, являясь создателем эталонного для этого многомерного жанра текста – лирической баллады «Бесы». В ней история о заплутавших путниках включила в себя намек на биографического автора – актуальный для осени 1830 г. его неопределенный статус жениха¹, причем всё это оказалось спроецировано на обобщенно национальную ситуацию, в которой «потерявшими путь» оказываются исторические попутчики – барин и мужик. Многозначность таких образцов жанра отмечалась современниками, но в полной мере была осознана лишь в дальнейшей рецептивной судьбе текста. Однако «Светлана» Жуковского или «Бесы» Пушкина являются скорее теми исключениями, которые подтверждают правило исторической судьбы жанра. Наиболее распространенным сценарием в истории баллады была практика создания «специфицированных» одномерных текстов, подразумевающих считывание читателем вполне определенных смыслов. Одним из таких авторов-балладников середины XIX в. стал А.К. Толстой.

По словам С.С. Аверинцева, «каждый литературный жанр есть явление историческое <...> жанры постепенно приобретают и накапливают свои признаки – необходимые и достаточные условия своей идентичности, затем “живут”, разделяя участь всего живого, то есть терпя изменения; иногда “умирают”, уходят из живого литературного процесса, иногда возвращаются к жизни, обычно в преобразованном виде» [6. С. 104]. Причем, по наблюдению ученого, «неоднородность статуса жанра» проявляется не только в переходах от одного историко-литературного периода к другому, «но и в синхроническом разрезе» [Там же. С. 107].

Историческая поэтика позволяет проследить, как внутренняя мера жанра откликается на меняющийся историко-культурный контекст той или иной эпохи. В середине XIX в. судьба баллады имела отчетливо двойственный характер. С одной стороны, литературная баллада схематизировалась и использовалась в качестве жанрового шаблона. К характерным образцам этого направления следует отнести пародийные баллады Козьмы Пруткова, поэтов «Искры», а позднее – Вл. Соловьева. Еще одним вариантом работы с готовой жанровой схемой было творчество Н.А. Некрасова, использовавшего ритмику и ужасы романтической баллады для иллюстрации социальных конфликтов. Позднее ту же тенденцию мы увидим в творчестве других авторов, например К. Фофанова. Этот механизм движения жанра «по нисходящей» и его переработка в пародиях, распадавшихся на два основных типа: с преобладанием пародийной функции или пародической формы, хорошо известен и описан еще в работах Ю.Н. Тынянова.

С другой стороны, в тот же исторический период А.К. Толстой параллельно со своими пародийными и сатирическими опытами, как авторски-

¹ Об этом см.: [5. С. 15–20].

ми, так и написанными под маской Козьмы Пруtkова¹, предпринимает попытку создать балладу нового типа. В 1840–1860-е гг. он оказывается единственным крупным русским поэтом, в репертуаре которого баллада занимает одно из центральных мест и напрямую не воспроизводит образцы жанра, созданные в русской литературе первой трети XIX века. Новый характер баллады А.К. Толстого определен современником поэта И.С. Тургеневым следующим образом: «...он (А.К. Толстой. – Е.А.) был создателем нового у нас литературного рода – исторической баллады, легенды; на этом поприще он не имеет соперников – и в последней из них, помещенной в октябрьском № “Вестника Европы” (в день известия о его смерти!), он достигает почти дантовской образности и силы» [8. С. 185]. Закономерно, что историки литературы неоднократно обращались к жанровому репертуару поэта [9–15]. В данной работе мы предприняли попытку исследовать структурные и семантические трансформации баллады А.К. Толстого как определенный этап истории жанра.

* * *

Сформулируем ключевой тезис нашей работы. Балладное творчество А.К. Толстого как целое представляет собой перемещение в историко-идеологическую плоскость сюжета о происхождении героя, основаниях его легитимности. Такая намеренная идеологизация балладного текста органично входила в контекст научных и общественных дискуссий середины XIX в. о генезисе и дальнейшей судьбе России² и перекликалась со спорами о доминировании в ее истории европейского, азиатского или симбиотически того и другого начала. С инструментальной точки зрения жанровый эксперимент поэта предстал по отношению к романтической балладе В.А. Жуковского последовательно разработанной системой минус-приемов, которые преобразили, прежде всего, уровни художественной модальности, интонации и сюжетно-мотивной организации текста. Остановимся на этом более детально.

Активное использование А.К. Толстым сюжетов и образов русского фольклора и национальной истории является своего рода запоздалым ответом на дискуссии первой трети XIX в. Как мы помним, первая знаковая полемика 1816 г. о новом жанре была во многом обусловлена тем, что критики не столько оценивали мастерство литераторов, сколько рассматривали их произведения как попытку создать народную балладу. Оппоненты в этом и других аналогичных спорах³ эпохи романтизма исходили из различных подходов к национальному началу в литературе. Одни считали, что оно обеспечивается освещением событий с ценностной позиции рус-

¹ О творчестве создателей Козьмы Пруtkова как форме литературной и, в частности, жанровой рефлексии см.: [7].

² См.: [16, 17].

³ См.: [18].

ского человека, другие полагали, что обязательным условием является обращение к сюжетам русской истории и фольклора, а также бытовым деталям национальной жизни.

К середине XIX в. внимание к национальному в литературе было обусловлено не только романтической картиной мира, но и историко-культурным контекстом эпохи. Интерес к национальной истории в рассматриваемый период имел беспрецедентный характер и определялся рядом связанных между собой факторов – патриотическим подъемом, вызванным Отечественной войной 1812 г.¹, выходом карамзинской «Истории государства Российского», спором западников и славянофилов, обсуждением крестьянского вопроса. Одним из показательных случаев в этом смысле стал словесный поединок двух русских историков – Н.И. Костомарова и М.П. Погодина в 1860 г., во время которого слушатели создали настоящую давку². Предметом публичного спора, вызвавшего небывалый общественный резонанс, был вопрос о происхождении Руси. Если исследователи и их слушатели фокусировались в данном случае на генезисе российской государственности, а большинство современников А.К. Толстого – на оценке преобразований Петра I, то историческая рефлексия писателя была обращена к другому «поворотному», на его взгляд, событию русской культуры – ордынскому игу и его последствиям.

Главным источником сюжетов для исторических сочинений А.К. Толстого послужила «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Уже для последующего изучения заинтересовавших его событий поэт привлекал дополнительные материалы – как отечественные, так и зарубежные. По его признанию, при работе с источниками он не стремился к документальной точности и при необходимости отступал от исторической достоверности, чаще всего допуская анахронизмы, позволяющие вписать в рамки одного произведения события, происходившие в разное время. Если говорить о концептуальном ядре карамзинского многотомного труда, то его ключевые слагаемые легли в основу историософии А.К. Толстого и определили специфику его баллад о Киевской Руси.

Немало работ посвящено причинам беспрецедентной популярности у современников Карамзина сюжетов из словно заново открытой им национальной истории. По мнению Н.Я. Эйдельмана, этот небывалый успех обеспечивался двумя факторами. Во-первых, Карамзин создал новый язык. Во-вторых, ответил на возросшую потребность общества, пережившего в 1812 г. «приобщение к истории» [23. С. 725]. По наблюдению О.А. Проскурина, «Карамзину удалось выполнить две задачи. Во-первых, он дал России нечто вроде героического эпоса, без которого нация страдает комплексом неполноценности... <...> И, во-вторых, Карамзин адаптировал

¹ Об идеологической риторике в произведениях русской литературы непосредственно 1812–1814 гг. см.: [19–21].

² См.: [22. С. 296]. Победителем интеллектуальной дуэли стал сторонник норманнской концепции Н.И. Костомаров.

эпос к интересам современной личности. Если перефразировать М.М. Бахтина, Карамзин “романизировал” эпос» [24. С. 800]. Наконец, С.О. Шмидт отмечает: «Карамзин открыл русскую историю для русской культуры, побудил многих писателей, мастеров кисти и резца, композиторов сделать ее темой творчества» [25. С. 811]. Иначе говоря, именно Карамзин выступил в роли создателя мифа о национальной истории, который в дальнейшем оказался точкой отсчета для последующей художественной и научной рефлексии. В литературе под влиянием карамзинской «Истории...» создавалось большое количество сочинений, но до появления А.К. Толстого единственным крупным произведением оставался пушкинский «Борис Годунов».

В современной науке Карамзин считается первым идеологом концепции порабощения Руси монголами, главными последствиями которого, по мнению историографа, стали отставание от Европы и рождение самодержавия как средства преодолеть отставание [26. С. 93]. Пересмотр силы и характера влияния Золотой Орды на Русь в исторической науке состоится несколько позднее – в работах В.О. Ключевского и С.М. Соловьева, считавших, что существенного воздействия на сам вектор развития Руси иго не оказало. Последствиям монголо-татарского нашествия была посвящена отдельная глава пятого тома труда Карамзина – «Состояние России от нашествия татар до Иоанна III». Историк стремился выделить не только отрицательные, но и положительные следствия 243-летнего владычества Орды: в частности, последующие установление самодержавия и усиление государственной власти он безоговорочно одобрял.

Ключевым тезисом Карамзина, повлиявшим на мировоззрение и творческую практику А.К. Толстого, стало представление об изначально европейском характере государственности и культуры Руси и его искажении под воздействием монголо-татарского ига. «Было время, когда она, рожденная, возвеличенная единовластием, – пишет о домонгольской Руси Карамзин, – не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим Европейским Державам, основанным на развалинах Западной Империи народами Германскими; имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы Государственные, сообщенные нам Варяжскими или Немецкими Князьями, явилась в новой политической системе Европы с существенными правами на знаменитость и с важною выгодною быть под влиянием Греции, единственной Державы, не испроверженной варварами» [27. Кн. 2. С. 195]. По мнению историка, за период монголо-татарского ига Русь значительно отстала от Западной Европы: «Внутренний государственный порядок изменился: все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезало»; «Европа нас не узнавала: но для того, что она в сии 250 лет изменилась, а мы остались, как были» [Там же. С. 199, 205]. Отложенным следствием нашествия стали изменения национального характера, который приобрел некоторые азиатские черты. Впрочем, европейское начало в русском человеке, считает Карамзин, всё равно преобладало: «К тому же, несмотря на унижение рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство в отношении к народу кочующему. Следствием было,

что Россияне вышли из-под ига более с Европейским, нежели Азиатским характером» [27. Кн. 2. С. 205].

* * *

Обратимся к тому, как аспекты данной концепции Карамзина творчески развиваются и переосмысливаются А.К. Толстым. Историческая катастрофа, по мнению писателя, состояла в том, что в это время Русь утратила исконный европейский тип государственности и культуры и приобрела азиатские, деспотические черты, наиболее последовательно воплотившиеся в феномене Ивана Грозного. 7 февраля 1869 г. он пишет критику Б.М. Маркевичу: «Тенденций я не придерживаюсь, это Вам известно, но бывают тенденции невольные, и я собираюсь написать несколько баллад из нашего европейского периода, *так туда сердце и тянет*. <...> Ненависть моя к московскому периоду – некая идиосинкразия, и мне вовсе не требуется принимать какую-то позу, чтобы говорить о нем то, что я говорю. Это не какая-нибудь тенденция, это – я сам. И откуда это взяли, что мы антиподы Европы? Над нами пробежало облако, облако монгольское, но было это всего лишь облако, и пусть черт его умчит как можно скорее» [28. С. 319]. Этот образ, по всей видимости, позаимствован А.К. Толстым непосредственно из «Истории государства Российского» Карамзина, который поэтически изображал Золотую Орду в виде преграды, закрывающей «свет» западного мира: «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу <...>»; «Монголы как бы заградили нас от Европы» [27. Кн. 2. С. 196, 213] и т.п.

А.К. Толстой обращается к трагическим событиям русской истории, используя в качестве языка описания жанры, фокусирующиеся на проблеме прошлого и в то же время позволяющие продемонстрировать острый идеологический конфликт – балладу, историческую трагедию и исторический роман. Причем если в драматургии и романе автор последовательно избирает ненавистный ему московский период русской истории, то баллада оказывается более гибким жанром, позволяющим погрузиться в разные эпохи. Смена временной дистанции в балладах позволяет А.К. Толстому продемонстрировать свою концепцию русской истории в динамике: от домонгольской идиллии и тревожных предзнаменований ее скорого разрушения – к последствиям монголо-татарского ига в московский и послепетровский периоды.

Баллады, посвященные историческим сюжетам домонгольского времени, сам автор называл «европейскими» и «нормано-русскими». Они были призваны обосновать европейский характер государственности и культуры Киевской Руси. 7 февраля 1869 г. поэт писал М.М. Стасюлевичу: «Не могу сказать Вам, до чего доходит моя симпатия к нашему норманскому периоду и моя ненависть к московскому. Попавши раз в норманскую колею, я не могу остановиться и начал новую балладу из той же эпохи» [28. С. 321].

Одним из главных доводов в пользу вовлеченности Руси в европейскую историю, по наблюдению Карамзина, являлись брачные союзы европей-

ских венценосцев с русскими князьями, которые прекратились из-за Золотой Орды [27. Кн. 2. С. 213]. В своих балладах и комментирующих их письмах издателю и критику поэт подробно останавливается именно на таких исторических сюжетах. В тот же день он пишет Б.М. Маркевичу: «Мой юный друг, я не ответил на два последние Ваши письма, потому что 1) я был погружен во второе действие “Бориса”, 2) потому что, занимаясь норманнским периодом нашей истории, я наткнулся на факт вполне известный, но весьма мало использованный, а именно – замужество дочерей Ярослава, и это побудило меня написать балладу, которую и прилагаю.<...> У Ярослава было три дочери – Елизавета, Анна и Анастасия. Анна вышла замуж за Генриха I, короля Франции <...>. Третья дочь, Анастасия, стала женой короля Венгрии Андрея. К первой же, Елизавете, посватался Гаральд Норвежский, тот самый, что воевал против Гаральда Английского и был убит за три дня до битвы при Гастингсе, стойвшей жизни его победителю» [28. С. 317]. Таким образом, баллада «Песня о Гаральде и Ярославне», посвященная тому, как будущий король Норвегии добивался руки русской княжны, помещает, по мысли Толстого, Древнюю Русь в координаты большой европейской истории, а династию Рюриковичей включает в один ряд с ведущими западными династиями.

А сам он у моря, с веселым лицом,
В хламиде и в светлой короне,
Норвежским избранный от всех королем,
Сидит на возвышенном троне.

Отборных и грядней и отроков рой
Властителю служит уставно;
В царьградском наряде, в короне златой
С ним рядом сидит Ярославна [29. Т. 1. С. 640–641].

Законность династического союза Руси и Западной Европы в тексте баллады усиливается указанием на легитимный характер коронации Гаральда как избранного правителя. А.К. Толстой был яростным сторонником славянского веча и других исторических форм демократии и прибег для создания нужного акцента к очередному анахронизму. Бракосочетание Харольда III Сурового и дочери Ярослава Мудрого относится к 1043–1044 гг., а его воцарение на норвежском троне – к 1046-му, в то время как в балладе данные события происходят одновременно.

Второй частью задуманной А.К. Толстым балладной диалогии, о которой он сообщал издателю, стали «Три побоища». Объясняя М.М. Стасюлевичу «норманский тон» этой баллады, поэт вновь вдается в подробности русско-европейских династических браков. Развивая свою мысль о принципиальном значении родственных связей Рюриковичей с европейскими дворами, А.К. Толстой приходит к выводу, что эти кровные узы делают ключевые европейские события частью русской национальной истории: «Как оно ни кажется странно для русской баллады, но сюжет ее: смерть

Гаральда Гардрада норвежского в битве с Гаральдом Годвинсоном английским; смерть Гаральда английского в Гастингском сражении; разбитие Изяслава на Альте половцами. Эти три битвы случились: первые две в 1066, а последняя в 1068, но мне до этого нет дела, и я все три поставил в одно время» [28. С. 322].

Заявленная в «Песне о Гаральде и Ярославне» тема русско-европейских династических связей на примере союза короля Норвегии и дочери Ярослава в балладе «Три побойща» развивается и демонстрирует разнообразие родственных и иных связей правителей Руси и Европы: «То сват наш Гаральд собирается плыть»; «Гаральда-варяга в Британии ждет / Саксонец Гаральд, его тезка»; «У норской у пристани главной / <...> Золовка сидит Ярославна»; «То князь их Вильгельм собирается плыть, / <...> Он хочет отца моего погубить» [29. Т. 1. С. 694–697] и т.д. Причем если единство европейского и русского исторического времени достигалось стяжением происходящего в течение трех лет к одному дню, то эффект общности европейского и русского пространств демонстрировался на сюжетном-мотивном уровне: вóроны, клевавшие тела погибших во всех трех сражениях, слетаются вместе и обмениваются друг с другом репликами.

После окончания «норманской» балладной дилогии А.К. Толстой приобрёл незадолго до этого вышедшую «Историю Дании» немецкого историка Ф.К. Дальмана, в которой нашел некоторые подтверждения своим мыслям. В письме Маркевичу от 26 марта 1869 г. он выписал оттуда следующий фрагмент: «В России сперва называли варягами тех скандинавов, которые в IX веке устремились в эту страну и бросили в ее почву благородное зерно германской государственности, к сожалению, уничтоженное впоследствии яростью монголов, обрушившихся на Россию, как стая саранчи». Далее писатель комментирует: «хотя Дальман и ошибается, приписывая скандинавам установление у нас свободы. Скандинавы не устанавливали, а нашли уже вполне установившееся вече. Заслуга их в том, что они его сохранили, в то время как гнусная Москва его уничтожила – вечный позор Москве! Не было нужды уничтожать свободу, чтобы победить татар, не стоило уничтожать деспотизм меньший, чтобы заменить его большим» [28. С. 329]¹.

Как видно из приведенного фрагмента, историю Руси А.К. Толстой моделирует по образцу романтической баллады: идиллический союз Руси и варягов, который в перспективе органицистской метафоры *брошенного в почву* зерна и тщательно отбираемых поэтом сюжетов о женитьбе европейцев на русских княжнах воспринимался в том числе и в смысловых координатах любовно-брачных отношений, оказывается разрушенным безза-

¹ В этом же письме А.К. Толстой оставляет негативный комментарий о «Войне и мире» своего великого однофамильца: «Какого Вы мнения об этой книге? Я в ней вижу предвзятое стремление доказать, что все, начиная от Наполеона и кончая офицером без сапог, все без исключения действуют как сомнамбулы, не зная ни куда они идут, ни чего хотят» [28. С. 329].

конным вторжением ордынцев, занявших место скандинавов и бросивших на русскую почву своё «семя»¹. Роль А.К. Толстого в истории жанра состоит в числе прочего и в том, что он сегментирует балладный сюжет, традиционно представляющий собой движение от идиллики к ее разрушению и трагической развязке. В «норманнских» балладах поэт фиксирует установившийся миропорядок, или, иначе говоря, историческую и этическую норму, и тревогу по поводу ее вероятного нарушения, а в «московских» и современных балладах акцентирует саму трагическую коллизию вторжения «азиатского» начала в русскую историю и, главное, картину мира. В итоге в балладном репертуаре А.К. Толстого появляются своего рода баллады-«перевёртыши», посвященные сюжетам о «верном» происхождении и правильном брачном союзе, причем эти свойства являются чем-то вроде минус-приема относительно «нормативного» мертвеца и «нарушителя» и ощущаются как балладные в общем контексте творчества писателя и исторических дискуссий эпохи. Установкой Толстого в этих балладах, очевидно, становится попытка «умиротворить» не только русскую историю, как он ее видит, но и сам жанр, отведя его от трагического модуса: история *нелегитимного* как бы опрокидывается историей легитимации.

В своем следующем письме издателю из Одессы А.К. Толстой приносит извинения еще за один анахронизм в «Трех побоищах», объясняя его следующим образом: «...битва Изяслава с половцами произошла три года после Гастингской битвы, а что хуже всего, он был убит не в этой битве, а в другой. Все это я знаю, но позволил себе умышленную неточность <...>. Цель моя была передать только колорит той эпохи, а главное, заявить нашу общность в то время с остальной Европой, назло московским русопетам, избравшим самый подлый из наших периодов, период московский, представителем русского духа и русского элемента.

И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

<...> Здесь есть какая-то свинья, профессор Юргевич, доказывающий пространно, что норманнов никогда не было на Руси, а что имена Карл, Свинельд, Фрелаф, Руальд и т.д. суть имена турецкие. Вот нашлась охота давать себе пощечины, *sans y être obligé!*» [28. С. 326].

Несмотря на поколенческую дистанцию и принадлежность А.К. Толстого к другой литературной эпохе, его эпистолярное наследие показывает, что «норманские» баллады писались во внутренней полемике с собирательно, некритически объединенным наследием Жуковского: «...на тогдашний период набрасывается еще вовсе нетронутый свет, чрезвычайно заманчивый и не имеющий ничего общего с подлым московским

¹ Б.Н. Путилов изучил этот мотив на примере русских фольклорных баллад о полюдьях и насильственном сватовстве. См. главу II «Песни о татарском и турецком полюдье» в его кн.: [30].

колоритом. Когда сживешься с дотатарской нашей Русью, тогда кажутся очень странными стихи Жуковского, начинающиеся: “Да помнит славянин, Что он наперсник славы” <...>. Это уж вовсе не в норманском тоне, а скорее в аракеевском» [28. С. 322].

В разговоре о балладах поэта трудно обойти проблему «А.К. Толстой и Жуковский», которая формулируется самими правилами историко-литературного процесса и обусловлена позиционированием автора «Князя Серебряного» как нового «русского балладника». Если за Жуковским закрепилось реноме «первого русского романтика», то творчество А.К. Толстого исследователи традиционно относят к позднему романтизму [31. С. 346, 347]. По признанию самого поэта, от предшественников и современников его отличал мажорный тон поэзии. По мнению И.Г. Ямпольского, мажорность А.К. Толстого сближала его «с духом русского народа» [Там же. С. 346], на который тот ориентировался, воссоздавая национальную старину. 5 мая 1869 г. он писал Б.М. Маркевичу: «...могу охарактеризовать свое творчество в поэзии как мажорное, что резко отлично от преобладающего минорного тона наших русских поэтов, за исключением Пушкина, который решительно мажорен. Это у меня происходит прежде всего оттого, что по-французски я иногда употребляю слова “задница”, “дерьмо”, которые решительно мажорны. *Жуковский* не употреблял их никогда» [28. С. 341].

По всей видимости, такая характеристика Жуковского писателем не была голословной. Он был с детства знаком с автором «Светланы», более того, последний принял участие в жизни будущего поэта. Юный Алеша Толстой по ходатайству наставника цесаревича вошел в число детей, которые приглашались по воскресеньям для игр с наследником [32. С. 29]. Эта услуга имела отложенные последствия. Александр II был привязан к своему сотоварищу и долго не отпускал поэта с придворной службы, давая ему поручения, требовавшие честного и беспристрастного исполнения обязанностей. Желание покинуть службу и посвятить себя творчеству было поэтизировано А.К. Толстыми и воплощено им в повторяющемся сюжете отказа приближенного к князю / царю / императору от всех привилегий (например, «Иоанн Дамаскин», «Князь Михайло Репнин», «Илья Муромец» и т.д.). Жуковский был одним из первых «критиков» стихотворений юноши, которые тот передавал ему для оценки и одобрения [22. С. 50; 32. С. 38]. А в 1836 г. А.К. Толстой стал свидетелем работы К. Брюллова над картиной «Гадающая Светлана», которая писалась в доме его родственника [Там же. С. 65–67; 33. С. 89] наряду с семейными портретами.

Воспитанием юноши занимался главным образом его дядя А.А. Перовский, в литературе известный под псевдонимом Антоний Погорельский. В кругу современников были распространены слухи о том, что Перовский приходился А.К. Толстому не только дядей, но и отцом [34. Р. 7; 35. С. 170; 36. С. 15–21]. Сам писатель, как и другие непосредственные участники событий, этот вопрос не комментировал, но судя по тому, что потомки Перовских позднее выступили в печати с опровержением

публикации П.П. Гнедича о незаконном рождении А.К. Толстого, вопрос о его происхождении был предметом обсуждения, по крайней мере для двух поколений [37. С. 305; 38. С. 170–171; 39]. Не менее интересной и более популярной была история происхождения самого рода Перовских – побочной ветви Разумовских, из которого происходил поэт (мать А.К. Толстого – урожденная Перовская. – Е.А.). В этом смысле вопрос о происхождении для А.К. Толстого, как и для В.А. Жуковского, носил не только историко-культурный, но и личный характер, что располагало к экспериментам в области баллады как жанра, сюжетным и ценностным ядром которого, сформированным на русской почве самим Жуковским, было вторжение прошлого в настоящее.

Избрав для себя балладу в качестве одного из ведущих поэтических жанров, А.К. Толстой дистанцируется от «минорного тона» произведений Жуковского и переносит балладный конфликт в историко-идеологическую плоскость. Важным фактором для понимания его авторской версии баллады является ближайший жанровый контекст. Если для Жуковского в него входили главным образом лирические жанры, то А.К. Толстой помещал свои произведения в раздел «Баллады, былины, притчи». По замечанию А.В. Федорова, такая номинация вместе с практикой использования былинных героев в балладных сюжетах привела к распространенному заблуждению, что поэт являлся создателем литературной былины. «Сам автор прекрасно понимал бесполезность творческого состязания с народной былинной, – поясняет далее исследователь, – сознательно усиливая лирический аспект в своих балладах, выбирая из былинного сюжета лишь один эпизод, чтобы глубже показать внутреннее состояние героя» [15. С. 553–554].

А.К. Толстой разработал собственную технику создания текста на границе литературы и устного народного творчества. Так, к числу наиболее частотных приемов фольклоризации жанра можно отнести обильное использование народных названий деталей быта и природных явлений (летник, купырь, очерестьянка, купавка, певник и т.д.), выбор в качестве героев былинных богатырей, как общеизвестных (Алеша Попович, Илья Муромец, Садко), так и безымянных или менее популярных («Богатырь», «Поток-богатырь» и др.), использование строк известных народных песен в качестве балладных зачинов и целых сюжетов, которым придавались новые смыслы (например, «Ой, кабы зимою цветы расцветали» – «Ах, кабы на цветы не морозы, / И зимой бы цветы расцветали»; «Пантелей-государь ходит по полю» – «Пантелей-государь ходит по двору»; «Чужое горе» – народно-поэтический сюжет о горе, которое преследует героя в песнях «Горе», «Ох, в горе жить – не кручину быть!..», «О горюшке» [29. Т. 2. С. 299, 300, 314–315]). «Изобретение» русской народной баллады не было для А.К. Толстого самоцелью. Его программные произведения в значительной степени опирались на русскую историографию и выражали историософскую концепцию писателя.

Если продолжить разговор об особенностях сюжетостроения толстовских баллад, то в первую очередь необходимо отметить последовательную трансформацию сюжета о возвращающемся мертвецце. Одной из версий

этого балладного сюжета становятся произведения о путешествиях во времени (например, «Богатырь», «Чужое горе», «Змей Тугарин», «Поток-богатырь»). Герои таких баллад – богатыри и князь Владимир, являясь носителями «европейских», домонгольских ценностей, оказываются в «ханском» государстве, в котором трудно узнать прежнюю Русь. К последствиям ордынского ига А.К. Толстой относит не только непосредственно московский период, но и общественную ситуацию середины XIX в.:

И подумал Поток: «Уж, Господь борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обожать!
Мне сдается: такая потребность лежать
То пред тем, то пред этим на брюхе
На вчерашнем основана духе!» [29. Т. 1. С. 632]

Если у Жуковского условно «недолжное» вторгалось в пространство регулярной жизни, то у А.К. Толстого при сохранении событийной канвы меняются этический акцент и, соответственно, расстановка действующих лиц: носитель идеальной «нормы» приходит свидетельствовать уклонившееся от «нормы» пространство. В этом смысле все баллады младшего поэта об эпохе Ивана Грозного построены по внешним очертаниям старого сюжета, передавая ему при этом решительно иной смысл: угроза видится не в таинственном прошлом, грозящем посюсторонней реальности своими мертвецами, а именно в уклонении самого настоящего от исторического идеала, далеко разошедшегося с прежней нормой. Так, Василий Шибанов, князь Михайло Репнин и старицкий воевода из одноименного произведения, руководимые общим им этосом, в духе русской агиографии свидетельствуя правду, «вторгаются» в мир опричнины и произвола царя-деспота. На событийном уровне балладные герои терпят поражение, одерживая, однако, моральную победу и демонстрируя тем самым свое историческое превосходство.

Другим примером трансформации сюжета о возвращении мертвеца стала баллада «Курган», являющаяся своего рода эстетическим манифестом поэта. Центральный образ произведения – всеми забытый курган, под которым зарыт прах знаменитого когда-то богатыря, безымянного «наездника державного». В двух неопубликованных автографах этой баллады текст имел продолжение: в нём миру являлась тень забытого витязя – мотив, от которого А.К. Толстой сразу отказался. В первоначальной редакции баллады герой сетовал на утрату исторической памяти:

Сидит и вздыхает глубоко:
«Где слава, где слава моя?
Минувшие веки далеко,
Отторгнут от прошлого я!» [Там же. С. 794]

Наконец, структурно сюжет о возвращении жениха-мертвеца за невестой воспроизводится в балладе «Песня о Гаральде и Ярославне». Ярослав отказывает «безвестному и бедному» Гаральду, когда тот сватается к его дочери, из-за несоответствия их статусов. Герой уезжает, завоевывает славу и положение, успешно участвуя в набегах и грабежах, и возвращается в Киев за Ярославной. Заканчивается баллада свадьбой Гаральда и Ярославны и получением ими норвежского трона. Как мы видим, поэт перерабатывает схему романтической баллады, слагаемыми которой являлись нелегитимный жених, противостояние богатого и знатного родителя, с одной стороны, и бедного влюбленного – с другой, возвращение жениха за возлюбленной и т.д. Однако этот сюжет разрешается у А.К. Толстого, по определению самого автора, в «мажорном» ключе и завершается happy end'ом. Поэта в данном случае интересует не столько новая модель жанра, сколько конкретное историческое событие, которое изображается как прецедент включенности Руси в европейский мир. В балладе А.К. Толстой поэтически воспроизводит фрагмент «Истории государства Российского» о дочерях Ярослава, вкладывая в уста героя лексику своей эпохи, почерпнутую здесь же у Карамзина: «...дал Ярославу за *вено* – то есть за невесту» [27. Кн. 1. С. 183] – «Всё то я добыл лишь на вено тебе, / Звезда ты моя, Ярославна!» [29. Т. 1. С. 641].

Для А.К. Толстого в данном сюжете в настоящее вторгается *забытое*, но не *мертвое* прошлое, преподнося урок настоящему и одерживая если не фактическую, то моральную победу. Очевидно, что простор для интерпретаций толстовской баллады невелик, а тексты отличаются смысловой определенностью. Если многомерные баллады Жуковского позволяли прочитывать один и тот же сюжет и как располагающий эстетической самостоятельностью, и как спроецированный на судьбу биографического автора и достоверные исторические события, то А.К. Толстой, напротив, обращается к исторической конкретике и подвергает ее идеологической обработке. Так, «норманские» баллады, с одной стороны, призваны напомнить читателю о забытых сюжетах истории домонгольской Руси, с другой – позволяют А.К. Толстому обосновать её включенность в «большую историю» Западной Европы. Читая труды Карамзина и другие работы историков, поэт находил аргументы в пользу своей концепции, которые точно соответствовали логике уже сформировавшегося в русской литературе балладного жанра, традиционно фокусирующегося на вопросах семьи, брака и происхождения.

В диалогово-ролевой треугольник баллады «миропорядок – подвижный персонаж – неподвижный персонаж» А.К. Толстой встраивает свою историческую концепцию. Функцию миропорядка выполняет имеющая идиллические черты домонгольская Русь, пересекающим границу подвижным персонажем становится Золотая Орда (как в персонифицированном, так и в обобщенном облики), неподвижным персонажем, которому необходимо сделать выбор, – Русь на границе европейского и азиатского начал. В перспективе этот конфликт трансформируется в типовое для произведений

А.К. Толстого разных жанров противостояние «русского европейца» (князь Серебряный, Борис Годунов, Василий Шибанов, Михайло Репнин, русские богатыри), с одной стороны, и деспота азиатского типа (Змей Тугарин, Иван Грозный, опричник, царь-«хан») – с другой. В ряде случаев противоборствующие силы восходили к реальным историческим прототипам, но в большинстве представляли собой воссозданные самим автором модели русской истории, в которой, по мысли А.К. Толстого, произошло трагическое столкновение поэтически мифологизированных «исконного» европейского начала с чужеродным азиатским. В «Змее Тугарине» поэт формулирует свою концепцию словами заглавного персонажа следующим образом:

«Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!» [29. Т. 1. С. 596]

Жанрообразующий для баллады «Змей Тугарин» дискурс тревоги наиболее полно отразил страх вторжения ордынцев на Русь. Позднее он будет усвоен в эпоху Серебряного века, прежде всего А. Блоком и А. Белым. Вл. Соловьев, главный идеолог концепции «желтой опасности» [40. С. 66] в России, в статье «Поэзия гр. А.К. Толстого» в качестве одной из доминант его творчества выделил противопоставление европейского киевского и азиатского московского периодов русской истории: «Этот взгляд на двойственность начал в русской истории составляет общий тон всего, что Толстой писал на историко-патриотические темы. Самое прямое и цельное выражение своей патриотической идеи он дал в оригинальной балладе “Змей-Тугарин”» [41. С. 499]. Не соглашаясь с абсолютной идеализацией одной эпохи и полной дискредитацией другой, философ отмечает пророческий смысл его произведений: «Ясно, что с исторической точки зрения идея киевского Ормузда и московского Аримана не выдерживает критики. <...> Как поэт-патриот Толстой был вправе избрать не историческую, а пророческую точку зрения. Он не останавливался на материальных потребностях настоящего и упоениями будущего. *И тут он не ошибался*» [Там же. С. 501, 503].

Таким образом, баллада А.К. Толстого, создававшаяся в своё время как смелая, но нередко упрощающая реальные закономерности и факты попытка концептуализации русской истории, оказалась востребованной в конце XIX – начале XX в. в связи с возобновлением дискуссий о судьбе и миссии России в новых социальном и историческом контекстах.

Литература

1. Виноцкий И.Ю. Дом толкователя. Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М., 2006. 328 с.

2. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. 416 с.
3. Гузаиров Т.Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 153 с.
4. Тюпа В.И. Постсимволизм: теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара, 1998. 115 с.
5. Фомичев С.А. Болдинские рукописи Пушкина 1830 года // А.С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года: в 3 т СПб., 2013. Т. 1. С. 15–40.
6. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 104–116.
7. Пенская Е.Н. Взаимодействие жанров в пародийном творчестве Козьмы Прутков // Проблемы метода и жанра. Томск, 1986. Вып. 12. С. 165–174.
8. Тургенев И.С. Письмо редактору: По поводу смерти гр. А.К. Толстого // Тургенев И.С. Пол. собр. соч.: в 30 т. Сочинения : в 12 т. М., 1983. Т. 11. С. 184–186.
9. Лобкова Н.А. Баллады А.К. Толстого : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. 229 с.
10. Сазонова З.Н. Жанр и тематический аспект в произведениях А.К. Толстого об эпохе Иоанна Грозного: баллады, роман, трагедия : дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2006. 131 с.
11. Бараишкова Е.В. Проблема русского национального характера в исторических произведениях А.К. Толстого : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 255 с.
12. Громова П.С. Проза А.К. Толстого: проблемы жанровой эволюции : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 188 с.
13. Булушева Е.И. Фольклорные жанры в художественном повествовании романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» : дис. ... канд. филол. наук. Б. м., Б. г. 237 с.
14. Руднева И.С. «Идея славянства» в исторических балладах А.К. Толстого // Вестник Брянского гос. ун-та. 2016. № 2. С. 132–135.
15. Федоров А.В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. М., 2017. 752 с.
16. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. 514 с.
17. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Собр. соч. : в 15 т. Л., 1989. Т. 4. С. 388–451.
18. Вяземский П.А. Жуковский – Пушкин – О новой пиитике басен // Сочинения : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 100–105.
19. Янушкевич А.С. Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 9. С. 3–23.
20. Киселев В.С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (статья первая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 1. С. 35–51.
21. Киселев В.С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (статья вторая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2. С. 39–49.
22. Жуков Д.А. Алексей Константинович Толстой. М., 1982. 383 с.
23. Эйдельман Н.Я. «...Чему, чему свидетели...» // Карамзин: Pro et contra. СПб., 2006. С. 719–725.
24. Зорин А.Л., Немзер А.С., Проскурин О.А. Человек, который пережил конец света // Карамзин: Pro et contra. СПб., 2006. С. 795–803.
25. Шмидт С.О. Три юбилея Н.М. Карамзина // Карамзин: Pro et contra. СПб., 2006. С. 804–813.
26. Нолев Е.В. «Монголо-татарское иго»: идеологический и методический аспекты исторического дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 8. С. 93–96.
27. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 3 кн. СПб., 1997.

28. Толстой А.К. Полное собрание сочинений и письма : в 5 т. М., 2018. Т. 5. 751 с.
29. Толстой А.К. Полное собрание стихотворений : в 2 т. СПб., 2016.
30. Путилов Б.Н. Славянская историческая баллада. Л., 1965. 176 с.
31. Ямтольский И.Г. А.К. Толстой // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1941–1956. Т. 8: Литература шестидесятых годов, ч. 2. 1956. С. 315–348.
32. Новиков В.И. Алексей Константинович Толстой. М., 2011. 289 с.
33. Пикулева Г.И. Брюллов. М., 2005. 126 с.
34. Lirondelle A. Le poète Alexis Tolstoï, l'homme et l'oeuvre. Paris, 1912. 677 p.
35. Рейтблат А.И. Летописец слухов: (Неопубликованные воспоминания В.П. Бурнашева) // Новое лит. обозрение. 1993. № 4. С. 162–174.
36. Котельников В.А. Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе // Толстой А.К. Полн. собр. стихотворений : в 2 т. СПб., 2016. Т. 2. С. 7–172.
37. Никитин А. Граф Алексей Толстой в литературе 60-х годов // Русский Вестник. 1894. Т. 230, № 2. С. 303–320.
38. Гнедич П.П. Книга жизни: Воспоминания. 1855–1918. М., 2000. 368 с.
39. Жемчужников М. Легенда о происхождении графа Алексея Константиновича Толстого // Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». 1911. № 12820. 19 ноября (2 декабря). С. 6–7.
40. Титаренко А.С. Теория «желтой опасности» в России на рубеже XIX–XX вв. // Китай: история и современность : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 20–21 нояб. 2012 г. Екатеринбург, 2013. С. 64–71.
41. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. 701 с.

“Our Brother-In-Law Harald Is Going to Sail”: Russian History in the Ballads of Aleksey K. Tolstoy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 194–212. DOI: 10.17223/19986645/68/9

Evgeniya E. Anisimova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: eval393@mail.ru

Keywords: ballad, genre, historical poetics, Aleksey K. Tolstoy, Vasily Zhukovsky, Nikolay Karamzin.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-00046.

The article studies the ballads by Aleksey K. Tolstoy as a stage in the history of the genre. The attention is focused on structural and semantic transformations of the ballad canon in the poet's work, as well as on self-commentaries to his own texts presented in Tolstoy's epistolary heritage. The key thesis of the article is as follows. The ballad works by Tolstoy as a whole are an effort to transfer the plot on the origin of the hero, the debate on his legitimacy (sometimes ambiguous) onto the historical and ideological grounds. Such a deliberate ideologization of the ballad text was organically included into the context of mid-19th-century scientific and public discussions on the genesis and future fate of Russia and echoed with disputes about the dominance of European, Asian, or symbiosis of both, elements in its history. From an instrumental point of view, the poet's genre experiment was presented in relation to the romantic ballad by Vasily Zhukovsky as a consistently developed system of “minus-devices” that transformed, primarily, the levels of artistic modality, intonation, and plot-motif organization of the text. As it is shown in the work, the poet, basing on the plots of Karamzin's *The History of the Russian State* and his concept of the “Tatar Yoke”, reflected his own view of national history in his ballads. Karamzin's main idea, which had an impact on Tolstoy's worldview and creative practice, was the idea of the originally European nature of Russia's statehood and culture and, consequently, the drastic distortion of the both caused by the influence from the Golden Horde. Works by S.S. Averintsev, V.I. Tyupa, and A.S. Yanushkevich on the historical poetics of the genre and by I.Yu. Vinitsky, T.T. Guzairov, A.L. Zorin,

and V.S. Kiselev on the historical and ideological potential of Russian classical texts (first of all, works by Zhukovsky as the founder of the ballad canon in Russian literature) have become the methodological basis of the study. The author also uses works by A.I. Reitblat in the field of biography studies. The study of Tolstoy's historical ballads allowed drawing the following conclusion. In the works that used the plots taken from the pre-Mongol period, the poet sought to place medieval Russia in the coordinates of the great European history, and put the Rurik dynasty on a par with the prominent Western royal families. Tolstoy modeled history according to the sample of the romantic ballad: he demonstrated the idyllic union of Russia and the Varangians in the fabric of artistic works in the semantic coordinates of love and marriage relations which were destroyed by the lawless invasion of the Horde, whose khans replaced the Scandinavians and threw their "seed" on Russian soil. The next problem that is formulated and partially solved in the article is the essence of Tolstoy's relationship with Zhukovsky's poetic heritage. The author of "Prince Serebrenni", in his correspondence, contrasted his "major" ballads with the "minor" works by "the first Russian Romanticist". The article also examines the echoes of Tolstoy's reputation, whose personal biography, in this respect similar to that of Zhukovsky, was burdened with rumors on the legality of the origin, creating a certain background for emphasizing the plot on family ties, which Tolstoy puts in the vicissitudes of medieval history.

References

1. Vinit'skiy, I.Yu. (2006) *Dom tolkovatelya. Poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [The House of the Interpreter. Poetic semantics and historical imagination of V.A. Zhukovsky]. Moscow: NLO.
2. Zorin, A.L. (2001) *Kormya dvuglavogo orla. Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII pervoy treti XIX veka* [Feeding the Two-Headed Eagle. Russian literature and state ideology in the last third of the 18th and first third of the 19th century]. Moscow: NLO.
3. Guza'irov, T.T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky, a Historian and Ideologist of the Nicholas I Reign]. Tartu: Tartu Ulikooli Kirjastus.
4. Tyupa, V.I. (1998) *Postsimvolizm: teoreticheskie ocherki russkoy poezii XX veka* [Post-Symbolism: Theoretical sketches of Russian poetry of the XX century]. Samara: OOO Nauchno-vnedrencheskaya firma "Sensory, Moduli, Sistemy".
5. Fomichev, S.A. (2013) Boldinskie rukopisi Pushkina 1830 goda [Pushkin's Boldino manuscripts of 1830]. In: Pushkin, A.S. *Boldinskie rukopisi 1830 goda* [Boldino Manuscripts of 1830]. Vol. 1. Saint Petersburg: Al'faret. pp. 15–40.
6. Averintsev, S.S. (1986) Istoricheskaya podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii [Historical mobility of the category of genre: an attempt of periodization]. In: Khrapchenko, M.P. et al. (eds) *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical Poetics. Results and perspectives of the study]. Moscow: Nauka. pp. 104–116.
7. Penskaya, E.N. (1986) Vzaimodeystvie zhanrov v parodiynom tvorchestve Koz'my Prutkova [The interaction of genres in the parodies by Kozma Prutkov]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Tomsk: Tomsk State University. 12. pp. 165–174.
8. Turgenev, I.S. (1983) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Moscow: Nauka. pp. 184–186.
9. Lobkova, N.A. (1970) *Ballady A.K. Tolstogo* [A.K. Tolstoy's Ballads]. Philology Cand. Diss. Leningrad.
10. Sazonova, Z.N. (2006) *Zhanr i tematicheskiy aspekt v proizvedeniyakh A.K. Tolstogo ob epokhe Ioanna Groznogo: ballady, roman, tragediya* [Genre and thematic aspect in the works of A.K. Tolstoy about the era of Ivan the Terrible: ballads, novel, tragedy]. Philology Cand. Diss. Vladimir.

11. Barashkova, E.V. (2009) *Problema russkogo natsional'nogo kharaktera v istoricheskikh proizvedeniyakh A.K. Tolstogo* [The problem of Russian national character in the historical works of A.K. Tolstoy]. Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Gromova, P.S. (2011) *Proza A.K. Tolstogo: problemy zhanrovoy evolyutsii* [A.K. Tolstoy: problems of genre evolution]. Philology Cand. Diss. Tver.
13. Bulusheva, E.I. (n.d.) *Fol'klornye zhanry v khudozhestvennom povestvovanii romana A.K. Tolstogo "Knyaz' Serebryanyy"* [Folklore genres in the artistic narration of the novel by A.K. Tolstoy "Prince Serebrenni"]. Philology Cand. Diss. [s.l.].
14. Rudneva, I.S. (2016) "The idea of the Slavs" in the historical ballads by A.K. Tolstoy. *Vestnik Bryanskogo gos. un-ta – The Bryansk State University Herald*. 2. pp. 132–135. (In Russian).
15. Fedorov, A.V. (2017) *Aleksey Konstantinovich Tolstoy i russkaya literatura ego vremeni* [Alexey Konstantinovich Tolstoy and Russian Literature of His Time]. Moscow: Russkoe slovo.
16. Danilevskiy, N.Ya. (1995) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Saint Petersburg: Glagol.
17. Dostoevskiy, F.M. (1989) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Leningrad: Nauka. pp. 388–451.
18. Vyazemskiy, P.A. (1982) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 100–105.
19. Yanushkevich, A.S. (1983) Zhanrovyy sostav liriki Otechestvennoy voyny 1812 goda i "Pevets vo stane russkikh voynov" V.A. Zhukovskogo [The genre of the lyrics of the 1812 Patriotic War and the "A Bard in the Camp of the Russian Warriors" by V.A. Zhukovsky]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. 9. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–23.
20. Kiselev, V.S. (2012) Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812". Article I. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1. pp. 35–51. (In Russian).
21. Kiselev, V.S. (2012) Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812". Article II. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 2. pp. 39–49. (In Russian).
22. Zhukov, D.A. (1982) *Aleksey Konstantinovich Tolstoy* [Alexey Konstantinovich Tolstoy]. Moscow: Molodaya gvardiya.
23. Eydel'man, N.Ya. (2006) "...chemu, chemu svideteli..." ["... what, what we have witnessed..."]. In: Sapchenko, L.A. (ed.) *Karamzin: Pro et contra*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 719–725.
24. Zorin, A.L., Nemzer, A.S. & Proskurin, O.A. (2006) Chelovek, kotoryy perezhil konets sveta [The man who survived the end of the world]. In: Sapchenko, L.A. (ed.) *Karamzin: Pro et contra*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 795–803.
25. Schmidt, S.O. (2006) Tri yubileya N.M. Karamzina [Three anniversaries of N.M. Karamzin]. In: Sapchenko, L.A. (ed.) *Karamzin: Pro et contra*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 804–813.
26. Nolev, E.V. (2013) "Mongol-Tatar Yoke": Ideological and methodological aspects of the historical discourse. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta*. 8. pp. 93–96. (In Russian).
27. Karamzin, N.M. (1997) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Saint Petersburg: Zolotoy vek: Diamant.
28. Tolstoy, A.K. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pis'ma* [Complete Works and Letters]. Vol. 5. Moscow: Klassika.
29. Tolstoy, A.K. (2016) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Saint Petersburg: Nauka.
30. Putilov, B.N. (1965) *Slavyanskaya istoricheskaya ballada* [Slavic Historical Ballad]. Leningrad: Nauka.

31. Yampol'skiy, I.G. (1956) A.K. Tolstoy. In: Alekseev, M.P. et al. (eds) *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian Literature]. Vol. VIII. Part 2. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 315–348. (In Russian).
32. Novikov, V.I. (2011) *Aleksey Konstantinovich Tolstoy* [Alexey Konstantinovich Tolstoy]. Moscow: Molodaya gvardiya.
33. Pikuleva, G.I. (2005) *Bryullov*. Moscow: OLMA-PRESS: Obrazovanie. (In Russian).
34. Lirondelle, A. (1912) *Le poète Alexis Tolstoï, l'homme et l'oeuvre*. Paris: Hachette & cie.
35. Reytblat, A.I. (1993) Letopisets slukhov (Neopublikovannye vospominaniya V.P. Burnasheva) [Chronicler of rumors (Unpublished memoirs of V.P. Burnashev)]. *Novoe lit. obozrenie – New Literary Observer*. 4. pp. 162–174.
36. Kotel'nikov, V.A. (2016) Aleksey Konstantinovich Tolstoy v zhizni i v literature [Alexey Konstantinovich Tolstoy in life and in literature]. In: Tolstoy, A.K. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Vol. 2. Saint Petersburg: Nauka. pp. 7–172.
37. Nikitin, A. (1894) Graf Aleksey Tolstoy v literature 60-kh godov [Count Alexey Tolstoy in the literature of the 1860s]. *Russkiy Vestnik*. 2 (230). pp. 303–320.
38. Gnedich, P.P. (2000) *Kniga zhizni. Vospominaniya. 1855–1918* [The Book of Life. Memories. 1855–1918]. Moscow: Agraf.
39. Zhemchuzhnikov, M. (1911) Legenda o proiskhozhdenii grafa Aleksey Konstantinovicha Tolstogo [Legend about the ancestry of Count Alexei Konstantinovich Tolstoy]. *An Illustrated Supplement to "Novoe vremya"*. 12820. 19 November. pp. 6–7.
40. Titarenko, A.S. (2013) [The theory of the “yellow danger” in Russia at the turn of the 19th–20th centuries]. *Kitay: istoriya i sovremennost'* [China: History and Present]. Proceedings of the VI International Conference. Yekaterinburg. 20–21 November 2012. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 64–71. (In Russian).
41. Solov'ev, V.S. (1991) *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskustvo.

УДК 3.09-821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/68/10

В.Ю. Баль

**ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ГОГОЛЯ:
МЕЖДУ ДВУХ КАНОНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ПИСАТЕЛЯ В 2009 г.). Статья 1**

Актуализируется проблема литературной репутации Н.В. Гоголя на перекрестке двух литературных канонов – русского и украинского. На материале юбилейных событий в 2009 г. прослеживаются механизмы канонизации и деканонизации Гоголя в пространстве украинской литературы и реактуализации статуса Гоголя в русском литературном каноне. Выявлены три стратегии формирования реноме Гоголя в русском и украинском культурных пространствах на материале юбилейных издательских проектов.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, литературный канон, юбилей, социология литературы.

В свете идей социологии искусства, активно разрабатываемых в современной гуманитаристике, сформировалось устойчивое представление о необходимости осмысления литературы как социального института – систему ролей, отношений и каналов коммуникации. Эта исследовательская установка во многом базируется на «теории полей» французского социолога П. Бурдьё [1]. Одними из частных вопросов социологии искусства являются необходимость изучения динамического и исторического характера репутаций писателей и механизмов формирования и бытования национального литературного канона. В исследовательском фокусе данной статьи будет находиться проблема литературной репутации Гоголя на рубеже XX–XXI вв. как писателя, существующего на стыке двух канонов – русского и украинского. Проблема не новая и уже получившая пунктирное осмысление в целом ряде работ, в которых намечены различные методологические пути ее решения [2–12]. Эта статья ориентирована на выявление с опорой, прежде всего, на методы и подходы социологии искусства литературной репутации Гоголя, формируемой в русском и украинском контекстах институциональными читателями, являющимися представителями разных «полей».

Постановка обозначенной проблемы в рамках нашей статьи требует ряда предварительных замечаний.

Первое замечание связано с обоснованием избранной хронологии материала. В нашем случае критерии выбора рубежа XX – начала XXI в., ознаменованного проведением 200-летнего юбилея классика, вполне предсказуемы. Во-первых, в выбранный хронологический период повторилась культурная ситуация рубежа XIX–XX вв., которой было свойственно напряженное и интенсивное перечитывание и переписывание классики в противовес экстенсивному чтению. Этот процесс неизбежно запустил ме-

ханизм смысловой ревизии художественных текстов, входящих в национальный литературный канон. Причем в этом механизме проявилось смещение с предмета – канона на метод – принцип составления канона, а точнее, критерии отбора писателей и их произведений. Во-вторых, юбилей – это знак «классикализации» писателя. Методологически данная событийная избирательность вполне оправдала себя и нашла отражение в целом ряде исследовательских работ, связанных с юбилейной репутацией писателей в целом [13–17] и Гоголя в частности [18–24].

Второе замечание связано с объемом понятия «литературная репутация», с одной стороны, и методологическими подходами к ее выявлению – с другой. Российские исследовательские практики двух последних десятилетий опираются на теоретические разработки И.Н. Розанова [25]. Методологически важными для отечественных исследовательских практик в области социологии литературы являются также работы А.И. Рейтблата и Б.В. Дубина [26–29]. Современные исследователи в этом направлении развивают идеи социального, исторического, динамического и процессуального характера литературной репутации, находящейся в прямой зависимости от оценок представителей культурного пространства. Проблема литературной репутации в современных зарубежных исследованиях – частный случай более широкой сравнительно новой области исследования – социологии репутаций. Это направление развивается в работах специалистов по экономической социологии, социологии искусства, политической социологии, социологии цифровых коммуникаций и интернета, социологии города и т.д. [30]. В рамках этого научного направления сформировался ряд устойчивых теоретико-методологических идей, которые применяются для рассмотрения репутаций самых разных личностей – политиков, представителей творческих профессий, общественных деятелей и проч. Зарубежные исследователи, также ориентируясь на институциональную и историческую теории, не принимают спонтанные теории «репутации-отражения». В исследовательский оборот попадают как прижизненные репутации, так и посмертные, учитываются их социальная относительность, локальный и временной характер.

Третье замечание связано с понятием «литературного канона» («Canon Theory») и исследовательскими механизмами анализа его формирования и функционирования, которые оформились в «культурных войнах» («Canon Wars») в американской академии¹. Интересом, прямым следствием которого стало оформление двух основных теорий канона: социологической² и аксиологической¹.

¹ М. Гронас отмечает, что война за канон в американской академии в свете идей о культуре как религии Нового времени воспринималась как «цивилизованный» аналог религиозной войны. Это отношение определило факт замены привычного термина «классика» термином «канон» по аналогии с канонам Священного Писания [31].

² Первоначально **социологическая теория канона** нашла отражение в работе Д. Гиллори [32]. Канон в понимании Гиллори – это собрание канонических текстов, которые являются примером языковой и риторической нормы и как следствие претен-

Точкой отсчета в размышлениях о литературном каноне в российском научном пространстве является не острое столкновение «каноноборцев» и «каномольцев», а актуализация вопроса об идее классики и её социальных функциях. Сегодня теория канона в отечественных научных штудиях связана с рассмотрением истории формирования русского литературного канона [35]. Есть ряд работ, ставящих проблему воспроизводства канонического состава литературы в современной культурной ситуации [36–44]. Вопрос литературной репутации писателей, входящих в литературный канон, пока изучен слабо. Можно выделить работы, посвященные Пушкину [17², 29], а вопросу гоголевской репутации посвящена работа зарубежного исследователя Салли Моллер [24]. Исследователь прослеживает этапы посмертной биографии писателя до эпохи большого террора, когда он был включен в линейку «литературных генералов», которые должны были выступать примерами для формирования «большого стиля».

Четвертое замечание связано с пониманием того, что пограничный этнический и культурный статус Гоголя, рассматриваемый в плоскости канонической репутации, – это частный случай русско-украинского вопроса. Вопросы, который является необычайно сложным и полемическим в исторических исследованиях. В рамках нашего исследования мы опираемся на работы российского историка А.Л. Миллера [45, 46]. Работы исследователя важны, во-первых, для понимания механизмов и сценариев взаимоотношений этнических групп между собой и властями в пространстве Российской империи; во-вторых, для представления о многогранности русско-украинского вопроса. Вопросы, в котором столкнулись «проект» Российской империи, объ-

дуют на доминирование. Исследователь обозначил «университетоцентризм» как образовательный институциональный механизм функционирования канона.

¹ Впервые аксиологическая идея канона была представлена в работе Ч. Альтиери [33]. Для исследователя канон – культурная матрица этических норм, соперничающая с другими ценностными системами. Книга Г. Блума [34], приобретающая репутацию бестселлера, созданная с опорой на теорию аксиологического канона в его эстетическом изводе, предлагает версию западного канона, основанную на теории сильного автора (теории литературного влияния).

² М.В. Загидуллина в своей работе усиливает теоретический фильтр разграничения понятий «литературная репутация» и «писательский миф». Репутация для исследователя – это явление динамического порядка, она может быть прижизненной и посмертной, быть ограниченной временем, пространством и социальным контекстом и бытовать именно в письменной форме. Она зависима от культурных и идеологических ценностей, формируется признанными в обществе авторитетами, создающими тексты-медиаторы. Проблему писательского мифа Пушкина исследователь рассматривает в свете теории мифов Нового времени, «когда объект проекции (автор классических текстов) выступает в качестве носителя высших ценностей и откровений (Пророка)» [17. С. 9]. М.В. Загидуллина подчеркивает, что «пушкинский миф национального масштаба един, поскольку в его основе лежит признание Пушкина в национальном классическом пантеоне» [Там же]. В этом смысле, по мнению исследователя, миф о писателе статичен, однозначен и непротиворечив, возможен в ситуации всенародной национальной известности среди большого количества социальных контекстов и воспроизводится в устной форме, приобретая шаблонно-стереотипные формулы.

единявший всех восточных славян, и комплекс нацистроительных воззрений, сформировавших базу украинского национализма.

Исследование Т. Мартина [47] дает представление о проблеме взаимодействия отдельных этнических групп и властей в период советской власти. Исследователем всесторонне рассмотрена уникальная масштабная политика советской власти – «коренизация», одним из частных примеров которой является украинизация в период с 1920-х до середины 1930-х гг.

С методологической точки зрения для нашего исследования важны работы В.С. Киселева и Т.А. Васильевой [48–50]. Совмещая принципы литературоведческой и исторической имагологии и сосредоточиваясь на анализе идеологического, социокультурного и художественного контекстов, они вносят уточнения в понятия, используемые в нашем исследовании: нацистроительство, национальная и региональная идентичность, культурно-исторический канон.

Вопрос об украинском литературном каноне как о цели современной украинской культурно-политической стратегии и предмете исследовательской рефлексии достаточно сложен. Общим местом в научной рефлексии украинской гуманитаристики, по аналогии с российскими научными штудиями о фигуре Пушкина, стал вопрос о Шевченко как сердце украинского канона [51–55].

Национальной чертой «русской» теории канона, находящей отражение в школьном курсе литературы, является условное разделение его на две части: канон XIX в. и канон XX в. Ю.М. Лотман справедливо отметил, что «русская литература между Пушкиным и Чеховым представляет собой бесспорное единство» [56]. Вполне очевидно, что русский литературный канон – пушкиноцентричен, что находит отражение в программах по литературе. Канон XX в. – это открытый и дискуссионный вопрос. Своеобразную попытку ответа на него представляют работы И.Н. Сухих [57]. Основной принцип формирования литературного канона отражает влияние «поля власти» на «поле образования», которое происходит через ФГОС по литературе. ФГОС по литературе не содержит списка художественных произведений, но дает критерии их отбора. В этой его рекомендательной части обнажается аксиологическая теория канона, связанная с нравственно-духовным и патриотическим воспитанием российских школьников на примере литературных произведений¹. Формирование украинского литературного канона осуществляется также под влиянием «поля власти», которое воздействует на «поля культуры», «науки» и «образования». В этом смысле все государственные программы ориентированы на украиноцентристскую концепцию образования, в которой важное место занимает литература как предмет, который может быть нагружен этическими и эстетическими образцами. Украинский школьный литературный канон формиру-

¹ Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 413 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования». URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 10.12.2019).

ется на стыке двух стратегий. С одной стороны, его создатели отказываются от ядра русской классической литературы, которая переводится в статус зарубежной, что отражает культурные практики постсоветской украинской реальности. С другой стороны, проявляются и «каноноборческие» тенденции – значительное место в литературном образовании Украины занимают не прошедшие проверку временем произведения современной украинской и зарубежной литературы. Что идет вразрез с идеей классики как базовым компонентом преподавания литературы в школе.

В целом украинское «канонотворчество» и российское «каносохранение» роднит представление о нацисозидающей и нациеобъединяющей идее литературы. В рамках нашей статьи разговор о школьном литературном каноне будет лишь исходной точкой для рассмотрения литературной репутации Гоголя на перекрестке двух культурных пространств. В российской примерной программе основного общего образования по литературе для образовательных учреждений с русским языком обучения Гоголь – это безусловный национальный классик, к произведениям которого обращаются в разных классах. В 5–6-х классах это повесть «Ночь перед Рождеством» (на выбор учителя допускается и другая повесть), в 7–8-х классах «проходят» повесть «Тарас Бульба», комедию «Ревизор» и повесть «Шинель», в 9-м классе рассматривается поэма «Мертвые души» (том 1). Можно говорить о монографическом подходе к изучению творчества Гоголя, дающего представление о разных его этапах. Поэма «Мёртвые души», венчающая изучение гоголевского творчества в школьном курсе литературы, создаёт репутацию Гоголя как национального писателя, выразившего пронзительную глубину размышлений о национальном мире.

В украинском образовательном пространстве с начала 2000-х гг. существуют программы для обучения в школах на русском языке и отдельно на украинском¹. В программе для украиноязычных школ есть курсы зарубежной и русской литературы, для русскоязычных школ – украинской и совместный курс русской и зарубежной литературы. Изучение творчества Гоголя в обоих направлениях происходит в курсе зарубежной литературы. Рассматриваются повесть «Ночь перед Рождеством», комедия «Ревизор» и повесть «Шинель» (для дополнительного чтения предлагаются «Портрет» и «Нос») и поэма «Мертвые души». Исключение составляет повесть «Тарас Бульба». В программе для украиноязычных школ повесть изучается в курсе украинской литературы и в переводе на украинский язык², а русскоязычные школы изучают ее в оригинале.

¹ Информация на момент написания статьи взята с сайта Министерства образования и науки Украины: URL: <https://mon.gov.ua/ua/osvita/zagalna-serednya-osvita/navchalni-programi/navchalni-programi-5-9-klas>; <https://mon.gov.ua/ua/osvita/zagalna-serednya-osvita/navchalni-programi/navchalni-programi-dlya-10-11-klasiv> (дата обращения: 10.12.2019).

² Это перевод Н. Садовского и М. Рыльского в редакции И. Малковича. Об этом переводе мы расскажем далее.

Таким образом, обзор школьного канона обнажает школьное образование как подсистему репродукции интерпретационных смыслов канона национальной литературы. В случае с обоими контекстами, российским и украинским образованием, наблюдается, с одной стороны, отказ от рецептов социологического литературоведения, с другой – актуализация риторики неотрадиционализма для интерпретации канонических художественных произведений. Во многом последняя тенденция определяет избирательный подход в отношении гоголевских произведений как базовых для школьного литературного образования: Украина – это повесть «Тарас Бульба», Россия – повесть «Шинель», комедия «Ревизор» и поэма «Мертвые души», именно они занесены в кодификаторы для подготовки к ЕГЭ. Хотя изучение повести «Тарас Бульба» также предусмотрено программой.

Система школьного преподавания – это важный инструмент для формирования национального института литературы, но она скорее по своему функционалу вторична, так как является своеобразной «группой поддержки» создателей новых культурных смыслов, воспроизводя их. Мы попытаемся рассмотреть вопрос литературного канона как проблему, существующую за пределами школьного канона и связанную с гипотетическими конструктами институализированного читателя. При расхождении между русским и украинским школьным канонам можно наблюдать типологическую схожесть в отношении литературной репутации Гоголя в пространстве Больших канонов.

Беря в исследовательский оборот теорию сильного автора Г. Блума, мы можем выявить следы Пушкина и Шевченко в литературной репутации Гоголя. Само вхождение Гоголя в оба литературных канона сопровождалось разными типами отношений со старшими коллегами по цеху. Элемент канонического соперничества, но не в плоскости личных отношений, а в плоскости размышлений сторонних наблюдателей об их роли в отечественном литературном процессе, можно отметить между Гоголем и Пушкиным. Согласно справедливому замечанию И. Розанова «Бог-отец» литературного пантеона – В.Г. Белинский. Комплексное рассмотрение это замечание получает в работе А. Вдовина, который определяет В.Г. Белинского как «организатора» русской словесности 1830–1840-х гг. [58. С. 21–90]. Наблюдения современного исследователя связаны с литературно-критической деятельностью «неистового Виссариона». Именно Белинский обозначил завершение пушкинского периода в русской словесности («литературную смерть» Пушкина) и присвоил Гоголю статус «глава литературы». Такой почетный статус от Белинского Гоголь получает как автор «Вечеров» и «Миргорода» [Там же. С. 34–52]. Но к тому времени, когда «неистовый Виссарион» в последнем литературно-критическом обзоре лишил Гоголя титула «глава литературы», сам Гоголь уже достаточно активно сформировал о себе миф с элементом трикстерского сюжета как о непосредственном наследнике Пушкина. Открыто обыгрываемое писательское самозванство Гоголя было связано с его признанием о щедрости Пушкина на сюжеты, из которых выросли комедия «Ревизор» и поэма «Мертвые души».

Иначе выглядят основания для вхождения Гоголя в украинский национальный канон. В.Я. Звиняцковский отмечает, что первоначальная инициатива включения Гоголя в украинское культурное пространство принадлежала Шевченко, который на тот момент обладал уже бесспорным поэтическим авторитетом: «Тарасу Шевченко канонизированный украинский Гоголь, в качестве его «великого друга и брата», был необходим именно для полноты канона рождающейся украинской литературы» [4]. В процессе этой канонизации Шевченко созидает репутацию Гоголя как автора «Вечеров» и «Миргорода», типичного «украинского романтика», чтящего старинную казацкую «волю» [4]. Как можно заметить, на начальном этапе включения Гоголя как в русский, так и в украинский канон осуществляется внутрицеховая канонизация. Институциональные читатели в лице литературного критика – Белинского и первого поэта нации – Шевченко ввели Гоголя в литературный пантеон. В целом их выбор прошел проверку временем, но в то же самое время подверглось корректировке обоснование присутствия Гоголя на обоих литературных иконостасах на рубеже XX и XXI вв.

Литературный юбилей как социальный жанр занимает особое место среди остальных коммеморативных практик. Всего в истории юбилейных практик, как российских, так и украинских, можно выделить три периода.

Первый период – это дореволюционные коммеморативные практики, связанные с установкой памятников писателям и проведением по этому поводу торжественных мероприятий. В случае с пантеоном русских писателей точкой отсчёта становятся пушкинские торжества 1880 г. Пушкинский памятник открывает страницу «памятникам гражданским лицам, условно говоря, учителям» [59. С. 8–9]. Причем установка Пушкинского памятника в 1880 г. сопровождается торжественными мероприятиями, в которых начинается оформляться ритуальный сценарий будущих юбилейных праздников. Как отмечает М. Левит, «сам тип “литературного праздника” был заимствован из-за границы и восходил, по меньшей мере, к знаменитому Шекспировскому юбилею, проведенному в 1769 г. Д. Гарриком и впоследствии служившему образцом для других подобных празднеств, которые к 1880 г. стали обычными на сцене европейской культуры» [60. С. 8].

Установка юбилейных памятников Пушкину в украинском пространстве¹ происходит на фоне усилившейся языковой ассимиляции, которая не носила массовый характер на практике, но была достаточно четко прописана в правительственных документах властей Российской империи. В 1880 г. была предпринята попытка пересмотра Эмского указа, который, несмотря на отсутствие единства российской бюрократии в подходе к «украинскому вопросу», не был изменен. Более того, в царствование Александра III цензурная политика в отношении украинских изданий стала более жесткой, и, как следствие, Эмский указ оставался в силе вплоть до революции 1905 г. [45].

¹ Памятники Пушкину были установлены: Одесса – 1889 г., Киев – 1899 г., Харьков – 1904 г.

В продолжение разговора о Пушкине как о сердце русского канона следует упомянуть об отмене юбилея Шевченко в 1914 г. Это решение было обусловлено целым рядом фактов биографии Шевченко, в том числе участием в Кирилло-Мефодиевском обществе, члены которого подверглись репрессиям со стороны царского правительства. Причем, как отмечает А.Л. Миллер, жестокость наказания Шевченко во многом была связана не только с его членством в братстве, но и с авторством стихов, звучавших оскорбительно для царской семьи. Их Николай I воспринял как личную неблагодарность «холопа», выкупленного при его участии из крепостной зависимости. Но можно заметить, что отмена юбилея имела и знаковый характер в ситуации нарастания украинского национализма в этот период.

Так обозначилось вмешательство «поля власти» в «поле литературы». Оно во многом стало реакцией на запуск механизма литературного каноностроительства как в русском, так и украинском варианте.

Второй период – это советские культурные практики, сформировавшие свой регламент литературного юбилея.

Юбилейные ритуальные практики писателей на Украине, как и в других союзных республиках, в этот период складываются в достаточно своеобразных условиях.

С одной стороны, в 1920-ех– первой половине 1930-х гг. осуществляется политика «коренизации», в рамках которой одной из главенствующих тенденций стала украинизация пространства, административно подчинённого УССР. Именно в это время в рамках осуществляемой «культурной революции» создается пантеон национальных писателей союзных республик. На Украине таковым стал культ Шевченко. Именно его советская культурная политика определила на роль классика украинской литературы.

С другой стороны, с конца 1930-х гг. заканчивается политика «империи положительной деятельности» (Т. Мартин), которая теперь клонится к «реабилитации» русской культуры и повышению её статуса и значения во всем СССР. В этом смысле глубинный символический смысл имеет пышное празднование Пушкинского юбилея в 1937 г. Гоголевский юбилей в 1952 г., посвященный 100-летию со дня смерти, тоже прошел с необычайным размахом. Советским правительством была сделана ставка на сатирическое перо писателя. Д.Р. Невская в своей статье приводит отрывок из статьи газеты «Правда», в которой настойчиво подчеркивается, что Гоголь вслед за Пушкиным посвятил свой талант разоблачению уродств эксплуататорского строя [18. С. 130]. В целом юбилейная логика этого периода явила очевидное «присвоение» русских классиков XIX в. для политической пропаганды.

Третий период связан с возрождением традиции литературного юбилея в начале 2000-х гг. после затишья постперестроечной эпохи, ставшего реакцией на идеологически нагруженные советские примеры чрезмерного использования этого социокультурного конструкта. В данной ситуации реактуализации прежних культурных практик безусловно произошли жанровые трансформации юбилея. В обеих странах проявляется реставраци-

онная тенденция «огосударствления юбилеев» и использования их в политических целях.

Новой вехой российской практики празднования литературных юбилеев можно опять считать юбилей Пушкина, который с грандиозным размахом отмечался в 1999 г. Масштабное чествование «солнца русской поэзии», достигшее общенационального размаха, стало логическим продолжением Указа Президента РФ «О 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина и установлении Пушкинского дня России». В этом контексте вновь актуализировались управленческие механизмы подготовки юбилеев классиков: составление плана мероприятий специально организуемыми комитетами и его реализация на средства государственного бюджета.

Форма юбилея имеет не меньшее значение и для украинского пространства. Но акцент больше смещен в сторону исторических и политических деятелей, избираемых «полем власти» для конструирования национальной идентичности. Этот вектор вполне очевиден в ситуации обретения Украиной государственной независимости и изначального дистанцирования от интеграционных тенденций на пространстве СНГ. В случае же с литературным юбилеем в лидерах – Шевченко, определяемый как главный певец независимой Украины. Вполне очевидно, что фигура Кобзаря является ключевой в нацистроительной идее украинского литературного канона.

Гоголевский 200-летний юбилей в 2009 г. стал не только событием государственной важности для России и Украины, но и приобрел мировое значение. Юбилейный год был объявлен ЮНЕСКО Годом Гоголя. Но несмотря на это масштабирование статуса виновника торжества, дискуссии в СМИ как российских, так и украинских были сфокусированы на вопросах именно межнационального подтекста грядущего события: Гоголь русский или украинский писатель, юбилей русского и украинского классика будет отмечаться, совместно или раздельно будут праздновать Россия и Украина и т.д.¹ В этом смысле политическое и культурное реноме Гоголя попало в поле крайне напряженных политических отношений между Россией и Украиной. Гоголевский юбилей стал оружием в информационной войне между двумя странами особенно в 2009 г. В случае с обоими национальными контекстами происходило увеличение символического политического капитала Гоголя, нужного для «поля власти». В итоге Гоголь в свой 200-летний юбилей, как и любой другой писатель русской и украинской литературы, попал

¹ Помимо внешнеполитических проблем в СМИ активно обсуждались и «внутригосударственные» проблемы празднования гоголевского юбилея. В российской прессе большой резонанс приобрело обсуждение плана юбилейных мероприятий. В процессе подготовки обнажилось противоречие между оргкомитетом, созданным правительством РФ, и Региональным общественным фондом сохранения творческого наследия Н.В. Гоголя, президентом которого является И. Золотусский. Суммируя все замечания И. Золотусского в отношении программы празднований, можно сказать, что столкнулись два возможных подхода в современной культурной ситуации к празднованию юбилея: развлекательно-популяризаторский со стороны оргкомитета от правительства и академический, продвигаемый фондом.

не только под струю очищения своей литературной репутации от вульгарных социологических идеологем, но и в ситуацию смысловой ревизии репутации классика, входящего в национальный литературный канон. Естественным образом фигура Гоголя, обладающего пограничным этнокультурным статусом, оказалась на стыке двух канонов – русского и украинского. В пространстве юбилейных российских практик вопрос о возможности исключения Гоголя на основании его польско-украинских корней не поднимался. Особую сложность приобрел вопрос украинского канона, как уже было нами отмечено выше, в силу необходимости его формирования в ситуации опоры на национальную идентичность при формировании государственной идеи современной Украины.

Предъюбилейные украинские дискуссии порой балансировали на грани между украинизацией и деукраинизацией Гоголя. События гоголевского 200-летнего юбилея, проявившийся вокруг них смысловой континуум стали логическим продолжением не юбилейных событий 1952 г., а именно 100-летнего гоголевского юбилея. Первого юбилея, который обозначил ключевую черту гоголевской литературной репутации, связанной с его этнокультурной раздвоенностью [18]. Украинская мысль, формирующая репутацию Гоголя в плоскости, отстоящей от советской интерпретации, происходит в диаспоре украинской эмиграции. Достаточно подробное и объективное освещение этот срез украинской гоголианы получил в обзорных статьях Ю.В. Барабаша [61–65]. Общий пафос этой диаспоральной версии гоголевской репутации – это сосредоточенность на раздвоенности Гоголя, которая рассматривается и как беда, и как вина писателя, и изучение факта этой раздвоенности происходит в фокусе вопросов украинской национальной идентичности.

В период 200-летнего юбилея вопрос гоголевской культурной и этнической идентичности приобретает масштаб научной проблемы в свете популярности постколониальных исследований. В этом смысле именно научный институциональный контекст стремится предложить объективную интерпретацию культурно-языковой пограничности Гоголя. Как отмечает Ю.В. Барабаш, вся история украинской гуманитаристики, посвященной гоголевскому вопросу, начиная от украинского «эмигрантского», продолжая «диаспоральным» контекстом и завершая современными научными штудиями, постоянно колеблется в пространстве между «антиколониальными», «колониальными» и «постколониальными» версиями прочтения гоголевской дихотомии [64]. Но по факту все не так благополучно, как хотелось бы. В обзорных статьях, посвященных гоголевским штудиям юбилейного периода [5, 6, 66, 67], обозначились разные тенденции украинского и российского гоголеведения. Ведущие научные центры по изучению гоголевского наследия – это Гоголевский центр в Нежинском государственном университете им. Николая Гоголя (Украина, г. Нежин) и Дом Гоголя (Россия, г. Москва). С переменным успехом в современной напряженной политической ситуации центры стараются сохранить научные связи. Редким исключением является проведение совместной 14-й Междуна-

родной конференции «XIV Гоголевские чтения: Творчество Гоголя в диалоге культур», которая состоялась в 2014 г. В остальном же состав участников ежегодных гоголевских конференций обоих центров однороден: российский исследователь – «редкая птица» в программе украинских гоголевских чтений, и наоборот.

Тематический диапазон конференции высвечивает разницу между «гоголеведением» и «гоголезнаванием». В силу вполне очевидных причин особое место в работе ежегодных нежинских чтений занимает секция «Гоголь и украинская культура / литература». И. Булкина отмечает, что пик интереса к «украинскости» Гоголя обозначился в научной украинской гоголиане в череде юбилейных конференций: «Излишняя ангажированность современного украинского гоголеведения, его сосредоточенность на проблемах не столько историко-литературных, сколько национальных, перенос современных культурных и политических категорий в совершенно иного порядка исторический контекст не лучшим образом сказываются на качестве работ украинских литературоведов» [66]. В то же время И.И. Колесник подчеркивает, что базовый недостаток российского гоголеведения – абстрактный анализ и оценка гоголевского творчества в отрыве от национальных корней и почвы писателя [67. С. 138]. Очевидно, что украинский вопрос – это не центральный вопрос российских гоголеведов. В конференциях Дома Гоголя акцент делается на масштабности и феноменальности творчества Гоголя – его вписанности в мировое культурное пространство и отзвуках его наследия в различных контекстах (славянский, современная культура, русское зарубежье, общественная мысль и проч.)¹. В общем, говорить о приобретении в научном контексте единого либо русского, либо украинского ключа для расшифровки гоголевского пограничного культурного статуса не приходится. На текущий момент можно обозначить лишь возможную перспективу разработки постколониального российско-украинского гоголеведения.

Но в череде юбилейных мероприятий обнажилась не только научная институциональная версия гоголевского творчества в формате сборников научных конференций и монографий, но и в виде собраний сочинений Гоголя как результате научных изысканий гоголеведов. Подготовленные к юбилею гоголевские собрания сочинений представляют для нас интерес как верный знак состоявшейся и продолжающейся классикализации и канонизации писателя. Гоголевский издательский сюжет в юбилейные даты получился весьма разнообразный. Выделились три крупных издательских проекта, каждый из которых претендовал на новое слово в эдиционной гоголевской судьбе.

Первый издательский проект – это Полное академическое собрание сочинений и писем в 23 томах под редакцией Ю.В. Манна. Работа над этим проектом началась еще в середине 1990-х гг. на базе Института мировой

¹ Подробно с материалами всех конференций можно ознакомиться на сайте музея: <http://www.domgogolya.ru/readings/>

литературы им. М. Горького Российской академии наук и продолжается сегодня. К гоголевскому юбилею были выпущены – том 1 (2001 г.), том 4 (2003 г.), том 3 (2009 г.), а на настоящий момент – том 7 в двух книгах (2012 г.) [68]. Ю.В. Манном при описании общей концепции Полного собрания сочинений подчеркивается несколько важных позиций. Во-первых, «насущное требование к новому изданию – внимание к сегодняшней ситуации, определяющей место Гоголя в современной мировой культуре» [69. С. 205]. Во-вторых, в Полное собрание сочинений составители стараются включить все, что не только написано Гоголем и то, что ранее не было опубликовано в Полном академическом собрании сочинений¹. Запланирован отдельный том «Рукою Гоголя», в котором будут собраны произведения, имеющие определенную печать вмешательства Гоголя, хотя и не принадлежащие ему. В-третьих, научный аппарат издания – это коллективный труд авторитетных филологов-гоголеведов, которые при комментировании произведений учитывают всю палитру исследовательских версий. В-четвертых, при подготовке этого издания проводится тщательная текстологическая работа, которая позволяет проанализировать соотношение различных редакций и тем самым выявить «развитие гоголевской художественной мысли» [Там же]. Исклчительно положительный отзыв о масштабной текстологической работе, проделанной в процессе подготовки издания поэмы «Мертвые души», дает Рита Джулиани, итальянский славист: «Том, посвященный поэме “Мертвые души”, стал подлинным триумфом филологии, и это утверждение – не только дань уважения гениальному автору, это и дань восхищения научным подвигом его издателей и комментаторов» [70. С. 380]. Многочисленные отклики зарубежных коллег на этот масштабный научный издательский проект, которые приводит Ю.В. Манн в своей статье, верный знак признания Гоголя в мировом научном поле.

Второй крупный издательский проект – это Полное собрание сочинений Гоголя в 17 томах [71], подготовленное с опорой на исследовательские подходы православного гоголеведения². Это был совместный русско-украинский проект, осуществленный под протекцией Московской Патриархии. В отличие от предыдущего собрания сочинений он завершен. Первые тома были опубликованы в юбилейный 2009 г., а последние в 2010 г. Это издание также заявлено как полное: оно включает все художественные, литературно-критические, публицистические и духовно-нрав-

¹ В исследовательский контекст в советскую эпоху было включено Полное собрание сочинений в 14 т., выпущенное под редакцией Н.Л. Мещерякова, АН СССР, Институтом литературы (Пушкинский Дом) в 1937–1952 гг. Полнотой это собрание сочинений не отличалось. «Воинствующий атеизм», нашедший отражение и в литературоведческих принципах, определил исключение из корпуса гоголевских текстов последнего «заветного сочинения» – «Размышлений о Божественной Литургии».

² Это направление отечественного гоголеведения связано с именами таких исследователей, как И.П. Золотусский, В.А. Воропаев, И.А. Виноградов. Впервые этот термин был предложен П.В. Михедом [72].

ственные произведения писателя. В состав собрания сочинений включены незавершенные произведения, записные книжки, черновые записи по истории, фольклору, истории и этнографии, выписки из творений Святых отцов и их Служебных миней. В.В. Лепяхин отмечает, что уникальные качества издания связаны со свойствами представленных в нём комментариев. Во-первых, «к особенностям комментария надо отнести заметный акцент на духовно-христианской проблематике всего творчества Гоголя» [73. С. 65]. Во-вторых, «впервые столь тщательно и подробно прокомментированы ботанические интересы и занятия Гоголя, опубликован прекрасный по качеству цветной вкладки гербарий, собранный Гоголем» [Там же]. В-третьих, «профессионально прокомментированы духовно-нравственные сочинения писателя. Особенно выделяется богословский комментарий к «Размышлениям о Божественной Литургии», специально подготовленный для данного издания; в нём учитывается современная богослужебная практика» [Там же]. Достаточно подробно описана концепция этого собрания сочинений В.А. Воропаевым, подчеркивающим, что «вышедшее издание не является академическим (нет свода вариантов по разным редакциям), но творческое наследие писателя представлено в нем максимально полно. Учтены не только все редакции произведений Гоголя, но и расписки банкирам, домовладельцам (некоторые печатаются впервые по автографам), альбомные записи, дарственные надписи на книгах, многочисленные травники и ботанические записи, конспекты книг по географии и этнографии» [74. С. 430].

Состав рабочей группы по изданию этого Собрания сочинений не отражает объединение научных усилий российского и украинского гоголеведения – составителями и комментаторами выступили российские ученые В.А. Воропаев и И.А. Виноградов¹. Состав рабочей группы свидетельствует о доминировании «поля религии» над «научным полем». Церковь не только выступила идейным вдохновителем этого издательского проекта, но и самостоятельно нашла источники для его финансирования. Подготовка собрания сочинений осуществлялась при поддержке благотворительного фонда «Богуслав» (Киев) и Некоммерческого партнерства «Полтавское землячество» (Москва). Помимо российских литературоведов в рабочую группу вошли протоиерей Владимир Силовьев, главный редактор Издательства Московской Патриархии, и В.С. Анисимов, пресс-секретарь Украинской православной церкви. Базовой издательской площадкой выступило Издательство Московской Патриархии, но также были привлечены сотрудники из издательств «Художественная литература» и Сретенского монастыря. Разговор о данном Собрании сочинений можно вести, с одной стороны, с его точки зрения на личность Гоголя как писателя-

¹ Во многом этот издательский проект стал продолжением предыдущего 9-томного Собрания сочинений Н.В. Гоголя, которое было выпущено в 1994 г. Составителями и комментаторами этого Собрания сочинений выступили В.А. Воропаев и И.А. Виноградов [75].

христианина, инока в миру. В приветствии к читателям Полного Собрания сочинений Святейший Патриарх Кирилл на официальном сайте Московского Патриархата подчеркнул, что Гоголь «был первым последовательно православным автором»¹. С другой стороны, можно рассматривать в аспекте ритуальных публичных практик, которыми сопровождались подготовка, обнародование и распространение издания. Оба обозначенных аспекта взаимосвязаны. В этом смысле Собрание сочинений стало не только православным ответом вульгарному социологизму, но и примером вторжения религиозного авторитета в «поле политики» в целях укрепления межнациональных политических отношений между Украиной и Россией на православной основе. Подчёркивалась объединительная роль гоголевского наследия, принадлежащего русскому и украинскому народам и являющегося частью общего прошлого. Главным источником информации о ходе работы над Собранием сочинений, особенно на этапе его завершения, была пресс-служба Московской Патриархии, а именно ее официальный сайт.

Начало работы над Собранием сочинений благословляет Святейший Патриарх Кирилл. После завершения работы Блаженнейший митрополит Киевский Владимир удостоивает за заслуги перед Православной церковью и отечественной культурой В.А. Воропаева, И.А. Виноградова и других членов рабочей группы орденом преподобного Нестора Летописца I степени². Издательский итог этого проекта был связан с «организацией» его вхождения не в научный и образовательный контекст, а именно в общественно-политический. Общая концепция форм презентации отличалась предельной назидательностью со стороны института церкви. С одной стороны, избирательно были выбраны площадки для презентации первых томов Собрания сочинений. Избирательность была представлена в форме «православного изоляционизма» – ориентации на подготовленную верующую аудиторию. В ноябре 2009 г. в Москве в Центральном выставочном зале «Манеж» на VIII церковно-общественной выставке-форуме «Православная Русь – к Дню народного единства» состоялась презентация первых томов. В марте 2010 г. Собрание сочинений было представлено на XIII национальной выставке-ярмарке «Книги России», к которой было приурочено празднование Дня православной книги. С другой стороны, был проведен ряд мероприятий, рассчитанных именно на высокопоставленных общественно-политических деятелей. Презентация издания состоялась в Киеве в апреле 2009 г. На ней присутствовали Ю.В. Тимошенко, занимавшая на тот момент пост премьер-министра Украины, и В.С. Черномырдин,

¹ Патриаршее обращение к читателям Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/814704.html> (дата обращения: 24.12.2019).

² Орден преподобного Нестора Летописца – это награда Украинской православной церкви. Орден установлен для награждения епископата, духовенства, мирян, государственных деятелей, журналистов, писателей, поэтов и педагогов, за личный вклад в издательскую, церковно-литературную и писательскую деятельность, а также за распространение светлых идеалов православия в общественно-политической жизни Украины. Орденом награждаются граждане Украины и иностранные граждане.

исполнявший роль посла России на Украине. Сертификаты на данное Собрание сочинений – это отдельный сюжетный ход в распространении тиража. Первый тираж (насколько нам удалось установить, он пока единственный) был запланирован небольшой – всего 1000 экземпляров. При этом предполагалось его разделить поровну между Украиной и Россией, и распространяться он должен был по подписке. В то же время было запланировано 200 именных сертификатов (тоже пополам), которые были подписаны Предстоятелем Русской православной церкви. В июле 2009 г. патриарх Кирилл на встрече в Киеве вручил президенту Украины В.А. Ющенко сертификат за номером один. В дальнейшем видные политические, общественные и церковные деятели, мастера культуры, образовательные и культурные учреждения, ведущие библиотеки России и Украины получали их из рук Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Владимира.

Таким образом, откровенный гоголевский пафос периода «Выбранных мест из переписки с друзьями» в распространении тиража усилил ритуальный ореол вокруг этого издания. Ореол, который обнажил включение фигуры Гоголя и его творчества в религиозный литературный канон, который по сути своей стремился нивелировать светские литературные каноны – русский и украинский.

Третий издательский проект связан с выходом Собрания сочинений Н.В. Гоголя в семи томах на украинском языке, которое было подготовлено сотрудниками Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины [76]. Первый том был издан в 2008 г., а последний в 2012 г. Все тома содержат пометку, что издание приурочено к 200-летию со дня рождения классика. В состав редакционной коллегии вошли украинские филологи М.Г. Жулинский (председатель редакционной коллегии), П.В. Михед (зам. председателя редакционной коллегии и составитель всех томов), А.Я. Бельдий, С.А. Гальченко, Н.Р. Мазепа, Д.С. Наливайко и др. Издание обозначено как литературно-художественное, оно не преследует академической цели, не претендует на полноту, на объективный и исчерпывающий комментарий художественных текстов, учитывающий достижения современного гоголеведения. Это Собрание сочинений можно рассматривать как своеобразное завершение издательского проекта, который не был до конца реализован в пик украинского культурного ренессанса в 1920–1930-е гг. [77]. В процессе подготовки Полного собрания сочинений Гоголя на украинском языке были переведены и выпущены отдельными томами повести из всех трех гоголевских циклов: «Вечера», «Миргород» и «Петербургские повести». Не вышли в свет переводы поэмы «Мертвые души» и драматургических текстов «Ревизор» и «Женитьба». Но, как отмечает И.И. Колесник, в литературно-аналитических статьях отразилась редукция культурных и национальных ценностей на фоне увеличения идеологических интерпретаций с учетом теории классовой борьбы [67]. В этом смысле это издание не стало торжеством украинского гоголеведения того периода.

Почти все переводы на украинский язык, выполненные для первого Собрания сочинений Гоголя, вошли в новый семитомник. Исключение составляют переводы духовной прозы, принадлежащие П.В. Михеду («Выбранные места из переписки с друзьями», «Искусство есть примирение с жизнью», «Размышления о духовной литургии» и др.). Преемственность двух этих издательских проектов весьма показательна. Общую цель этих издательских проектов можно рассматривать двояко. С одной стороны, это подчеркивание языкового потенциала национального языка. Потенциала, который дает возможность приобщения к иноязычной литературе на базе национального языка. Эта логика сохраняется в современной культурной политике Украины и особенно наглядно проявляется в школьной программе по литературе, в которой вся мировая классика и современная иноязычная литература изучаются на украинском языке. С другой стороны, учитывая особый пограничный статус Гоголя, можно в этой стратегии обозначить попытку его украинизации. В то же время подобный тип «украинизации» не гарантия «канонизации». В силу того, что украинский канон имеет языковой принцип построения (это наглядно видно на примере канонической роли Шевченко), гоголевское место в нём на основании имеющихся переводов будет иметь псевдоязыковой статус.

В современных украинских «каноностроительных» дискуссиях, в которых решается проблема гоголевского языкового билингвизма в плоскости оппозиции «наш – не наш», существуют разные позиции. Одновременно есть и категорическое отрицание Гоголя как национального писателя из-за его неумения или нежелания писать на украинской мове, и есть попытки его оправдать. Гоголевский случай, как показывает Ю.Я. Барабаш, в своих обзорных статьях [9, 78], – это случай без вины виноватого. По мнению исследователя, Гоголь не мог писать на украинском языке в силу объективной причины – несформированности на тот момент литературного украинского языка, отсутствия в нём необходимой художественной зрелости. Но в этой защитной логике Ю.Я. Барабаша не учитывается очевидное обстоятельство, что Гоголь и Шевченко современники, и Шевченко как писатель состоялся именно в стихии национального языка¹.

В этом запущенном механизме украинизации творческого наследия Гоголя через издание нового Собрания сочинений на украинском языке скорее обозначились вопросы теоретико-переводческого характера. Вопросы,

¹ В контексте этого разговора стоит отметить, что в мировой практике есть примеры «каноностроительства» поверх языковых барьеров без переводческих манипуляций. Очень яркий пример с еврейским канонам, который был собран Р. Вайс. Основанием для определения какого-либо произведения как «еврейского», по мнению Р. Вайс, является не язык, на котором оно написано, а его содержание и этнокультурная самоидентификация автора [79]. Рассматривая в этом ключе этнокультурное содержание произведений как принцип формирования канона – альтернативный языковому, необходимо ответить на вопрос об исследовательских механизмах подобного типа текстов. Вопрос безусловно перспективный в свете своеобразного исследовательского бума мультикультурной литературы.

которые получили далеко не исчерпывающие ответы в подготовленном собрании сочинений. Но в этом ракурсе обнаруживается существенный недостаток издания – полное отсутствие сведений о переводчиках гоголевских произведений, с одной стороны, и обоснование критериев отбора именно этого перевода на фоне всех остальных – с другой. В примечании имеется отдельный раздел «Українські переклади і видання», в котором просто перечисляются все имеющиеся переводы начиная с 1860-х гг. и заканчивая современностью и отсутствует информация о переводчиках и их переводческих стратегиях.

В юбилейный 2009-й гоголевский год этот издательский проект не вызвал мощную волну дискуссий в российском пространстве в отличие от отдельных переизданий на украинском языке повести «Тарас Бульба»¹. Повесть была выпущена в начале 2000-х гг. известными украинскими неакадемическими коммерческими издательствами «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА»² (Киев) и «Кальварія»³ (Львов). Общий вектор издателей – это упор на первую редакцию повести «Тарас Бульбы», в которой более очевидно проступают истинные, с точки зрения издателей, национально-политические пристрастия Гоголя. Можно также отметить, что оба издательства стратегически близки в ориентации на своего потенциального читателя, что находит отражение в серийном контексте издания повести.

Издательство «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» выпустило повесть «Тарас Бульба» вместе с повестями «Ночь перед Рождеством» и «Вий» на украинском языке в серии «*Книги, які здолали час*» (Книги, которые преодолели время), в которую вошла традиционная детская мировая классика, тоже переведённая на украинский язык («Приключения Тома Сойера», «Алиса в стране чудес», «Путешествие Гулливера» и «Крошка Цахес»). В этом издательском жесте очевидно помещение гоголевских произведений в контекст обязательного детского чтения именно на украинском языке. Опубликованные издательством переводы гоголевских повестей не новые, все они относятся к первой трети XX в. «Ночь перед Рождеством» – это перевод

¹ «Тарас Бульба под желтой обложкой», «Неправильный Гоголь», «Берем пилу и пилим Гоголя пополам», «Подмены текстов Гоголя одобрены?», «Как Гоголя делить будем?» и т.д. – перечень подобных названий в российской прессе можно продолжать до бесконечности.

² «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» – это первое частное издательство детской литературы на Украине, основанное в 1992 г. в Киеве украинским поэтом И.А. Малковичем. В середине 2000-х гг. одним из самых масштабных проектов издательства стал «Гарри Поттер», полностью переведенный на украинский язык (11 книг). На тот момент издательство выпускало книги и на русском и на украинском языке. Но русскоязычные книги шли под грифом «без права продажи на Украине». Сейчас выпускаются только книги на украинском языке.

³ Издательство «Кальварія» было основано 1991 г. во Львове П. Мацкевичем. В 1993 г. оно начало осуществлять собственную издательскую программу, взяв курс на издание отечественной художественной литературы. С 1995 г. издание украиноязычных книг стало основным направлением его работы.

Н. Рильского (1878–1932), «Вий» – П. Панча (1891–1978)¹. Основу издания повести «Тарас Бульба» составил перевод Н. Садовского (Тобилевича) (1856–1932), выполненный в 1910 г. Современную редакцию этого перевода осуществили сам издатель И. Малкович и профессиональный переводчик Е. Попович. На сайте своего издательства Малкович обосновал как свою позицию выбора переводов, так и принципов их редакторской обработки в современном социокультурном контексте. Перевод Н. Рильского «Ночи перед Рождеством» (1929) издатель определяет как конгениальный гоголевскому тексту. В это обоснование *конгениальности* вносится ремарка относительно языкового мученичества Гоголя, вынужденного писать свои произведения на русском языке. Перевод Н. Садовского издатель не определяет как конгениальный, отмечая по гамбургскому счету, что он «найкращий з тих, які маємо» (лучший из того, что есть). Издатель выпускает украиноцентричную редакцию повести, в которой сохранены и количественно усилены замены гоголевских слов «Русь» и «русский» на «Украина» и «украинский». В этих переводческих обстоятельствах редактор обозначил, что все претензии русской стороны к идеологической составляющей перевода – это «деукраїнізація» Гоголя, в процессе которой проявляется стремление представить Гоголя «апологетом российского империализма». Итоговое резюме Малковича относительно национального и писательского статуса: «Микола Гоголь – це геніальний український митець, який став класиком російської літератури»².

Издательство «Кальварія» в 2005 г. выпустило новый перевод повести, который осуществил Василий Шкляр, по мнению многих литературных критиков, «батька українського бестселера». Издание вышло с подзаголовком «Микола Гоголь – Тарас Бульба – першотвір» (Николай Гоголь – Тарас Бульба – подлинник) и с предисловием переводчика, который представляет редакцию повести 1835 г. как истинную, которая в дальнейшем была исправлена под давлением официальной русской критики, так как повесть была слишком «украинской». Но при этом переводческом жесте Шкляр высказывается весьма сурово в отношении пограничного языкового и культурного статуса Гоголя. В интервью на Радио Свобода Украина в передаче, посвященной языковым вопросам на Украине, Шкляр подчеркнул, что «Николая Гоголя никогда не считал украинским писателем. Он, бесспорно, украинский язык знал. Но это был хоть и гений, но все-таки ренегат. Он ушел в другую культуру. Там он чувствовал себя комфортнее, и там он эволюционировал полностью в малоросса»³. А повесть «Тарас Бульба», ее две редакции, это для писателя яркий пример, отражающий «эволюцию гения к малороссу». Отмечая отсутствие необходимости пере-

¹ Этот же перевод опубликован в Полном собрании сочинений на украинском языке, о котором мы говорили ранее в статье.

² Сайт издательства: URL: http://ababahalamaha.com.ua/uk/ІВАН_МАЛКОВИЧ_Від_редактора:_декілька_зауваг_щодо_перекладу_«Тараса_Бульби»

³ Тарас Марусик “Розмова на часі”. Письменник і мова. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/910379.html> (дата обращения: 24.12.2019).

вода всей русской классики на украинский язык, Шкляр настаивает, что «Гоголь – это отдельный вопрос, тем более “Тарас Бульба”. Не Чичиков, а Бульба. Он должен звучать на украинском языке»¹.

Заслуживает внимания также «серийный» контекст первого выпуска перевода повести Шляра. В 2005 г. издательство «Кальварія» запустило проект, ориентированный на подготовку бинарной серии книг «INDIVIDUEL подлинник». Идея проекта состояла в подборке книжных пар, при которой книжные герои разных эпох являлись бы отражением друг друга во времени и пространстве. Первой «парой» стал шклярковский перевод повести «Тарас Бульба» и его же роман «Элементал». В российской прессе серийный контекст издания этого перевода В. Шляра совершенно не учитывался и в дискуссионном поле, посвященном украинизации Гоголя, не обсуждался. Шквал упреков был именно со стороны украинской литературной критики, которую, мягко говоря, настораживало сопоставление несопоставимого. В то же время были попытки аналитического разбора сути диалога между писателем XIX в. и современным. О.Д. Будугай отмечает, что оба произведения объединяет идейный замысел, связанный с осмыслением черт украинской ментальности, которые прочно укоренены в национальных украинских генах и составляют основу родовой памяти [80]. Этот серийный диалог не получил продолжения. Последующие переиздания повести были осуществлены уже в других издательствах. Политическую окраску перевод В. Шкляра приобрел в контексте частого упоминания и в российской и в украинской прессе о том, что этот перевод очень разгневал В. Черномырдина, который на тот момент был послом России на Украине. Информационное поле, созданное российскими журналистами вокруг переводческого вопроса, который обострился в канун празднования 200-летнего юбилея, усилило его политический характер. В иное русло этот националистический крен в обсуждении вопроса украинской переводческой рецепции Гоголя переводили мнения привлекаемых экспертов, которые давали художественную оценку этому явлению.

Ю.В. Манн в своем интервью отметил: *«Я убежден, что такие переводы наносят Гоголю исключительно только вред <...> украинская стихия органично входит в ранние гоголевские произведения. Она ложится на гоголевскую языковую палитру и оставляет на ней очень яркие пятна. В этом суть многоцветья и многоголосья гоголевского стиля. При переводе на украинский язык теряется обаяние украинизмов в тексте. Все становится одноцветным. На русском фоне гоголевская украинская речь звучит гораздо сильнее...»*².

Вторит Ю.В. Манну и Ю.Я. Барабаш: *«Ясно, что при любом переводе отход от оригинала и связанные с этим потери так или иначе неизбежны, но в случае Гоголя они особенно болезненны, потому что чреватые стирани-*

¹ Гоголь оказался сиротой. URL: <https://www.svoboda.org/a/1515982.html> (дата обращения: 24.12.2019).

² Ревизор-2009. URL: <https://rg.ru/2009/04/01/mann.html> (дата обращения: 24.12.2019).

ем уникальности русско-украинской языковой дихотомии («пестрого меси-ва»), стандартизацией неповторимого гоголевского языка, по существу – как ни странно это прозвучит утратой украинской составляющей. Ведь эстетическая функция последней раскрывается именно и только в концептивном контрапункте с русским компонентом языковой дихотомии» [9].

В. Звиняцковский тоже обозначил свою точку зрения, которая по отношению к двум предыдущим экспертам является «внутриукраинской»: «Гоголь по-украински – это все-таки зарубежный писатель. Что теряется в украинском переводе? Как ни смешно, теряется украинскость, теряются украинизмы. Потому что, например, “Вечера на хуторе” написаны же на суржике. Почему они написаны на суржике? Потому что на суржике говорят, они говорят на русско-украинской смеси, это так задумано Гоголем, что его повествователи не знают ни правильного русского, ни правильного украинского языка»¹.

В продолжение «внутриукраинской» точки зрения можно привести мнение П. Михеда. В составленном им Собрании сочинений представлен перевод повести «Тарас Бульба», выполненный А. Хуторяном (1892–1955) в 1952 г. и базирующийся на второй редакции. В комментарии П. Михеда к этому переводу помимо информации историко-литературного характера добавляется комментарий к новым переводам повести. Исследователь обращается к дискуссионному вопросу о замене «русского» на «украинский» и «козацкий» [76. Т. 2. С. 222]. «В этом переводе русская земля переведена как «фуська земля», что в языковом контексте «Повести временных лет» и Слова и Полку Игореве» «<...> обозначает малую Русь, сердцевинную ее часть. Именно к этой семантике уже в форме «русская земля», тяготеет и Гоголь» [3. С. 105].

Таким образом, выявленные нами юбилейные издательские сюжеты обозначили три стратегии присвоения Гоголя в русском и украинском канонах. Российский издательский научно-академический сюжет – это формирование репутации на основании достижений современного гоголеведения, которое выходит далеко за пределы российских научных штудий. В этом случае создается реноме классика мирового уровня. Второй издательский сюжет, связанный с православным гоголеведением, явил пример канонизации почти в прямом смысле этого термина. В православно ориентированном Собрании сочинений выявилась стратегия создания репутации Гоголя как православного писателя, существующего поверх национально-политических барьеров. Третий издательский сюжет, связанный с украинизацией Гоголя посредством перевода, демонстрирует переиздание старых переводов гоголевских произведений на украинский язык и фокусировку на повести «Тарас Бульба»². Получается, что формируется репута-

¹ Гоголь оказался сиротой. URL: <https://www.svoboda.org/a/1515982.html> (дата обращения: 24.12.2019).

² Пример с премьерой фильма В.В. Бортко «Тарас Бульба» в юбилейный год, которая буквально стала причиной международного скандала между Россией и Украиной. Скандала, в котором отразилось стремление Украины предотвратить прочтение гоголевской повести, не вписывающегося в программу украинского национализма.

ция Гоголя именно как автора «правильной» украинской повести и нивелируется почти весь основной корпус текстов.

Литература

1. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
2. Михед П.В. Гоголь в канонах украинской и русской культур (замечания о проблеме). URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1133/> (дата обращения: 24.12.2019).
3. Михед П.В. «Приватизация» Гоголя?: Возвращаясь к «русско-украинскому вопросу» // Вопросы литературы. 2003. № 3. С. 94–112.
4. Звизняцковский В. Я. «Дополнительный канон» Гоголя: стратегия украинизации // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 148–159.
5. Ковалева Ю.Н. «Мученик перекрестков»: споры о Гоголе и русско-украинском вопросе в публикациях последних лет // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2006. Вып. 5. С. 142–148.
6. Видурице И. Украинский Гоголь // LITERATURA. 2006. № 48 (2). С. 56–65.
7. Рыбаков С. Николай Гоголь между Украиной и Россией // Урал. 2009. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2009/12/nikolaj-gogol-mezhdu-ukrainoj-i-rossiej.html> (дата обращения: 24.12. 2019).
8. Барабаш Ю.Я. Диалектика национального и общечеловеческого как гоголеведческая проблема. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1494/> (дата обращения: 24.12.2019).
9. Барабаш Ю.Я. «Своего языка не знает...», или Почему Гоголь писал по-русски? URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1429/> (дата обращения: 24.12.2019).
10. Воронаев В.А. Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. История государства Российского. 2002. № 1. С. 12–15.
11. Воронаев В.А. Жива вера – жив народ: Н.В. Гоголь и русско-украинский вопрос // Православная беседа. 2002. № 1. С. 53–55.
12. Акимов М.С. «Гоголь, или Провинциал в столице»: от Малороссии к Петербургу // Научный диалог. 2017. № 6. С. 113–124.
13. Вдовин А.В. Годовщина смерти литератора как праздник // Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) / hrsg. von A. Graf. München : UTZ Verl., 2010. С. 81–93.
14. Черняк М.А. Литературный юбилей как форма культурной памяти в современной России: случай Всеволода Иванова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 27–36.
15. Анисимова Е.Е. В.А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Ст. 1: Время юбилеев, пространство власти, механизмы конструирования поэтической биографии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 71–89.
16. Анисимова Е.Е. В.А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Ст. 2: Торжества 1902 г.: совмещение юбилеев, стратегии автоканонизации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 53–60.
17. Загидуллина М.В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема: Творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 552 с.
18. Невская Д.Р. Три фазиса увенчания Гоголя: К истории первых юбилеев Гоголя // Новый филологический вестник. 2013. № 1 (24). С. 106–139.
19. Полонский В. Взгляд на столетие сто лет спустя, или Гоголь в 1909 году: вековой юбилей писателя по материалам русских газет // Новое литературное обозрение. 2010. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vzglyad-na-stoletie-sto-let-spustya-ili-gogol-v-1909-godu-vekovoj-yubiley-pisatelya-po-materialam-russkih-gazet.html> (дата обращения: 24.12.2019).

20. *Грякалова Н.Ю.* XX век открывает Гоголя (Гоголевские дни 1909) // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. СПб., 2011. С. 681–696.
21. *Муравьева О.С.* Два юбилея: (Пушкин, Гоголь и русское общество) // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. СПб., 2011. С. 667–681.
22. *Черняк М.А.* Гоголь как национальный проект: взгляд из 2009 года // Библиотечное дело. 2009. № 8 (98). С. 44–48.
23. *Колесник (Дрогобыч) А.В.* Н.В. Гоголь в современной Украине // Н.В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012. С. 201–206.
24. *Moeller-Sally S.* Gogol's Afterlife: the Evolution of a Classic in Imperial and Soviet Russia. Evanston, 2002. 208 p.
25. *Розанов И.Н.* Литературные репутации. М., 1990. 485 с.
26. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Страда В.* Литература и общество: введение в социологию литературы. М. : РГТУ, 1998. 80 с.
27. *Дубин Б.В., Гудков Л.Д.* Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 350 с.
28. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 448 с.
29. *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 330 с.
30. *Шовен П.-М.* Социология репутаций // Отечественные записки. 2014. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/1/6sch.html> (дата обращения: 24.12.2019).
31. *Гронас М.* Диссенсус. Война за канон в американской академии 80–90-х годов // Новое лит. обозрение. 2001. № 51. С. 6–17.
32. *Guillory J.* Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago : University of Chicago Press, 1993. 659 p.
33. *Altieri C.* Canons and consequences: Reflections on the ethical force of imaginative ideals. Evanston, 1990. 370 p.
34. *Блум Г.* Западный канон: Книги и школа всех времен. М. : Новое лит. обозрение. 2017. 672 с.
35. *Acta Slavica Estonica IV.* Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. 345 с.
36. *Дубин Б.В.* К проблеме литературного канона в нынешней России // Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре : сб. ст. М., 2010. С. 66–76.
37. *Проблемы каноничности русской литературы: теория, эволюция, перевод : сб. статей / под ред. К. Ястшембской, М. Охняк, Э. Пилярчик.* Краков : Scriptum, 2017. 173 с.
38. *Мегрелишвили Т.* Русский литературный канон в зеркале современности // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. С. 35–49.
39. *Рыбальченко Т.Л.* Жизнь канона в разных формах апелляции к русской классике современных русских писателей (стилизация, метатексты, деконструкция, римейк и пр.) // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. С. 75–90.
40. *Манолакев Х.* Многоликий канон: история русской классической литературы после перестройки // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. С. 301–311.
41. *Киселев В.С.* Что почитать, или Осколки канона: классика в коммерческих электронных библиотеках рунета // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 3. С. 57–77.
42. *Веппе Л.А.* Школьный «литературный канон»: стоит ли вносить изменения? // Вопросы педагогики. 2019. № 5-1. С. 41–49.
43. *Павловец М.Г.* Школьный канон как поле битвы. Ч. 1: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2. С. 71–92.

44. Павловец М.Г. Школьный канон как поле битвы: купель без ребенка // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2016. № 5. С. 125–145.
45. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб. : Алетейя, 2000. 260 с.
46. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М. : НЛЮ, 2010. 248 с.
47. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : Рос. полит. энцикл., 2011. 664 с.
48. Киселёв В.С., Васильева Т.А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья первая) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 3 (23). С. 63–79.
49. Киселёв В.С., Васильева Т.А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (Статья вторая. «Необходимо снизить под кровлю селянина...») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 61–77.
50. Киселев В.С., Васильева Т.А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (Статья третья. «Между Польшей и Россией») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 102–123.
51. Бак С., Кодола В., Шовкопляс Г. Тарас Шевченко і український літературний канон // Українська література в загальноосвітній школі. 2014. № 6. С. 39–41.
52. Грабович Г. Шевченко, якого не знаємо. Київ, 2000. 317 с.
53. Забужко О. Шевченків міф України: Спроба філософського аналізу. Київ, 2009. 146 с.
54. Байдалова Е.В. Тарас Григорьевич Шевченко в современной украинской культуре: попытка «перезагрузки» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2014. № 9. С. 141–151.
55. Ковбасенко Ю.И. Тарас Шевченко і український літературний канон (традиційність і новаторство поетичної саморефлексії) // Рідна мова: освітній кварталник Українського вчительського товариства у Польщі. Валч, 2014. № 21. С. 29–35.
56. Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода: Вводные замечания // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.
57. Сухих И.Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, № 3. С. 329–336.
58. Вдовин А.В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Tartu, 2011. 238 с.
59. Еремеева С. Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в рамках практики монументальной коммеморации. М., 2009. 52 с.
60. Левит М.Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб. : Академический проект, 1994. 265 с.
61. Барабаш Ю.Я. «Наш» или «не наш»? Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 144–180.
62. Барабаш Ю.Я. От берега – к горизонту: Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 135–165.
63. Барабаш Ю.Я. Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья. (восприятие и интерпретации). Ч. 1 // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. М., 2005. С. 123–161.
64. Барабаш Ю.Я. «Анти-» и «Пост-»: Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 165–201.
65. Барабаш Ю.Я. Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья. Ч. 2: Три Юрия, или пейзаж после битвы // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. М., 2007. С. 65–96.

66. Булкина И. Нежинский круг и «фантастическая реальность»: Обзор юбилейной украинской «гоголианы» // Новое литературное обозрение. 2010. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/1/nezhinskij-krug-i-fantasticheskaya-realnost.html> (дата обращения: 24.12.2019).

67. Колесник І.І. Гоголь у культурно-інтелектуальній історії України: міфи та стереотипи (до 200-річчя Миколи Гоголя) // Український історичний журнал. 2009. № 2. С. 135–160.

68. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. М. : Наука, 2001. Т. 1. 918 с.; 2003. Т. 2. 911 с.; 2009. Т. 3. 1015 с.; 2012. Т. 7, кн. 1. 804 с., 2012. Кн. 2. 886 с.

69. Манн Ю.В. Гоголь: академический, полный // Studia Litterarum: научный журнал. 2016. Т. 1, № 3–4. С. 205–215.

70. Джулиани Р. Новое академическое издание «Мертвых душ», или Торжество Филологии / пер. О. Лебедевой // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 369–380.

71. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. Москва ; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

72. Михед П.В. «У истоков “православного гоголеведения”: Пантелеймон Кулиш» URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1564/> (дата обращения: 24.12.2019).

73. Лепяхин В.В. Важнейшее событие в гоголеведении в юбилейном году писателя // Челябинский гуманитарий. 2010. № 3 (12). С. 63–66.

74. Воропаев В.А. Новое о Гоголе: источниковедческий обзор // Литературный факт. 2017. № 5. С. 427–438.

75. Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Русская книга, 1994. Т. 1–2. 496 с.; Т. 3–4. 560 с.; Т. 5. 608 с.; Т. 6 559 с., Т. 7. 617 с., Т. 8. 864 с., Т. 9. 784 с.

76. Гоголь М.В. Зібрання творів : у 7 т. Киев : Наукова думка, 2008. Т. 1. 257 с.; 2008. Т. 2. 240 с.; 2008. Т. 3. 200 с.; 2008. Т. 4. 232 с.; 2009. Т. 5. 343 с.; 2009. Т. 6. 353 с.; Т. 7. 376 с.

77. Прохоренко Є.Є. Про видання творів Миколи Гоголя українською мовою на рубежі 20–30-х років ХХ століття // Література та культура Полісся. Ніжин, 2008. Вип. 41. С. 23–36.

78. Барабаш Ю.Я. Почва и судьба: о языковой дихотомии у Гоголя // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 5. С. 3–10.

79. Вайс Р. Современный еврейский литературный канон: Путешествие по языкам и странам М. : Мосты культуры, 2007. 512 с.

80. Будугай О.Д. Діалог у часі й просторі героїв твору М. Гоголя «Тарас Бульба» та В. Шкляра «Елементал»: аксіологічний та історіософський аспекти. // Література та культура Полісся. 2009. Вип. 53. С. 30–38.

Gogol's Literary Reputation: Between Two Canons (On the Material of the 200th Anniversary of the Birth of the Writer in 2009). Article 1

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 213–242. DOI: 10.17223/19986645/68/10

Vera Yu. Bal, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bal-verbal@gmail.com

Keywords: Nikolay Gogol, literary canon, anniversary, monument to the classic, sociology of literature

The article discusses the principles of the formation of Nikolay Gogol's literary reputation on the material of events dedicated to the 200th anniversary of Gogol's birth in 2009. The literary anniversary is considered as a social genre, which occupies a special place among other commemorative practices. In both cultural spaces, Russian and Ukrainian, there is a revival of the tradition of the literary anniversary in the early 2000s. In this situation of the re-actualization of previous cultural practices, there is a restoration tendency to “nationalize

anniversaries” and use them for political purposes. By the example of the biographical and literary Gogolian myths formed in the anniversary context, the problem of the existence of a classic image at the crossroads of two literary canons – Russian and Ukrainian – is actualized. The revealed anniversary publishing stories outlined three strategies for appropriating Gogol in Russian and Ukrainian canons. The first publishing plot, the Russian publishing academic project, edited by Yu.V. Mann, is the formation of a reputation based on the achievements of modern Gogol studies, which go far beyond the boundaries of Russian studies. In this case, a world-class classic is created. The second publishing plot, connected with Orthodox Gogol studies, sets an example of canonization almost in the literal sense of the term. In the “Orthodox” collected works, a strategy emerged to build the reputation of Gogol as an Orthodox writer, existing over the national and political barriers. The inclusion of Gogol and his works in the religious literary canon in essence seeks to level out Russian and Ukrainian secular literary canons. The composition of the working team for the publication of this *Collected Works* does not reflect the unification of the research efforts of Russian and Ukrainian Gogol studies. The dominance of the “field of religion” over the “research field” determined the leading role of V.A. Voropaeva and I.A. Vinogradov, as representatives of religious Gogol studies, in the team. The third publishing story, connected with the Ukrainianization of Gogol through translation, demonstrates the re-release of old translations of Gogol’s works into Ukrainian. This *Collected Works* can be considered as a kind of a completion of the publishing project, which was not fully implemented at the peak of the Ukrainian cultural renaissance in the 1920s and 1930s. The second obvious direction of Ukrainian publishing practices is focusing on translated editions of the novel *Taras Bulba*. This novel creates the reputation of Gogol as the author of the novel, which is important for the complex of nationalist ideas of modern Ukraine.

References

1. Bourdieu, P. (2000) Pole literary [Field of Literature]. Translated from French. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 45. pp. 22–87.
2. Mikhed, P.V. (2013) *Gogol' v kanonakh ukrainskoy i russkoy kul'tur (zamechaniya o probleme)* [Gogol in the canons of Ukrainian and Russian cultures (notes on the problem)]. [Online] Available from: <http://domgogolya.ru/science/researches/1133/>. (Accessed: 24.12.2019).
3. Mikhed, P.V. (2003) “Privatizatsiya” Gogolya? Vozvrashchayas' k “russko-ukrainskomu voprosu” [“Privatization” of Gogol? Returning to the “Russian-Ukrainian question”]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 94–112.
4. Zvinyatskovskiy, V.Ya. (2010) “Dopolnitel'nyy kanon” Gogolya: strategiya ukrainizatsii [“Additional Canon” by Gogol: the strategy of Ukrainianization]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 104. pp. 148–159.
5. Kovaleva, Yu.N. (2006) “Muchenik perekrestkov”: spory o Gogole i russko-ukrainskom voprose v publikatsiyakh poslednikh let [“Martyr of Crossroads”: Disputes about Gogol and the Russian-Ukrainian question in publications of recent years]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika – Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*. 5. pp. 142–148.
6. Vidurite, I. (2006) Ukrainskiy Gogol' [Ukrainian Gogol]. *LITERATŪRA*. 48 (2). pp. 56–65.
7. Rybakov, S. (2009) Nikolay Gogol' mezhdU Ukrainoy i Rossiei [Nikolay Gogol between Ukraine and Russia]. *Ural*. 12. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/ural/2009/12/nikolaj-gogol-mezhdU-ukrainoj-i-rossiei.html>. (Accessed: 24.12.2019).
8. Barabash, Yu.Ya. (2006) *Dialektika natsional'nogo i obshchechelovecheskogo kak gogolevedcheskaya problema* [Dialectics of the National and the Universally Human as a Gogol Studies Problem]. [Online] Available from: <http://domgogolya.ru/science/researches/1494/>. (Accessed: 24.12.2019).

9. Barabash, Yu.Ya. (2010) "Svoego yazyka ne znaet..." ili pochemu Gogol' pisal po-russki? ["Doesn't know his own language . . ." or why did Gogol write in Russian?]. [Online] Available from: <http://domgogolya.ru/science/researches/1429/>. (Accessed: 24.12.2019).
10. Voropaev, V.A. (2002) Gogol' i "russko-ukrainskiy vopros" [Gogol and the "Russian-Ukrainian question"]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 1. pp. 12–15.
11. Voropaev, V.A. (2002) Zhiva vera – zhiv narod. N.V. Gogol' i russko-ukrainskiy vopros [Faith lives – people live. N.V. Gogol and the Russian-Ukrainian question]. *Pravoslavnaya beseda*. 1. pp. 53–55.
12. Akimova, M.S. (2017) "Gogol or Provincial in the Capital": from Ukraine to Saint Petersburg. *Nauchnyy dialog*. 6. pp. 113–124. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-113-124
13. Vdovin, A.V. (2010) Godovshchina smerti literatora kak prazdnik [The anniversary of the death of a writer as a holiday]. In: Graf, A. (ed.) *Festkultur in der russischen Literatur* (18. bis 21. Jahrhundert). München: UTZ Verl. pp. 81–93.
14. Chernyak, M.A. (2015) Literary Jubilee as the Form of Cultural Memory in Present-Day Russia: The Case of Vsevolod Ivanov. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 27–36. (In Russian).
15. Anisimova, E.E. (2013) V.A. Zhukovsky Between Two Jubilees (1833–1902): Article 1. Time of Jubilees, Space of Power, Mechanisms of Designing Poetical Biography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (24). pp. 71–89. (In Russian).
16. Anisimova, E.E. (2013) V.A. Zhukovsky Between Two Jubilees (1833–1902): Article 2. Festivities of the Year 1902: Combination of Jubilees, Strategies of Self-Canonisation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (26). pp. 53–60. (In Russian).
17. Zagidullina, M.V. (2002) *Klassicheskie literaturnye fenomeny kak istoriko-funktional'naya problema: Tvorchestvo A.S. Pushkina v retseptivnom aspekte* [Classical literary phenomena as a historical and functional problem: A. Pushkin's oeuvre in the receptive aspect]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
18. Nevskaya, D.R. (2013) Three Stages of Recognition and Crowning. On the History of Gogol's First Jubilees. *Novyy filologicheskii vestnik – New Philological Bulletin*. 1 (24). pp. 106–139. (In Russian).
19. Polonskiy, V. (2010) Vzgl'yad na stoletie sto let spustya, ili Gogol' v 1909 godu: vekovoy yubiley pisatelya po materialam russkikh gazet [A look at the century a hundred years later, or Gogol in 1909: the writer's centenary based on materials from Russian newspapers]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vzgl'yad-na-stoletie-sto-let-spustya-ili-gogol-v-1909-godu-vekovoy-yubiley-pisatelya-po-materialam-russkikh-gazet.html>. (Accessed: 24.12.2019).
20. Gryakalova, N.Yu. (2011) [The twentieth century discovers Gogol (The Gogol days of 1909)]. *Fenomen Gogolya* [The Phenomenon of Gogol]. Proceedings of the Jubilee International Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of N.V. Gogol. Saint Petersburg: Petropolis. pp. 681–696. (In Russian).
21. Murav'eva, O.S. (2011) [Two anniversaries (Pushkin, Gogol and Russian society)]. *Fenomen Gogolya* [The Phenomenon of Gogol]. Proceedings of the Jubilee International Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of N.V. Gogol. Saint Petersburg: Petropolis. pp. 667–681. (In Russian).
22. Chernyak, M.A. (2009) Gogol' kak natsional'nyy proekt: vzglyad iz 2009 goda [Gogol as a national project: a view from 2009]. *Biblioteknoe delo*. 8 (98). pp. 44–48.
23. Kolesnik (Drogobych), A.V. (2012) N.V. Gogol' v sovremennoy Ukraine [N.V. Gogol in modern Ukraine]. In: Budagova, L.N. (ed.) *N.V. Gogol' i slavyanskii literatury* [N.V. Gogol and Slavic Literatures]. Moscow: Indrik. pp. 201–206.

24. Moeller-Sally, S. (2002) *Gogol's Afterlife: The Evolution of a Classic in Imperial and Soviet Russia*. Evanston: Northwestern University Press.
25. Rozanov, I.N. (1990) *Literaturnye reputatsii* [Literary reputations]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
26. Gudkov, L.D., Dubin, B.V. & Strada, V. (1998) *Literatura i obshchestvo: vvedenie v sotsiologiyu literatury* [Literature and society: an introduction to the sociology of literature]. Moscow: RSUH.
27. Dubin, B.V. & Gudkov, L.D. (2004) *Literatura kak sotsial'nyy institut. Stat'i po sotsiologii literatury* [Literature as a social institution. Articles on the sociology of literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
28. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
29. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii* [How Pushkin became a genius]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
30. Chauvin, P.-M. (2014) *Sotsiologiya reputatsiy* [The sociology of reputations]. Translated from French. *Otechestvennye zapiski*. 1. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/1/6sch.html>. (Accessed: 24.12.2019).
31. Gronas, M. (2001) Dissensus. Voyna za kanon v amerikanskoy akademii 80–90-kh godov [Dissensus. The War for the Canon in the American Academy of the 1980s–1990s]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 6–17.
32. Guillory, J. (1993) *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago: University of Chicago Press.
33. Altieri, C. (1990) *Canons and consequences: Reflections on the ethical force of imaginative ideals*. Evanston: Northwestern University Press.
34. Bloom, H. (2017) *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon: The Books and School of the Ages]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
35. Vdovin, A. & Leybov, R. (eds) (2013) *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatiynye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskiy kanon* [Acta Slavica Estonica IV. Works on Russian and Slavic philology. Literary criticism, IX. Anthology texts: Russian pedagogical practice of the 19th century and the poetic canon]. Tartu: University of Tartu Press.
36. Dubin, B.V. (2010) *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [The Classic, after it and next to it: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 66–76.
37. Yastshembskaya, K., Okhnyak, M. & Pilyarchik, E. (eds) (2017) *Problemy kanonichnosti russkoy literatury: teoriya, evolyutsiya, perevod* [Problems of the canonicity of Russian literature: theory, evolution, translation]. Krakow: Scriptum.
38. Megrelishvili, T. (2013) Russkiy literaturnyy kanon v zerkale sovremennosti [Russian literary canon in the mirror of the present]. *Toronto Slavic Quarterly*. 44. pp. 35–49.
39. Rybal'chenko, T.L. (2013) Zhizn' kanona v raznykh formakh apellyatsii k russkoy klassike sovremennykh russkikh pisateley (stilizatsiya, metateksty, dekonstruktsiya, rimeyk i pr.) [Life of the canon in different forms of contemporary Russian writers' addressing the Russian classics (stylization, metatext, deconstruction, remake, etc.)]. *Toronto Slavic Quarterly*. 44. pp. 75–90.
40. Manolakev, Kh. (2013) Mnogolikiy kanon: istoriya russkoy klassicheskoy literatury posle perestroyki [The many-sided canon: the history of Russian classical literature after Perestroika]. *Toronto Slavic Quarterly*. 44. pp. 301–311.
41. Kiselev, V.S. (2016) What to Read, or the Debris of Canon: The Classics in Commercial Electronic Libraries of Runet. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 3. pp. 57–77. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/12/5

42. Veppe, L.A. (2019) Shkol'nyy "literaturnyy kanon": stoit li vnosit' izmeneniya? [The school "literary canon": is it worth making changes?]. *Voprosy pedagogiki*. 5-1. pp. 41–49.
43. Pavlovets, M.G. (2016) Shkol'nyy kanon kak pole bitvy. Chast' pervaya: istoricheskaya rekonstruktsiya [The school canon as a battlefield. Part One: Historical Reconstruction]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2. pp. 73–92.
44. Pavlovets, M.G. (2016) Shkol'nyy kanon kak pole bitvy: kupel' bez rebenka [The school canon as a battlefield: a font without a child]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 5. pp. 125–145.
45. Miller, A.I. (2000) "Ukrainskiy vopros" v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [The "Ukrainian question" in the policy of the authorities and in Russian public opinion (second half of the 19th century)]. Saint Petersburg: Aleteyya.
46. Miller, A.I. (2010) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism Essays on the Methodology of Historical Research]. Moscow: NLO.
47. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatelnosti"*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Translated from English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
48. Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2013) Evolution of Image of Ukraine in Imperial Literature of the First Quarter of 19th Century: Regionalism, Ethnography, Politicization (Article I). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(23). pp. 63–79. (In Russian).
49. Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2013) Evolution of Image of Ukraine in Imperial Literature of the First Quarter of the 19th Century: Regionalism, Ethnography, Politicization. Article 2. "Neobkhodimo Snizoyti Pod Krovliu Selianina" (It Is Necessary to Descend Under a Villager's Roof). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6(26). pp. 61–77. (In Russian).
50. Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2014) Evolution of the Image of Ukraine in the Imperial Literature of the First Quarter of the Nineteenth Century: Regionalism, Ethnography, Politicization. Article 3. "Between Poland and Russia". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1(27). pp. 102–123. (In Russian).
51. Bak, S., Kodola, V. & Shovkoplyas, G. (2014) Taras Shevchenko i ukrains'kiy literaturniy kanon [Taras Shevchenko and the Ukrainian literary canon]. *Ukrains'ka literatura v zagal'noosvitniy shkoli*. 6. pp. 39–41.
52. Grabovich, G. (2000) *Shevchenko, yakogo ne znaemo* [The Shevchenko we do not know]. Kyiv: Kritika.
53. Zabuzhko, O. (2009) *Shevchenkiv mif Ukraïni. Sproba filosofsk'ogo analizu* [The Shevchenko Myth of Ukraine. An attempt of philosophical analysis]. Kyiv: Fakt.
54. Baydalova, E.V. (2014) Taras Hryhorovych Shevchenko in the modern Ukrainian culture: an attempt of "reset". *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii – Slavic World in the Third Millennium*. 9. pp. 141–151. (In Russian).
55. Kovbasenko, Yu.I. (2014) Taras Shevchenko i ukrains'kiy literaturniy kanon (traditsiynist' i novatorstvo poetichnoi samorefleksii) [Taras Shevchenko and the Ukrainian literary canon (tradition and innovation of poetic self-reflection)]. *Ridna mova: osvitiy kvartal'nik Ukraïns'kogo vchitel's'kogo tovaristva u Pol'shchi*. Valch. 21. pp. 29–35.
56. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian literature]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB.
57. Sukhikh, I.N. (2016) Russian Literary Canon of the 20th Century: Shaping and Functions. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 17 (3). pp. 329–336. (In Russian).
58. Vdovin, A.V. (2011) *Kontsept "glava literaturny" v russkoy kritike 1830-1860-kh godov* [The concept "chief of literature" in the Russian criticism of the 1830s–1860s]. Tartu: Tartu University Press.

59. Ereemeeva, S. (2009) *Bronzovyy vek rossiyskoy slovesnosti: pamyatniki pisatelyam v ramkakh praktiki monumental'noy kommemoratsii* [The Bronze Age of Russian Literature: Monuments to Writers within the Practice of Monumental Commemoration]. Moscow: HSE.

60. Levitt, M.C. (1994) *Literatura i politika: Pushkinskiy prazdnik 1880 goda* [Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880]. Translated from English. Saint Petersburg: Akademicheskiiy proekt.

61. Barabash, Yu.Ya. (2004) "Nash" ili "ne nash"? Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya ["Ours" or "Not Ours"? Gogol in the literary consciousness of the Ukrainian diaspora]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 144–180.

62. Barabash, Yu.Ya. (2005) Ot berega – k gorizontu. Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya [From the coast to the horizon. Gogol in the literary consciousness of the Ukrainian diaspora]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 135–165.

63. Barabash, Yu.Ya. (2005) Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya. (vospriyatie i interpretatsii). Chast' I [Gogol in the literary consciousness of the Ukrainian diaspora. (perception and interpretation). Part I]. In: *Literaturnoe zarubezh'e: Litsa. Knigi. Problemy* [Literary diaspora: Faces. Books. Problems]. Vol. 3. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature RAS. pp. 123–161.

64. Barabash, Yu.Ya. (2006) "Anti-" i "Post-". Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya ["Anti-" and "Post-". Gogol in the literature consciousness of the Ukrainian diaspora]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 165–201.

65. Barabash, Yu.Ya. (2007) Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya. Chast' II. Tri Yuriya, ili peyzazh posle bitvy [Gogol in the literary consciousness of the Ukrainian diaspora. Part II. Three Yuris, or landscape after the battle]. In: *Literaturnoe zarubezh'e: Litsa. Knigi. Problemy* [Literary diaspora: Faces. Books. Problems]. Vol. 6. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature RAS. pp. 65–96.

66. Bulkina, I. (2010) Nezhinskiy krug i "fantasticheskaya real'nost'" Obzor yubileynoy ukrainskoy "gogoliany" [The Nezhinsky circle and "fantastic reality". Review of the jubilee Ukrainian "Gogoliana"]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 1. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/1/nejzhinskij-krug-i-fantasticheskaya-realnost.html>. (Accessed: 24.12.2019).

67. Kolesnik, I.I. (2009) Gogol' u kul'turno-intelektual'niy istorii ukraïni:mifi ta stereotipi (do 200-richchya Mikoli Gogolya) [Gogol in the cultural and intellectual history of Ukraine: myths and stereotypes (To the 200th anniversary of Nikolay Gogol)]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*. 2. pp. 135–160.

68. Gogol, N.V. (2001–2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 23 t.* [Complete works and letters: In 23 volumes]. Vols 1–3, 7. Moscow: Nauka.

69. Mann, Yu.V. (2016) Gogol: academic and complete. *Studia Litterarum*. 1 (3-4). pp. 205–215. (In Russian). DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-205-215

70. Giuliani, R. (2014) Novoe akademicheskoe izdanie "Mertvykh dush", ili Torzhestvo Filologii [The new academic edition of "Dead Souls", or the Triumph of Philology]. Translated from Italian by O. Lebedeva. *Voprosy literatury*. 4. pp. 369–380.

71. Gogol, N.V. (2009–2010) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 17 t.* [Complete works and letters: In 17 volumes]. Moscow; Kyiv: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii.

72. Mikhed, P.V. (2005) *U istokov "pravoslavnogo gogolevedeniya": Panteleymon Kulish* [At the origins of "Orthodox Gogol studies": Panteleimon Kulish]. [Online] Available from: <http://domgogolya.ru/science/researches/1564/>. (Accessed: 24.12.2019).

73. Lepakhin, V.V. (2010) Vazhneyshee sobytie v gogolevedenii v yubileynom godu pisatelya [The most important event in Gogol studies in the writer's anniversary year]. *Chelyabinskiy gumanitariy*. 3 (12). pp. 63–66.

74. Voropaev, V.A. (2017) New about Gogol: a source study. *Literaturnyy fakt – Literary Fact*. 5. pp. 427–438. (In Russian). DOI: 10.22455/2541-8297-2017-5-427-438

75. Gogol, N.V. (1994) *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Collected works: In 9 volumes]. Moscow: Russkaya kniga.

76. Gogol, M.V. (2008–2009) *Zibrannya tvoriv: U 7 t.* [Collected works: In 7 volumes]. Kyiv: Naukova dumka.

77. Prokhorenko, E.E. (2008) Pro vidannya tvoriv Mikoli Gogolya ukrains'koyu movoyu na rubezhi 20–30-kh rokiv XX stolittya [On the publication of Mykola Gogol's works in Ukrainian at the turn of the 1930s]. *Literatura ta kul'tura Polissya*. 41. pp. 23–36.

78. Barabash, Yu.Ya. (1993) Pochva i sud'ba. o yazykovoy dikhonomii u Gogolya [Soil and destiny. On linguistic dichotomy in Gogol]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 52 (5). pp. 3–10.

79. Wisse, R. (2007) *Sovremennyy evreyskiy literaturnyy kanon: Puteshestvie po yazykam i stranam* [The Modern Jewish Canon: A Journey Through Language and Culture]. Translated from English. Moscow: Mosty kul'tury.

80. Budugay, O.D. (2009) Dialog u chasi y prostori geroiv tvoriv M. Gogolya “Taras Bul'ba” ta V.Shklyara “Elemental”: aksiologichniy ta istoriosofs'kiy aspekti [Dialogue in time and space of the heroes of Gogol's “Taras Bulba” and V. Shklyar's “Elemental”: axiological and historiosophical aspects.]. *Literatura ta kul'tura Polissya*. 53. pp. 30–38.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/68/11

Э.М. Жиликова, К.К. Павлович

**А.В. НИКИТЕНКО – ЧИТАТЕЛЬ И КРИТИК РОМАНА
И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»¹**

Исследуется рецепция А.В. Никитенко романа И.А. Гончарова «Обломов» по материалам хранящегося в Научной библиотеке Томского университета книжного собрания профессора. Анализируются читательские пометы владельца на первом издании гончаровского текста, который был подарен ему лично автором. Рассматривается вопрос о специфике восприятия А.В. Никитенко художественного таланта И.А. Гончарова и трактовки образа Обломова с учетом категории синтеза, унаследованного русским писателем от Н.И. Надеждина.

Ключевые слова: А.В. Никитенко, И.А. Гончаров, «Обломов», личная библиотека, Н.И. Надеждин, синтез.

Имя А.В. Никитенко в истории становления и развития русской эстетико-философской и критической мысли первой половины XIX в. занимает особое место, а ярким репрезентантом творческой и профессиональной деятельности профессора является его личная книжная коллекция [1], хранящаяся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. В этом собрании, насчитывающем более 1,5 тыс. названий в 2,5 тыс. томах, предсказуемо доминируют издания по литературе и словесности. Особенная гордость профессорской библиотеки – «первые и прижизненные издания сочинений писателей, составивших цвет русской литературы XIX в.» [2. С. 24].

Широко развернувшаяся в 1830–1840-е гг. теоретико-критическая деятельность Никитенко была тесным образом связана с фигурами В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя. В середине века она приобрела характер целостной системы, в основание которой легла концепция эстетического синтеза – «поэтического реализма». Суть этой идеи находит рефлексивное отражение на страницах пристально изучаемых Никитенко книг, среди которых оказываются и произведения И.А. Гончарова, в частности роман «Обломов» (1859 г., в 2 ч.) с дарственной надписью на форзаце первого тома: «Любезнейшему другу Александру Васильевичу Никитенко в знак чувств от автора. 15 октября 1859» [3].

История тесных и дружеских личных взаимоотношений Никитенко и Гончарова берет свое начало именно в 1850-е гг. В 1854 г. писатель преподносит уже именитому профессору отдельный оттиск главы «Манила»

¹ «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00443 «Личная библиотека А.В. Никитенко как “летопись русской литературы”».

из книги «Фрегат “Паллада”», сопровождая свой дар словами: «Александру Васильевичу Никитенко от путешественника» [3. № 150515]. В течение последующих четырех лет точно таким же образом в библиотеке Никитенко окажутся сначала еще одна глава – «На Мысе Доброй Надежды» (1856) [Там же. № 23747], а затем полное отдельное издание путевых очерков (1858) [Там же. № 29491]. Примерно в это же время в дневнике профессора появляется первое упоминание имени Гончарова (запись от 24 ноября 1855 г.). Дополняет эту картину самое раннее из известных писем писателя: 2 февраля 1856 г. он приглашает «почтеннейшего друга Александра Васильевича» вместе отобедать «в кругу добрых приятелей Тургенева, Боткина, Майковых, Краевского etc. etc.» [4].

Впервые с романом «Обломов» Никитенко познакомился за год до начала его публикации. Произошло это во время одного из авторских чтений в обществе близких людей. В дневниковой записи от 10 сентября 1858 г. он замечает: «Вечером у Гончарова слушал новый роман его “Обломов”. Много тонкого анализа сердца. Прекрасный язык. Превосходно понятый и обрисованный характер женщины с ее любовью. Но много такого еще, что может быть объяснено только в целом. Вообще в этом произведении, кроме неоспоримого таланта, поэтического одушевления, много ума и тщательной, умной обработки. Оно совершенно другого направления, чем все наши нынешние романы и повести» [5. С. 34]. Критик не случайно отмечает особую индивидуальность гончаровского романа в общем потоке современной литературы, находя в нем отклик на собственные представления о содержательных основах произведения словесного искусства, которые в противовес последователям «натуральной школы» виделись им в гармоничном сочетании изображения отрицательных сторон действительности с поэтизацией положительного начала («поэтического одушевления»).

Самая первая помета Никитенко на страницах «Обломова» связана с номинацией главного героя: проявляя интерес к этому образу, он заштриховывает его имя и отчество голубым карандашом. Однако пристальным вниманием читателя отмечена другая часть романа – знаменитая девятая глава «Сон Обломова», напечатанная в 1849 г. в «Современнике». Этот текст является идейным объяснением всего произведения, он сосредоточивает в себе суть национальных и общечеловеческих представлений писателя. В «Сне Обломова», где возвышенная романтическая фигура главного героя соотносится с реальностью жизни, в полной мере проявилась концепция творческого синтеза, воспринятая Гончаровым от профессора Н.И. Надеждина в годы учебы в Московском университете (1831–1834).

Надеждин и Никитенко, родившиеся в одном и том же 1804 г., выросшие на наследии русской и немецкой романтической эстетики, почти одновременно выступили с программными речами о художественной манере (в широком смысле) в современном искусстве¹. Оба они занимали диалек-

¹ В 1833 г. Никитенко была опубликована «Вступительная лекция российской словесности о происхождении и духе литературы», прочитанная им годом ранее в Санкт-

тичную, сложную позицию в отношении реалистического метода и в поисках совершенной художественной формы развивали идею синтеза.

Надеждин в своих трудах говорил об особом «поэтическом духе», который складывается из двух разных стихий – классической (натуральной) и романтической: «...что же должно оставаться для гения? Соединить идеально одушевление средних веков с изящным благообразием классической древности, уравновесить душу с телом, идею с формами, просветить мрачную глубину Шекспира лучезарным изяществом Гомера!» [6. С. 50]; «Это должно быть внутреннее, живое слияние общих полюсов бытия, общих элементов творчества!» [Там же. С. 51].

Никитенко выстраивал свою эстетическую систему в тех же, идущих от Фр. Шеллинга, координатах: от начала развития человека, через этическое к роману, в конечном итоге – к синтезу идеального и реального. В его теоретической работе, зрелшей и складывавшейся на протяжении долгих лет преподавания в университете, – «Мысли о реализме» (1872) изложена позиция по отношению к идеализму и реализму в художественной литературе. Никитенко называет «синтетический» принцип предельно адекватным для современной литературной ситуации, считая его «разумным реализмом»: «В разумном реализме нет ничего такого, что исключало бы идеализацию, и в разумной идеализации нет ничего противоречащего разумному реализму» [7. С. 37]. Категория синтеза в его понимании оказывается родственной многомерности жизненной правды.

Заявленная Надеждиным необходимость «уравновешивания» и «соединения» была усвоена и развита Гончаровым в качестве закона, требовавшего всеобщего и взаимного проникновения классического и романтического как неперемennого условия художественности. Писатель воспринял эти категории не как стилиевой прием, сочетающий разнородное, а как идейно-художественную систему. Главное же отличие представлений Надеждина и Гончарова состояло в том, что синтез в понимании первого был прежде всего связан с категорией «чистой» эстетики. У писателя же на первом месте всегда стояла «одушевленная» поэзией действительность, а внутренний импульс к осмыслению мира как гармонии оказывается возможен посредством живописания – пластичного, колоритного, многогранного.

Вся трилогия Гончарова, а также и книга «Фрегат “Паллада”» демонстрируют двойственную позицию писателя в вопросах о романтизме. Он активно использует соответствующие образы, мотивы, штампы, создает портреты и пейзажи в духе высокого и чувственно-возвышенного, но при этом ведет активную полемику с поэтом-романтиком В.Г. Бенедиктовым (в третьей главе путевых очерков). Положительный метод искусства для пи-

Петербургском университете. Практически одновременно на торжественном собрании Московского университета Надеждин произносит «Слово о современном направлении изящных искусств». Этот текст в отдельном издании 1833 г. с пометами Никитенко сохранился в его библиотеке [3. № 322110].

сателя связан с уравниванием двух крайностей классического и романтического мировидения.

В упомянутой статье «Мысли о реализме» Никитенко в качестве достоинства Гончарова закономерно отмечает «чувство меры», понимаемое как свобода от утрированных и прикрас: «Его отличает, между прочим, весьма важное качество – особенный такт и знание меры, которые должны были бы предохранять его от всякой крайности, если бы он оставался им верен. Он не предубежденно, но тенденциозно смотрит на природу, на человека, на своё общество, и эта художественная правота и бесстрашие спасали его долго от преувеличений того, что в природе может показаться не прекрасным, а в людях постыдным...» [7. С. 47–48].

Пометы Никитенко на романе «Обломов», таким образом, дают представление о его эстетической критике и одновременно оттеняют наиболее характерные черты художественной манеры Гончарова. Центральная тема его рецепции – пути развития человеческого духа и судьба современного романного героя.

В названной выше речи «О происхождении и духе литературы» Никитенко исходит из того, что именно в слове аккумулируются все нравственные начала. Он представляет язык как мерило и выразитель духовного, однако, по его мысли, полнота этического может быть проявлена только в литературе, «ибо бытие её определяется особенным, положительным воззрением на человека» [8. С. 13–14]. Основы историософской концепции Никитенко, как и Гончарова, связаны с едиными истоками всего живого сообщества: «Каждый народ есть чадо одного и того же человечества» [Там же. С. 14].

По логике Никитенко, любой народ должен существовать «совокупною деятельностью всех своих способностей» [Там же. С. 16], и тогда в результате этого «гармонического» синтеза возникает «образованность», которая представляется «особенной ветвью» литературы. Пересекаясь с Надеждиным, сделавшим народность одним из главных компонентов своей эстетической системы, он детство называет временем раннего развития человечества, которое характеризуется расцветом эпопейного периода и выражает «жизнь целого». Тема детства, к которой и приковано его читательское внимание на «Обломове», соотносится с историософской концепцией возрастов наций. Не случайно в статье Надеждина «О современном направлении изящных искусств» Никитенко подчеркивает текст, посвященный анализу этого этапа в жизни человечества: «То был период совокупного, неразделенного кипения всех элементов, из коих слагается целость нашей человеческой природы! Тогда всё поглощалось чувством: и потому всё было одушевленное, восторг, религия! <...> Сия гражданственность кристаллизовалась в очарованных иерархических формах; сие просвещение расцветивалось пестрыми фантастическими мечтами <...> изящная творческая деятельность во времена первобытного младенчества отличалась стремлением к безусловному, неограниченному проявлению своей внутренней полноты, в её нераздельной, всеобъемлющей целостности» [9. С. 28].

Судьба современного героя – «чада Природы» – для Никитенко связана с представлением эпического (Эпопеи) в современности. Именно в ней решается проблема человеческой судьбы. Эпопея понимается им в искусстве как состояние духа, существование целого, выражающее «полноту жизни» [8. С. 30], что напрямую соотносится с художественной концепцией «Обломова». Эпопея как мировоззренческая форма, одна из сторон человеческого духа видится Никитенко «обширным, чудесным зрелищем», в котором миры «в величественной стройности текут по предписанным им путям» [Там же. С. 34].

«Сон Обломова» предстал перед Никитенко уникальным по форме и содержанию материалом, на анализе которого он мог развернуть проблему детства как философскую, эстетическую и художественную. В качестве читателя он отмечает размеренный образ жизни обломовцев, их идиллическое существование, служащее проявлением эпического бытия. Характерно, что сам Гончаров в «Сне Обломова» указывает на создаваемый героем образ «блистательной эпопеи»:

«Мать возьмет голову Илюши, положит к себе на колени и медленно расчесывает ему волосы, любясь мягкостью их и заставляя любоваться и Настасью Ивановну, и Степаниду Тихоновну, и разговаривает с ними о будущем Илюши, ставит его героем какой-нибудь созданной ею *блистательной эпопеи* (курсив наш. – Э.Ж., К.П.). Те сулят ему золотые горы» [10. С. 114].

В своей вступительной лекции 1832 г. Никитенко отмечает, что человек в эпопее находится в гармонии со своим внутренним и окружающим миром, где «в чудном движении, все нервы Природы напряжены, всё исполнено сил, <...> повсюду такая грозная и мёртвая тишина: нет жизни!» [8. С. 35]. Эту же «торжественную тишину природы» он отчёркивает в описании обломовской жизни:

*Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, те минуты, когда сильнее работает творческий ум, жарче кипят поэтические думы, когда в сердце живее вспыхивает страсть или сильнее ноет тоска, когда в жестокой душе невозмутимее и сильнее зреет зерно преступной мысли, и когда в Обломовке все почивают так крепко и покойно*¹ [10. С. 115].

Никитенко отмечает стихийность пробуждающихся чувств, желаний, страхов, характерных для сознания детства – как в судьбе конкретного человека, так и всего человеческого рода:

поймает стрекозу, оторвет ей крылья и смотрит, что из нее будет, или проткнет сквозь нее соломинку и следит, как она летает с этим

¹ Здесь и далее курсивом переданы подчеркивания и отчёркивания Никитенко, сделанные им в тексте романа «Обломов» во время чтения. Для отражения двойного выделения (на полях и внутри текста) дополнительно применяется подчеркивание. Курсив авторский оговаривается особо.

прибавлением; с наслаждением, боясьдохнуть, наблюдает за пауком, как он сосет кровь пойманной мухи, как бедная жертва бьется и жужжит у него в лапах. Ребенок кончит тем, что убьет и жертву, и мучителя.

Потом он заберется в канаву, роется, отыскивает какие-то корешки, очищает от коры и ест всласть, предпочитая яблокам и варенью, которые дает маменька.

Он выбежит и за ворота: ему бы хотелось в березняк; он так близко кажется ему, что вот он в пять минут добрался бы до него, не кругом, по дороге, а прямо, через канаву, плетни и ямы; но он боится: там, говорят, и лешие, и разбойники, и страшные звери.

Хочется ему и в овраг сбегать: он всего саженьях в пятидесяти от сада; ребенок уж прибежал к краю, зажмурил глаза, хотел заглянуть, как в кратер вулкана... но вдруг перед ним восстали все толки и предания об этом овраге: его объял ужас, и он, ни жив ни мертв, мчится назад и, дрожа от страха, бросился к няньке и разбудил старуху.

Она вспрянула от сна, поправила платок на голове, подобрала под него пальцем клочки седых волос и, притворяясь, что будто не спала совсем, подозрительно поглядывает на Илюшу, потом на барские окна и начинает дрожащими пальцами тыкать одну в другую спицы чулка, лежавшего у нее на коленях [10. С. 113].

Образ эпически покойного мира находит у Гончарова сравнение с природой, которое Никитенко также отмечает: «жизнь как покойная река текла мимо них» [Там же. С. 122]. Важным аспектом его философии является положение о национальной сущности выражения «детства». Его проявление Никитенко усматривал в «усилиях исторического быта людей», в форме «местных <...> и временных мнений, чувствований, характера и преданий. Это почва, на которой произрастает эдемский цвет чистейшей идеальной жизни» [8. С. 25]. Развитие своей идеи он находит у Гончарова, его внимание привлекают эпизоды «обломовского рая» в духе народной идиллии, с её естественностью и цельностью:

...где нет ни ночей, ни холода, где все совершаются чудеса, где текут реки меду и молока, где никто ничего круглый год не делает, а день-деньской только и знают, что гуляют все добрые молодцы, такие, как Илья Ильич, да красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать [8. С. 116].

Далее Никитенко закономерно делает пометы в тексте, описывающем «уроки» няни Обломова, благодаря которым герой погружался в сказочный мир народных представлений:

Там есть и добрая волшебница, являющаяся у нас иногда в виде щуки, которая изберет себе какого-нибудь любимца, тихого, безобидного, другими словами, какого-нибудь лентяя, которого все обижают, да и осыпает его, ни с того ни с сего, разным добром, а он знай кушает себе да наряжается в готовое платье, а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице, Милитрисе Кирбитьевне. Ребенок, навострив уши и глаза,

страстно вживался в рассказ. Нянька или предание так искусно избегали в рассказе всего, что существует на самом деле, что воображение и ум, проникшись вымыслом, оставались у него в рабстве до старости. <...> сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка [10].

В той же «фольклорной» логике чтения простым карандашом на полях он выделяет большой отрывок, заключающий в себе эпическую картину легендарно-героической стихии национального бытия:

Она повествует ему о подвигах наших Ахиллов и Улиссов, об удали Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, о Полкане-богатыре, о Колечище прохожем, о том, как они странствовали по Руси, побивали несметные полчища басурманов, как состязались в том, кто одним духом выпьет чару зелена вина и не крякнет; потом говорила о злых разбойниках, о спящих царевнах, окаменелых городах и людях; наконец переходила к нашей демонологии, к мертвецам, к чудовищам и к оборотням.

Она с простотою и добродушием Гомера, с тою же животрепещущею верностью подробностей и рельефностью картин влагала в детскую память и воображение Илиаду русской жизни, созданную нашими гомеридами тех туманных времен, когда человек еще не ладил с опасностями и тайнами природы и жизни, когда он трепетал и перед оборотнем, и перед лешим, и у Алеши Поповича искал защиты от окружающих его бед, когда и в воздухе, и в воде, и в лесу, и в поле царствовали чудеса.

Страшна и неверна была жизнь тогдашнего человека; опасно было ему выйти за порог дома: его, того гляди, заперет зверь, зарежет разбойник, отнимет у него все злой татарин, или пропадет человек без вести, без всяких следов [Там же. С. 116–117].

В качестве важнейшего элемента поэтизации жизни деревенского захолустья Никитенко отмечает фламандский колорит авторских описаний. Так, он оставляет пометы на бытовых сценах романа, рисующих обыденное, вялое и неторопливое, но полное тихой внутренней жизни и собственной логики существование, которое складывается из деталей и подробностей:

Ребенок тут, подле маменьки: он вглядывается в странные окружающие его лица, вслушивается в их сонный и вялый разговор. Весело ему смотреть на них, любопытен кажется ему всякий сказанный ими вздор. После чая все займутся чем-нибудь: кто пойдет к речке и тихо бродит по берегу, толкая ногой камешки в воду; другой сядет к окну и ловит глазами каждое мимолетное явление: пробежит ли кошка по двору, пролетит ли галка, наблюдатель и ту, и другую преследует взглядом и кончиком своего носа, поворачивая голову то направо, то налево [Там же. С. 114].

В русле интереса к «фламандским» краскам гончаровской описательной манеры Никитенко дважды выделяет в тексте бытовые эпизоды с собаками:

Так иногда собаки любят сидеть по целым дням на окне, подставляя голову под солнышко и тщательно оглядывая всякого прохожего [10]. За ними кинулись, хватая их за пятки, две собаки, которые, как известно, не могут равнодушно видеть бегущего человека [Там же. С. 141].

Связывая эпическое как проявление детства с идеальностью и целостностью, господством фантазии и воображения, Никитенко делает обильные подчеркивания текста на тех страницах романа, где названы впечатления ребенка от «соблазнительных сказаний старины»¹ [Там же. С. 118] и где дана реакция на них чувствительной души. Все эти внутренние движения закладывают основу его будущего характера:

И поныне русский человек среди окружающей его строгой, лишенной вымысла действительности *любит верить соблазнительным сказаниям старины*, и долго, может быть, еще не отрешиться ему от этой веры.

Слушая от няни сказки о нашем золотом руне – *Жар-птице* (курсив автора. – Э.Ж., К.П.), о преградах и тайниках волшебного замка, мальчик *то бодрился, воображая себя героем подвига, – и мурашки бегали у него по спине, то страдал за неудачи храбреца <...>*.

Ребенок, объятый неведомым ужасом, *жался к ней со слезами на глазах. <...>* он испытывал мучительный, сладко болезненный процесс; *нервы напрягались, как струны. <...>* *С трепетом и визгом бросался на руки к няне <...>*.

Населилось воображение мальчика странными призраками; боязнь и тоска засели надолго, может быть навсегда, в душу. Он печально озирается вокруг и все видит в жизни вред, беду, все мечтает о той волшебной стране, где нет зла, хлопот печалей, где живет Милитриса Кирбитьевна, где, хорошо кормят и одевают даром... [Там же. С. 118–119].

Особое внимание, вслед за Гончаровым, Никитенко уделяет вере в чудесное остальных обломовцев:

Сказка не над одними детьми в Обломовке, но и над взрослыми, и до конца жизни сохраняет свою власть <...>.

Стук ставни и завывание ветра в трубе заставляли бледнеть и мужчин, и женщин, и детей. Никто в Крещенье не выйдет после десяти часов вечера один за ворота; всякий в ночь на Пасху побоится идти в конюшню, опасаясь застать там домового. В Обломовке верили всему: и оборотням, и мертвецам... [Там же. С. 119].

Эта склонность человека к ощущению чего-то неведомого и признанию его силы и права в своей судьбе, с одной стороны, становится источником удивительной фантазии – поэтического воображения, но, с другой – порождает страх перед действительной жизнью, который в дальнейшем перерастает в апатию и бездеятельность, что отмечает Никитенко:

¹ Это определение подчеркнуто Никитенко карандашом.

...но если пропадет самая вера в призраки, то останется какой-то осадок страха и безотчетной тоски.

Узнал Илья Ильич, что нет бед от чудовищ, а какие есть – едва знает, и на каждом шагу все *ждет чего-то страшного и боится*. И теперь еще, оставшись в темной комнате или увидя покойника, он трепещет от зловещей, в детстве зароненной в душу тоски; *смеясь над страхами своими поутру, он опять бледнеет вечером* [10].

Таким образом, анализ обломовской эпопеи ведется Никитенко в двух направлениях. Во-первых, он останавливается на тех качествах, которые определяют глубинные национальные свойства героя – его поэтическую натуру, стремление к гармоническому восприятию жизни, сердечность, доброту, искренность. Воспоминание об Обломовке греет сердце героя в Петербурге – и профессор в процессе своего чтения не случайно оставляет вертикальную черту напротив абзаца о мечтаниях Обломова в кровати:

Он вдруг почувствовал смутное желание любви, тихого счастья, вдруг зажаждал полей своей родины, своего дома, жены и детей [Там же. С. 76].

Во-вторых, Никитенко подчеркивает, что эта же эпопейная среда становится тормозом развития личности, когда та вступает на «романный путь» освоения жизни. «Роман... – пишет профессор, – по значению своему противоположен Эпопее: деятельность человеческая может ещё иметь другое направление, не восходя до той высоты, на коей свобода одного соприкасается с целым порядком вещей. <...> Обнаружить жизнь, текущую в границах общественного порядка и разлетающуюся каплями среди многосложных, запутанных его пружин, подобно воде в мельничном колесе – жизнь, которая напрягается и истощается по видам страстей, совершенно личных, порождаемых временем, местом и обстоятельствами, – одним словом, показать человека таким, каким представляется он нашему разуму в идее существа общежительного – вот предмет другой самостоятельной отрасли Эпической Поэзии – Романа» [8. С. 37–38]. Обломовский стиль, как всякий эпос, исключал «самого человека и его судьбу» во имя событий человечества. Никитенко подчеркивает эту важную мысль, высказанную Гончаровым по отношению к обломовцам:

Они с бьющимся от волнения сердцем ожидали обряда, тира, церемонии, а потом, окрестив, женив или похоронив человека, забывали самого человека и его судьбу и погружались в обычную апатию, из которой выводил их новый такой же случай – именины, свадьба и т. п. [10. С. 123].

В связи с вопросом романного содержания обломовской эпопеи Никитенко выдвигает в качестве актуальной проблему воспитания. Он подчеркивает авторские вопросы-рассуждения, развиваемые в романе и носящие нравственно-философский характер:

А кто знает, как рано начинается развитие умственного зерна в детском мозгу? Как уследить за рождением в младенческой душе первых понятий и впечатлений?

Может быть, когда дитя еще едва выговаривало слова, даже не ходило, а только смотрело на все тем пристальным детским взглядом, которые взрослые называют тупым, оно уже видело и угадывало значение и связь явлений окружающей его сферы, да только не признавалось в этом ни себе, ни другим [10. С. 120].

Четырежды Никитенко выделяет крестиками на небольшом пространстве текста повторяющийся мотив пробуждения сознания в герое.

х «Смотрит ребенок и наблюдает острым и переменчивым взглядом, как и что делают взрослые, чему посвящают они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого внимания ребенка: неизгладимо врезывается в душу картина домашнего быта; напивается мягкий ум живыми примерами и бессознательно чертит программу советей жизни по жизни, его окружающей» х [Там же. С. 109].

х «А ребенок все смотрел и все наблюдал своим детским, ничего не пропускающим умом» х [Там же. С. 111].

х «А ребенок наблюдал да наблюдал» х [Там же. С. 112].

х «А он с нетерпением дожидался этого мгновения, с которым начиналась его самостоятельная жизнь» х [Там же].

Но неоднократно его внимание обращается и на процесс торможения всех усилий маленького ребенка обломовской ленью:

Плохо верили обломовцы и душевным тревогам; не принимали за жизнь круговорота вечных стремлений куда-то, к чему-то; боялись, как огня, увлечения страстей [Там же. С. 121].

Прежде не торопились объяснить ребенку значения жизни и приготовить его к ней, как к чему-то мудреному и нешуточному [Там же. С. 122].

Никитенко аккуратно подчеркивает простым карандашом каждую строку абзаца о русской национальной особенности – барстве Обломова, о его бытовой беспомощности:

Захар, как бывало нянька, натягивает ему чулки, надевает башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилетний мальчик, только и знает, что подставляет ему лежа то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не так, то он поддаст Захарке ногой в нос. Если недовольный Захарка вздумает пожаловаться, то получит еще от старших колотушку [Там же. С. 140].

Следующий абзац отчеркнут Никитенко полностью – сначала простым черногрифельным карандашом, а затем выше появляются жирные линии зеленого цвета – скорее всего, этот фрагмент был прочитан им не один раз:

Захочет ли чего-нибудь Илья Ильич, ему стоит только мигнуть – уж трое-четверо слуг кидаются исполнять его желание; уронит ли он

что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанет, принести ли что, сбежать ли за чем: ему иногда, как резвому мальчику, так и хочется броситься, и переделать все самому, а тут вдруг отец и мать да три тетки в пять голосов и закричат: – Зачем? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька! Ванька! Захарка! Чего вы смотрите, разини? Вот я вас! И не удастся никак Илье Ильичу сделать что-нибудь самому [10].

Здесь Гончаровым описана одна из важных причин формирования «обломовского» характера: герою с детства было отказано в попытке совершить всякое действие, что позднее привело к апатическому образу жизни.

Примечательно выделение Никитенко двух отрывков, объединенных общностью нарисованной автором в деталях картины огромных природных возможностей ребенка, но разнящихся своей итоговой тональностью. Сначала он очерчивает пробуждение и разлитие в маленьком герое его потенциальных сил, которыми он может распоряжаться уже от рождения:

А иногда он проснется такой бодрый, свежий, веселый; он чувствует: в нем играет что-то, кипит, точно поселился бесенок какой-нибудь, который так и поддразнивает его то влезть на крышу, то сесть на савраску да поскакать в луга, где сено косят, или посидеть на заборе верхом, или подразнить деревенских собак; или вдруг захочется пуститься бегом по деревне, потом в поле, по буеракам, в березняк, да в три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть в снежки, попробовать свои силы. Бесенок так и подмывает его [Там же. С. 141].

А затем отмечает последние слова главы IX, звучащие печальным приговором несвершившихся возможностей:

х ...там напоили его мятой, там бузиной, к вечеру еще малиной, и продержали дня три в постели, а ему бы одно могло быть полезно: опять играть в снежки... [Там же. С. 142].

Жирными линиями вслед за курсивом автора он выделяет отражение неопределенности обломовского характера: *может быть, авось, как-нибудь* – в этих словах Никитенко, как и Гончаров, видел проявление русского национального типа, воплощенного в образе героя.

Таким образом, проблема создания национального характера в эстетике Никитенко органично связана с проблемой романного героя. «Свобода героя Эпопеи, – пишет критик, – является в борении с судьбою, а героя Романа в борении со свободой подобных ему. В Эпопее герой, как представитель общества, увлекает его с собою, делая его участником своих злополучий и своих успехов; в Романи, напротив, общество увлекает героя, заставляет его страдать и представлять не иначе как под влиянием духа, нравов» [8. С. 38]. Именно в романной форме, по мысли автора, и появляется категория «другого»: «...деятельность человека принимает вид борения с судьбой» [8], когда «...свобода одного соприкасается с целым порядком

вещей: ибо свобода сия находится в соприкосновении со свободою других» [Там же. С. 37].

Никитенко выделяет в структуре гончаровского текста места, связанные с выдвинутой им категорией «другого» как важного миромоделирующего принципа. Внутренние монологи Обломова во многом построены именно на сопоставлении себя с другими людьми: *«Что ж это такое? А другой бы все это сделал? – мелькнуло у него в голове. – Другой, другой... Что же это такое другой?»* [10. С. 95].

Начало следующего абзаца, продолжающего мысль героя о сути собственной натуры, подчеркнуто жирной чернильной линией: *«Ведь и я мог бы всё это...»* [Там же. С. 96]. Обломов сознательно отрицает мысль о том, что он не может принадлежать к «другим». Никитенко ставит крестик простым карандашом напротив абзаца, связанного с приходом Алексея и содержащего знаменитое восклицание: *х «Не подходите, не подходите; я вам не дам руки: вы с холода!»* [Там же. С. 31], которое подтверждает его замкнутое существование.

«Другие» в романе противостоят Обломову. Так, рядом с ним существует его психологический двойник Захар, который мнимо пытается «разбудить» своего барина. В самом начале романа сделано диагональное отчеркивание фрагмента, в котором идет речь о том, как слуга не принимает образ жизни своего барина: *«Что ж, хоть бы и уйти? – заметил Захар. – Отчего же и не отлучиться на целый день? Ведь нездорово сидеть дома. Вон вы какие нехорошие стали! Прежде вы были как огурчик, а теперь, как сидите, бог знает на что похожи. Походили бы по улицам, посмотрели бы на народ или на другое что...»* [Там же. С. 86].

Часть помет, оставленных Никитенко на страницах романа, касается образа Андрея Штольца – полной противоположности героя и важной составляющей для понимания русского национального типа в художественном видении Гончарова. Никитенко подчеркивает чернилами предложения, связанные с характеристикой практической направленности жизни Штольца, которой так недоставало Обломову: *«...причину всякого страдания приписывал самому себе, а не вешал, как кафтан, на чужой гвоздь»* [Там же. С. 161] и: *«Простой, то есть прямой взгляд на жизнь – вот что было его постоянной задачей»* [Там же. С. 162].

На следующих страницах столь же методично Никитенко выделяет оценки Гончарова, свидетельствующие о коренной противоположности Штольца и Обломова, воспитанного в атмосфере «блистательной эпопеи»:

Больше всего он боялся воображения, этого двуличного спутника, с дружеским на одной и вражеским на другой стороне лицом, друга – чем меньше веришь ему, и врага – когда уснешь доверчиво под его сладкий шепот.

Он боялся всякой мечты <...>.

Так же тонко и осторожно, как за воображением, следил он за *сердцем*. Здесь, часто оступаясь, он должен был сознаваться, что сфера сердечных отправлений была еще terra incognita <...>.

Он и среди увлечений чувствовал землю под ногой и довольно силы в себе, чтоб в случае крайности рвануться и быть свободным. <...> Все хотел видеть идеал бытия и стремлений человека в строгом понимании и отправлении жизни.

<...> Выше всего он ставил настойчивость в достижении целей: это было признаком характера в его глазах, и людям с этой настойчивостью он никогда не отказывал в уважении, как бы ни были важны их цели.

– Это люди! – говорил он [Там же. С. 162–164].

В связи с характеристикой Штольца, составляемой на основании очерканий Никитенко в тексте Гончарова, интересен вопрос-сомнение (единственный) – напротив фразы: «...ровное и медленное горение огня лучшие бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них» [Там же. С. 163].

Видимо, предпочтение «медленного и ровного горения», по мнению критика, стилистически вписывалось в жизнь обитателя Обломовки, а не делового жителя Петербурга.

Сравнивая противоположные характеры Штольца и Обломова, «в котором каждая черта, каждый шаг, все существование было вопиющим протестом против жизни Штольца» [Там же. С. 164], Никитенко очеркивает рассуждение Гончарова о будущем деятеле русской жизни, отвечающем потребностям нового времени и весьма похожем на делового приятеля главного героя: *«Деятели издавна отливались у нас в пять, шесть стереотипных форм, лениво, впологлаз глядя вокруг, прикладывали руку к общественной машине и с дремотой двигали ее по обычной колее, ставя ногу в оставленный предшественниками след. Но вот глаза очнулись от дремоты, послышались бойкие, широкие шаги, живые голоса... Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!»* [Там же].

Художественный аспект этой проблемы связан с анализом образа Обломова, унаследовавшего эпический склад и проявившего как сильные качества, так и определенную слабость в эпоху, требующую дела и движения. Для Никитенко будущее России связано с героями типа Штольца, но его волнует судьба главного персонажа, сохранившего в себе исконные черты национального характера. Необычайно значима одинокая помета во втором томе – в признании Ольги, ставшем для критика – с горечью, но и любовью – утверждением значения Обломова в пространстве русской жизни: *«Говорить с мужчиной, кроме Андрея Ивановича, мне было скучно, не о чем: я все думала, как бы остаться одной... А теперь... и молчать вдвоем весело!»* [Там же. С. 244].

В результате пометы Никитенко, сделанные в основном на страницах главы «Сон Обломова», раскрывают его концепцию «синтеза» в ее нравственно-философском и художественном смысле. Сосредоточенное чтение практически лишено внимания к решению социально-политических противоречий, однако оно все же имеет общественное содержание, поскольку вопросы взаимоотношения помещиков и их крестьян составляют основу обломовского типа жизни. Интерес Никитенко сосредоточен на проблемах эстетических и художественных, сквозь призму которых ставится также

проблема национального характера. Как философа-идеалиста его волнует изображение в романе эпического, понимаемого как эпопейный этап в жизни человечества и как основа, специфика русского характера. Подход к «Обломову» с эстетических позиций позволил критику увидеть своеобразие Гончарова (ср. уже цитированное выше: «...совершенно другого направления, чем все наши нынешние романы и повести») в гармоническом соединении «эпопейного» и «романного», сочетании критики с изображением идеала.

Литература

1. Колосова Г.И. Собрание книг А.В. Никитенко в фондах НБ ТГУ // Книга в России XVII – начала XIX в.: Проблема создания и распространения : сб. науч. тр. Л., 1989. С. 27–33.
2. Гончарова Н.В. Библиотека А.В. Никитенко как репрезентант его творческой и профессиональной деятельности : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 303 с.
3. ОРКП НБ ТГУ. Инв. № 21841.
4. Письма И.А. Гончарова. URL: <http://www.ivan-goncharov.ru/pisma/gon40.shtml> (дата обращения: 22.05.2020).
5. Никитенко А.В. Записки и дневник : в 3 кн. М. : Захаров, 2005. Кн. 2. 608 с.
6. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М. : Худож. лит., 1972. 575 с.
7. Никитенко А.В. Мысли о реализме // Журнал министерства народного просвещения. 1872. Ч. 159. С. 1–56.
8. Никитенко А.В. О происхождении и духе литературы: Вступительная лекция российской словесности. СПб., 1833. 52 с.
9. Надеждин Н.И. О современном направлении изящных искусств. М., 1833. 54 с.
10. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1998. Т. 4. 496 с.

Aleksandr Nikitenko as the Reader and Critic of Ivan Goncharov's *Oblomov*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 243–257. DOI: 10.17223/19986645/68/11

Emma M. Zhilyakova, Kristina K. Pavlovich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru / pavlovitch.cristina@yandex.ru

Keywords: Aleksandr Nikitenko, Ivan Goncharov, *Oblomov*, personal library, Nikolai Nadezhdin, synthesis.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00443.

The article discusses Aleksandr Nikitenko's new understanding of Ivan Goncharov's novel *Oblomov* (1859). The reception of the iconic text of Russian literature by Goncharov's contemporary is presented for the first time. It is done on the material of Nikitenko's personal book collection, which is stored in the Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. The personal relationship between Nikitenko and Goncharov, which has not yet been a research object, provides valuable material for studying the historical and literary process of the mid-19th century and the aesthetic searches of the Russian writer Goncharov. *Oblomov's Dream* as an ideological explanation of Goncharov's vision of *Oblomovism* attracts the attention of Nikitenko as a reader. He made a huge number of notes in this fragment of the novel. Goncharov's aesthetics, based on the philosophical category of synthesis, the interdependence of romantic and realistic principles within the framework of

the literary text, was an important component of the aesthetic and historiosophical position of Nikitenko, who proclaimed these ideas. Nikitenko's notes demonstrate the reader's attention to the problem of "childhood" in philosophical and artistic terms, which is why marginalities associated with the folklore principle and the idyllic atmosphere in Oblomov's Dream are important. Reading *Oblomov*, Nikitenko pays close attention to the period of the early development of humankind, characterized by the flourishing of the epic. He, as a reader, is interested in the problems of the upbringing of a modern novel's hero, a Russian gentleman, who is surrounded by "others" (Stolz, Olga). Nikitenko's marginalia in Goncharov's novel indicate his interest in issues related to the national character. In the literary text, the idealist philosopher Nikitenko notes an epic component manifested in the image of Oblomov's life, a patriarchal one. In the artistic vision of the hero, Nikitenko notes a synthesis of criticism with the ideal. Thus, he reveals a dialectical position regarding the protagonist of the novel. Attention to the image of Stolz as the next stage of human development in its social manifestations and functions is presented in the form of pencil marks. However, judging by the last marks in the novel, it becomes obvious that heroes such as Oblomov, who are the essence of a national character, are not adapted to reality that requires an active hero, but at the same time they are the embodiment of the best features of the Russian national character.

References

1. Kolosova, G.I. (1989) *Sobranie knig A.V. Nikitenko v fondakh NB TGU* [Collection of books by A.V. Nikitenko in the funds of the Tomsk State University Research Library]. In: *Kniga v Rossii XVII – nachala XIX v.: Problema sozdaniya i rasprostraneniya* [Book in Russia in the 17th – early 19th centuries: The problem of creation and distribution]. Leningrad: BAN. pp. 27–33.
2. Goncharova, N.V. (2017) *Biblioteka A.V. Nikitenko kak reprezentant ego tvorcheskoy i professional'noy deyatel'nosti* [The book collection of A.V. Nikitenko as a representative of his creative and professional activities]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Department of Manuscripts and Book Monuments of the Tomsk State University Research Library. Inv. No. 21841.
4. Goncharov, I.A. (n.d.) *Pis'ma* [Letters]. [Online] Available from: <http://www.ivan-goncharov.ru/pisma/gon40.shtml>. (Accessed: 22.05.2020).
5. Nikitenko, A.V. (2005) *Zapiski i dnevnik: v 3 kn.* [Notes and Diary: in 3 vols]. Book 2. Moscow: Zakharov.
6. Nadezhdin, N.I. (1972) *Literaturnaya kritika. Estetika* [Literary Criticism. Aesthetics]. Moscow: Khudozh. lit.
7. Nikitenko, A.V. (1872) *Mysli o realizme* [Thoughts on realism]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CLIX. pp. 1–56.
8. Nikitenko, A.V. (1833) *O proiskhozhdenii i dukhe literatury. Vstupitel'naya leksiya rossiyskoy slovesnosti* [On the origin and spirit of literature. Introductory lecture on Russian literature]. Saint Petersburg: tip. N. Grecha.
9. Nadezhdin, N.I. (1833) *O sovremennom napravlenii izyashchnykh iskusstv* [On the modern direction of fine arts]. Moscow: [s.n.].
10. Goncharov, I.A. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 Vols]. Vol. 4. Saint Petersburg: Nauka.

УДК 82-31

DOI: 10.17223/19986645/68/12

А.О. Задорина

МОТИВ ИСКУШЕНИЯ В РОМАНЕ Л.М. ЛЕОНОВА «ВОР»

Рассматривается мотив искушения как духовного испытания в романе Л.М. Леонова «Вор». Установлено, что при разработке библейских сюжетов искушения автор наделяет их социально-бытовым и прогностическим прочтением, выходя за рамки канонических текстов и наполняя новым содержанием. Анализ алломотивов искушения гордыней, властью, знанием позволяет оценить духовно-нравственные пределы леоновских героев и сделать выводы о сложности авторского замысла.

Ключевые слова: мотив искушения, образ запретного плода, духовное испытание, библейский сюжет, искушение творчеством, выбор пути.

Мотив искушения является одним из типичных для древнерусской агиографии и религиозного искусства в целом. Значимость мотива обусловлена его функцией: испытание веры. Мотив испытания имеет и фольклорные истоки, часто становится необходимым звеном в сюжете волшебной сказки. В.Я. Пропп связывает постоянную современность этого мотива с «бессознательной жизненной философией»: не только в эпосе, но и в жизни «мы окружены испытателями и испытующими, вся жизнь в любой момент есть испытание» [1. С. 184–185].

Функция испытания в волшебной сказке связана с решением трудной задачи. В отличие от духовного испытания (веры) здесь проверяются душевные и физические свойства героев. Пропп отмечает, что задача может быть решена и хитростью, тогда как в случае с испытанием веры сила героя – в его воле. Способностью противостоять искушению подчеркивается духовная мощь героя, сила его любви к Богу. Интересное развитие мотив получил также у писателей-романтиков: искушение для них – это попытка заглянуть за пределы дозволенного, общеизвестного (Э. По, В.Ф. Одоевский).

Под искушением обычно понимают введение в соблазн верующего нечистыми силами. У В.И. Даля даны три толкования глагола *искушать*:

- 1) испытывать, изведывать, убеждаться опытами в образе действий или мыслей, чувств;
- 2) подвергать испытанию кого-либо;
- 3) соблазнять, прельщать, смущать соблазном, завлекать лукавством; стараться совратить кого-либо с пути блага и истины [2. Т. 2. С. 52].

В Священном Писании понятия искушения и испытания также разведены не полностью: «Искушение – соблазн греха, испытание человека» [3. С. 236]. Целью испытания, в свою очередь, всегда оказывается благо. Слово Божие наставляет, что те, кто подвизаются ради Бога, неизбежно будут нести бремя искушений ради своего спасения – именно поэтому искушение

понимается как «посещение Божие»: «Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения» [Сир. 2, 1-2].

Основными библейскими сюжетами собственно об искушении могут быть названы искушение Адама и Евы запретным плодом и искушение Христа Сатаной (этому сюжету придается особое значение в библеистике). Писатели также часто обращаются к искушениям святых, зафиксированных в патериках, житиях – искушение святого Антония, преподобного Сергия Радонежского, преподобного Макария Оптинского. Образ запретного плода как предмета соблазна – определяющий для ситуации искушения. Взятый с Древа познания, он испытывает человека на способность осознанно выбирать между Добром и Злом, подвергаться искушению или преодолевать соблазн и неотрывно связан с понятием первородного греха, т.е. имманентной греховностью человека. Искупителю человеческого греха, Иисусу Христу, также предстоит пройти сатанинское искушение, о чем с разной степенью детализации пишут все евангелисты, кроме Иоанна. Искушение происходит после крещения Иисуса, во время сорокадневного поста, и становится, таким образом, формой испытания дьяволом его веры, божественной силы и воли. Против трех обольщений (голод, гордыня, власть) смог устоять Иисус, и сатана оставляет своё испытание.

В экзистенциализме взгляд на феномен искушения-испытания более свободный, развивается, в частности, мысль о возможности искушения со стороны Бога. С. Кьеркегор, анализируя ветхозаветный сюжет об Аврааме и его сыне, полагает, что требование Бога принести в жертву единственного и столь долгожданного сына также является искушением [4]. Искушение в богословской интерпретации – внешняя сторона отчаяния; иначе говоря, эти две категории взаимосвязаны идеей богоборчества.

Мотив искушения-испытания в произведениях Л.М. Леонова почти не исследован в литературоведении. Из внушительного корпуса работ он упомянут только в статьях А.А. Дырдина «Веросознание и мифология в романе «Пирамида» (Версия мифа о падших ангелах)», В. Супы «Евангельский текст в современном русском романе (“Покушение на миражи” В. Тендрякова и “Пирамида” Л. Леонова)» [5. С. 501–508]. Дырдин утверждает ключевое значение мотива испытания в творчестве Леонова, особенно в «Пирамиде» [6. С. 44], но при этом ракурс его работы сосредоточен именно на итоговом романе мастера. В данной статье представлен анализ мотива искушения в романе «Вор», при этом внимание уделено как соотносимым с библейским первоисточником эпизодам испытания веры, так и ситуациям, прочитывающимся вне Священного Писания.

В романной прозе Л.М. Леонов часто обращается к сюжету искушения первых людей, Адама и Евы, запретным плодом с Древа Познания. В «Воре» сюжет об Адаме и Еве вспоминается в связи с развитием любовной линии романа. В любовном треугольнике Балугева – Векшин – Доломанова связи между тремя вершинами определяются мотивом искушения. Любовь-ненависть Митьки-вора и Маньки Вьюги постоянно подпитывается

силой соблазна, непреодолимой для героев: «Вон, Адам-то сто пятьдесят годков Еве своей противился... тогда дольше века бывали! Уж она его будто и тем и этим, пока не надоумил черт яблочком. И всего лишь разок куснуть дала, а по сей срок жует. И плюется, и скулит, и зарекается, а всё отстать не может!» [7. Т. 3. С. 375]. Тайна парадоксальных отношений между героями раскрывается читателю в эпизоде заключительной встречи сестры Векшина, Тани, и Маши Доломановой, когда последняя, решив показать истинное лицо Митьки его защитнице, рассказывает о роковом вечере на Кудеме, когда Митька так и не пришел на свидание и девушку обесчестил дезертир Агей, впоследствии забравший ее с собой. Этот разговор указывает на то, что в ситуации определения между делом большевиков и любовью Митька, искушенный революцией, выбирает ее, теперь она его невеста. Подобный ракурс мотива весьма показателен для литературы того времени (первая редакция «Вора» – 1926–1927 гг.), достаточно вспомнить повесть В. Зазубрина «Щепка», имеющую подзаголовок «Повесть о Ней и о Ней» (1923), где революция становится Прекрасной Дамой чекиста Срубова. Падение Векшина – расплата за искушение идеей разрушения и правом на насилие.

Артистка Балужева осознает, что привязать к себе Митьку ей нечем: не помогают ни вкусные борщи, ни попытки пригласить. Искушенный революцией и Вьюгой, Митька не ведает другого соблазна, как идти по краю пропасти – своеобразная аллюзия к пушкинскому «Пиру во время чумы»: «Есть упоение в бою,/ И бездны мрачной на краю,/ И в разъяренном океане. // Средь грозных волн и бурной тьмы...» [8. Т. 2. С. 555]. Само прозвище героини «Вьюга» помещает ситуацию трагического искушения у Леонова в общий с А.С. Пушкиным образный ряд (стихийное начало: ярость, гроза, буря, вьюга). Однако для Зины Балужевой, как и для Тани Векшиной, Митька – своеобразный символ веры: он идеален, несмотря на то, что вор. Чикилев, будущий супруг певицы, неустанно твердит ей о неминуемом для Векшина эшафоте – и тем самым наделяет героя в глазах невесты мученическим венцом. Балужева «сдает позиции», когда хитрый чиновник атакует ее дочку. Задаривая ребенка нарядами, угощениями (аналогично тактике Балужевой по отношению к Векшину), Чикилев в скором времени добивается успеха.

Таким образом, неоднородность персонажной структуры раскрывается в романе через переменное действие механизма соблазнительного *пряника*, и автор показывает, что героев можно разделить на восприимчивых к «сладкому» (Балужева, Чикилев) и к кислому (Вьюга, Векшин). Если в первом случае предмет соблазна внушает надежду на светлую жизнь, то во втором – на избавление от тоски. Для сюжета определяющим является второй ракурс рассмотрения соблазна, с его экзистенциальной тревогой и бунтом (Векшин отказывается от уютной бедности Балужевой и уходит в маргинальную атмосферу кабака, воровской вечера у Агея) – типичные составляющие ситуации искушения [9]. Кислое яблоко становится синонимом шага в сторону – Адаму было позволено есть любые плоды, кроме

как с Древа Познания. Таким образом, философским подтекстом искушения оказывается внутреннее самостояние, превращение из прообраза в человека.

Смысл испытания раскрывается в случае действенной реакции героя на него, т.е. герой преодолевает или не преодолевает затруднение. На этом этапе мотив может обрести дополнительные алломотивы. Прозрение, знание, часто звучащие в художественном дискурсе на уровне подтекста, формируют семантическое ядро данного мотива. В сюжете об искушении Христа в пустыне спаситель проходит испытание голодом, гордыней, властью, причем, отметим, что так как Сатана, пытаясь смутить страждущего, говорит о хлебах, ангелах, царствах (все во множественном числе), то – и излишеством. Все эти алломотивы становятся сюжетобразующими и в леоновском «Воре». Так, искушение гордыней воплощается в диалогах и взаимоотношениях таких персонажных пар, как Митька Векшин – Манька Вьюга, Митька Векшин – Санька Велосипед, Митька Векшин – Пчхов. Присутствие во всех перечисленных цепочках главного героя не случайно – гордость, непреклонность, *железность* короля воров отмечаются всеми действующими лицами. Сходя с ума от ревности, Векшин днем и ночью пытается застигнуть Машу Доломанову в объятиях кудрявого Доньки, но не может признаться ей в своих так и не остывших чувствах. Показателен ночной разговор, когда сталкиваются две гордыни, закрывающие дверь любви и прощения: «Оба глядели в глаза друг другу, оба не смогли бы предсказать, что последует через минуту» [10. Т. 2. С. 626]; «Несмотря на внешнюю замедленность, игра велась на такой бешеной смене уловок, доводов и их оттенков, что обоим некогда было по какой-нибудь дразнящей несообразности противника разгадать истинное направление маневра» [Там же. С. 629]. Искушение узнать правду толкает Митьку примчаться в полночь к этой непонятной для него женщине, но именно гордыня не дает ему сделаться хоть на миг человеческим. Рефреном, определяющим поведение героя, становится самонадеянная уверенность, что Вьюга «не смела покуситься на Кудему, верность которой **должна** соблюдать даже в яме с Агеем, потому что самый мир тогда померкнул бы» [Там же. С. 652]. Позже Митька приходит к пониманию того, почему он не прошел это испытание: Маша имела полное право выбрать любого человека, имела право на любовь, на счастье без него, без Векшина, да и сам он «никогда не интересовался ею» [Там же. С. 653]. Таким образом, в сложном взаимодействии героев одновременно пересекаются алломотивы искушения гордыней, властью (Векшина над Вьюгой, Вьюги над Векшиным), знанием.

Санька Бабкин, по прозвищу Велосипед, – еще один герой, участвующий в духовном испытании главного героя, однако, в отличие от Маши Доломановой, вечной искушительницы Векшина, образ Саньки в полном объеме раскрывается в финале, когда мелькавшие ранее авторские намеки, недомолвки складываются в цельное полотно. Митька привык относиться к Саньке как к тому, кто всенепременно выполнит любое его указание, но эта уверенность основана не столько на доверии, сколько на осознании

своей власти над Бабкиным. Узнав о желании товарища обзавестись семьей и уехать в деревню, стать таким образом на путь истинный, Митька направляется к нему с визитом. Уточнив степень готовности покинуть воровскую жизнь, а именно количество накопленных для переезда денег, Векшин не удерживается от искушения потребовать зашитые в угол одеяла червонцы. Осознавая, как эти полсотенки рублей доставались колодочнику Саньке и его чахоточной жене Ксенье, подавшей в швей, как трудно нищему хоть что-то накопить, Митька хочет взять именно их, **чистые** деньги, разрушая возможность ближайшего отъезда, излечения Ксении: «Ладно, давай из них **сороковку**, попробую уложиться!» [10. Т. 2. С. 422]. Автор психологически точно выстраивает ситуацию диалога так, что сама интонация Митьки носит не просительный или требовательный характер, а снисходительный («ладно, давай»), как будто бы это он, по доброте душевной, уступает Саньке право отдать ему тяжелые, трудовые накопления. Требование «сороковки» напрямую соотносится с мотивом искушения товарища, так как Векшину очень важно проверить, послушается ли на этот раз напарник, но, прося «святые деньги» [Там же], вор сам впадает в искушение получить последнюю власть над человеком. Испытание властью герой не проходит – взятые деньги он тратит тем же вечером на разгул в трактире.

Отметим еще одну важную деталь: через некоторое время Санька Велосипед приходит к Векшину и отдает ему оставшуюся десятку. «Вот, принес, хозяин!» [Там же. С. 471]. Вор не понимает, почему Санька явился, и тот в безумной скороговорке упоминает то и другое, скрывая главный мотив: испытать, возьмет ли последнее, или все же есть для Митьки что-то святое. Характерно, что Векшин и эти десять рублей берет с прежней уступительно-снисходительной интонацией: «*Ладно, возьми*, если тебе так нужно...» [Там же. С. 472]. Эта деталь («святой червонец») обретает новый подтекст в заключительной сцене с Ксенькой, женой Бабкина. Обвиняя Векшина в его дьявольской гордыне и желании управлять другими, Ксенья кричит: «Червонец, тот самый, что пожаловал мне за девство мое в тот первый, еще до Саньки, бывший первопроходец мой! Ласковый такой, благообразный старичок с бородкой попался мне на разживу, все головой качал на повесть мою, даже языком в конце пощелкал от жалости... словом, умилился он очень, но не помиловал» [Там же. С. 605]. Сопоставляя эти эпизоды, повествователь выводит на одну линию грехи Векшина и «первопроходца»: искушение похотью и искушение властью лежат в равной плоскости, и нет оправдания обоим. Искушающиеся «благодетели», с точки зрения обезумевшей (а значит, говорящей искренне) Ксеньи, из тех, кто якобы добрыми поступками (заплатил нищей, позаботился о товарище) загоняет невинные души на путь в бездну, откуда нет спасения.

В линии Санька Велосипед – Митька Векшин мотив искушения связан с мотивом мести, что, безусловно, выходит за рамки канонической библейской истории. Санька, теряя надежду на семейную жизнь, с навеки изломанной судьбой, решает провести еще эксперимент над «хозяином» и, зная слабое место того, передает слухи о случившемся сближении Долومانовой

и Доньки, искушая тем самым его гордыню, – Митька не смог бы стерпеть этого союза. Осатанелый от отчаяния и слежки за любовниками, Векшин в погоне неоднократно натывается на Саньку, но не понимает, что тот не из верности ходит за ним, а проверяет, насколько крепко тот поймался на искусительный крючок. Итог этого сокрушительного испытания подводится в эпизоде **правилки**, когда Векшин, так и не разгадав, есть ли любовная связь между Вьюгой и Донькой, но не способный из-за гордости даже допустить эту связь, подговаривает товарищей к убийству последнего. В прочной связке мотивов перипетии и узнавания Санька Велосипед стреляет, но не в Доньку, а в хозяина, открывая истинное лицо. Здесь мотив искушения проводит характерную различительную черту между героями: в огне искушения Митька готов убить невинного, лишь бы преодолеть этот огонь, в то время как Санька не может убить подлинного виноватого (он промахивается), так мотив искушения раскрывает нравственные пределы персонажей.

Гносеологический смысл мотива искушения, связанный с библейским сюжетом о запретном плоде с древа познания, имеет значение не только в предложенном Санькой Бабкиным эксперименте: романное повествование наполнено различными тайнами, часть из которых так и остается неразгаданной (например, будущее Векшина). Мотив тайны, сопровождающий мотив искушения, актуален, прежде всего, для двух сюжетных поворотов: тайна родословной Митьки и обида Маши Доломановой на Векшина.

Искушение знанием, которое ведет Митьку Векшина, связано с его самоопределением в мире, в том числе социальной идентификацией (сын крестьянина или гуляки-помещика?). Заронив зерно сомнения в Векшине, Чикилев добивался нескольких целей: унижить невыгодного соперника в глазах Балуховой и в его собственных, векшинских глазах, – как бы ни кидала судьба вора, он всегда и везде был королем, что не давало Чикилеву покоя. Поддавшись болезненному искушению, Митька пишет письмо на родину, затем едет туда, где ведет двусмысленные разговоры с братом Леонтием, ответы которого еще больше цепляют уязвленное воображение героя. В последнюю встречу ситуация искушения сменяется твердым знанием: «Откуда ж ты знаешь, Леонтий, кто я теперь? – Отписывали мне про вас, братец... некоторое одно наблюдавшее лицо. – Родня или так, сосед? – Не шибко дальняя, хотя по пачпорту и не родня совсем...» [Там же. С. 521].

Что касается обиды Маши Доломановой, то важно заметить, что хотя именно эта обида и толкнула героиню в руки к Агею и навсегда разделила кудемовских влюбленных, сам Митька никогда не интересовался причиной этого охлаждения и, соответственно, не просил прощения у злой, огненной Вьюги. Сестру героя Таню, чувствующую обжигающую тайну, повествователь неоднократно подводит к ее разгадке, но Таня не хочет знать этой правды и, даже узнав, пытается оправдать брата. Манька Вьюга, напротив, не может простить и принять вину Митьки – для нее искушение остаться жертвой выше любви. Сюжетный ход с раскрытием доломановского секрета сестре вора объясняется логикой авторского замысла: посте-

пенно лишая главного героя доверия близких ему людей, помещая его в пустыню отчаяния, показать в самом неприкаянном образе, показать возможность осознать содеянное и – спастись или пропасть.

В «Воре» в единой связке оказываются мотивы искушения, спасения и уничтожения. В финале произведения Митька-вор остается один: в горниле испытаний, связанных с главным героем, погибла сестра Таня, вышла замуж влюбленная Балуева, Егор Векшин оказался и не отцом вовсе, не стерпел унижения Санька Велосипед, навсегда осталась в прошлом обиженная Манька Вьюга; даже трактирные завсегдатаи, хотя и бояться Векшина, но презирают. Лишь старый друг Пчхов, понимая, что в таком состоянии у человека возникает искушение бездной, смертью, предлагает свою помощь блудному сыну. Потенциальное решение ситуации выстраивается в религиозном ключе, и можно провести аналогию с «Повестью о Горе-Злочастии», где герой, искушаемый злой судьбой, выбирает монастырь, поскольку там «живет благодать и спасенье» [11. С. 22]. На вопрос, как обрести спасение от этих мук, Пчхов отвечает: «Да все тем же, чем и Он лечил... Причастись для начала, Митя!» [8. Т. 2. С. 694]. Но у Векшина нет веры в 10 спасение, и его путь иной, в вечном искушении и падении.

Отдельно хотелось бы упомянуть об алломотиве искушения творчеством как достаточно любопытном феномене в леоновском тексте. Композиционные особенности и нарративная структура романа «Вор» еще в пору его первого издания вызвали большой интерес у критики: одним из героев в романе является писатель Фирсов, который пишет роман «Вор», в котором есть персонаж Фирсов, пишущий с таким же названием роман. Тема искушения творчеством связана как раз с этим бесконечным зеркальным отражением нарратора, причем развивается она амбивалентно. С одной стороны, искушая действующих лиц романа Леонова стать героями романа Фирсова, Федор Федорович проникает в различные квартиры, становится случайным и неслучайным свидетелем важных встреч. Сила искушения подчеркивается своеобразной реакцией героев на писателя: ревность, флирт, чрезмерная откровенность, страх, любопытство. С другой стороны, Фирсов и сам находится под властью этого творческого искушения – написать роман о новом человеке, взятом из самой сердцевины преступной, малоизвестной для читательской аудитории среды. В иронической форме по типу контраста этому же виду искушения подвергнут Чикилев, подсознательно рефлектирующий: «А что, если ты, Петр Горбидоныч Чикилев, и есть высший, только сокрытый пока гений? И тогда... как мне в таком случае с собою поступить?» [Там же. С. 450]. В отличие от педанта Чикилева Фирсов не мучается подобными вопросами, его искушение носит скорее чувственный характер, изначально процесс творчества увлекает его, как иных – гастрономические лакомства: «То было собрание проб его пера, без знания предмета, с одним лишь нетерпением поскорей отведать всех пряностей на свете...» [Там же. С. 355]. Позднее, уже работая над романом, Фирсов постигает сложную механику взаимодействия изображаемого и изображенного – его герои, чьи судьбы проясняются по мере сюжетного

развития, живут отдельно от писателя жизнью, искушая своей независимостью от художественного замысла.

Таким образом, очевидно, что разработка Л.М. Леоновым мотива искушения, включаясь в фабулу библейского первоисточника (сюжет об Адаме и Еве, о Христе в пустыне), в его романе «Вор» выходит за функциональные рамки обозначения воцерковленности героев, но позволяет идентифицировать их по духовной стойкости, способности к прощению или преднамеренному выбору падения. Подвергая главного персонажа всевозможным искушениям (страстью, гордыней, знанием, революцией), автор показывает, что, даже понимая степень своего падения, утопая в бездне одиночества, герой сознательно отрывается от возможности быть прощенным.

Литература

1. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 184–185.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз. Медиа, 2003. Т. 2: И – О. 779 с.
3. Большой путеводитель по Библии. М. : Республика, 1993. 479 с.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет. М. : Терра-Книжный клуб, 1998. 384 с.
5. Супа В. «Евангельский текст в современном русском романе: («Покушение на миражи» В. Тендрякова и «Пирамида» Л. Леонова) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 501–508.
6. Дырдин А.А. Веросознание и мифология в романе «Пирамида»: (Версия мифа о падших ангелах) // Роман Л. Леонова «Пирамида»: Проблема мирооправдания. СПб. : Наука, 2004. 464 с.
7. Леонов Л.М. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Художественная литература, 1981–1984.
8. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 5 т. СПб. : Библиополис, 1993.
9. Комаров С.Г. К вопросу о библейских архетипах в драматургии Эдварда Бонда: основные стратегии развития архетипического образа Иова // www.zpu-journal.ru: Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». Сер. Филология. 2008. № 5. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Comarov/>
10. Леонов Л.М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Книжный клуб Книговек, 2013.
11. Горь-Злочастие. Древнее русское стихотворение. Елисаветград, 1896. 22 с.

The Motif of Temptation in Leonid Leonov's *The Thief*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 258–266. DOI: 10.17223/19986645/68/12

Alena O. Zadorina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: amaltea-20x@yandex.ru

Keywords: motif of temptation, image of forbidden fruit, spiritual test, biblical plot, temptation of creativity, choice of path.

The article presents the results of the analysis of the temptation motif in Leonid Leonov's novel *The Thief*, which, despite the high degree of knowledge of the writer's individual texts and their motif structure, remains little-studied. The relevance of the work is due to the plot-forming function of this motif and its role in interpreting the ideological content of the novel, which was noted by the largest researchers of Leonov (A.A. Dyrдин, L.P. Yakimova, T.M. Vakhitova). The methodological basis of the study was works on the poetics of motif (V.Ya. Propp, I.E. Silantyev), religious and philosophical research (S. Kierkegaard, G. Egorov, F.N. Kozyrev). The method of structural-typological motivational analysis revealed the key options for the motif of temptation. In *The Thief* it is revealed in the sense of testing the heroes' spirit,

moral fortitude, faith and is often correlated by the writer with biblical stories about seduction (Adam and Eve in the Eden, Christ in the desert). Through the test of the heroes by love and revolution (Mitka Vekshin – V'yuga – Baluyev), pride (Vekshin – Pchkhov, Vekshin – V'yuga), power (Vekshin – Sanka Bicycle), knowledge (Vekshin – V'yuga – Tanya Vekshina), Leonov shows their ability to resist temptation, independent choice of path, degree of moral decline. These allomotifs are of great artistic value primarily for interpreting the image of the protagonist, Mitka Vekshin, expressing the spirit and thinking of the crisis time. Another significant allomotif – temptation with creativity, to which several characters (Manyukin, Chikilev, Firsov) are subjected – is a variation of temptation with pride, since each of these heroes seems to have a unique glory of a genius, worthy of perpetuation. Unlike other allomotifs, Leonov almost always shows the temptation of creativity in a playful, ironic manner. Most of the heroes of *The Thief* are subjected to various types of temptation, but since none of them is able to pass this spiritual test completely, the mode of temptation is replaced by the mode of fall (moral (V'yuga, Mitka) and physical (Tanya Vekshina)) and eternal despair; Kierkegaard, in his *Fear and Trembling*, very subtly called their combination “demonic despair”. Obviously, Leonov rethought the situations of temptation, which allusively go back to the texts of the Holy Scripture; and their assessment does not always correspond to the orthodox biblical one, entering into a worldview conflict with it. The development of the image of the protagonist, who has not passed the spiritual test and, at the same time, is attractive to the narrator by his rebellion against the system (the prodigal son Vekshin is the only one to violate the principle of “not looking back”), indicates the ambiguity of Leonov's intention, which changed during the repeated editing of the novel.

References

1. Propp, V.Ya. (1996) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 184–185.
2. Dal', V.I. (2003) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 2. Moscow: Rus. Yaz. Media.
3. Bellinger, G. et al. (1993) *Bol'shoy putevoditel' po Biblii* [The Great Bible Guide]. Translated from German. Moscow: Respublika.
4. Kierkegaard, S. (1998) *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Translated from English. Moscow: Terra-Knizhnyy klub.
5. Supa, V. (2001) Evangelical Text in the Modern Russian Novel (“Attempt at Mirages” by V. Tendryakov and “Pyramid” by L. Leonov. *Problemy istoricheskoy poetiki – Problems of Historical Poetics*. 6. pp. 501–508. (In Russian).
6. Dyrdin, A.A. (2004) Verosoznanie i mifologiya v romane “Piramida” (Versiya mifa o padshikh angelakh) [Faith consciousness and mythology in the novel “Pyramid” (Version of the myth of the fallen angels)]. In: Vakhitova, T.M. & Muromskiy, V.P. *Roman L. Leonova “Piramida”. Problema miroopravdaniya* [L. Leonov's “Pyramid”. The problem of world justification]. Saint Petersburg: Nauka.
7. Leonov, L.M. (1981–1984) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Pushkin, A.S. (1993) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected works in 5 vols]. Saint Petersburg: Bibliopolis.
9. Komarov, S.G. (2008) To the Question on the Bible Archetypes in Edward Bond's Dramatic Art: the Basic Strategy of Development of Archetypical Job's Image. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 5. [Online] Available from: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Komarov/>.
10. Leonov, L.M. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Moscow: Knizhnyy klub Knigovek.
11. Anon. (1896) *Gore-Zlochastie. Drevnee russkoe stikhotvorenie* [Woe-Misfortune. An ancient Russian poem]. Elisavetgrad: Parovaya tipografiya M. Gol'denberga.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/68/13

В.Н. Крылов, М.О. Кучумова

МЕТОНИМИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОЗЫ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Исследуются взаимоотношения части и целого в структуре прозы М.И. Цветаевой о детстве («Дом у Старого Пимена», «Мать и музыка», «Мой Пушкин», «Черт»), которые реализуются на уровне автобиографического метатекста, отдельных произведений и их фрагментов, а также в связи с проявлением образа автобиографической героини и в функции детали. В результате исследований мы приходим к выводу о том, что в основе взаимоотношений между частью и целым в рассматриваемых произведениях метонимия и ее частный случай – синекдоха – в прозе М. Цветаевой действуют не только как тропы, но и как структурообразующие принципы.

Ключевые слова: М.И. Цветаева, проза поэта, деталь, метонимия, синекдоха, метатекст, автобиографическая проза.

Литературные словари трактуют метонимию и ее разновидность синекдоху с традиционной точки зрения как вид тропа, то есть оборот речи, основанный на иносказании [1. Т. 1. Стб. 437–439; Т. 2. Стб. 786–788; 2. С. 319, 380; 3. С. 215–216, 351]. Однако в автобиографической прозе М.И. Цветаевой метонимия и синекдоха как отношения между частью и целым, предметом и его обладателем реализуются на разных уровнях организации текста. Нам близок подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Метонимия, как и метафора, не просто поэтический или риторический прием. Она принадлежит не только языку. Метонимические концепты <...> являются составной частью обыденного мышления, способов речи и поведения» [4. С. 62–63]. Расширяет понятие метафоры и метонимии и Р.О. Якобсон, для которого, как справедливо заключает Т.В. Цвигун, метафора и метонимия – «это: а) тропы; б) тропы и фигуры одновременно; в) не тропы и не фигуры, а риторические метакатегории; г) модели поэтики; д) модели дискурса; е) модели мира» [5. С. 76]¹. Именно Р.О. Якобсон, говоря о творчестве Б. Пастернака, впервые отметил особую роль метонимии в прозе с ослабленным сюжетом, к которой несомненно относится и «лирическая», «автобиографическая», «проза поэта» М. Цветаевой: «...ассоциация по смежности дает повествовательной прозе ее основной импульс: повествование движется от предмета к предмету» [7. С. 331], здесь же исследователь говорит о метонимичном присутствии персонажа [Там же. С. 329]. Это утверждение важно для нас, поскольку в прозе

¹ Р.О. Якобсон высказывает и более смелое утверждение, согласно которому поэзия естественным образом тяготеет к метафоре, а в художественной прозе «движущей силой является не подобие, но ассоциация по смежности, которая является сутью метонимии» [6. С. 230].

М. Цветаевой люди и вещи – зеркала, отражающие личность автобиографической героини. В настоящей работе мы ставим цель оценить роль метонимии и ее разновидности синекдохи в автобиографической прозе М. Цветаевой. Для этого нам необходимо доказать значимость метонимии и синекдохи в построении автобиографического метатекста и раскрытии образа автобиографического персонажа.

Напомним, что в основе метонимии – ассоциация по смежности, построенная на пространственных, временных или логических связях [1. Т. 1. Стб. 437–439; 2. С. 319; 3. С. 215–216]; синекдоха подразумевает перенос на основании количественного признака, иными словами, наименование целого по его части или наоборот [1. Т. 2. Стб. 786–788; 2. С. 380; 3. С. 351]¹.

Исследователь творчества М. Цветаевой Вероника Лосская предлагала читать записные книжки поэта как модернистский роман в стиле «Поисков утраченного времени» М. Пруста [9]. Отметим, что грань между приватными и предназначенными для публикации текстами М. Цветаевой была чрезвычайно зыбкой. М. Цветаева хорошо понимала, что все написанное ею со временем будет напечатано. В записных книжках поэта встречается установка на прочтение не только близкими («Аля [дочь М. Цветаевой, Ариадна], ты м. б. прочтешь это взрослой...» [10. С. 11]), но и незнакомыми людьми: «Ведь все равно, когда я умру – все будет напечатано! Каждая строчечка, как Аля говорит: каждая хвосточка! <...> (И это – напечатается!)» [11. С. 326]. Версия В. Лосской на первый взгляд может показаться неубедительной. Однако и сама М. Цветаева настаивала на прочтении своих произведений как единого текста. В частности, 30 декабря 1925 г. она написала В. Шаховскому по поводу публикации своих дневниковых записок: «„Благодарность“, „О любви“, „Из дневника“ и все, что еще появится на столбцах газет – тождественны, т.е. разнятся только страницами дневника, на которых написаны. <...> Единственный мой грех в том, что я даю эти отрывки врозь. Будь в России царь, или будь я в России – дневник этот был бы напечатан сразу и полностью. Встала бы живая жизнь, верней – целая единая неделимая душа. А так – дробь, отрывки...» [12. С. 666]. Не случайно М. Цветаева называла всю свою прозу автобиографи-

¹ Но следует отметить, что согласно концепции ученых Льежского университета, выраженной в ставшей классической и переведенной на русский язык «Общей риторике», метонимия и синекдоха входят в группу так называемых «метасемем», т.е. фигур с «семантическим сдвигом». В их же концепции метонимия относится к тому же классу, что и метафора. Говоря об отличиях между метонимией и синекдохой, они ссылаются на суждение Дю Марсе: «Дю Марсе, один из редких представителей классической риторики, который все-таки задавался вопросом о том, какова разница между метонимией и синекдохой, отметил, что в первой фигуре “имеется в виду такая связь между предметами, при которой предполагается, что предмет, имя которого используется, существует независимо от предмета, на который это имя указывает, и оба они не составляют единого целого, в то время как при синекдохе предполагается, что оба предмета составляют некоторое единство и соотносятся как часть с целым”» [8. С. 215].

ческой [13. С. 8]. Однако «жизненная основа» не единственное, что связывает отдельные прозаические тексты поэта между собой. Общая система персонажей, пространственная организация, сквозная тематика и система мотивов позволяют рассматривать все прозаическое наследие поэта как один текст. При таком подходе каждое отдельно взятое произведение поэта можно воспринимать и как целое, и как его часть. Отдельный фрагмент дает представление о всей жизни автобиографической героини, о ее характере, в соответствии с принципом синекдохи. При этом связь между отрывками поддерживается за счет метонимии: соседства событий, персонажей, предметов во времени и пространстве.

Произведениям М. Цветаевой свойственна фрагментарность. Отдельные эпизоды часто кажутся несвязанными между собой, графически отделяются отчеркиваниями ([13. С. 46, 48, 54–56, 136–139] и т.д.) или пропуском строки ([Там же. С. 30, 33, 35, 43, 49] и т.д.). Е.В. Федорова считает монтаж основным композиционным приемом цветаевской прозы, он, по мнению исследователя, «реализуется в резкой смене субъектов речи, временных пластов, сюжетных линий» [14. С. 115]. Отдельный эпизод, «часть», дает представление о целом – событии. В то же время нельзя отрицать внутреннюю связь отрывков. А. Смит, анализируя организацию эссе М. Цветаевой «Пленный дух», обращается к теории обертонального монтажа С.М. Эйзенштейна, подчеркивая, что Цветаева «вырезает» отдельные кадры и ставит их в порядке, направленном на то, чтобы не только передать состояние А. Белого, которому посвящено эссе, но и вызвать у читателя определенные реакции [15]. Принцип обертонального монтажа оказывается близок метонимии, понимаемой как «сдвиг фокуса внимания», который позволяет увидеть общее в явлениях, до сих пор не воспринимавшихся «как связанные друг с другом» [16. С. 248]. Таким образом, в основе фрагментарности у М. Цветаевой не только принцип синекдохи, задача которого через малое, отдельное «видение», дать представление о целом – событии, но и принцип метонимии, для которого важны соположенность фрагментов, их пространственное и временное соседство, связь с одними и теми же действующими лицами.

Синекдоха может использоваться в заглавиях: «Мать и музыка», «Отец и его музей» («музыка» и «музей» – как часть жизни матери и отца). Между заглавиями также существует метонимичная связь. Так, ни одно из эссе М. Цветаевой не носит названия, которое выдвигает на передний план саму автобиографическую героиню. В заголовках фигурируют отсылки к окружению поэта («Мать и музыка», «Отец и его музей» и т.д.) или знакомым для него фигурам («Мой Пушкин»). Именно близость М. Цветаевой упомянутых в заглавии лиц объединяет их в отдельное метатекстовое пространство. Однако, если рассматривать все эти произведения как части единого текста, безусловно, главной героиней в нем окажется сама М. Цветаева. Согласимся с утверждением Ф.А. Степуна: «...не рассказывая ничего о своей жизни, она [М. Цветаева] всегда говорила о себе» [17. С. 78]. М.В. Ляпон справедливо отмечает, что все написанное поэтом – «иносказание себя

через другого» [18. С. 306]. Это замечание очень близко характеристике, данной поэзии Б.Л. Пастернака М.Л. Гаспаровым: «Образ выводится не из состояния объекта, а из состояния субъекта, смежного с объектом: при желании в этом можно почувствовать метонимию» [19. С. 388].

М. Цветаева часто прибегает к синекдохе, изображая свое «я» как часть «мы». Местоимение первого лица множественного числа в прозе о детстве может быть тождественно словам:

1. «Дети»: «...мы во дворе никогда не играли – только им проходили – потому что вдруг у андреевских детей (семьи, снимавшей флигель) окажется scarлатина?» [13. С. 74]; «Во-первых, эти дети, то есть мы играем одни на реке, во-вторых, мы противно зовем отца: тятя! а в-третьих, – мы не боимся мертвеца» [Там же. С. 77].

2. «Я и Ася» (Анастасия Цветаева, родная сестра М. Цветаевой): «Мать точно заживо похоронила себя внутри нас – на вечную жизнь» [Там же. С. 14]; «Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики, как и мы потом, беспощадно вскрыв свою, пытались поить своих детей кровью собственной тоски» [Там же]; «Мать залила нас всей горечью своего несбывшегося призвания, своей несбывшейся жизни, музыкой залила нас, как кровью, кровью второго рождения» [Там же. С. 20]; «Мы же с Асей отродясь знали, что глупо смеяться, когда другой падает: ведь Наполеон-тоже упал!» [Там же. С. 30]; «мы с Асей росли одиноко, и подруг у нас не было» [Там же. С. 80]. Сливая Мусю и Асю, М. Цветаева подчеркивает в девочках то, что унаследовано от матери. Но сестры противопоставляются, когда перед М. Цветаевой стоит задача показать индивидуальность Муси.

3. Некое коллективное «мы», в котором автор-повествователь сливается с читателем: «Теперь вижу, что была права, ибо читаем мы слева направо, то есть с начала к концу, а начало никак не может быть низом, который сам по себе есть схождение на нет» [Там же. С. 17]; «Мы это можем сказать теперь» [Там же. С. 63]. Такое «мы» можно рассматривать как способ дистанцироваться от событий прошлого и перейти во временной пласт автора-повествователя.

В прозе о детстве М. Цветаева прибегает к «телесной» синекдохе при характеристике персонажей¹. Так, в «Матери и музыке» уделяется внимание таким частям тела Муси, как рука, нога и сердце. «На удивительность растяжимая рука» девочки, по мысли матери, свидетельствует о музыкальном даре [Там же. С. 11]. Но большая нога, на которой Муся умеет расставлять «пальцы веером», напротив, говорит о сопротивлении музыке: героиня испытывает «смутный и острый соблазн когда-нибудь и ногой попытаться взять октаву» [Там же], что расценивается как настоящее кощунство, по-

¹ См. новейшее исследование польской русистики Елены Янчук о телесности в творчестве Цветаевой, где рассматривается подробно в интересующем нас аспекте образ груди как части целого [20]. Как отмечает Елена Янчук, «человеческое тело в познавательном процессе подобно вещи, занимающей определенную часть пространства, является тем, что видимо, слышимо, осязаемо, что также может быть орудием познания» [20. С. 23].

скольку в сознании матери «рояль – святыня» [13. С. 11]. И наконец, сердце – локализация «жара и жути» [Там же. С. 10] (через несколько страниц М. Цветаева пишет, что «жар» и «сердце» «есть одно» [Там же. С. 17]).

Исследование отдельных частей своего тела у автобиографической героини М. Цветаевой связано с острашением. В частности, в эссе «То, что было» изучение своего лица в зеркале показано как новая точка зрения на уже привычное, повод к рефлексии: «Я подхожу к зеркалу. Лицо круглое и какое-то глупое. Нет, совсем не похожа на Татьяну, скорей на Ольгу. Но Ольга скучная. – Муся, обедать! Но ведь Татьяна тоже была сначала маленькой. Может быть... может быть, она тоже сначала была такая? Она любила книги, я тоже люблю книги. Она не любила играть, я тоже не люблю играть. Совсем я не похожа на Ольгу! Очень нужно брать Ольгу, пусть Ася ее берет! Я решительно не хочу ее» [Там же. С. 100] – здесь мысль автобиографической героини движется от анализа собственной внешности к размышлению о своем внутреннем мире. Иными словами, в основе портретной детали у М. Цветаевой лежат метонимические отношения «содержащее (тело)» и «содержимое (душа)».

В то же время персонаж может быть охарактеризован через вещи, хозяйством которых он является. Внимание ребенка-поэта сосредоточено на предметах, принадлежащих матери: рояле, табурете, нотной этажерке в зале, картине «Дуэль» в ее спальне и т.д. Дом, не бывший для М. Мейн родным, показан М. Цветаевой как наполненный ее духом. С роялем М.А. Мейн связана почти неразрывно, по воспоминаниям М. Цветаевой, мать играла «целый день и почти что целую ночь» [Там же. С. 18]. Метроном – предмет-заместитель матери и символ ее власти. Во время ее отсутствия Муся находится под контролем метронома и беспрекословно ему подчиняется: «О, я никогда не отставала от метронома!» [Там же. С. 21]. Этот предмет вызывает у автобиографической героини чувства, которые обычно испытывают к человеку, в частности ненависть и жажду мести: «Если я когда-нибудь кого-нибудь хотела убить – так метроном» [Там же].

Есть в прозе М. Цветаевой и другие предметы-заместители. Так, В.Д. Иловайская, «первая любовь, вечная любовь, вечная тоска» [Там же. С. 105] отца Аси и Муси даже после смерти присутствует в доме: в большой зале трехпрудного дома висит «цветной поясной портрет Андриюшиной матери» [Там же. С. 108]. М. Цветаева не случайно называет его «роковым». Подчеркивая появление в 1906 году именно его, а не портрета недавно умершей М. Мейн, М. Цветаева делает акцент на глубокой привязанности И. Цветаева к первой жене, Варваре Дмитриевне, которую поэт называет «вечной любовью, вечной тоской» своего отца [Там же. С. 105]. Дом хранит и то, что было до начала жизни в нем поэта, становится музеем памяти. Сюда отец «красавицы Варвары Дмитриевны» [Там же], Д. Иловайский, приносил вещи, из которых он сам, по словам М. Цветаевой, «вырастал, как ребенок из обуви»: велосипед, подзорную трубу, ружье [13. С. 107]. С одной стороны, все эти предметы становятся для М. Цветаевой проводниками в прошлое, оживляют его. С другой – с их

помощью устанавливается граница между «только-цветаевским» и «цветаевско-иловайским», т.е. «своим» и «чужим»: «Все иловайское в нашем доме, от бирюлек институтки Валерии до Андриюшиного ихтиозавра, для нас, только-Цветаевых, было табу» [13. С. 106].

Однако вещи могут ассоциироваться и с человеком, которому они никогда не принадлежали. Образ А.С. Пушкина метонимичное сознание Мусы разбивает на ряд предметов-заместителей: памятник поэту, звезда на груди его сына, картина в материнской спальне, толстый том собрания сочинений в шкафу комнаты сестры Валерии, хрестоматия для городских училищ, открытка с изображением моря.

При этом предмет-заместитель должен нести некое концентрированное знание об объекте замещения. Если «толсто-синий» том с точки зрения автобиографической героини «достойн» того, чтобы носить имя Пушкина, то «тонко-синяя» хрестоматия, по мнению Мусы, – «другой Пушкин» [Там же. С. 73]. В этой хрестоматии даже фрагмент любимого «Евгения Онегина» Муся только «средне-любила», поскольку для нее «Зима, крестьянин торжествуя» – «та самая счастливая любовь, ни смысла, ни цели, ни наполнения которой» она «так никогда и не поняла» [Там же. С. 74]. При этом М. Цветаева прибегает к синекдохе, передавая содержание «Евгения Онегина», для нее сюжет романа в стихах «сводится к трем сценам: той свечи – той скамьи – того паркета» [Там же. С. 73].

Метонимия «толстый Пушкин» подчеркивает телесное восприятие книги, которая в сознании героини уподобляется человеку. Дом «толстого Пушкина» – шкаф, именно сюда в гости к поэту приходит Муся: «Толстого Пушкина я читаю в шкафу» [Там же. С. 65]. Для девочки важен телесный контакт с предметом: «...носом в книгу и в полку, почти в темноте и почти вплоть и немножко даже удушенная его весом, приходящимся прямо в горло, и почти ослепленная близостью мелких букв. Пушкина читаю прямо в грудь и прямо в мозг» [Там же. С. 6]. Обратим внимание на то, что «бестелесные» абстрактные понятия «разум» и «душа» заменяются конкретными, «вещественными» «грудь» и «мозг», т.е. в основе рассмотренной выше метонимии связь между материальным содержащим и нематериальным содержимым. А. Н. Веселовский в «Исторической поэтике» отмечает, что синекдоха и метонимия в числе прочих фигур речи избавляют читателя «от необходимости бессознательно переводить абстракции в образные формы» [21. С. 383]. Иными словами, исследователь выделяет опредмечивание как одну из ведущих функций тропов.

Но, по мнению автобиографической героини, опредмечивающая метонимия не всегда уместна. Так, Мусе кажутся кощунственными «материальные» мечты о море ее сестер: «С Асей „К Морю“ дробилось на гравий, со старшей сестрой Валерией, море знавшей по Крыму, превращалось в татарские туфли – и дачи – и глицинии – в скалу Деву и в скалу Монах, во все что угодно превращалось – кроме самого себя, и от моего моря после таких „давай помечтаем“ не оставалось ничего, кроме моего тоскливого неузнавания.

<...> Ничего зрительного и предметного в моем к морю не было, были шумы – той розовой австралийской раковины, прижатой к уху, и смутные видения – того Байрона и того Наполеона, которых я даже не знала лиц, и, главное, – звуки слов, и – самое главное – тоска: пушкинского призвания и прощания» [13. С. 87]. Не случайно в статье «Поэт о критике» М. Цветаева решительно заявляет: «Для поэта самый страшный, самый злостный (и самый почетный!) враг – видимое» [Там же. С. 284]. Вещь для М. Цветаевой не объект зрительного восприятия, а часть творимой реальности. «Вещь создается нашим чувством к ней, а не чувство – вещью», – пишет поэт в одном из писем К. Родзевичу [22. С. 33]. Пространство пушкинского моря, по М. Цветаевой, создается чувством тоски.

В качестве предмета-заместителя Пушкина показан и его сын, с которым Муся однажды виделась в раннем возрасте. После встречи отец наставляет девочку: «Так смотри, Муся, запомни <...> что ты нынче, четырех лет от роду, видела сына Пушкина. Потом внукам своим будешь рассказывать» [13. С. 64]. Но детское сознание видит в сыне Пушкина не человека, а «священный предмет», памятник поэту: «Так, от материнской обмолвки и няниной скороговорки и от родительского приказа смотреть и помнить – связанного у меня только с предметами <...> а никак не с человеками, ибо царь и Иоанн Кронштадтский, которых мне, вознеся меня над толпой, показывали, относились не к человекам, а к священным предметам – так это у меня и осталось: к нам в гости приходил сын Памятник-Пушкина. Но скоро и неопределенная принадлежность сына стерлась: сын Памятник-Пушкина превратился в сам Памятник-Пушкина. К нам в гости приходил сам Памятник-Пушкина» [Там же].

У сына Пушкина обнаруживается свой предмет-заместитель. После встречи с ним Муся может сказать только, что «у него на груди – звезда» [Там же]. В сознании ребенка нередко часть выходит на передний план, заслоняет собой целое, поэтому в произведениях о детстве М. Цветаевой читатель часто сталкивается не только с метонимической деталью, но и с синекдохой. Так, по замечанию Б.В. Аверина, «избирательная работа памяти подвижна своей собственной логикой. Ценным для нее может оказаться то, что вчуже представляется лишенным какого бы то ни было интереса» [20. С. 654].

С помощью синекдохи М. Цветаева показывает самого А. С. Пушкина как олицетворение всех поэтов, а его живот (самое уязвимое место) – как живот всех поэтов: «Первое, что я узнала о Пушкине, это – что его убили. Потом я узнала, что Пушкин – поэт, а Дантес – француз. Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль, то есть заманил на снег и там убил его из пистолета в живот. Так я трех лет твердо узнала, что у поэта есть живот, и, – вспоминая всех поэтов, с которыми когда-либо встречалась, – об этом *животе* поэта, который так часто не-сыт и в который Пушкин был убит, пеклась не меньше, чем о его душе» [13. С. 57].

Интересна попытка разбить один из предметов-заместителей Пушкина (памятник) на другие предметы-заместители: «С памятником Пушкина

была и отдельная игра, моя игра, а именно: приставлять к его подножию мизинную, с детский мизинец, белую фарфоровую куколку <...> и постепенно проходя взглядом снизу вверх весь гранитный отвес, пока голова не отваливалась, рост – сравнивать. <...> Памятник Пушкина был и моей первой встречей с числом: сколько таких фигурок нужно поставить одна на другую, чтобы получился памятник Пушкина. И ответ был уже тот, что и сейчас: “Сколько ни ставь...” – с горделиво-скромным добавлением: “Вот если бы сто меня, тогда – может, потому что я ведь еще вырасту...” И, одновременно: “А если одна на другую сто фигурок, выйду – я?” И ответ: “Нет, не потому, что я большая, а потому, что я живая, а они фарфоровые”. Так что Памятник-Пушкина был и моей первой встречей с материалом: чугуном, фарфором, гранитом – и своим» [13. С. 60]. Материал памятника Пушкина расценивается как «свой» для автобиографической героини, т.е. в приведенном примере памятник показан уже не как предмет, для Муси он не «статуя», а «человек». Возможно, говоря об общем материале с памятником Пушкина, М. Цветаева намекает на родство, в основе которого лежит поэтический дар.

Как в «Моем Пушкине» сумма множества фигурок не дает одного памятника, так в «Черте» «целая россыпь крохотных серых скачущих, страшно-веселых, вербных, с рожками-с-ножками, все окно превративших в вербную чертикову бутылку» не дает одного Мышатого [Там же. С. 35]. Ретроспективно восстанавливая события собственного детства, автор-повествователь пытается проанализировать видение «чертиков в окне» [Там же. С. 36]: «Простая замена, оттого что сам не мог прийти, – или иску, испытание взрослости и верности: променяю ли я, пятилетняя, его, настоящего и единственного, на то вербное множество? То есть, встав спиной к пустой – им – кровати, не стану ли попросту – играть?» [Там же]. Пушкин и Черт, как и другие ассоциации-анalogии, – проводники автобиографической героини в мир творчества, ее Вожатые. Осознание неразложимости этих фигур на множество себе подобных связано с пониманием Муси своего предназначения.

Предметы, попавшие в поле зрения Муси, характеризуют не только и не столько их владельцев, сколько саму автобиографическую героиню. Так, поясняя, почему девочка Муся назвала глаза куклы страстными, «взрослый» поэт М. Цветаева вспоминает: «Не глаза – страстные, а я чувство страсти, вызываемое во мне этими глазами (и розовым газом, и нафталином, и словом Париж, и делом сундук, и недоступностью для меня куклы), приписала – глазам» [Там же. С. 69]. Иными словами, в основе подобного одушевления вещи лежит метонимия: страстная не кукла, страстный тот, кто на нее смотрит: вещь вмещает в себя смотрящего.

Отдельный предмет может не только замешать человека, но и вбирать в себя окружающее пространство. Так, для Д.И. Иловайского и его жены: «Всё, значит – дом. Дом, значит – сундуки» [13. С. 126]. Применяв математическое свойство транзитивности, приходим к тождеству «сундуки – все», которое кажется особенно кощунственным, поскольку мать и отец Иловайские выбирают заботу не об умирающих детях, а о сундуках.

До одного предмета сужается и пространство трехпрудного дома в «Моем Пушкине»: «Но что же тайна красной комнаты? Ах, весь дом был тайный, весь дом был – тайна! Запретный шкаф. Запретный плод. Этот плод-том, огромный сине-лиловый том с золотой надписью вкось – Собрание сочинений А.С. Пушкина» [Там же. С. 65]. Сине-лиловый том становится олицетворением всего тайного дома.

Функции метонимии и ее разновидности синекдохи в произведениях М. Цветаевой представлены достаточно широко. Выступая, как и другие тропы, определенными формами художественного мышления, эти (выражаясь словами Р.О. Якобсона) метакатегории играют важную роль в композиции как отдельных произведений и их фрагментов, так и в целом автобиографического метатекста, в частности принципы метонимии и синекдохи ложатся в основу цветаевского монтажа, они используются в заглавиях, создавая отсылки к окружению поэта и объединяя упомянутых в заглавиях лиц в отдельное пространство. М. Цветаева прибегает к синекдохе, характеризуя автобиографическую героиню через коллективную идентичность, например в произведениях о детстве – через принадлежность к группам «дети», в том числе «я и Ася». В последнем случае героиня подчеркивает в своем характере, как и в характере сестры, то, что было унаследовано девочками от матери, в первую очередь – страсть к творчеству. В произведениях М. Цветаевой распространена «телесная» синекдоха – характеристика персонажа через отдельные части тела. Для автобиографической героини такими «говорящими» частями тела становятся большие руки и ноги, символизирующие конфликт музыканта с немусыкантом, и сердце, в котором девочка ощущает жар и жуть. Предметный мир цветаевской прозы также строится по принципу метонимии: вещь находится в тесной связи с владельцем, может приравниваться к хозяину, выступать его заместителем, вызывать те же чувства, что и ее обладатель. Девочка ненавидит метроном как символ материнской власти и контроля – и эта ненависть характеризует автобиографическую героиню как стремящуюся к свободе. Предметы, попавшие в поле зрения Мусы, говорят не столько о своих владельцах, сколько о самой автобиографической героине. Характеристики, которые она приписывает вещам, в действительности – отражения ее собственных чувств и состояний. Автобиографическая героиня-ребенок часто использует метонимию для замены абстрактных понятий конкретными. В то же время опредмечивание в ее сознании кошунственно, когда речь идет о творимой реальности. Портретная деталь важна, если она становится поводом к размышлению о внутреннем мире человека, т.е. в основе описания внешности у М. Цветаевой лежат отношения между содержащим (телом) и содержимым (душой).

В заключение позволим себе размышления более общего порядка. Было бы заманчиво связать дискретность мышления и построения текстов, нарушение линейности изложения постоянными разрывами с метонимическим восприятием мира. В свое время Иосиф Бродский замечательно рассуждал о перенесении методологии поэтического мышления в прозаиче-

ские тексты Цветаевой. «Фраза строится у Цветаевой не столько по принципу сказуемого, следующего за подлежащим, сколько за счет собственно поэтической технологии, звуковой аллюзии, корневой рифмы, семантического enjambement, etc. То есть читатель все время имеет дело не с линейным (аналитическим) развитием, но с кристаллообразным (аналитическим) ростом мысли» [23. С. 59]. Метонимия (хотя, видимо, и не только она, но и метафора тоже) позволяет создать многомерную художественную систему, построенную вопреки линейному принципу. Метонимия, упорядочивая структуру высказывания, «выстраивая предметы в пространственные и временные ряды» [24. С. 82], отражает особенности мышления Цветаевой. По замечанию А.Н. Таганова, Цветаева в эссе «Мой Пушкин» от воспоминаний о восприятии Пушкина и его творчества *по принципу метонимии*... постоянно возвращается к себе-поэту» [25. С. 119] (курсив наш. – К.В., К.М.). Приведем еще очень точное наблюдение исследователя о специфике творческого мышления Цветаевой, проявившегося в упомянутом эссе: «В этой причудливой паутине аналогий нет никакой логоцентрической закономерности, она подчинена закону метонимически развивающихся ассоциаций» [Там же. С. 117]. Как она сама объясняла, «у каждого воспоминания есть свое до-воспоминание, точно пожарная лестница, по которой спускаешься спиной, не зная, будет ли еще ступень, – которая всегда оказывается – или внезапное ночное небо, на котором открываешь все новые и новые высочайшие и далечайшие звезды, – но до «Дуэли» Наумова был другой Пушкин, Пушкин, – когда я еще не знала, что Пушкин – Пушкин» [13. С. 59]. Указанная особенность характеризует, на наш взгляд, творческий процесс Цветаевой, в целом сходный как в поэзии, так и в прозе. Но метонимичность как поэтологический принцип автобиографической прозы М. Цветаевой, безусловно, требует дальнейших исследований.

Литература

1. *Литературная энциклопедия*: Словарь литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. 1198 стб.
2. *Литературный энциклопедический словарь* / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М. : Сов. энцикл., 1987. 751 с.
3. *Словарь литературоведческих терминов* / под ред. Л.И. Тимофеева, С.В. Тураева. М. : Просвещение, 1974. 509 с.
4. *Лакофф Ж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. *Цвигун Т.В.* «Другая» риторика Романа Якобсона (заметки к теме I–III) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2006. № 8. С. 72–77.
6. *Эрлих В.* Русский формализм: история и теория. СПб. : Академический проект, 1996. 352 с.
7. *Якобсон Р.О.* Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике. М., 1987. С. 324–338.
8. *Общая риторика* : пер с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М. : Прогресс, 1986. 392 с.

9. Лосская В. О записных книжках Цветаевой // Стороны света. № 9. URL: <http://www.stosvet.net/9/losskaya/> (дата обращения: 22.05.2019).
10. Цветаева М.И. Неизданное. Записные книжки : в 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной, М.Г. Крутиковой. М. : Эллис Лак, 2000. Т. 1. 557 с.
11. Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради / подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной, И.Д. Шевеленко. М. : Эллис Лак, 1997. 640 с.
12. Цветаева М.И. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М. : Эллис Лак, 1994. 688 с.
13. Цветаева М.И. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М. : Эллис Лак, 1994. 720 с.
14. Федорова Е.В. Особенности композиционного ритма в прозе М. Цветаевой // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». Вып. 14, № 2 (261). С. 114–118.
15. Smith A. Constructing the modernist vision of time: Tsvetaeva's rendering of Bely's dynamic worldview in 'A Captive Spirit' // Australian Slavonic and East European Studies. 2017. Vol. 31. P. 1–42. URL: <https://www.research.ed.ac.uk/portal/files/47919125/SmithASEES2017ConstructingTheModernistVisionOfTime.pdf> (accessed: 22.06.2019).
16. Падучева Е.В. Метонимия как сдвиг фокуса внимания // Исследования по лингвистике и семиотике : сб. ст. к юбилею Вяч. Вс. Иванова / под ред. Т.М. Николаевой. М., 2010. С. 243–251.
17. М. Цветаева в воспоминаниях современников: Мгновений след / изд. подгот. Л.А. Мнухиным ; предисл. Е.В. Толкачевой. М. : Вагриус, 2006. 496 с.
18. Ляпон М.В. Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. М. : Языки славянских культур, 2010. 528 с.
19. Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. М., 1995. С. 363–395.
20. Янчук Елена. «Я так и не обжила другую часть себя – свое тело...»: телесность в творчестве Марины Цветаевой // Scripta Humana. Т. 11 / redakcja Naukowa NelBielniak, Alexandra Urban-Podolan. Zielona Góra, 2018. S. 23–43.
21. Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. СПб. : Университетская книга, 2011. 687 с.
22. Цветаева М.И. Письма к Константину Родзевичу / изд. подгот. Е.Б. Коркина. Ульяновск : Ульяновский Дом печати, 2001. 200 с.
23. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М. : Независимая газета, 1997. 208 с.
24. Каллер Джонатан. Теория литературы: краткое введение. М. : Астрель : АСТ, 2006. 158 с.
25. Таганов А.Н. Функция памяти в автобиографической прозе Марины Цветаевой // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2002. Вып. 5. С. 115–122.

Metonymy in the Structure of Marina Tsvetaeva's Prose

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 267–279. DOI: 10.17223/19986645/68/13

Viacheslav N. Krylov, Maria O. Kuchumova, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: krylov77@list.ru / marleontieva@gmail.com

Keywords: Marina Tsvetaeva, poet's prose, autobiographical myth, metonymy, synecdoche, metatext, autobiographical prose.

The study discusses the problem of the part and the whole in Marina Tsvetaeva's prose. The research material was the poet's autobiographical works about childhood and memories of contemporaries. Works on metonymy by A.N. Veselovsky, R.O. Jakobson, M.L. Gasparov, G. Lakoff, M. Johnson, T.V. Tsvigun, E.V. Paducheva, as well as works by A. Smith,

K. Grelts, E.V. Fedorova, in which montage is seen as an important compositional device of Tsvetaeva's prose, became the methodological basis of the study. In the course of the research, the authors employed the structural-semantic method of literary analysis and the linguistic analysis of the text, and commented on Tsvetaeva's prose works with her letters. The article discusses the relationship between the part and the whole at different levels: from portrait or interior details to metatext. As a result, the authors come to the conclusion that metonymy and its special case of synecdoche in Tsvetaeva's prose are not just tropes, but structure-forming principles. Also, synecdoche and metonymy can be considered as a way of perceiving the world by an autobiographical heroine. The functions of metonymy and synecdoche, its variety, are widely represented in Tsvetaeva's works. Acting, like other tropes, as forms of artistic thought, these metacategories (Roman Jakobson) play an important role both in the composition of separate texts and their fragments, and in the full autobiographical metatext. In particular, the principles of metonymy and synecdoche form the basis of Tsvetaeva's montage: they are used in the titles, creating references to the poet's environment and uniting the persons mentioned in the titles in a separate space. Tsvetaeva uses synecdoche characterizing her autobiographical heroine through collective identity, for example, in her works on childhood, through her belonging to the "children" groups, including "Asya and I", as well as "all witnesses and participants of the events". The principle of kinship, which is often realized through spatial metonymy, stands out: neighboring houses, including summer cottages, going to the same school allow Tsvetaeva to talk about inner community with her contemporaries. In exile, a person who has visited Russia at least once may turn out to be "native". The world of objects in Tsvetaeva's prose is also built on the principle of metonymy: a thing is in close connection with its owner, can be equated with the owner, act as his/her substitute, evoke the same feelings as its owner. In the heroine-child's consciousness, the image of a person can break up into a number of substituting objects. The autobiographical heroine-child often uses metonymy to replace abstract concepts with concrete ones. At the same time, objectification in her mind is aweless when it comes to the created reality. A portrait detail is important if it becomes an occasion for reflection on the inner world of a person, that is, Tsvetaeva's description of her appearance is based on the relationship between the container (body) and the content (soul). Finally, an attempt is made to connect the discreteness of thought, constructions of texts, and the disruption of linearity via constant ruptures of the narration, all of which are characteristic of Tsvetaeva, with a metonymic perception of the world. Metonymy enables the creation of a multivariate artistic system, constructed contrarily to the principle of linearity. The displayed feature characterizes, in the author's opinion, Tsvetaeva's creative process, the poetic and prosaic aspects of which are, on the whole, similar.

References

1. Brodskiy, N. et al. (eds) (1925) *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov* [Literary Encyclopedia: Dictionary of literary terms]. Moscow; Leningrad: L.D. Frenkel'.
2. Kozhevnikov, V.M. & Nikolaev, P.A. (eds) (1987) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
3. Timofeev, L.I. & Turaev, S.V. (eds) (1974) *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Moscow: Prosveshchenie.
4. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
5. Tsvigun, T.V. (2006) "The Other" rhetoric of Roman Jakobson. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriy: Filologiya, pedagogika, psikhologiya – Vestnik IKBFU. Philology, pedagogy, and psychology*. 8. pp. 72–77. (In Russian).
6. Erlikh, V. (1996) *Russkiy formalizm: istoriya i teoriya* [Russian Formalism: History and theory]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.
7. Jakobson, R.O. (1987) *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow: Progress. pp. 324–338.

8. Avelichev, A.K. (ed.) (1986) *Obshchaya ritorika* [General Rhetoric]. Translated from French. Moscow: Progress.
9. Losskaya, V. (2007) O zapisnykh knizhках Tsvetaevoy [About Tsvetaeva's notebooks]. *Storony sveta*. 9. [Online] Available from: <http://www.stosvet.net/9/losskaya/>. (Accessed: 22.05.2019).
10. Tsvetaeva, M.I. (2000) *Neizdannoe. Zapisnye knizhki* [Unpublished. Notebooks]. Vol. 1. Moscow: Ellis Lak.
11. Tsvetaeva, M.I. (1997) *Neizdannoe. Svodnye tetradi* [Unpublished. Summary notebooks]. Moscow: Ellis Lak.
12. Tsvetaeva, M.I. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Ellis Lak.
13. Tsvetaeva, M.I. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Ellis Lak.
14. Fedorova, E.V. (2012) Features of a composite rhythm in M. Tsvetaeva's prose. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika" – Bulletin of South Ural State University, Series "Linguistics"*. 2 (261)–14. pp. 114–118. (In Russian).
15. Smith, A. (2017) Constructing the modernist vision of time: Tsvetaeva's rendering of Bely's dynamic worldview in 'A Captive Spirit'. *Australian Slavonic and East European Studies*. 31. pp. 1–42. [Online] Available from: <https://www.research.ed.ac.uk/portal/files/47919125/SmithASEES2017ConstructingTheModernistVisionOfTime.pdf>. (Accessed: 22.06.2019).
16. Paducheva, E.V. (2010) Metonimiya kak sdvig fokusa vnimaniya [Metonymy as a shift in the focus of attention]. In: Nikolaeva, T.M. (ed.) *Issledovaniya po lingvistike i semiotike: sb. st. k yubileyu Vyach. Vs. Ivanova* [Research in Linguistics and Semiotics: Collection of articles to the anniversary of Vyach. Vs. Ivanov]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 243–251.
17. Mnukhin, L.A. (ed.) (2006) *M. Tsvetaeva v vospominaniyakh sovremennikov: Mgnoveniy sled* [M. Tsvetaeva in the Memoirs of Contemporaries: An instant trace]. Moscow: Vagrius.
18. Lyapon, M.V. (2010) *Proza Tsvetaevoy. Opyt rekonstruktsii rechevogo portreta avtora* [Prose of Tsvetaeva. Experience of reconstruction of the author's speech portrait]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
19. Gasparov, M.L. (1995) Vladimir Mayakovskiy. In: Krasil'nikova, E.V. (ed.) *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka: Opyty opisaniya idiosstiley* [Essays on the History of the Language of the 20th Century Russian Poetry: Experiments in the description of idiosstyles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 363–395.
20. Yanchuk, E. (2018) "Ya tak i ne obzhila druguyu chast' sebya – svoe telo...": telesnost' v tvorchestve Mariny Tsvetaevoy ["I haven't felt at home in another part of myself – my body...": corporality in Marina Tsvetaeva's work]. In: Bielniak, N. & Urban-Podolan, A. (eds) *Scripta Humana*. Vol. 11. Zielona Góra: University of Zielona Góra. pp. 23–43.
21. Veselovskiy, A.N. (2011) *Izbrannoe: Istoricheskaya poetika* [Selected Works: Historical poetics]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.
22. Tsvetaeva, M.I. (2001) *Pis'ma k Konstantinu Rodzevichu* [Letters to Konstantin Rodzevich]. Ulyanovsk: Ul'yanovskiy Dom pečati.
23. Brodsky, I.A. (1997) *Brodskiy o Tsvetaevoy: interv'yu, esse* [Brodsky on Tsvetaeva: Interviews, essays]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
24. Culler, J. (2006) *Teoriya literatury: kratkoe vvedenie* [Literature Theory: A Brief introduction]. Translated from English. Moscow: Astrel': AST.
25. Taganov, A.N. (2002) Funktsiya pamyati v avtobiograficheskoy proze Mariny Tsvetaevoy [Function of memory in the autobiographical prose of Marina Tsvetaeva]. In: *Konstantin Bal'mont, Marina Tsvetaeva i khudozhestvennyye ishaniya XX veka* [Konstantin Balmont, Marina Tsvetaeva and artistic pursuits of the XX century]. 5. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 115–122.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.16

DOI: 10.17223/19986645/68/14

Е.Б. Громова, Ю.М. Ершов

СМЫСЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ

Выявляются повествовательные категории (предмет, время, пространство, конфликт, оценки и др.), которые необходимы для преобразования событий и ситуаций как фрагментов реальности в текст новостей на телевидении. Показывается, как в телевизионном дискурсе официальный стиль смешивается с журналистским, а ответственность за слово в эфире размывается. В анализе смысловых структур новостных сюжетов по строительной тематике рассматривается технология создания героев и анти-героев. В приложении приводится таблица с данными текстового анализа.

Ключевые слова: телевидение, новости, медиатекст, сторителлинг, дискурс.

Введение

Телевидение проигрывает интернету борьбу за зрителя. Особенно это заметно в информационном вещании. Телевизионные новости смотрят с каждым годом всё меньше и меньше, а молодежная аудитория почти полностью переключилась на потребление видеоблогов YouTube. Социологи фиксируют снижение доверия к ТВ как источнику новостей [1]. Безусловно, кризис жанра новостей – это проблема для телевизионной индустрии и особенно новостных телеканалов. В отличие от кинопоказа и развлекательных шоу новости прежде всегда были визитной карточкой любого телеканала. И на производство новостей работали самые многочисленные творческие коллективы каналов. Но сегодня репортаж и журналистский контент вообще в телевизионном эфире становится так же редок, как изюм в булках. ТВ превратилось из СМИ в домашний центр досуга.

Для капитанов медиа-индустрии это, возможно, не является большой проблемой. Новости – это тоже своего рода шоу. Со времен рейтинговых завоеваний парфёновской программы «Намедни» понятие инфотейнмента стало всеобъемлющим и оправдывающим самые смелые эксперименты в телевизионном вещании. Чтобы вернуть к экранам молодых зрителей, ушедших в социальные сети и мессенджеры, телевизионные продюсеры готовы многое поменять в формате информационных программ. Например, сделать их более разговорными, динамичными, оснащёнными обратной связью. При этом осознаётся риск не оторвать от видеоблогов молодого зрителя, но потерять пожилого, лояльного к телевизору. Для информационного вещания жизненно необходимо укрепить доверие разных частей аудитории, а в некоторых случаях – восстановить его.

Это очень непростая задача в эпоху фейковых новостей и постправды. Всё становится вопросом интерпретации. Зрители считают фейковые новости не противоположностью журналистики, а разновидностью массмедиа [2]. Почему люди делятся фейками даже тогда, когда догадываются о фальшивой природе этой новости? Для прикола, как говорит молодежь. Из стремления поддержать «своих» в информационной войне. Из иррационального желания создать хаос, как это делают и создатели компьютерных вирусов. Мотивов может быть много, но вирусное распространение фейков ставит под сомнение существование объективных фактов как таковых. Люди теряют иммунитет ко лжи. Это тяжелая болезнь, которая сама не пройдет.

Если фейк – это фальсификация, то телевизионная новость может быть не фабрикацией факта, а порождением фактоидов, комбинацией слухов и достоверных сведений, освещением ивент-маркетинга, ререйтингом пресс-релиза, визуализацией пиар-кампании. Такое смешение кодов и перформативное новостное сообщение не всегда понимается зрителем и даже исследователями ТВ. Сложившиеся десятилетиями методологии анализа телевизионных сюжетов перестают выявлять авторские интенции и смыслы некоторых репортажей. Нужна новая исследовательская оптика для того, чтобы рассмотреть микс новостных дискурсов на телевидении. Цель нашего исследования – выявить изменения смысловой структуры телевизионных новостей и обосновать методику анализа телевизионного высказывания.

Телевизионную (шире – журналистскую) новость мы понимаем как повествование о тех событиях, процессах, явлениях и героях, которых, по мнению редакции, должен знать их зритель, чтобы ориентироваться в современном мире. В учебниках или в словарных определениях новостей обычно делается акцент на оперативности информации и на свежести сообщения для аудитории, которая только от репортёра узнаёт о происходящем. На самом деле только небольшая часть выпуска или ленты новостей имеет действительно неожиданный или ещё реже – сенсационный характер. Большая часть информационных выпусков – это продолжающиеся истории, которые в силу зрительского интереса и актуальности темы разрабатываются журналистами как сериалы. Специфика телевизионных новостей заключается в том, что новостные сюжеты объединены в выпуск (программу особого формата) для представления зрителям информационной картины дня. Новостной сюжет понимается нами как ряд связанных между собой и последовательно развивающихся событий, которые составляют содержание повествования. Другими словами, сюжет – это повествовательное ядро новости или то, что можно пересказать другим. И в этом контексте приобретает особую актуальность исследование сторителлинга как журналистской техники рассказывания историй и выстраивания смыслов.

Обзор исследовательских подходов

В большинстве научных трудов телевизионные новости представлены как объект и среда получения эмпирического материала для обоснования и анализа других проблем медиаисследований. За последние 15 лет были

защищены несколько кандидатских и докторских диссертаций, посвященных изучению сферы информационного телевидения и новостного медиадискурса. Среди них следует упомянуть диссертации К.А. Антонова, Р.В. Гудякова, Д.С. Локтева, Л.Г. Лисицкой, Н.Н. Старобахина, Ю.А. Строковой Л.Е. Малыгиной, А.А. Кашук, К.Д. Кирия, С.С. Галстян¹, но в силу ограниченности пространства статьи мы можем их только дать списком в примечаниях, не рассматривая подробно.

Приведем впрочем некоторые тезисы названных диссертационных исследований, которые оказываются близки нашему пониманию конструирования теленовостей. Так К.А. Антонов заключает: «Дискурсный анализ подтверждает гипотезу о том, что телерепортаж в меньшей степени является субъективным актом творчества отдельного репортера. Вслед за правилами корпорации, форматами, диктуемыми технико-технологической компонентой, медиаформа испытывает влияние различных субъектов политики на разных стадиях производства. Эти субъекты реализуют наличные цели посредством интеграции собственных, присущих именно им форм дискурса. В итоге получается, что медиапродукт – это результат процесса реализации ролевых практик совокупности агентов политики. Как правило, героями политических событий является ограниченное число персон, которые имеют привилегированный доступ к медиа из-за своего высокого статуса, из-за сложившегося «сценического» образа... Разговорность добавляет новостному репортажу не только элемент достоверности, но и способствует укреплению в медиапроизводстве повествовательных форм в виде историй вместо коротких фактов-новостей».

Р.В. Гудяков, рассматривая драматизацию новостей на телевидении, также подтверждает, что репортажи выглядят не как новости, а как истории. Его исследование показало, что игнорирование в эфире серьезных

¹ См.: *Антонов К.А.* Телевизионные новости в массово-коммуникационном процессе: социологический анализ механизмов социально-политического конструирования : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Кемерово : Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2009. 32 с.; *Гудяков Р.В.* Драматизация информации на российском телевидении как фактор формирования социальной идентичности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 24 с.; *Локтев Д.С.* Редакционный нейтралитет в международном информационном телевидении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 34 с.; *Лисицкая Л.Г.* Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2010. 46 с.; *Старобахин Н.Н.* Программная политика общенациональных российских телеканалов (1999–2006 гг.): информационная повестка дня и медиа-реальность : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 26 с.; *Строкова Ю.А.* Тексты телевизионных новостных передач: лингвопрагматический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 30 с.; *Малыгина Л.Е.* Современный телевизионный анонс в коммуникативно-прагматическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 29 с.; *Кашук А.А.* Суггестивные свойства телевидения (социально-культурный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.; *Кирия К.Д.* Новостной телевизионный текст: структура, стратегия, экспрессивность : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 327 с.; *Галстян С.С.* Роль языковой личности в телевизионной речевой культуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

информационных поводов, тяготение в сторону игрового отношения к реальности и ориентация на принцип аттракциона, а также нарушение классических признаков телевизионной документалистики, таких как верность документальному источнику и историческая точность, приводят к существенным искажениям действительности на телеэкране.

Зарубежные исследователи новостных дискурсов на ТВ приходят к аналогичным выводам, анализируя материалы информационных программ национальных телеканалов. Так, например, испанские исследователи И. Бандрес, Гарсиа Авилес и Х. Перес [3] утверждают, что новости превращаются в театрализованный спектакль или «infoshow». Репортажи теряют объективность и нейтральность и приобретают черты, которые позволяют достичь определённого эффекта влияния на аудиторию. Раньше испанских медиаисследователей эти медиаморфозы были замечены французскими структуралистами, создавшими парадигму семиотического анализа масс-медиа. Мы имеем в виду «Мифологии» Ролана Барта [4] и «Симулякр и симуляции» Жана Бодрийяра [5].

Ролан Барт рассматривает, как истории превращаются в идеологию и становятся современными мифами. Так, в эссе «Мир, где состояются в кетче» Р. Барт пишет: «...задача борца здесь не в том, чтобы победить, а в том, чтобы аккуратно исполнить ожидаемые от него жесты. ...Кетч изображает собой своего рода мифологический поединок Добра и Зла (по природе своей близкий к политике, так как отрицательный борец всегда считается «красным»). Жан Бодрийяр, изучающий симуляции в повседневной культуре, обобщает: «Гипнотическое состояние свободно от смысла, и оно развивается по мере того, как смысл остывает. Оно имеет место там, где царствуют медиум, идол и симулякр, а не сообщение, идея и истина. Однако именно на этом уровне и функционируют средства массовой информации» [6].

Труды Р. Барта, Ж. Бодрийяра и других структуралистов заставили перечитать книги В. Шкловского, Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова, которые ещё в 1920-е гг. осмыслили экранные искусства как текст. Так, Виктор Шкловский писал: «Люди, движущиеся на экране, – своеобразные иероглифы. Это не кинообразы, а кинопонятия» [7]. Но только в 1970-е научное сообщество пришло к пониманию повествования в качестве «междисциплинарного объекта исследования» [4]. Объектом внимания большинства нарратологов, как отечественных, так и зарубежных, остаются произведения игрового кинематографа и художественного (сериального) телевидения. Это не совсем справедливо, поскольку почти любое видео и любой телевизионный сюжет включает в себя какую-то историю и повествовательные структуры. Журналистская семиотика на материале телевизионных новостей началась с книги голландского лингвиста Тёна ван Дейка «Новости как дискурс» [8]. К сожалению, журналистские повествовательные техники остаются на периферии исследовательского внимания в нашей стране. Можно назвать только одну докторскую диссертацию в этой области: «Документальный фильм как публицистический нарратив: структура, функции, смысл» [9] и пару научных публикаций в журналах [10].

Методология исследования

Сторителлинг мы трактуем как рассказанную историю и понимаем как свойство человеческого сознания. Человеку всегда было свойственно рассказывать истории и анализировать жизненный опыт в таких повествовательных структурах. Исследование рассказанных историй даёт возможность осмыслить пережитое как самого рассказчика и его индивидуального видения мира, так и поколения, социальной группы, нации. В опоре на содержательные элементы сторителлинга (события, герои, язык повествования, зрительные и звуковые ряды) можно провести контент-анализ новостного потока и выявить доминирующие сегодня идеологемы и смысловые фреймы.

Ещё одной стороной применения сторителлинга является конструирование с его помощью повествовательных структур для индоктринации идей. То, что люди проживают свою жизнь не иначе как историю, делает данную повествовательную технику незаменимым средством социальной суггестии. Нарратив, как об этом не раз было сказано постмодернистами, творит реальность [11]. Разделение журналистского события и повествования о событии позволяет увидеть, что история используется медиа не в собственном значении, а для передачи иного смысла, соответствующего авторской интенции. Сторителлинг – это такой отбор и монтаж элементов событийного ряда, при помощи которого автор достигает реализации своего замысла косвенным путем – посредством рассказывания истории, создающей определенную точку зрения на предмет речи.

Можно характеризовать новостной рассказ наличием главных и второстепенных действующих лиц, «героев» и «злодеев», последовательно развивающегося действия, имеющего зачин, кульминацию и развязку, а также драматических поворотов в сюжете. Благодаря постоянству и повторяемости выпусков новостей, а с некоторых пор и непрерывности новостной ленты, у читателя и зрителя формируются жанровые установки и привычные сценарии повествований. Одной из задач нашего проекта было выявление таких типических сценариев журналистских историй. Другую задачу мы увидели в анализе рассказанного в эфире как связывания событий, персонажей и действий в логическую или каузальную последовательность. Повествовательная структура информационных программ и атрибуция новости по месту, времени, источникам позволяет зрителям не только воспринимать медиатекст как реальность, но и придавать смысл порой случайным и обрывочным наблюдениям. Как заметил Дж. Фиске, «реализм – это не то, что на самом деле, но то, что дискурсивно привычно» [12].

В данном исследовании мы выделяем следующие категории текстового анализа: предмет / тема, рассказчик / автор (авторская позиция в отношении к предмету), сюжет, жанровое решение, время (хронологическое или иное повествование), пространство (фреймовое, тематическое), персонажи (архетипы), конфликт (герой–антигерой, герой–общество (обстоятельства) и т.д.), а также элементы истории (ситуация, комментариев, история вопроса, оценки и ожидания).

Таблица с данными текстового анализа новостных сюжетов

Дата и теле-канал	Адрес новости	Тема	Автор	Тип сюжета	Жанр	Время	Пространство	Персонаж	Конфликт	Значимые элементы истории
20.04.20 10:19 НТС	https://nts-tv.com/news/na-mostu-na-ulitse-gagarina-v-simferopole-ulozhili-26429/	Подрядки за ночь уложили асфальтобетонное покрытие на мосту, несмотря на помехи	Информационно-индивидуальный автор отсутствует	«Наконец построили»	Отчёт о проделанной работе	Линейная хронология	Строительная площадка	Министр транспорта РК	Человек и обстоятельство. Постановка чужих ограничений задерживаются из-за коронавируса	Синхрон на фоне строительных работ под шум машин
22.04.20 09:43 НТС	https://nts-tv.com/news/stroitelimontiruyut-perekrytiya-v-torogostazha-mo-26488/	Как строят медицинские центры Минобороны в Севастополе	Автор отсутствует	«Грандиозные планы»	Репортаж со строительной площадки	Линейная хронология	Строительная площадка	Начальник Главного строительного управления МО России	Человек и обстоятельство. Трудно доставить тяжёлую технику с материка	Синхрон на фоне строительства под шум машин и кадры с генералами
28.04.20 10:32 НТС	https://nts-tv.com/news/v-sevastopole-na-ulitse-khrustalyeva-stroiteli-raz-26619/	Строители в Севастополе разрыли двор и бросили	Маргарита Чернухо, Юрий Реутин, Севинформбюро	«Сигнал обеспокоенных граждан»	Репортаж мини-расследование	Линейная хронология	Двор	Жители домов у брошенного разрытого двора	Пострадавшие жители – недобросовестные строители	Эмоциональные синхроны и авторские предположения
29.04.20 18:34 НТС	https://nts-tv.com/news/remont-dvora-na-ulitse-khrustalyeva-vozobnovitsya--26668/	Ремонт на улице Хрусталева возобновится в мае	Автор отсутствует	По следам наших выступлений	Послесловие ко вчерашнему репортажу	Линейная хронология	Двор	Отсутствуют	Пострадавшие жители – недобросовестные строители	Ответ департамента городского хозяйства Севастополя
30.04.20 10:29 НТС	https://nts-tv.com/news/balaklavskoe-rudoupravlenie-planiruet-zanyatsya-stroitelstvom	Балаклавское рудоуправление планирует заняться строительством	Автор отсутствует	«Грандиозные планы»	Интервью с рекламным акцентом	Ситуативное-фреймное	Неопределённое нейтральное	Руководитель АО	Маркетинговый: как расширить мощности и увеличивать рабочие места	Анонс к программе «Актуальное интервью»

Дата и теле-канал	Адрес новости	Тема	Автор	Тип сюжета	Жанр	Время	Пространство	Персонаж	Конфликт	Значимые элементы истории
30.04.20 20:09Н ТС	https://nts-tv.com/news/doremonta-ulitsy-lenina-obshchestvenniki-predlagayut-pereschitat-derevya	До ремонта улицы Ленина общественники предлагают пересчитать деревья	Маргарита Чернухо, Анастолый Паньков, Севинформ-бюро	«Сигнал обеспокоенных граждан»	Репортаж мини-расследование	Линейная хронология	Улица Ленина и экран скайп-трансляции	Ряд общественников, критикующих строителей	Равнодушные к природе строители и неравнодушные граждане	Эмоциональные синхроны и стандарты автора
22.04.20 «Крым 24»	http://crimea24.tv/content/naberezhnaya-nikolaevki-okonchatelno/	Набережная Николаевки разрушилась из-за шторма	Анастасия Крапивина	«Грандиозные планы»	Интервью	Линейная хронология	Набережная размытая штормом	Глава села Николаевка	Человек и природная стихия	Синхрон и стандарты автора
22.04. «Крым 24»	http://crimea24.tv/content/dvestroitelnie-kompanii-v-krimu-ost/	Приостановлена деятельность двух строительных компаний за нарушение санитарных норм	Автор отсутствует	«Официальное заявление»	Устное сообщение без видео	Ситуативное-фрейм-мное	Неопределенное	Председатель Совета министров РК	Бизнес и закон: нарушения норм	Ссылка на официальное мнение
22.04. «Крым 24»	http://crimea24.tv/content/vozeyalti-zaumutsya-rekonstrukciy-b/	Возле Ялты займутся реконструкцией берегоукрепительных сооружений	Автор отсутствует	Планы строителей	Устное сообщение без видео	Ситуативное-фрейм-мное	Неопределенное	Отсутствуют	Конфликт отсутствует	Ссылка на пресс-служба Главгосэкспертизы РФ
23.04. Крым 24»	http://crimea24.tv/content/zaderzhan-odin-figurant-po-ugolovnomu-delu-gosstroy-nadzora	Задержан ещё один фигурант по уголовному делу Госстройнадзора	Автор отсутствует	«Официальное заявление»	Устное сообщение без видео	Ситуативное-фрейм-мное	Неопределенное	Отсутствуют	Человек и закон: взятники в ведомствах	Ссылка на пресс-службу МВД по РК
24.04. «Крым 24	http://crimea24.tv/content/v-kerchi-otremontiruyut-dorogi-na-shestyn-dorogi	В Керчи отремонтируют дороги	Кристина Красюк	«Грандиозные планы»	Интервью	Ситуативное-фрейм-мное	Неопределенное нейтральное	Глава администрации	Конфликт отсутствует	Анонс к вечернему выпуску новостей
27.04. «Крым 24»	http://crimea24.tv/content/v-simferopole-zalatali-yami-na-semi-uli/	В Симферополе закатали ямы на семи улицах	Сообщение пресс-службы администрации	«Официальное заявление»	Устное сообщение без видео	Линейная хронология	Столица Крыма	Отсутствуют	Конфликт отсутствует	Ссылка на пресс-релиз

Дата и теле-канал	Адрес новости	Тема	Автор	Тип сюжета	Жанр	Время	Пространство	Персонаж	Конфликт	Значимые элементы истории
28.04. «Крым 24»	http://crimea24.tv/content/nabolshey-mitridatskoy-testnice-v-ke/	На Большой Митридатской лестнице в Керчи завершают облицовку двух ярусов	Екатерина Рябова	Планы строителей	Авторский стендап	Линейная хронология	Стройплощадка	Сам автор	Конфликт отсутствует	Обзор строительной площадки
29.04. «Крым 24»	http://crimea24.tv/content/glavakrima-prikazal-stazu-zhe-zakriva/	Глава Крыма грозит закрытьем строек при нарушениях карантина	Автор отсутствует	«Официальное заявление»	Устное сообщение без видео	Ситуативное-фрейм-мное	Республика Крым	Глава республики	Человек и природа: строители вынуждены приостановить работу	Ссылка на официально лицо
29.04. «Крым 24»	http://crimea24.tv/content/priroda-za-zaborom-kto-nachal-stroyku-v-feodosii-prodolzhayut-stroyku-v/	Кто начал стройку в природном заповеднике?	Александр Федорчук Андрей Заричный	«Сигнал обеспокоенных граждан»	Репортаж мини-расследование	Линейная хронология	Заповедная зона	Общественники, официальные лица и собственник участка	Человек и закон. Неправомерная продажа земли в охранный зоне	Ряд синхрон и авторское заключение
30.04. «Крым 24»	http://crimea24.tv/content/v-feodosii-prodolzhayut-stroitelstvo-industrialnogo-parka/	В Феодосии продолжат строительство Индустриального парка	Анастасия Крапивина	«Грандиозные планы»	Интервью с рекламным акцентом	Ситуативное-фрейм-мное	Стройплощадка	Руководитель проекта ГКУ Инвестстрой РК	Конфликт отсутствует	Синхрон на фоне строительных работ под шум машин
30.04. «Крым 24»	http://crimea24.tv/content/v-sevastopole-zayavili-o-gotovnosti-ulitsy-bolshaya-morskaya/	В Севастополе заявили о готовности улицы Большая Морская	Анастасия Крапивина	«Разрезание красной лентой точки»	Репортаж-прогулка	Линейная хронология	Улица Большая Морская	Коренной житель Севастополя	Равнодушные ко всему кроме денег строители и неравнодушные граждане	Эмоциональные синхроны и стендап автора

Как и в традиционном контент-анализе, каждый избранный сюжет даётся для расшифровки-интерпретации двум кодировщикам, результаты работы которых мы сравниваем, отбраковывая те сюжеты, толкования которых расходятся.

Всего было рассмотрено 322 сюжета за эфирную декаду трёх ведущих телекомпаний Крыма и Севастополя («Крым 24», НТС – Независимое телевидение Севастополя, «Первый Севастопольский»). Из рассмотренных сюжетов мы отобрали по предметно-тематическому принципу 20 сюжетов, посвященных проблематике строительства и ремонта в Крыму и Севастополе. Отобранные 20 сюжетов и подверглись текстовому анализу по названным выше категориям. Во всех случаях оценки кодировщиков совпали, и никакие материалы не были изъяты из выборочной совокупности. В приложении к данной статье мы приводим таблицу с выборочными данными анализа, показывающего, как распределились категории текстового анализа по отобранным нами для анализа новостным сюжетам на строительную тему (в таблицу не включены данные по каналу «Первый Севастопольский» ради экономии места).

Результаты анализа

Строительная тема занимает в эфире крымских телеканалов особое место. Поскольку весь полуостров стал после 2014 г. одной большой строительной площадкой, для местных властей сдать какой-то объект в срок и с хорошим качеством – это первый признак эффективности госуправления. И наоборот, не освоить выделенные бюджетные средства, некачественно подготовить техническое задание, провалить конкурсные процедуры и не построить объект – это предвестник увольнения или даже уголовного преследования отвечающего за этот участок работы чиновника. Вся строительная отрасль в Крыму стала зоной рискованного предпринимательства и менеджмента: можно получить сверхприбыли, но можно и в тюрьму сесть. У крупных строительных компаний есть пресс-службы, которые стремятся вступить в партнёрские отношения с телекомпаниями, подружиться с продюсерами и влиять на прохождение информации о деятельности их компании.

У правительственных пресс-служб гораздо больше возможностей контроля тональности сюжетов о строительных делах, и это заметно по стилистике и рекламным акцентам в сюжетах. Около 60 процентов сюжетов, по нашим подсчётам, имели в своей основе информационный повод от официальных пресс-служб республиканских органов власти или государственных структур. Так обстоят дела и в освещении других тем, но в строительной заданные контуры повестки дня особенно явно просматриваются. И в телекомпаниях дают проверенным журналистам постоянные задания по освещению строительной темы. Однако не редкость и читка пресс-релизов без всякого видео, когда журналисты отдают на откуп пресс-службам всё повествование о стройке или ремонте. Такое происходит не потому, что у тележурналистов не хватает времени на обработку информации. Телеканал

в некоторых случаях не хочет отвечать за достоверность транслируемых сведений. Но и выбросить в мусорную корзину пресс-релиз не может – обязан включить его в выпуск новостей.

Авторская позиция в разработке строительной тематики лишена полутонов и нюансов. Строители либо молодцы и герои (несмотря на трудные условия, построили в срок или даже с опережением графика), либо они – супостаты, нарушившие свои обязательства, испоганившие природную среду, укравшие выделенные деньги и т.д. В первом случае им дают слово, во втором – нет. Отрицательную оценочность авторской позиции сразу видно по заголовкам и первым фразам сюжетов: «До ремонта улицы Ленина общественники предлагают пересчитать деревья» 30.04.2020¹. «В Севастополе на улице Хрусталёва строители разрыли двор и бросили». 28.04.2020². «Строители могут разрушить стену бастиона времён Крымской войны». 15.04.2020³. Радикальные оценки неудивительны для оперативной журналистской работы, но проблема в том, что критикуют часто того, кого вчера восхваляли. Зритель даже не заметит, когда знак оценочности сменился с плюса на минус.

Например, журналисты телеканалов «Крым 24» и «Первый крымский» едут на строительство какого-то объекта вместе с вице-премьером крымского правительства В. Нахлупиным. Он – яркий и системный руководитель, строгий контролер бюджетных средств, которые поступают в Крым по федеральным целевым программам, его боятся и уважают все строители. Через месяц он – коррупционер под следствием и проблемы начинаются (вплоть до остановки строительства) на тех объектах, которые он курировал. В. Нахлупин по подозрению в получении серии взяток был задержан в 2018 г. Вместе с бывшим вице-премьером были арестованы бывшие и. о. замминистра транспорта Крыма Валентин Дукорский и первый зампред комитета конкурентной политики Ярослав Сливка⁴. Курирование ФЦП в свою очередь перешло в обязанности В. Нахлупина после ареста и отставки предыдущего куратора, вице-преьера РК Олега Казурина, осужденного на 11,5 лет колонии за взяточничество. О. Казурина, когда он был на посту, тоже «информационно сопровождали» региональные телевизионные журналисты.

Сюжетные и жанровые решения строительной темы не блещут разнообразием. Можно выделить 6–7 типичных решений: «грандиозные планы»,

¹ До ремонта улицы Ленина общественники предлагают пересчитать деревья. НТС. Новости Севастополя от «Севинформбюро». Выпуск от 28.04.2020 года. URL: <https://nts-tv.com/news/do-remonta-ulitsy-lenina-obshchestvenniki-predlaga-26719/>

² На улице Хрусталёва строители разрыли двор и бросили. НТС. Новости Севастополя от «Севинформбюро». Выпуск от 28.04.2020 года. URL: <https://nts-tv.com/programms/sevinformbyuro/novosti-sevastopolya-ot-sevinformbyuro-vypusk-ot-2-26645/>

³ Строители могут разрушить стену бастиона времён Крымской войны. НТС. Новости Севастополя от «Севинформбюро». Выпуск от 15.04.2020 года. URL: <https://nts-tv.com/news/kakaya-sudba-ozhidaet-oboronitelnyu-stenu-7-go-ba-26315/>

⁴ Вместе с вице-премьером Крыма задержали еще двух бывших чиновников. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/10/2018/5bc8b98e9a794729b26c82a9>

«сигнал обеспокоенных граждан», «инспекция высокого начальства», «официальное заявление», «разрезание красной ленточки», «по следам наших выступлений». Приведем в качестве примера одно из таких сюжетно-жанровых решений. Две строительные компании в Крыму остались без работы за грубые нарушения. Среда, 22 апреля. «Крым 24». В Крыму приостановлена деятельность двух строительных компаний за нарушение санитарных норм. Об этом сообщил председатель Совета министров Республики Крым Юрий Гоцанюк... в работе предприятий ООО «Ниссал» в Евпатории, ООО «Архитектурное наследие» в селе Оленевка Черноморского района и ООО «ЭТК-Москва» в Феодосии также выявлены нарушения и даны сутки на устранение всех замечаний». Казалось бы, повод настолько рядовой и мелкий, что сообщать о нем в эфире республиканской телекомпании странно. Особенно если делать это языком официального акта. Это же рабочие взаимоотношения надзорных органов и частных строительных компаний. Но если в сюжетах строительной проблематики «образ врага» уже сформирован, его надо всё время поддерживать, выбирая кого-то «мальчиками для битья» и демонстрируя публике справедливую строгость правительственных инспекторов.

Бывает, что журналисты заскользят в жанровом решении и попробуют смешать два сюжетных подхода к теме и разные стили. Это выглядит многословно, запутанно и вряд ли может быть понято даже не обывателями, а профессионалом. Например, 21 апреля «Первый Севастопольский» в информационной программе «Индекс» сообщил о том, что в селе Курортное не построят очистные сооружения. Эта нерадостную новость переслоили положительными сообщениями. А сам текст, построенный на пресс-релизе, достоин того, чтобы привести его целиком. «В Крыму изменили план Федеральной целевой программы. Как сообщил генеральный директор Дирекции по управлению ФЦП Андрей Никитченко, под Феодосией – в селе Курортное – не будут строить очистные сооружения. Проведена корректировка программы, в которой изменены объемы финансирования по объектам и мероприятиям согласно результатам полученных положительных заключений государственной экспертизы ряду объектов перераспределены средства по годам. Также по нескольким объектам восстановлены средства, которые не были использованы в 2019 году. Помимо этого из программы исключен объект «Строительство очистных сооружений и разводящих коллекторов в селе Курортное», заложенные на него средства перераспределены на другие объекты, – сообщил Андрей Никитченко. Вместе с тем Министерство здравоохранения России стало государственным заказчиком по обследованию состояния детских санаторно-курортных организаций в Евпатории и разработки технико-экономического обоснования развития их материальной базы. Напомним, в соответствии с решением Правительства России объем финансирования по Федеральной целевой программе чуть более 962 миллиардов рублей. В программу включен 891 объект и мероприятия».

Чтобы понять смысл этого текста, надо быть в теме и следить за всеми событиями Федеральной целевой программы в Крыму. Несмотря на щед-

рое финансирование федеральным центром этой программы, правительство Республики Крым и Севастополя регулярно проваливают ее осуществление. В частности, в Республике Крым на 2019 г. были запланированы 46 объектов, которые не были построены. Глава РК Сергей Аксенов направил в правительство РФ письмо с просьбой по-особому разрешить проблемы и повторно выделить деньги на проваленные объекты. В Севастополе предусмотренные в 2019 мероприятия были выполнены лишь на 56%, признался врио губернатора Михаил Развожаев¹. Однако в том сюжете, который мы процитировали полным текстом, нет никаких намёков на проблемы и на виновников провала. Зритель может даже не услышать об отказе от строительства. Зачем такой официоз вообще транслировать массовой аудитории? Журналисты вряд ли ответят на этот вопрос. А вот у чиновников своя логика и свои специальные интересы, проводниками которых становятся их пресс-службы. Им нужно по любому поводу высказаться и сделать хорошую мину при плохой игре. За это им платят.

Одной из категорий нашего анализа было время – важный атрибут новостных выпусков. В большинстве случаев в сюжетах строительной тематики обнаруживается хронологический порядок действий и событий. Его можно смоделировать фразой «Мы строили, строили и наконец построили». Либо в процитированном варианте с приостановкой деятельности нарушителей конвенции: «Мы строили, строили, а нам запретили строить дальше». Однако встречаются сюжеты без хронологической последовательности. Они обусловлены логикой документов, поскольку медиатекст основывается на пресс-релизе, который, в свою очередь, строится на каком-то правительственном акте. В этом случае журналисты самоустраиваются, впуская чиновников в информационное поле и отдавая им на откуп площадку коммуникации со зрителем.

Пространство в сюжетах предстаёт в двух типоразмерах. Это пространство административных решений и сама строительная площадка. Приведенный пример с изменением плана ФЦП показывает топос административных решений. Сначала дали денег, потом придержали, затем решили перераспределить. Внутри этого пространства множество исполнительских действий, которые не имеют следов в медиатексте и делают телевизионный сюжет непонятным для зрителя. Думающий зритель может спросить: «Почему же отказались от строительства очистных сооружений в селе Курортное? Ведь раньше говорили, что надо спасти море от канализационных стоков». В медиатексте нет персонажей со своими мотивами, а есть только правительственная воля давать и отбирать.

Пространство строительной площадки более узнаваемо и понятно аудитории. Как правило, оно атрибутировано специальной техникой, стройматериалами и рабочими в строительных касках. Здесь появляются персона-

¹ Мишустин перетасовал федеральную программу развития Крыма и Севастополя. 20.04.2020. URL: <https://primechaniya.ru/sevastopol/novosti/mishustin-peretasoval-federalnuyu-programmu-razvitiya-kryma-i-sevastopollya>

жи, обозначаемые титрами (представитель подрядчика, главный инженер стройки и др.). Пространство становится ареной для разыгрывания жанровых сценок. Чаще всего это интервью, когда строитель как бы докладывает зрителям о достигнутых успехах. При этом главный строитель адресатом своего отчёта мыслит не профанного зрителя, а распорядителя бюджетных субсидий, который может дать, но может и отнять. Строитель обычно набивает себе цену, рассказывая о трудностях (например, тяжелую технику привезти на полуостров сложно, у Керченского моста есть ограничения по тоннажу грузов), но они справились со всеми этими задачами и готовы сдать объект в срок и с высоким качеством. Если ситуация переворачивается, строителя в кадре мы, скорее всего, не увидим, а журналист становится обличителем и, цитируя официальные акты проверки клеймит бракоделов.

Персонажи строительных сценок играют свои роли, которые достаточно легко считываются аудиторией, потому что эти роли наигранны, привычны и, можно даже сказать, органичны. В пространстве сюжета появляются строители, администраторы, журналисты и народ. Строители – это чужие, приехавшие с материка, потому что своих таких на полуострове не нашлось. Как к «понаехавшим» им доверия нет. За ними глаз да глаз нужен, потому что они норовят урвать и убежать. Но если надзор хороший, строители сделают всё, как надо. Администраторы – свои, хотя они могут быть переведены и назначены на эту службу из другого региона, они отвечают перед главой республики и потому уже считаются своими. Иногда, впрочем, они оказываются оборотнями, как коррупционер В. Нахлупин. В общем не иногда, а довольно-таки часто вчерашний герой предстает вором и негодяем. Но в пространстве телевизионного сюжета на администраторов распространяется презумпция невиновности. И даже когда во всех интернет-СМИ уже сообщили, что взяточник взят под арест, телекомпания «Крым 24» ограничивается одной фразой: «От должности вице-премьера освободили Виталия Нахлупина»¹.

Журналист играет роль представителя власти. Он спрашивает строителей: будет ли построен объект в срок и с хорошим качеством. И всегда получает положительный ответ. Оценить качество строительства журналисту не хватает компетенций и полномочий. Когда журналист интервьюирует чиновников, роль представителя власти ему оказывается избыточна и журналист принимает на себя роль представителя общественности. Но порой и сам народ появляется в пространстве сюжета, играя роль недовольного качеством работы строителей. Это всегда эмоциональный синхрон с показом недоделок, разрытых ям, спиленных деревьев и проч. Видимо, это тоже логика административного фрейма, в котором народишко всегда недоволен, всегда чего-то просит и на что-то жалуется, и никогда ему не угодишь. Когда ситуация принимает конфликтный характер (а почти все эти кейсы строительные всегда потенциально конфликтны), журналист снова предпочитает самоустраниться, запуская народ-обличитель и/или проку-

¹ Назначены 6 вице-премьеров правительства Крыма «Крым 24». 06.11.2019. URL: <http://crimea24.tv/content/naznacheny-6-vitse-premerov-pravitelstva-kryma/>

порскую проверку. Особенно выученная беспомощность журналиста бросается в глаза, когда в сюжет включают кадры оперативной съемки с пересчётом меченых купюр, с заблёринным лицом пойманного с поличным.

Конфликт – это еще один важный элемент новостных историй о строительстве в Крыму. Конфликт многообразен. Он принимает уголовный характер (человек и закон), как уже было замечено о тех строителях, которые видят полуостров зоной короткого хапка. Конфликт может носить экономически-правовой характер (между потребностями и возможностями), когда по недавним правилам администрация обязана заключить контракт с той организацией, которая на аукционе назвала наименьшую цену строительства, хотя и строители и чиновники знают, что за эту сумму ничего построить не выйдет. Есть ещё конфликтные ситуации между строителями и экологами-общественниками, которые считают спиленные деревья, делают пробы воды и т.д. Нескончаем конфликт между частными застройщиками и жителями этих мест, которые протестуют против двухметровых заборов, закрывающих вид на памятник воинской славы или проход к морю. Именно конфликт служит для привлечения внимания публики к новостной истории, потому что всё остальное является просто инвентарём для постановки повторяющихся реприз.

Обсуждение и выводы

Новостные истории – это семантические конструкции, соавторами которых являются репортёр, его герой и тот социально-культурный контекст, в который встроена жизнь рассказчиков, героев и зрителей этой истории. Это даёт возможность зрителю извлечь из репортажа смысл, даже если он изрядно затуманен. Разумеется, медиатекст считывается по-своему разными аудиториями. Профессиональное восприятие разделяет факт и мнение о нем, что и позволяет искушенному зрителю ориентироваться в информационном потоке, выуживая суть и отсеивая всякую пиар-шелуху. Непрофессиональное или обывательское восприятие не разделяет факт и его комментарий, реальность и её образ. Наивное обывательское восприятие не обращает внимания на «мешающие детали» и разные логические нестыковки в повествовании, а также на раздувание заурядных фактов в события, достойные внимания публики. Зритель мало что может узнать из медиатекста, но ритуальные разрезания красных ленточек на открытии построенных объектов и столь же обрядовый плач по поводу недостроенных больниц и очистных сооружений, видимо, вписываются в картину мира зрителя, поддерживают его идентичность как человека, живущего на полуострове, сравнивающего всё с прежней жизнью и радующегося всему отстроенному вновь. Именно для такого зрителя и разыгрываются архетипические поединки между новым администратором и вороватым строителем. Эти поединки порой напоминают борьбу нанайских мальчиков.

Телевизионный сторителлинг – это тот самый сконструированный мир, в котором живёт государство, держащее все эти федеральные каналы. Ин-

формационная картина дня в выпусках новостей создаёт у властей впечатление, что они всё контролируют, обеспечивая полный порядок. Однако порядка и осмысленности нет не только в строительной теме, но и в других социальных тематиках, освещаемых телеканалами. Вчерашний герой оборачивается взяточником и коррупционером и освобождает начальственное кресло новому администратору, судьба которого так же незавидна. Севастополю спроектируют новый кольцевой газопровод за 33 млн руб., а предыдущий проект газопровода от ГРС-1 до Казачьей бухты, который обошелся бюджету в 23 млн руб., выброшен в мусорную корзину¹. Десятки домов возводились без разрешительных документов, но их не сносят, а «президент России Владимир Путин поручил правительству страны выделить 1 млрд рублей для компенсации обманутым дольщикам в Крыму»². Низкое качество проектной документации и хищение подрядчиками средств не мешают сдать объект и отпарпортовать в СМИ о свершении.

Здравый смысл и логика не объясняют разрывы причинно-следственных связей в повествовании. Смысловая структура новостей меняется при наложении друг на друга двух дискурсов: репортёрского и административно-официального. Исчезает не только целостность высказывания, но и ответственность автора за слово в эфире. Точнее всего это размывание ответственности объясняет миниатюра Аркадия Райкина «Кто сшил костюм?» (из сборника «Люди и манекены»): Выходят сто человек. Я говорю: – Ребята, кто сшил костюм? Они говорят: – Мы! Я говорю: – Кто это «мы»? Они говорят: – У нас узкая специализация. Один пришивает карман, один – проймочку, я лично пришиваю пуговицы. К пуговицам претензии есть? – Нет! Пришиты насмерть, не оторвёшь! Кто сшил костюм? Кто вместо штанов мне рукава пришил?

Так и с новостной картиной дня происходит в телекомпаниях, где один отвечает за связь с администрацией, другой – обслуживает строительную компанию по договору об информационном сотрудничестве, третий – занимается ререйтингом пресс-релизов, четвёртый координирует работу съёмочных бригад, а за качество информационного обслуживания аудитории не отвечает никто. И если сегодняшний новостной сюжет в эфире лишь отдаленно описывает жизненные реалии, а больше упирает на дискурсивно привычные чудеса, у репортёрской команды не возникает угрызений совести. Потому что ответственность размыта между специалистами разных команд, у каждой из которых своё начальство и свои задачи. Зритель не даёт себе труда вникать в контекст рассказанного ему с экрана. Чтобы вникнуть, зрителю нужно быть в теме и следить за развитием каких-то событий на протяжении недель, а то и месяцев. Можно сказать, что

¹ Информационный портал строительной отрасли Крыма. URL: <http://stroykrim.org/encyclopedia/news/sevastopolyu-sproektiruyut-novyy-kolcevoy-gazoprovod-za-33-milliona-rubley>

² Информационный портал строительной отрасли Крыма. URL: <http://stroykrim.org/encyclopedia/news/zastroyshchiki-nezakonno-privlekli-sredstva-grazhdan-dlya-stroitelstva-52-domov-v>

зритель слушает одним ухом и больше реагирует на интонационный строй, чем на смысловую структуру повествования.

В смысловых структурах повествования, как показал наш анализ, автор-журналист не играет значимую роль, уступая место официальному документу или представителю власти с его высказыванием. Персонажи репортажей так же входят в повествовательные категории, претендуя на образы героев и их антагонистов и олицетворяя собой конфликт между законом и преступлением, порядком и хаосом. Задача журналиста – не победить коррупцию и даже не написать картину коррупциогенной отрасли, но аккуратно исполнить ожидаемые от него жесты (представить собеседника, задать традиционный вопрос, пройти на фоне строительных лесов для стендапа, озвучить пресс-релиз). Такая служебная и едва ли не техническая роль журналиста, вроде подставки для микрофона, как бы это обидно ни было для телерепортеров, обусловлена исключительной важностью строительной темы для местных властей (здесь не может быть никаких импровизаций и неожиданных вопросов). А с другой стороны, это умаление вплоть до исчезновения автора связано ещё и с характером взаимоотношений власти и телевидения. Когда все каналы государственные, для чиновника естественно воспринимать журналистов как своих штатных сотрудников, работающих на бюджетном обеспечении и выполняющих те функции, которые им определены свыше. Любое отступление журналиста от этой роли воспринимается с возмущением и начальственным гневом, как раскачивание лодки или даже провокация.

Вместе с тем опираться можно только на твёрдое. Отсутствие у телевизионных журналистов собственной позиции побуждает чиновников верить в то, что придумано их пресс-службами. Представители власти могут спросить и ответить себе же: «Зачем нам СМИ? – Мы сами себе медиа!». Поэтому зритель и отказывается от просмотра телевизионных новостей, предпочитая видеоблогеров, бесхитростно снимающих происходящее на телефон и обходящихся без монтажа. То, что они делают, можно назвать антителевидением или альтернативным вещанием. Блогеры в большинстве своём пока ещё не обременены договором об информационном обслуживании и не являются проводниками специальных интересов, а откликаются на действительно злободневные проблемы и озвучивают *vox populi*. Со всем как журналисты в прежние времена.

Литература

1. *Левада-Центр*. Российский медиаландшафт. 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/rossijskij-media-landshaft-2019/>
2. *Еришов Ю.М.* «Постправда» времен журналистских потерь и упадка медиаграмотности // Век информации. 2018. Т. 1, № 2. С. 311–312.
3. *Bandrés E., GarcíaAvilés J.A., Pérez G., Pérez J.* Journalism in the digital television // *PaidósPapeles de Comunicación*, Barcelona : Servicio de Publicaciones de la Universidad de Navarra, 2000. 291 p.
4. *Барт Р.* Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.

5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Simulacreset simulation. 1981 / рус. пер. А. Качалова. 2011. М. : ПОСТУМ, 2015. 240 с.
6. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального // Editions DENOEL, 1982. Екатеринбург, 2000. 114 с.
7. Шкловский В. За 60 лет: Работы о кино. М. : Искусство, 1985. 573 с.
8. *News as discourse* / by Teun A. van Dijk. Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publishers Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1988. 200 p.
9. Пронин А.А. Документальный фильм как публицистический нарратив: структура, функции, смысл : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2017. 360 с.
10. Малышев Д.А. Событие и нарратив в теленовостях, посвященных деятельности политиков // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 124–134.
11. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4. С. 63–77.
12. Fiske J. *Television Culture*. 2nd ed. Lonon : Routledge, 1987. 353 p.

Semantic Structures of Television News

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 280–297. DOI: 10.17223/19986645/68/14

Ekaterina B. Gromova, Yuri M. Ershov, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: katya-64@inbox.ru / postoffice049@gmail.com

Keywords: television, news, media text, storytelling, discourse.

The authors aim to explain how news on television is constructed and presented, applying some related methods to the study of discourse and the message. The methodology consists of analyzing TV news programs trying to determine which kind of thematic recurrence strategies are being used in nowadays news. The authors identify narrative categories that are necessary to transform events and situations as fragments of reality into the text of news on television. In the analysis of semantic structures of news stories on construction topics, the technology of creating heroes and antiheroes is substantiated. In the course of two revisions of the article, the authors clarified the analysis methodology, research apparatus and conclusions from the research done. The article shows how in the television discourse the official style is mixed with the journalistic one, and the responsibility for the word on the air is eroded. The relevance of the topic raised is due to the search for a new format of television news and the search for research optics to consider news media texts. First of all, the authors strive to delve into the properties inherent in television journalism as a mass medium, in addition to other traditional invariants and functions. For analysis, the authors take an array of news stories (322 media texts in total) aired by the three leading television companies of Crimea and Sevastopol (Crimea 24, NTS – Independent Television of Sevastopol, First Sevastopol) during a ten-day period. The authors selected 20 reports according to the subject-thematic principle, devoted to the problems of construction in Crimea and Sevastopol. This issue is extremely important for the media of the peninsula, since it is associated with federal purpose-oriented programs and the fate of officials responsible for the implementation of these programs. The narrative analysis revealed the peculiarities of covering the topic of construction on the Crimean peninsula, replacing the narrator with an official document, five typical plot moves, a kind of chronotope, archetypal characters (inspector, good builder and bad builder, member of the public), and recurring conflicts of an economic, environmental and other nature. The study revealed a mix in the news media texts of fundamentally different discourses and the belittling of the author (in some cases, the disappearance of the author) with the erosion of responsibility for the word on the air between the government, the construction business and the TV channel. Such an analysis technique can become a new research optics for considering news media texts and will help to search for new news formats for television companies in their competition with Internet communications.

References

1. Levada Center. (2019) *Rossiyskiy medialandshaft – 2019* [Russian media landscape – 2019]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2019/08/01/rossijskij-media-landshaft-2019/>.
2. Ershov, Yu.M. (2018) “Post-Truth” at Time of Journalist Losses and Decline of Media Literacy. *Vek informatsii – Information Age*. 1 (2). pp. 311–312. (In Russian).
3. Bandrés, E. et al. (2000) *Journalism in the digital television*. Barcelona: Paidós Papeles de Comunicación.
4. Barthes, R. (1996) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from English by S.N. Zenkin. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
5. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM.
6. Baudrillard, J. (2000) *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo* [In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social]. Translated from French. Yekaterinburg: Editions DENOEL.
7. Shklovskiy, V. (1985) *Za 60 let. Raboty o kino* [For 60 years. Works about cinema]. Moscow: Iskusstvo.
8. van Dijk, T.A. (1988) *News as discourse*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
9. Pronin, A.A. (2017) *Dokumental'nyy fil'm kak publitsisticheskiy narrativ: struktura, funktsii, smysl* [The documentary film as a journalistic narrative]. Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
10. Malyshev, D.A. (2015) Event and Narrative in TV-News Dedicated to Politicians' Activities. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3. pp. 124–134. (In Russian).
11. Dzheimison, F. (2000) Postmodernizm i obshchestvo potrebleniya [Postmodernism and the consumer society]. *Logos*. 4. pp. 63–77.
12. Fiske, J. (1987) *Television Culture*. 2nd edition. Lonon: Routledge.

УДК 070(571)(908)
DOI: 10.17223/19986645/68/15

В.А. Есипова

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ УЧЕНИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ТОМСКА КАК ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Исследованы источниковедческие возможности самостоятельных ученических журналов Томска конца XIX – начала XX в.; изучено, как можно использовать их для реконструкции форм активности читательского сообщества. Рассмотрены восемь журналов; методика исследования основана на классификации литературных объединений М. Шрубы. Проведена классификация изданий по признакам наличия цели, регулярности встреч и широте связей. Выявлены типы издающих объединений: общества, кружки, псевдогруппировки.

Ключевые слова: читательские объединения, студенческий журнал, сибирская дореволюционная журналистика.

Постановка проблемы. Самостоятельные ученические журналы конца XIX – начала XX в. в последнее время привлекают серьезное внимание исследователей [1–5]. Изучаются не только столичные издания, но и те, которые выходили в провинциальных городах, в том числе и в Томске [6, 7]. Очевидно, что этот вопрос представляет интерес с точки зрения истории журналистики, истории развития периодической печати. Однако потенциал такого рода источников может быть использован и для изучения такой проблемы, как читательская рецепция и поведение читателя. Эта проблема гораздо менее изучена в принципе, в том числе и по причине отсутствия достаточного корпуса релевантных источников и слабой разработанности методик исследования. Один из вопросов здесь – каковы были организационные формы читательской активности.

Отметим, что изучаются различные формы деятельности по приобщению к чтению широкой аудитории – к таковым можно отнести различные общества, проведение публичных чтений, утр и вечеров, создание общественных библиотек и т.д. [8. С. 104–214; 9. С. 29–42, 141–162]. Однако такие формы организации читательской аудитории являются по отношению к ней внешним фактором, в данном же случае речь идет прежде всего о формах самоорганизации.

Ученическая аудитория являлась одним из самых широких сегментов читательской аудитории Российской империи рассматриваемого периода [10. С. 27]. Создание самостоятельных журналов в этой среде происходило,

¹ Работа выполнена при поддержке научного проекта 8.1.10.202, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

в том числе и как результат создания каких-либо организаций: кружков, творческих встреч и т.д. Эта сторона читательской активности в регионах изучена слабо, хотя имеются отдельные исследования [9. С. 127–139, 179–206, 208–221]. Рассмотреть возможные подходы к изучению указанного вопроса и призвана настоящая статья.

Методология и методика исследования

Литературным кружкам и объединениям российской периферии посвящено не так уж много исследований. Собственно, и рассмотрение столичных явлений такого рода нельзя назвать очень активным, хотя имеется целый ряд фундаментальных работ [11, 12]. Возникает вопрос: можно ли использовать разработанный в рамках этих трудов инструментарий для анализа смежной сферы – читательской активности, которая иногда принимала формы читательских литературных кружков, самодетельных журналов и т.д. В словаре Манфреда Шрубы «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов» выделены следующие типы литературных объединений: общества, кружки, салоны, псевдогруппировки, «фантастические» общества и творческие группировки. При этом специально оговорено, что любительские литературные общества не рассматриваются [12. С. 8], а указанные выше читательские общества относятся, надо полагать, именно к ним. Имеется и критика этих определений [13], но в данном случае ее можно пока не принимать во внимание, так как это уже инструмент для более тонких исследований; в данном же случае речь идет пока о возможности изучения в принципе.

Для работы потребуются следующие определения, данные в справочнике М. Шрубы [12. С. 7]:

«– *общества* (товарищества, союзы и т.п.): постоянно действующие объединения лиц, преследующих определенные цели и связанных друг с другом формально – уставом или положением, регулирующим вопросы состава членов, средств организации, порядка собраний и т.п. Характерная для данного типа объединений формальная структура рассчитана в большинстве случаев на легализацию (официальную регистрацию, утверждение устава властями и т.д.);

– *кружки*: группы литераторов, регулярно собирающихся для совместных занятий и объединенных общей тематической, эстетической, поэтологической, мировоззренческой и т.п. установкой (формулируемой, как правило, главой группы) или местом встреч ее членов (квартира руководителя, редакция журнала и т.п.). Кружок сродни обществу единством целей; от общества кружок отличается отсутствием формальной структуры;

– *салоны* (журфиксы, вечера и т.д.): регулярные встречи, проходящие в дни приемов для ограниченного, литературно и художественно заинтересованного круга людей, «вхожих» в дом хозяйки или хозяина. Салон близок кружку наличием центральной, объединяющей участников личности; разница между ними — в менее жестком составе участников;

– *псевдогруппировки*: фиктивные объединения (Лучисты, Орфисты); “группы”, состоящие из одного человека (Сциентисты, Сэнсэристы); объединения, так и не созданные и бытовавшие лишь в виде названия (Импрессионисты, Кларисты);

– *“фантастические” общества* (ремизовское Обезвельволпал и хлебниковское Общество председателей земного шара), имеющие немаловажное значение для русской культуры рассматриваемого периода;

– творческие группировки (Акмеисты, Кубофутуристы, Символисты, Эгофутуристы), выдвинувшие принципы соответствующих литературных направлений».

Наиболее существенны для избранной темы первые четыре типа объединений. Если структурировать основные признаки этих типов, то они будут выглядеть примерно так:

– общества:

а) постоянно действующие;

б) имеющие общие цели;

в) связанные друг с другом формально (устав, положение, средства организации, членство и т.д.);

– кружки:

а) постоянно действующие;

б) имеющие общие цели;

в) отсутствие формальной структуры;

– салоны:

а) постоянно действующие;

б) имеющие общие цели;

в) менее жесткий состав участников;

– псевдогруппировки:

а) регулярность не установлена или установлено ее отсутствие

б) имеющие общие цели;

в) состав участников может сводиться к одному человеку.

Как видно, основные различия будут касаться форм и структуры связей внутри рассматриваемой группы, а также (в меньшей степени) регулярности контактов между ее членами. При этом наличие общей цели является обязательным признаком всех типов объединений.

Кроме того, важно отметить и следующий факт. Часть ученических обществ, занимавшихся, в числе прочего, изданием самостоятельных журналов, имела абсолютно явственный политический характер и являлась собственно политическими обществами, которые занимались в том числе и пропагандой соответствующих взглядов через публикацию самостоятельных журналов. К специфике этих изданий можно отнести: отчетливо выраженную политическую направленность, характер текстов, нередко носящих пропагандистский характер, наличие четко очерченного круга единомышленников и соответствующей организационной структуры, выражавшейся в наличии членства, ссудной кассы, иногда – общей библиотеки с соответствующим подбором литературы. Для ученических кружков тако-

го рода нередкий сопутствующий признак – «курирование» со стороны старших товарищей – обычно студентов вузов, являвшихся, к примеру, членами партии социалистов-революционеров [14]. Эта очевидная специфика должна выводить такие издания в отдельный класс, и основание здесь заключается в том, что такого рода издания не являлись литературными, а литературная (например, журналистская) деятельность была для них лишь инструментом достижения цели. Следовательно, они не входили в приведенную классификацию в принципе – и именно это в данном случае важно, так как позволяет провести четкую границу в типологии рассматриваемых изданий.

Источники

В настоящий момент известно о нескольких самодеятельных журналах, выпускавшихся учащимися средних учебных заведений Томска в конце XIX – начале XX в. Часть из них более или менее изучена, о части сохранились лишь упоминания в публикациях или архивных документах, но не сами номера журналов.

Известно о ряде самодеятельных журналов, выпускавшихся учащимися Томской духовной семинарии. Так, в 1896 г. выходили подпольные журналы «Семинарский листок» и «Молодая семинария»; о них сохранились архивные документы [15. Л. 63]. Лишь упоминания имеются об издании «Робкие голоса», также выпускавшемся семинаристами, не установлен даже точный год выпуска [16. Л. 11]. Пока невозможно точно сказать, выпускался ли в действительности в 1902–1903 гг. журнал «Семинарская заря», которому было посвящено отдельное исследование [17]. Журнал «Союз», вышедший в 1907 г., также не сохранился, однако имеются архивные документы, позволяющие реконструировать его содержание, состав редколлегии и методы работы [16].

До наших дней дошли отдельные номера следующих изданий: «Товарищ» (1911–1912 гг., 1-е Сибирское коммерческое училище); «Мысли учащихся средней школы» (1916–1917 гг., Политехническое училище), «Лес» (1917 г., группа учащихся) и «Родная Сибирь» (1918–1919 гг., краеведческий кружок). Об этих изданиях уже имеются опубликованные исследования [6, 7], поэтому здесь можно не приводить детальную характеристику. Краткая характеристика перечисленных изданий приводится в таблице.

Исследование

Основные данные об источниках представлены в таблице, полужирным шрифтом выделены те издания, с которыми удалось познакомиться *de visu*. Во второй половине таблицы в виде условных обозначений приведены данные о перечисленных источниках, в соответствии с признаками, обозначенными в разделе «Методология и методика исследования».

**Самодельные ученические журналы Томска конца XIX – начала XX в.
и их типологические признаки**

Заглавие	Издатель	Время и особенности	Регу- лярность	Цели	Связи
«Семинарский листок», «Молодая семи- нария»	Студенты Том- ской духовной семинарии	1896 г., декабрь. Под- польные газеты. Биб- лиотека, ссудная касса. Политические издания	+	+	+
«Робкие голоса»	Студенты Том- ской духовной семинарии	Информация отсут- ствует	?	?	?
«Семинарская заря»	Студенты Том- ской духовной семинарии	1902–1903. Известен по архивным доку- ментам. Подан как литературный и научный, но прове- рить невозможно в силу отсутствия соб- ственно изданий	?	?	?
«Союз»	Студенты Том- ской духовной семинарии	1907 г. Орган отде- ления Всероссий- ского общесеминар- ского союза. Биб- лиотека, сбор денег на гектограф и жур- нал. Регулярные встречи. Политиче- ское издание	+	+	+
«Товарищ»	1-е Сибирское коммерческое училище	1911–1912 г. Данных об организационной структуре нет. Лите- ратурный	?	+	?
«Мысли уча- щихся средней школы»	Политехническое училище	1916–1917 г. Обще- ученический (уча- щиеся средних учебных заведений Томска), литератур- ный	+	+	+
«Лес»	Учащиеся	1917 г. Известны только псевдонимы. Данных об органи- зационной структуре нет. Литературный	–	+	?-
«Родная Сибирь»	Краеведческий кружок (женская гимназия, Алексе- евское реальное училище)	1918–1919 г. Об- ластническое влия- ние. Библиотека, членские взносы. Регулярные встречи. Литературный	+	+	+

Знаком «+» обозначено наличие признака, знаком «-» – его отсутствие, а знак «?» обозначает случай, когда недостаточно достоверной информации для однозначного ответа на вопрос, имел ли место искомый признак.

Кратко прокомментируем то, что в таблице отображено. Прежде всего, о некоторых изданиях, как уже было сказано, просто недостаточно информации, поэтому развернутый комментарий по ним не представляется возможным. Более или менее полные сведения можно собрать по следующим журналам:

«Союз». Томская духовная семинария. Постоянно действующие: да. Орган Томского отдела Всероссийского общесеминарского союза, следовательно, являлся органом политической организации. В ее составе было около 40 человек, собирались членские взносы, проводились сходки, имелась библиотека, был приобретен гектограф. То есть, имелась формальная структура. Регулярность: вышло два номера журнала, но есть сведения о нескольких «сходках» членов организации.

Широта связей. Как минимум были установлены связи с центральной организацией Всероссийского общесеминарского союза: в первом номере содержался отчет Томского отдела с припиской «посланный в ЦК». В одной из резолюций указывалось, что в качестве устава Томского отдела был принят устав, предложенный Вятской организацией. Дискутировались вопросы об установлении связей с «товарищами епархиалками» – ученицами епархиального женского училища. Также предполагалось обратиться к местным отделениям социал-демократической партии и партии социалистов-революционеров «с просьбой дать лекторов». То есть журнал «Союз» представлял собой классическую модель молодежного кружка при политической партии, что определило соответствующее содержание и назначение журнала.

«Товарищ». Первое Сибирское коммерческое училище цесаревича Алексея. Постоянно действующие: вероятно. Был ориентирован на довольно узкую аудиторию: изначально заявлялся как журнал, издававшийся учащимися старших классов. Формальной структуры, вероятно, не было. О регулярности сведений нет, сохранился только один номер журнала. При этом обращает на себя внимание техника воспроизведения – это литография с машинописи (кроме шахматного отдела, где представлена литография с рукописи), выполненная в типографии Сибирского товарищества печатного дела. Одна из крупнейших типографий города, очевидно, не выполняла заказы даром, поэтому следует предполагать либо поддержку со стороны преподавателей, либо связи кого-то из учащихся с представителями типографии. В любом случае это свидетельство довольно широких связей организаторов журнала.

«Мысли учащихся средней школы». Политехническое училище. Постоянно действующие: да. Обращает на себя внимание заключительный раздел в известном на настоящий момент номере. Он озаглавлен «Хроника школьной жизни» и размещен на последней странице, перед оглавлением. Там сообщается, что «в 1916–1917 учебном году при Политехническом

училище в г. Томске образовался ученический «Литературный кружок». Далее идет подробное описание деятельности кружка: написание и чтение рефератов, литературные суды, постановки пьес. Завершается раздел сообщением о митинге учащихся 4 марта 1917 г., на котором был избран школьный комитет, «имеющий целью объединение учащихся всех средних учебных заведений г. Томска». Скорее всего, журнал «Мысли учащихся средней школы» являлся органом рассматриваемого кружка, тем более что руководителем от преподавателей был Н.К. Бауман – преподаватель именно Политехнического училища. Таким образом, регулярность встреч очевидна: они происходили как минимум на протяжении одного учебного года. Однако при этом жесткой формальной структуры не существовало, это было скорее объединение по интересам.

Отметим в скобках, что традиции издания самостоятельных журналов в Политехническом училище имелись: журнал «Товарищ» издавался именно там, только в тот период учебное заведение функционировало как Первое Сибирское коммерческое училище (1904–1912 гг.). Важной представляется техника воспроизведения издания: это типографский набор, номер отпечатан в типографии Томского губернского правления. Как и в случае журнала «Товарищ», это может говорить о наличии контактов с соответствующей типографией и финансовых средств для оплаты производства тиража.

Если говорить о широте связей кружка, то она вполне сравнима с таковой для отдельных «взрослых» изданий. Так, судя по оглавлению, в номере представлены не только работы учеников старших классов (5–8-е кл.), но также работы учащихся из других городов (Барнаул), в том числе и городов за пределами Сибири (Калуга).

«Лес». Постоянно действующие: маловероятно, сохранившийся номер журнала – второй, стало быть, их было как минимум два, но о дальнейшей судьбе издания неизвестно. Интересно, что на обороте нижней сторонки обложки указана цена: 15 коп. за номер, т.е. как минимум предполагалась продажа журнала. Издан на гектографе, поэтому тираж мог составлять до 100 экз.

О широте связей редколлегии говорить вряд ли приходится: хотя издание заявлено как «еженедельный журнал для юношества», достоверно известно только о двух активных сотрудниках: это «редактор-издатель Черный Ястреб» и «сотрудник Орион, один человек». Формальная структура, вероятно, отсутствовала. Вероятность регулярных встреч сотрудников журнала высока (хотя бы по техническим причинам).

«Родная Сибирь». Краеведческий кружок. Постоянно действующие: да. В одном из сохранившихся номеров журнала приводится отчет о деятельности журнала «Родная Сибирь» за 1918/19 г. Подробно о составе редколлегии, содержании номеров и способах тиражирования уже была публикация [7]. Отметим следующие признаки регулярности: наличие встреч («Проведено два собрания лиц, причастных к журналу»), наличие собственной библиотеки (количество книг в ней на протяжении отчетного периода увеличилось со 100 до 225, а читателями были 30 человек). Имелось руководство журналом со стороны «старших товарищей»; в отчете назва-

ны две фамилии: П. Леонов и А. Баландин. Вышло как минимум пять номеров, что говорит о высоком уровне организованности членов кружка. Формальной структуры не было, но связи между членами кружка были довольно сильны, о чем свидетельствуют наличие учета читателей и относительно регулярные собрания.

Если говорить о широте связей кружка, отметим тот факт, что в одном из номеров было опубликовано не печатавшееся ранее стихотворение Н.А. Некрасова; текст предоставил А.В. Адрианов, благодарность которому и была выражена. Таким образом, имелись связи не только внутри сообщества учащихся, но и со «взрослыми» представителями областничества. Техники воспроизведения: рукопись, гектограф, литография. Деньги добывали самостоятельно, в отчете описывается движение сумм.

В целом видно, что устойчивостью и регулярностью работы отличались те ученические издания, которые так или иначе имели регулярную поддержку со стороны взрослых. Трудно сказать, была ли такая поддержка у журнала «Лес»; малочисленность редколлегии крайне небольшой объем издания (8 лл.) говорят, скорее, об обратном.

Обсуждение результатов исследования

Из приведенных данных становится видна разница между организационной структурой и способами функционирования перечисленных изданий. К сожалению, информация есть не везде, но при ее наличии можно провести определенные разграничения.

Так, к изданиям политических обществ однозначно следует отнести журнал «Союз», который по определению являлся органом томского отделения Всероссийского семинарского союза. Высока вероятность того, что также политическими изданиями являлись «Семинарский листок» и «Молодая семинария». На принадлежность их к обществам указывает наличие признаков четкой структуры: общественная библиотека, ссудная касса, а на политический характер – реакция семинарского начальства на обнаружение этих изданий, заключавшаяся в исключении из семинарии участников издания, а в некоторых случаях – и временное закрытие семинарии. Вероятно, сюда же следует отнести и «Робкие голоса», но здесь выводы делать затруднительно из-за отсутствия информации (сохранились только упоминания об издании, характеристики нет).

К литературным изданиям однозначно относятся журналы «Товарищ» и «Лес». Сведений о модели их функционирования нет, но судя по составу авторов, следует отнести их к разным категориям из вышеописанных. Так, «Лес» в силу крайне узкого круга авторов, вероятно, можно отнести к органам псевдогруппировок: не исключено, что выпуском журнала занимались один-два человека. Круг авторов «Товарища» значительно шире, как и тематическое и жанровое разнообразие размещенных в нем текстов. По приведенной выше классификации его, возможно, имеет смысл отнести к категории органов, выпускавшихся кружками.

«Мысли учащихся средней школы» имеют ярко выраженную специфику, обусловленную наличием контроля за изданием со стороны преподавательского состава. Однако ряд признаков (типологическая принадлежность журнала к литературно-художественным по составу текстов, относительная регулярность выпуска – известно как минимум о двух номерах журнала и широкий состав авторов) позволяют говорить об этом издании как об органе кружка учащихся.

Особое место среди этих изданий занимает «Родная Сибирь». По составу текстов это литературно-художественный журнал. При этом он имеет довольно отчетливую областническую специфику и ряд признаков, роднящих его с изданиями политических союзов и партий. К ним можно отнести: четкую организационную структуру, наличие членских взносов и библиотеки «сибирской литературы», руководство со стороны студентов томских вузов. Если классифицировать эту деятельность исключительно как литературную, то следует отнести «Родную Сибирь» к изданиям, выпускавшимся литературными обществами. Отметим, что по информации, имеющейся на данный момент, это издание являлось также наиболее «долгоиграющим» из известных сейчас: существует информация о выходе как минимум пяти номеров, что очень неплохо для самостоятельного издания.

Также следует отметить, что в Томске существовали учебные заведения, в которых самостоятельные журналы и группы учащихся, их выпускавшие, создавались регулярно. К таким учебным заведениям относятся в первую очередь Томская духовная семинария и Политехническое училище. Если в семинарии зарегистрировано создание в первую очередь политических изданий, то в Политехническом училище выпускались журналы литературного содержания. Это не значит, что в других учебных заведениях города такая деятельность отсутствовала – возможно, мы просто не имеем данных о других изданиях, не дошедших до наших дней. Кроме того, в рассмотренных выше журналах принимали участие и представители других учебных заведений, например частной гимназии Миркович. Кроме того, могли существовать и другие издания в указанных учебных заведениях, но о них в настоящее время ничего неизвестно.

Выводы

Таким образом можно заключить, что инструментарий, предложенный исследователями для изучения профессиональных литературных обществ, позволяет исследовать также и общества, являющиеся любительскими. Это важно, поскольку исследование читательской рецепции в принципе представляет собой серьезную исследовательскую проблему в силу ограниченности источников и слабой методологической разработки. Между тем использование такого источника, как самостоятельные журналы, дает возможность выявить различные формы читательского поведения и формирования различных видов активности, в том числе – весьма сходных типологически с организационными формами, бытовавшими в профессиональной литературной среде.

Разумеется, отличия от профессиональных объединений не могли не существовать; конечно, любительские объединения не могли быть такими же устойчивыми и типологически разнообразными, как таковые у профессиональных литераторов. Именно поэтому наиболее часто встречающейся формой являлся кружок, не предполагавший наличия формальной структуры (журналы «Товарищ», «Мысли учащихся средней школы»). Узость состава участников, нередкая, видимо, среди изданий такого рода, предопределила и существование псевдогруппировок, выпускавших самодетельные издания; в их состав могли входить один-два человека («Лес»).

Однако имелись среди самодетельных объединений и такие, которые можно классифицировать как общества («Родная Сибирь»). Ряд признаков роднит их с объединениями политического характера, которые выходят за рамки рассматриваемого явления. Характерным признаком таких изданий является их довольно устойчивый характер – в сравнении с изданиями, которые выпускали кружки или псевдогруппировки.

Наконец, в соответствии с содержанием рассмотренных журналов следует выделять и группу политических изданий, являвшихся органами политических кружков. Среди описанных к таковым относится журнал «Союз».

Литература

1. *Балашова Ю.Б.* Школьная журналистика Серебряного века. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 114 с.
2. *Халиуллина М.С.* История развития и условия функционирования детско-юношеских самодетельных изданий Оренбургского края (1878–2011 гг.) // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск, 2012. С. 199–205.
3. *Рушанин В.Я.* Печатные и рукописные издания уральской учащейся молодежи в 1859–1917 гг. Челябинск : Изд-во ЧГАКИ, 2011. 164 с.
4. *Еремин А.И.* Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. История России. 2013. № 10 (111). С. 18–42.
5. *Ляровский А.Б.* «Мы сами создали себе свой мир...»: школьные рукописные газеты и журналы начала XX века как фактор социализации // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 179–196.
6. *Жиякова Н.В., Шевцов В.В.* Журнал «Товарищ» (1911/12 г.): опыт разработки типологической модели издания для учащейся молодежи в журналистике Томска начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 139–153.
7. *Есипова В.А., Шевцов В.В.* Томские самодетельные журналы в процессах культурной идентификации учащейся молодежи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5. С. 147–160.
8. *Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.).* Томск, 2014. 416 с.
9. *Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: учеб. пособие.* Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. 226 с.
10. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 448 с.
11. *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л. : Прибой, 1929. 312 с.

12. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: словарь. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 448 с.
13. Лаппо-Данилевский К.Ю. Кружки, салоны... Как и что изучать? // Von Wengen (От немногих). СПб., 2008. С. 59–76.
14. Иценко О.В. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 4/3. С. 103–110.
15. РГИА. Ф. 802 (1902 г.). Оп. 10. Д. 67.
16. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181.
17. Есипова В.А. Ученический журнал «Семинарская заря»: опыт типологического анализа по косвенным данным // Вестник ТГУ. Филология. 2019. № 60. С. 234–246.

Tomsk Amateur Student Magazines as a Source for the Reconstruction of Reader Activity Organizational Forms: To the Statement of the Problem

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 298–309. DOI: 10.17223/19986645/68/15

Valeria A. Esipova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

Keywords: reader associations, student magazine, Siberian pre-revolutionary journalism.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme, Project No. 8.1.10.202.

Amateur student magazines have recently attracted researchers' attention. It seems that the potential of such sources can be used to study the problems of reading reception and reader behavior. These problems have been little studied in principle, including due to the lack of a sufficient body of relevant sources and poorly developed research methods. One of the questions here is what the organizational forms of reader activity were. The aim of the article is to reveal the source study capabilities of amateur student magazines in Tomsk in the late 19th and early 20th centuries and to analyze how they can be used to reconstruct the reader community's forms of activity. Eight amateur student magazines published in Tomsk in the late 19th and early 20th centuries were examined: *Seminar'skiy Listok*, *Robkie Golosa*, *Seminar'skaya Zarya*, *Soyuz*, *Tovarishch*, *Mysli Uchashchikhsya Sredney Shkoly*, *Les*, and *Rodnaya Sibir*. Some magazines are available de visu, some are known only from archival sources and publications. The research methodology is based on the classification of literary associations by Manfred Shrub. It is proposed to use the available classifications to study forms of reader activity. The most significant for the chosen topic are definitions of societies, circles, salons, and pseudo-groups. Their attributes were structured and applied to the sources listed above. The sources were classified according to the presence of purpose, regularity of meetings and breadth of connections. The types of publishing associations were revealed: societies, circles, pseudo-groups. The analysis leads to a conclusion that the toolkit proposed by researches for the study of professional literary societies allows us to study amateur societies as well. It becomes possible to identify various forms of reading behavior and the formation of various types of activity, including those that were very typologically similar to organizational forms that existed in the professional literary environment. Amateur associations could not be as stable and typologically diverse as those of professional writers. That is why the most common form was a circle that did not imply a formal structure. The narrow composition of the participants predetermined the existence of pseudo-groups that issued amateur magazines; they could include one or two members.

References

1. Balashova, Yu.B. (2007) *Shkol'naya zhurnalistika serebryanogo veka* [School Journalism of the Silver Age]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

2. Khaliullina, M.S. (2012) *Istoriya razvitiya i usloviya funktsionirovaniya detskoyunosheskikh samodeyatel'nykh izdaniy Orenburgskogo kraya (1878–2011 gg.)* [History of the Terms and Conditions of Functioning of the Children and Youth Amateur Publications of Orenburg Region (1878–2011)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2. pp. 199–205.
3. Rushanin, V.Ya. (2011) *Pechatnye i rukopisnye izdaniya ural'skoy uchashcheysya molodezhi v 1859–1917 gg.* [Printed and Handwritten Editions of the Ural Student Youth in 1859–1917]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.
4. Eremin, A.I. (2013) The Mentality of Provincial Gymnasium Students in early XX century (On the Basis of the Hand-written Journal “School Leisure Activities”). *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki. Istoriya Rossii” – RSUH/RGGU Bulletin. Series: Historical Studies, History of Russia*. 10 (111). pp. 18–42. (In Russian).
5. Lyarskiy, A.B. (2014) “We Created Our Own World by Ourselves...”: Early 20th Century School Handwritten Press as a Factor of Socialization. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 179–196. (In Russian).
6. Zhilyakova, N.V. & Shevtsov, V.V. (2016) The magazine *Tovarishch* (1911/12): an experience of the development of a typological model of a periodical for pupils in Tomsk journalism at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (44). pp. 139–153. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/44/10
7. Esipova, V.A. & Shevtsov, V.V. (2016) Tomsk amateur journals in the process of students’ cultural identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5. pp. 147–160. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/11
8. Esipova, V.A. & Vorob'eva, T.L. (eds) (2014) *Knizhnaya kul'tura Tomsk (XIX – nachalo XX v.)* [Book Culture of Tomsk (XIX – early XX centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Vorob'eva, T.L. (ed.) (2020) *Problema chitatelya v Tomske i Tomskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.* [The Problem of the Reader in Tomsk and Tomsk Province at the End of the XIX – Beginning of the XX Century]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Aronson, M. & Reyser, S. (1929) *Literaturnye kruzhki i salony* [Literary Circles and Salons]. Leningrad: Priboy.
12. Shruba, M. (2004) *Literaturnye ob"edineniya Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: slovar'* [Literary Associations of Moscow and Petersburg in 1890–1917: dictionary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Lappo-Danilevskiy, K.Yu. (2008) *Kruzhki, salony... Kak i chto izuchat'?* [Circles, salons... How and what to study?]. In: Kostin, A.A. (ed.) *Von Wengen (Ot nemnogikh)* [Von Wengen (From the few)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma. pp. 59–76.
14. Ishchenko, O.V. (2008) Organization of pupil's circles of Siberia in the beginning of the 20th century. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4/3. pp. 103–110. (In Russian).
15. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 802 (1902). List 10. File 67. (In Russian).
16. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 411. List 1. File 181. (In Russian).
17. Esipova, V.A. (2019) The *Seminskaya Zarya* student magazine: an experience of typological analysis by indirect data. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 60. pp. 234–246. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/60/15

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНИСИМОВА Евгения Евгеньевна – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (г. Красноярск).
E-mail: eval393@mail.ru

БАЛЬ Вера Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.
E-mail: balverbal@gmail.com

ГРОМОВА Екатерина Борисовна – ст. преподаватель кафедры журналистики Филиала Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в г. Севастополе.
E-mail: katya-64@inbox.ru

ДОБРИНИНА Альбина Альбертовна – канд. филол. наук, науч. сотр. лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).
E-mail: ekinur@mail.ru

ДЫБО Анна Владимировна – д-р филол. наук, чл.-кор. Российской академии наук, зав. отделом урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук (г. Москва); зав. лабораторией лингвистической антропологии Томского государственного университета); профессор Института классического Востока и Античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).
E-mail: adybo@mail.ru

ЕРШОВ Юрий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Филиала Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в г. Севастополе.
E-mail: postoffice049@gmail.com

ЕСИПОВА Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, зав. сектором изучения и раскрытия фонда Научной библиотеки Томского государственного университета.
E-mail: esipova_val@mail.ru

ЖАКУПОВА Айгуль Досжановна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии и библиотечного дела Кокчетавского университета им. Ч. Валиханова (Казахстан).
E-mail: aygul.zhakupova@yandex.kz

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: emmaluk@yandex.ru

ЗАДОРИНА Алена Олеговна – канд. филол. наук, доцент кафедры культурологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск).
E-mail: amaltea-20x@yandex.ru

КРЫЛОВ Вячеслав Николаевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: krylov77@list.ru

КУЧУМОВА Мария Олеговна – соискатель кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: marleontieva@gmail.com

ЛЫТАЕВА Мария Александровна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).
E-mail: lytaeva_ma@mail.ru

ЛЮКИНА Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).
E-mail: eliouki@mail.ru

МАЛЫЦЕВА Вера Сергеевна – мл. науч. сотр. отдела урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук (г. Москва); мл. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета.
E-mail: malt.wh@gmail.com

НИКОЛАЕВ Сергей Львович – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва); вед. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета.
E-mail: sergenicko@mail.ru

НОРМАНСКАЯ Юлия Викторовна – д-р филол. наук, зав. лабораторией «Лингвистические платформы» Института системного программирования им. В.П. Иванникова (г. Москва); вед. науч. сотр. отдела урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: julianor@mail.ru

НУЖА Ирина Витальевна – канд. пед. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).
E-mail: inuzha@hse.ru / irina.nuzha@gmail.com

ПАВЛОВИЧ Кристина Константиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

РЫЖИКОВА Татьяна Раисовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).
E-mail: tanya12@mail.ru

СЕЛЮТИНА Ираида Яковлевна – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).
E-mail: siya_irina@mail.ru

СКЛЯРОВА Наталья Геннадиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: panochka@bk.ru

СМИРНОВА Наталья Викторовна – канд. пед. наук, ст. преподаватель департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).
E-mail: natas2002@yandex.ru

СУЛТРЕКОВА Эльвира Валериевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета.
E-mail: el_kyr@mail.ru

ТИМОФЕЕВА Мария Кирилловна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела ВТК Федерального исследовательского центра информационных и вычислительных технологий (г. Новосибирск); ст. науч. сотр. лаборатории логических систем Института математики им. С.Л. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).
E-mail: mtimof@inbox.ru

УРТЕГЕШЕВ Николай Сергеевич – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).
E-mail: urtegeshev@mail.ru

ХАЧЕРЕСОВА Любовь Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения Пятигорского государственного университета.
E-mail: lyubov_khach2000@mail.ru

ШЕЙМОВИЧ Александра Валерьевна – мл. науч. сотр. отдела урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук (г. Москва); науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета.
E-mail: asheimovich@yandex.ru

ЩЕМЕЛЕВА Ирина Юрьевна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).
E-mail: shhemirina@yandex.ru

ЮРИНА Елена Андреевна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва); профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: yourina2007@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2020. № 68

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.12.2020 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 19,6; усл. печ. л. 25,5. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4532.

Дата выхода в свет 14.01.2021 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru